Роберт ХАЙНЛАЙН

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Роберт ХАЙНЛАЙН

Роберт

ХАЙНЛАЙН

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Сборник
научно-фантастических произведений

Перевод с английского

Составитель Е. А. Девис

Москва ТПО «Кириллица» 1992

ББК 84.7США
Х15
УДК 629.78

Хайнлайн Р.
Х15 Космический патруль: Пер. с англ. — М.: ТПО Кириллица, 1991.— с. 496.

ISBN 5-87880-007-1

В сборник произведений классика американской фантастики Р. Хайнлайна включены роман «Космический патруль», повесть «Если это будет продолжаться...» и ряд рассказов.

ISBN 5-87880-007-1

© состав, оформление, «Кириллица», 1991

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ *

I

БАЗА НА ТЕРРЕ

Не в силах скрыть радостного изумления, он смотрел на документ, который держал в руке.

«Мэттью Бруксу Додсону,— было написано в документе.— Примите наши поздравления с успешным завершением отборочных тестов, необходимых для того, чтобы стать кандидатом для поступления в школу Межпланетной Патрульной службы. Вам надлежит прибыть к начальнику базы на Терре не позже первого июля 2075 года. База расположена в штате Колорадо Северо-Американского Союза, космопорт Санта-Барбара. Там Вам предстоит пройти дальнейшие испытания и тесты.

Предупреждаем, что большинство кандидатов, приезжающих для прохождения испытаний, не выдерживает их, поэтому Вам следует...»

Мэтт бережно сложил письмо и спрятал его в сумку на поясе. Ему не хотелось думать о вероятности неудачи. Сидевший рядом пассажир — юноша примерно такого же возраста — с любопытством взглянул на него.

— Судя по письму, которое вы читали, вас тоже зачислили в кандидаты?

— Да.

---

*© перевод на русский язык И. Почиталина

— Дай пять! Поздравляю! Меня зовут Текс Джермэн, я из Техаса.

— Рад знакомству! Я — Мэтт Додсон, из Де-Мойна.

— Привет, Мэтт! Мы должны вот-вот при...— Вагон замедлил ход и остановился со скрипом тормозов. Кресла качнулись вперед от быстрого торможения, затем откинулись назад.

— Прибыли! — закончил свою фразу Джермэн.

На телевизионном экране перед ними, где белокурая красотка только что демонстрировала преимущества Суперзвездного мыла Соркина, появилась надпись: «СТАНЦИЯ «БАЗА ТЕРРА». Юноши схватили рюкзаки и выскочили из вагона. Еще через мгновение они стояли на эскалаторе, несущем их вверх, на поверхность.

На расстоянии в полумиле от станции, отчетливо видные в прозрачном, холодном воздухе, вырисовывались здания Хэйуорт Холла, земной штаб-квартиры знаменитой Патрульной Службы. Мэтт остановился, не в силах оторвать глаз от высоких зданий. Ему не верилось, что он наконец-то видит их.

— Пошли,— подтолкнул его Джермэн.

— Что? Ну, конечно.— От станции в направлении Хэйуорт Холла протянулась пара движущихся дорожек; юноши встали на ту, что двигалась в направлении к зданиям. На дорожку выходило все больше и больше юношей, поднимающихся на поверхность из подземной станции. Мэтт обратил внимание на двух молодых людей со смуглыми лицами в высоких тюрбанах на головах; в остальном они были одеты как и все остальные. Позади них он заметил высокого стройного юношу с совершенно черным лицом.

Парень из Техаса засунул большие пальцы рук за пояс и оглянулся.

— Бабушка, готовь еще одного цыпленка! — произнес он, улыбаясь.— У нас гости к обеду. Между прочим,— добавил он, говоря про обед,— надеюсь, они не будут слишком уж тянуть с ним. Я чертовски проголодался.

Мэтт достал из кармана плитку шоколада, переломил ее пополам и протянул Тексу.

— Спасибо, Мэтт. Ты настоящий друг. Я ничего не ел с самого завтрака. Слушай-ка, звонит твой телефон!

— Верно.— Мэтт сунул руку в поясную сумку и достал телефонную трубку.— Алло?

— Это ты, сынок?— послышался голос отца.

— Да, папа.

— Благополучно добрался?

— Да. Сейчас должен прибыть на место и сдать документы.

— Нога тебя не беспокоит?

— Нет, папа, с ногой все в порядке.— Мэтт покривил душой: правая нога, на которой ему была сделана операция по устранению дефекта ахиллова сухожилия, болела не переставая.

— Отлично. Слушай, Мэтт, если у тебя возникнут трудности с зачислением в курсанты, не падай духом. Сразу же позвони мне и...

— Обязательно, папа,— прервал его Мэтт.— А сейчас извини — мне придется закончить разговор. Меня окружает много людей. Спасибо, что позвонил.

— До свидания, сынок. Счастливо.

Текс Джермэн с участием посмотрел на него.

— Родные беспокоятся? А вот я обманул своих — спрятал телефон в рюкзаке.

Движущийся тротуар начал описывать широкую дугу, поворачивая обратно к станции; они сошли вместе с остальными юношами перед Хейуорт Холлом. Текс остановился перед огромными дверями здания.

— Что значит эта надпись, Мэтт?— спросил он.

— "Quis custodiet ipsos custodes".— Это по-латыни и переводится примерно так: «Кто будет сторожить сторожей?»

— Ты что, знаешь латинский, Мэтт?

— Нет, просто когда-то прочитал это выражение в книге о Патрульной Службе.

Круглый зал Хэйуорт Холла был огромен и казался даже еще больше, чем в действительности, потому что, несмотря на яркое освещение внизу, куполообразный потолок не отражал света — он был совершенно черным, как в зимнюю полночь,— черным и усеянным звездами. На куполе зала виднелись знакомые звезды — блистающий Орион рядом со вскинутой головой Тауруса; очертания Большой Медведицы на северо-

восточном горизонте; чуть к югу, почти прямо над головой, сияли семь звезд Плеяд в созвездии Тельца.

Впечатление, что ты находишься под ночным звездным небом, было поразительным. Освещенные стены и пол, по которому ходили, толпились и разговаривали люди, казались не более чем узким кольцом света, кругом тепла и уюта, резко контрастируя с ужасающей глубиной космического пространства, подобно повозкам переселенцев, собравшимся вместе для ночевки под безоблачным темным небом пустыни.

У юношей, как и у всех, кто видел это в первый раз, перехватило дыхание. Однако они не успели остановиться, потому что их внимание привлекло нечто иное. В центре зала находилось широкое углубление, уходящее на много футов вниз; они стояли на балконе, опоясывающем зал, а внизу, под ними, виднелась огромная неглубокая шахта. В ее центре, на скалах, валунах и песке покоился искореженный космический корабль, будто совершивший вынужденную посадку, вынырнув из искусственного неба над головой.

— Это же «Килрой»,— произнес Текс, будто сомневаясь в своих словах.

— Наверно,— прошептал Мэтт.

Они подошли к поручням балкона и взглянули вниз, на мемориальную доску, установленную рядом:

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «КИЛРОЙ»
ПЕРВЫЙ МЕЖПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ

совершил полет к Марсу и обратно. Его команда: подполковник Роберт Симс, командир корабля; капитан Саул С. Эйбрамс; старшина Малькольм Мак-Грегор. Погибли во время посадки после возвращения на Землю. Мир их праху.

Они стояли рядом с двумя другими юношами и смотрели, не отрываясь, на разбитый корабль.

— Видишь канаву в грунте, которую он пропахал во время посадки?— толкнул Текс локтем Мэтта.— Как ты думаешь, здание построено прямо над местом катастрофы?

Один из двух юношей, стоявших рядом,— высокий широкоплечий парень с каштановыми волосами— заметил: «Нет, «Килрой» совершил посадку в Северной Африке».

— Значит, была сделана искусная реконструкция места катастрофы. А ты тоже кандидат?

— Да.

— Меня зовут Билл Джермэн. Я из Техаса, поэтому все называют меня Тексом. А это — Мэтт Додсон.

— Я — Оскар Йенсен. Мой товарищ — Пьер Арманд.

— Очень рад нашей встрече, Оскар. Привет, Пьер.

— Зови меня Пит,— улыбнулся Пьер. Мэтт обратил внимание, что Пьер говорит на английском языке с каким-то акцентом, но с какой он планеты, Мэтт определить не мог. Оскар тоже говорил как-то странно, слегка шепелявя. Он повернулся и посмотрел на корабль.

— Каким нужно быть смелым, чтобы отправиться в межпланетное путешествие на такой консервной банке,— заметил Мэтт.— Даже страшно подумать!

— Да, ты прав,— согласился Оскар Йенсен.— Мороз по коже.

— Подумать только, какая жалость! — прошептал Пьер.

— Ты о чем, Пит? — повернулся к нему Джермэн.

— Как жаль, что им так не повезло. Посмотрите на корабль — они совершили почти идеальную посадку. Если бы корабль врезался в землю, не осталось бы ничего, кроме глубокой ямы.

— Да, ты прав. Смотрите, ребята, вон лестница, по которой можно спуститься вниз, видишь, Мэтт? Может быть, сойдем вниз и осмотрим корабль поближе?

— Пожалуй,— произнес Мэтт,— но мне кажется, что лучше все-таки повременить с осмотром. Нам нужно сообщить о прибытии.

— Да, и нам тоже,— кивнул Йенсен.— Пошли, Пит.

Арманд наклонился и взялся за ремни рюкзака. Оскар оттолкнл его в сторону и поднял оба рюкзака — свой и Арманда.

— Это вовсе не обязательно! — запротестовал Арманд, но Оскар не обратил никакого внимания на его протест.

— Ты болен, Пит? — Джермэн внимательно посмотрел на Пьера.— Я заметил, что ты выглядишь каким-то усталым. В чем дело?

— Если ты болен,— вмешался Мэтт,— лучше попросить отсрочку.

На лице Арманда появилась смущенная улыбка.

— Он совершенно здоров и успешно выдержит все испытания,— отрезал Йенсен.— Оставьте его в покое.

— Конечно, конечно,— поспешно ответил Текс. Они повернулись и пошли вместе с потоком кандидатов. У объявления, гласившего, что всем необходимо явиться в комнату 3108 в третьем коридоре, они остановились. Затем нашли третий коридор, встали на движущуюся дорожку и опустили на нее свои рюкзаки.

— Послушай, Мэтт,— спросил Текс,— кто это — Килрой?

— Дай подумать. По-моему, он был героем Второй Глобальной войны, адмиралом.

— Странно, что космический корабль назвали именем адмирала.

— Килрой, «Бык» Килрой, был адмиралом космического флота.

— Слушай, да ты прямо ходячая энциклопедия! — с восхищением воскликнул Текс.— Думаю, мне надо держаться рядом с тобой во время экзаменов.

— Просто случайно запомнил это,— отмахнулся Мэтт.

В комнате 3108 красивая молодая девушка не приняла у них документы, а всего лишь попросила сделать отпечатки их больших пальцев. Затем она вложила пластинки с отпечатками в аппарат, стоявший рядом. Через мгновение оттуда появились листы с напечатанными на них инструкциями, на которых были их имена, присвоенные им серийные номера, отпечатки пальцев и фотографии. Там же указывались места их временного размещения и место в столовой.

Девушка передала им листы, попросила подождать в соседней комнате и внезапно отвернулась.

— Жаль, что все случилось так быстро,— пожаловался Текс, когда за ними закрылась дверь.— Я хотел спросить, не даст ли она мне номер своего телефона. Посмотри-ка,— заметил он, читая инструк-

ции.— Нам не оставили время для послеобеденного отдыха!

— А ты что, надеялся на это?— усмехнулся Мэтт.

— Нет, ну а вдруг?

В соседней комнате стояли ряды скамеек, на которых тесно сидели кандидаты. Джэрмэн остановился у скамейки, на которой лежали три больших чемодана, портативный освежитель и банджо в футляре. Рядом сидел юноша с розовыми щеками.

— Это твое?— спросил Текс.

Молодой человек неохотно кивнул.

— Ты не будешь возражать, если мы уберем твое барахло и сядем на скамейку?— поинтересовался Текс и, не ожидая ответа, принялся снимать чемоданы и ставить их на пол. Юноша мрачно смотрел на него и молчал.

На скамейке освободились места для троих. По настоянию Текса, его друзья сели, а сам Текс положил рюкзак рядом, опустился на него, опираясь спиной на колени Мэтта, и вытянул ноги перед собой. На ногах у него были одеты кожаные техасские сапоги, искусно сшитые и украшенные серебрянными бляшками.

Юноша, сидящий на другой стороне прохода, с удивлением посмотрел на сапоги с высокими каблуками, повернулся к соседу и громко прошептал:

— Свистать всех ковбоев наверх!

Текс фыркнул и попытался встать, но Мэтт положил руку ему на плечо и удержал его.— Не связывайся, Текс. У нас слишко много дел впереди.

— Верно,— кивнул Оскар,— не надо волноваться.

— Ну что ж, ладно,— Текс снова опустился на рюкзак.— И все-таки мой дядя Боди за такую дерзость сунул бы мерзавцу в рот его собственную ногу — и это самое меньшее.

Пьер Арманд наклонился вперед и прошептал на ухо Тексу:— Извини меня, но это действительно сапоги для езды на лошадях?

— Да уж не для катания на лыжах.

— О, ради Бога извини! Дело в том, что я никогда не видел лошадей.

— Что?

— А я видел,— вмешался Оскар,— в зоопарке.

— Лошадей — в зоопарке?

— Да, в зоопарке Нью-Окленда.

— А-а,— протянул Текс и улыбнулся.— Теперь понимаю. Ты из семьи венерианских колонистов! — Мэтт тут же вспомнил, где он слышал знакомый акцент, с которым говорил Оскар,— перед ними однажды выступал с лекцией ученый, приехавший с Венеры. Текс повернулся к Пьеру.— Пит, ты тоже оттуда?

— Нет, я...— начал Пит. Его прервал громкий голос, донесшийся из громкоговорителей.

— Прошу внимания! Тишина! Прошу внимания! — В углу зала стоял молодой человек, одетый в строгую светло-серую форму курсанта школы Космической Патрульной Службы.— Все, у кого нечетные серийные номера,— произнес он в ручной микрофон,— пройдут со мной. Возьмите с собой личные вещи. Четные номера останутся на местах.

— Нечетные номера?— повторил Текс.— Да это я! — воскликнул он и вскочил.

Мэтт посмотрел на свои инструкции.— И у меня нечетный номер!

Курсант прошел вдоль прохода рядом с ними. Мэтт и Текс не спускали с него глаз. Курсант шел, слегка пригнувшись, чуть-чуть расслабив колени, держа руки наготове. Его ноги мягко ступали по ковровой дорожке. Создавалось впечатление грациозной кошачьей походки; Мэтту казалось, что, если сейчас зал внезапно повернется вверх дном, курсант мягко приземлится на ноги и не потеряет равновесия, что, между прочим, было совершенно верно.

Мэтту захотелось ходить точно так же.

Когда курсант проходил мимо, юноша с многочисленными чемоданами схватил его за рукав.— Эй, мистер! — произнес он.

Курсан мгновенно повернулся, присел, затем спохватился и взглянул на юношу.

— В чем дело?

— У меня нечетный номер, но мне не унести одному весь свой багаж. Кто поможет мне?

— Никто.— Курсант с отвращением посмотрел на чемоданы.— И это все ваше?

— Да. Как мне поступить? Не могу же я оставить их здесь. Чемоданы могут украсть.

— Не понимаю, кому они могут понадобиться.—

Курсант коснулся чемодана носком ботинка.— Отнесите все свое добро обратно на станцию и отошлите домой. Или просто выбросьте.

Юноша смотрел на курсанта непонимающим взглядом.

— Рано или поздно вам все равно придется избавиться от лишнего веса,— терпеливо пояснил курсант.— В случае перелета на учебный космический корабль вы имеете право взять с собой двадцать фунтов груза.

— Но... предположим, я соглашусь отправить багаж домой. Кто возьмется за переноску моего багажа?

— Это ваше дело. Если вы хотите служить в космическом патруле, следует научиться самому решать возникающие проблемы.

— Но...

— Молчать!— Курсант отвернулся и пошел дальше. Мэтт и Текс последовали за ним.

Через пять минут Мэтт, голый, как новорожденный ребенок, засовывал рюкзак и свою одежду в специальный мешок, помеченный его серийным номером. По команде он открыл дверь и вошел внутрь, прижимая к груди выданные инструкции и пытаясь сохранить остатки достоинства. Он оказался в групповом освежителе, где механические устройства вымыли его, вытерли, сполоснули, снова высушили — совсем как на конвейре. Его инструкции оказались водонепронецаемыми, и Мэтт стряхнул с них несколько капель воды.

В течение двух часов его осматривали, ощупывали, фотографировали, взвешивали, подвергли рентгеноскопии, сделали прививки, взяли образцы крови, тканей и многое другое. Мэтт совершенно растерялся. Один раз он заметил Текса, двигающегося в другой очереди. Текс тоже увидел его, махнул рукой, похлопал себя по ребрам и театрально вздрогнул. Мэтт попытался заговорить с ним, но в этот момент его собственная очередь двинулась вперед.

Врачи осмотрели ногу Мэтта, которая подверглась операции, попросили его подвигать ступней в разные стороны, спросили относительно времени операции и поинтересовались, не болит ли нога. Он честно признался, что болит. Сделали дополнительные фотографии, провели новые тесты. Наконец врачи сказали: «Все, отправляйтесь обратно в очередь».

— Вы считаете, что с ногой все в порядке? — не удержался от вопроса Мэтт.

— По-видимому. Вам будут предписаны специальные упражнения. Отправляйтесь.

Прошло немало времени, прежде чем он оказался в комнате, где одевалось несколько юношей. При входе его тело пересекло луч фотоэлемента; специальный аппарат мгновенно измерил его рост, вес и размеры тела. Через несколько минут в стене открылась крышка люка, и на скамейку прямо перед Мэттом упал сверток.

В свертке оказалось белье, синий комбинезон, пара мягких ботинок — все точно по его размерам.

Синий комбинезон Мэтт счел всего лишь временной одеждой, потому что ему не терпелось сменить его на такой же строгий светло-серый комбинезон курсанта космической школы. Ботинки привели его в восторг. Он надел их, застегнул и встал, ощущая их мягкость и то, насколько плотно облегали они ступни. Казалось, он может встать ногой на монету и определить, на орле она или на решке. «Кошачьи лапы» — его первые космические ботинки! Мэтт сделал несколько шагов, стараясь двигаться подобно курсанту, которого видел утром.

— Додсон!

— Иду! — Он поспешил к выходу и скоро оказался в комнате со столом, за которым сидел мужчина средних лет.

— Садитесь. Меня зовут Джозеф Келли. — Он взял из рук Мэтта документы. — Мэттью Додсон... рад познакомиться с тобой, Мэтт.

— Как поживаете, мистер Келли?

— Вроде неплохо. Итак, почему ты хочешь стать офицером Патрульной Службы?

— Потому что... — Мэтт заколебался. — Говоря по правде, сэр, сейчас я так растерян, что не могу ответить на этот вопрос.

Келли усмехнулся. — Это — лучший ответ из всех, которые мне пришлось сегодня услышать. У тебя есть братья или сестры, Мэтт? — Беседа продолжалась, и Келли несколько раз одобрительно кивал головой. Мэтт чувствовал себя хорошо в компании этого мужчины и откровенно, ничего не скрывая, говорил с ним. Он понимал, что перед ним сидит психолог; несколько

раз Мэтт запинался, но заставлял себя честно отвечать на все вопросы.

— Ну, а теперь ты можешь сказать мне, почему ты хочешь стать офицером Патрульной Службы?

Мэтт задумался.— С самого детства мне хотелось отправиться в космос.

— Путешествовать, посещать незнакомые планеты, встречаться с разными людьми — мне все это понятно, Мэтт. Но почему не поступить в торговый космический флот? Учеба в Космической академии — трудный и длительный процесс, и вероятность того, что ты закончишь учебу и станешь офицером, всего один к трем. И это в том случае, если ты пройдешь все испытания и примешь присягу курсанта,— этого добивается не больше четверти кандидатов, прошедших отборочные тесты. Но ты можешь поступить в школу космического торгового флота — я могу перевести тебя прямо сегодня — и при твоих данных ты получишь сертификат космонавта еще до того, как тебе исполнится двадцать лет. Как ты считаешь?

На лице Мэтта появилось упрямое выражение.

— Но зачем отказываться, Мэтт? Почему ты настаиваешь на том, что хочешь стать офицером Патрульной Службы? Там вывернут тебя наизнанку, сломают тебя и не скажут даже слова благодарности. Они сделают из тебя человека, которого даже родная мать не узнает, и ты не станешь от этого счастливее. Поверь мне, сынок, уж я-то знаю.

Мэтт молчал.

— Значит, ты все еще настаиваешь на том, чтобы сделать попытку стать офицером, зная, что все шансы против тебя?

— Да. Мне хочется этого.

— Но почему, Мэтт?

Мэтт заколебался. Наконец он произнес едва слышно:

— Всюду уважают офицера Космической Патрульной Службы.

Мистер Келли посмотрел ему в лицо.— Ну что ж, пока это достаточно веская причина, Мэтт. Думаю, у тебя появятся и другие причины — или придется оставить службу.— Настенные часы внезапно щелкнули и оттуда донеслось: — Тринадцать часов! Тринадцать

часов! — Затем наступила короткая пауза и послышалось задумчивое: «Боже, как я голоден!»

— Господи,— воскликнул Келли,— и я тоже! Пошли на обед, Мэтт.

II

ПРОЦЕСС ОТБОРА

В инструкциях Мэтта было написано, что в столовой у него место за столом 147, восточное крыло. Схема на обратной стороне показывала, где расположено восточное крыло; к сожалению, Мэтт не знал, где он сейчас находится. В течение «крысиной гонки», продолжавшейся все утро, он столько раз переходил из одной комнаты в другую и из одного коридора в другой, что заблудился. Ему никто не попадался по пути, кроме Высших Существ в черной форме офицеров Космического Патруля, и Мэтт не осмеливался заговорить с ними.

Наконец он нашел выход — вернулся в огромный купольный зал и отправился оттуда, но из-за этого опоздал на десять минут. Он шел вдоль бесконечного ряда столов, разыскивая номер 147, и ему казалось, что все смотрят на него. К тому времени как Мэтт отыскал свой стол, его щеки горели от смущения.

Во главе стола сидел курсант; все остальные были одеты в форму кандидатов. Курсант посмотрел на Мэтта и сказал:

— Садитесь, мистер, вон там, справа. Почему вы опоздали?

— Я заблудился, сэр,— с трудом выдавил Мэтт.

Кто-то хихикнул. Курсант бросил холодный взгляд вдоль стола.

— Вы? Я к вам обращаюсь. Это вы засмеялись глупым лошадиным смехом? Как вас зовут?

— Э-э, Шульц, сэр.

— Мистер Шульц, я не вижу ничего смешного в честном ответе. А вам никогда не приходилось блуждать?

— Почему... Ну, может быть, пару раз.

— Хм... Будет очень интересно посмотреть на ваши

успехи в астрогации, если вы сумеете достичь этого этапа.— Курсант повернулся к Мэтту.— Вы что, не голодны? Как вас зовут?

— Голоден, сэр. Меня зовут Мэттью Додсон, сэр.— Мэтт поспешно взглянул на кнопки перед собой, решил не брать суп и нажал кнопки «второе», «десерт» и «молоко». Когда блюда появились на столе, курсант все еще не сводил глаз с Мэтта.

— Я — курсант Саббателло. Разве вы не любите суп, мистер Додсон.

— Люблю, сэр, но сейчас я спешу, потому что опоздал.

— Не надо спешить. Суп пригодится для вашего пищеварения.— Курсант Саббателло протянул руку и нажал кнопку перед Мэттом с надписью «суп».— К тому же повару будет легче прибираться на камбузе.— К облегчению Мэтта, курсант наконец отвернулся. Суп был великолепен, однако остальные блюда показались ему безвкусными по сравнению с теми, которые он привык есть дома.

Во время обеда Мэтт прислушивался к разговорам вокруг. Особенно ему запомнилось одно замечание курсанта:

— Мистер Ван-Зук, в Патрульной Службе не принято интересоваться у людей, откуда они родом. Нет ничего плохого в том, если мистер Ромолус сообщил, что он из Манилы, однако вам не следовало спрашивать его об этом.

Время после обеда было занято тестами разного рода: сообразительность, мышечный контроль, быстрота рефлексов, время реакции, чувствительность нервной системы. Во время некоторых тестов от него требовалось выполнять сразу две или больше задач. Некоторые казались Мэтту просто глупыми. Тем не менее он старался изо всех сил.

Один раз он оказался в комнате, где не было ничего, кроме большого, прикрепленного к полу кресла. Из динамика над головой донеслось:

— Закрепите пристежные ремни. Кнопки на ручках кресла управляют точкой света на стене перед вами. Сейчас будет выключено освещение, и вы увидите световой круг. Ваша задача заключается в том, чтобы

удерживать точку света в середине круга — что бы ни произошло.

Мэтт застегнул ремни. На стене появилась яркая точка света. Нажав на кнопки, он увидел, что правой рукой контролируется перемещение точки по вертикали, а левой рукой — по горизонтали.

— Как просто! — подумал Мэтт. — Пусть начинают поскорее.

Комната погрузилась в темноту; Мэтт увидел перед собой освещенное кольцо, перемещающееся вверх и вниз. Без особого труда он удерживал точку света в центре кольца.

И в это мгновение кресло перевернулось.

Когда Мэтт оправился от изумления, он увидел, что висит в темноте вверх ногами, а точка света сместилась в сторону от кольца. Он тут же попытался вернуть ее в центр круга, проскочил мимо и был вынужден скорректировать свои движения.

Кресло качнулось в одну сторону, кольцо поплыло в другую, и рядом с левым ухом прогремел громкий взрыв. Кресло тряхнуло; электрический ток пробежал по рукам, и световая точка ушла далеко в сторону от цели.

Мэтт рассердился на себя. Он сконцентрировал свое внимание, загнал точку в середину кольца и с триумфом воскликнул: «Так тебе!»

В комнату начал сочиться дым. Мэтт закашлялся, слезы потекли из глаз, застилая цель. Он прищурился и сконцентрировался лишь на одной цели — не упустить это проклятое кольцо, несмотря на продолжающиеся взрывы, пронзительный рев, разрывающий барабанные перепонки, мелькающие яркие огни и бесконечные сумасшедшие броски кресла.

Внезапно в комнате загорелся свет, и из громкоговорителя донесся механический голос:

— Тесты завершены. Продолжайте программу.

В другой раз ему дали пригоршню бобов и маленькую бутылку. Он должен был сесть на пол, поставить бутылку на отметку, обозначенную на полу, зафиксировать в уме точное расположение бутылки, закрыть глаза и ронять бобы в горлышко бутылки, стараясь попасть как можно чаще, если удастся.

Судя по звукам, бобы попадали в бутылку не слиш-

ком часто, и все же он оцепенел от ужаса, когда открыл глаза и увидел, что внутри бутылки всего один боб.

Мэтт сжал дно бутылки в руке и встал в очередь к столу экзаменатора. Несколько кандидатов, стоящих в очереди, заметил Мэтт, держали бутылки с большим количеством бобов внутри, хотя у двух человек бутылки были совершенно пустыми. Наконец он вручил бутылку экзаменатору.

— Додсон Мэттью, сэр. Один боб.

Мужчина сделал пометку, не поднимая головы. Мэтт не выдержал: «Извините меня, сэр, но что мешает человеку открыть глаза и подглядывать?»

Экзаменатор улыбнулся: «Ничто не мешает. Переходите к следующему тесту.»

Мэтт отошел в сторону, ворча про себя. Ему даже не пришло в голову, что он не знает, какова цель теста.

В конце дня его проводили в крохотную конуру, где стояли стол с аппаратом на нем и стул; бумага и карандаш лежали на столе, а к стене прикреплена инструкция в рамке.

«Если в окошечке с надписью «РЕЗУЛЬТАТ»,— прочитал Мэтт, — вы увидите цифры, обозначающие итог предыдущего кандидата, поверните рычаг в «НЕЙТРАЛЬНОЕ» положение, и экран будет готов фиксировать ваш результат.»

Мэтт отыскал окошечко с надписью «РЕЗУЛЬТАТ» над ним; там горела цифра «37». «Ну что ж,— подумал он,— будем стремиться к этому результату.» Мэтт решил пока не снимать цифры с экрана — сначала нужно прочитать инструкцию.

«После начала теста,— читал он,— единица будет прибавляться к вашему результату всякий раз, когда вы нажимаете на левую кнопку, если только это не противоречит условиям, указанным ниже. Нажимайте на левую кнопку, как только загорается красная лампочка, если только одновременно не горит зеленая, за исключением того случая, когда не следует нажимать ни на одну из кнопок, потому что открыта правая дверца, если только не выключены обе лампочки. Если открыта правая дверца, а левая закрыта, нажимать на любую из кнопок не надо, потому что это не отразится на результате, однако на левую кнопку, тем не менее, нужно на-

жимать при подобных обстоятельствах, если все остальные условия позволяют нажимать на кнопку перед тем, как будет зафиксирован результат в последующих фазах теста. Для того чтобы выключить зеленую лампочку, нажмите на правую кнопку. Если левая дверца не закрыта, не следует нажимать на кнопки. Если левая дверца закрыта, пока горит красная лампочка, не нажимайте на левую кнопку, если выключена зеленая лампочка, если только не открыта правая дверца. Для начала теста передвиньте рычаг из нейтрального положения в крайнее правое. Тест продолжается в течение двух минут с того момента, как рычаг будет передвинут вправо. Внимательно прочитайте эту инструкцию — можете потратить на подготовку столько времени, сколько считаете необходимым, — и лишь после этого приступайте к тесту. Вам запрещено задавать вопросы экзаменатору, поэтому постарайтесь изучить инструкцию как можно тщательнее. Постарайтесь набрать побольше очков.

— Вот это да! — вздохнул Мэтт.

Тем не менее тест казался несложным — один рычаг, две кнопки, две цветных лампочки, две маленьких дверцы. Как только он овладеет инструкцией, все будет очень просто — и уж куда проще, чем управлять вертолетом! — а Мэтт получил лицензию на право управления вертолетом, когда ему было только двенадцать лет. Он принялся за работу.

— Сначала, — сказал он себе, — нужно принять во внимание, что существует всего лишь два способа набирать очки: когда горит красная лампочка и когда обе лампочки выключены и открыта одна дверца.

Теперь возьмемся за другие инструкции. Итак, посмотрим: если левая дверца не закрыта — нет, если левая дверца закрыта — Мэтт остановился и принялся читать с самого начала.

Прошло несколько минут, и перед Мэттом лежал лист бумаги с записанными на ней шестнадцатью возможными положениями дверок и состоянием лампочек. Закончив, он уставился на полученный результат и снова перечитал инструкцию, стараясь найти комбинации, позволяющие набрать очки. Затем присвистнул и почесал голову, взял расчеты, вышел из комнатки и подошел к экзаменатору.

Мужчина поднял голову. «Вопросов задавать не разрешается,» — напомнил он.

— Я не собираюсь задавать вопросы,— покачал головой Мэтт,— просто хочу сообщить, что с этим тестом что-то неладно. Может быть, в комнате повесили по ошибке не те инструкции. Как бы то ни было, если основываться на висящей на стене инструкции, нельзя набрать ни единого очка.

— Не может быть! — воскликнул инспектор.— Вы уверены?

Мэтт заколебался, потом решительно кивнул головой.— Да, уверен,— ответил он.— Хотите посмотреть на мои доказательства?

— Нет. Вы — Додсон? — Экзаменатор посмотрел на таймер и что-то пометил в журнале.— Вы свободны.

— Но... Разве мне не будет представлена возможность набрать хоть сколько-то очков?

— Никаких вопросов! Я уже пометил набранные вами очки. Идите в столовую — скоро ужин.

За столом 147 во время ужина пустовало немало стульев. Курсант Саббателло посмотрел на длинный полупустой стол.— Вижу, что у нас тяжелые потери,— заметил он.— Поздравляю вас, джентльмены, с тем, что вы пока уцелели.

— Извините меня, сэр,— это значит, что мы выдержали все сегодняшние испытания? — спросил один из кандидатов.

— Или, по крайней мере, вам разрешат повторить какой-то из тестов. Во всяком случае, неудачу вы не потерпели,— ответил Саббателло. Мэтт с облегчением вздохнул.— Однако радоваться еще рано,— тут же предостерег их курсант.— Завтра вас останется еще меньше.

— А что, испытания будут еще труднее? — раздался чей-то голос.

— Намного труднее,— насмешливо улыбнулся Саббателло.— Я посоветовал бы вам есть за завтраком как можно меньше. Впрочем,— продолжал он,— у меня есть для вас и хорошие новости. Прошел слух, что на церемонии присяги будет присутствовать сам начальник, который специально для этого прилетает на Терру, если, конечно, вы попадете на церемонию присяги.

Кандидаты недоумевающе переглянулись. Курсант

посмотрел на них, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Да что это с вами, джентельмены? — резко спросил он наконец.— Не может быть, чтобы вы все были настолько невежественны. Вот вы! — Он повернулся к Мэтту.— Мистер... Додсон? Да, мистер Додсон. Мне кажется, у вас что-то промелькнуло в памяти. Почему присутствие начальника будет для вас такой честью?

— Вы имеете в виду начальника Академии, сэр?— нерешительно произнес Мэтт.

— Разумеется. Что вы знаете о нем?

— Это коммодор Аркрайт, сэр.— Мэтт замолчал, будто считая, что упоминание имени начальника Академиии Патрульной Службы не нуждается в объяснении.

— И что отличает коммодора Аркрайта?

— Но ведь он слепой, сэр!

— Он не слепой, мистер Додсон! Просто у него выжжены глаза. Как он утратил зрение? — Но курсант тут же предостерегающе поднял руку.— Нет, мистер Додсон, не говорите об этом. Пусть они сами узнают.

Курсант принялся за еду, и Мэтт последовал его примеру, думая о коммодоре Аркрайте. В то время сам Мэтт был слишком молод, чтобы следить за новостями, но отец рассказал ему о случившемся — о невероятном по смелости спасении космической яхты, терпящей бедствие внутри орбиты Меркурия. Мэтт забыл про обстоятельства, при которых офицер Патрульной Службы подвергся огромному излучению Солнца,— это произошло при переводе пассажиров яхты на космический корабль Патрульной Службы,— но он отчетливо помнил торжественный голос отца, читавшего заключительные слова официального сообщения: «...подобные действия полностью соответствуют традициям офицеров Космического Патруля.»

Мэтт подумал, а сможет ли он вести себя так, чтобы его действия заслужили такую же высокую оценку? Вряд ли; самое большее, на что он может надеяться,— на что может надеяться любой офицер Патрульной Службы,— это пометка в личном деле «обязанности выполнял должным образом».

Выходя из столовой, Мэтт натолкнулся на Текса Джермэна. Текс радостно похлопал его по спине.

— Рад, что ты все еще борешься, старина,— воскликнул он.— Ты где разместился?

— Еще не успел зайти к себе в комнату.

— Ну-ка, покажи свои документы.— Джермэн взял их из рук Мэтта.— Мы в одном коридоре — отлично! Пошли посмотрим на твое жилище..

Они нашли комнату и вошли. На нижней койке вытянулся еще один кандидат. Он курил и читал книгу. Услышав скрип распахнувшейся двери, он посмотрел на юношей.

— Заходите, приятели,— сказал он.— Стучать у нас не принято.

— А мы и не стучали,— заметил Джермэн.

— Ничуть не сомневаюсь.— Юноша сел на койке. Мэтт узнал в нем парня, пошутившего относительно ковбойских сапог Текса, но решил промолчать, надеясь, что они не узнают друг друга.

— Ищите кого-нибудь?— поинтересовался парень.

— Нет,— ответил Мэтт,— меня разместили в этой комнате.

— А-а, так ты мой товарищ по квартире! Добро пожаловать во дворец. Я положил твой рюкзак тебе на койку.

Мешок с рюкзаком и гражданской одеждой Мэтта лежал на верхней койке. Мэтт снял его оттуда и поставил на пол.

— Что это значит, тебе на койку?— возмутился Текс.— Вы должны разыграть, кому спать на нижней койке.

— Я пришел сюда первым, вот и занял нижнюю койку,— равнодушно пожал плечами парень.

Текс свирепо оскалил зубы. Заметив это, Мэтт постарался успокоить его.— Не надо, Текс,— сказал он.— Мне больше нравится спать на верхней койке. Между прочим,— повернулся он к юноше,— меня зовут Мэтт Додсон.

— А меня — Жерар Берк.

Комната была неплохой, но скромно обставленной. Дома Мэтт спал в водной постели, но ему приходилось спать и на матрасе — в летнем лагере. Боковая дверь вела в освежитель, оборудованный самым современным образом, но без чего-либо лишнего. Мэтт с удовольствием заметил, что в душевом отделении был ро-

бот-массажист. На полке не было маски для бритья, но бриться Мэтту было пока нетрудно.

Заглянув в свое отделение шкафа, Мэтт обнаружил пакет со своим серийным номером. Внутри лежало два комбинезона, две смены белья и вторая пара космических ботинок. Он уложил все это вместе с остальными вещами, затем взглянул на Текса.

— А чем займемся теперь?

— Прогуляемся по зданию.

— Отлично. Может быть, осмотрим «Килрой».

Берк щелчком отбросил окурок сигареты в сторону двери.— Подождите минуту. Я пойду с вами.— Он исчез за дверью туалета.

— Давай пошлем его к черту, а, Мэтт?—предложил Текс тихим голосом.

— Неплохая идея. Но мне хотелось бы найти с ним общий язык, Текс.

— Ну что ж, может быть, он не выдержит завтрашних испытаний.

— Или я,— печально улыбнулся Мэтт.

— А может быть, я. Ладно, ты прав, Мэтт, потерпим. Между прочим, ты не думал о том, чтобы подыскасть себе постоянного товарища по комнате? Хочешь, будем жить вместе?

— Согласен.— Они пожали руки.

— Я очень рад, что мы решили этот вопрос,— продолжал Текс.— Меня поселили с хорошим парнем, но у него нашелся соотечественник, с которым он хотел бы жить в одной комнате. Зашел к нему перед ужином. Они сели рядом и принялись болтать на хиндустани. Я ничего не понял и чувствовал себя не в своей тарелке. Затем они переключились на бейсик — решили, что так будет более вежливо по отношению ко мне, и мне стало еще хуже.

— Ты не похож на нервного парня, Текс.

— Это только на первый взгляд. Мы все — Джермэны — очень чувствительные люди. Возьми моего дядю Боди. Один раз он пришел на ярмарку посмотреть на бега и так разволновался, что вскочил между оглоблями гоночной качалки, помчался по кругу и выиграл два забега перед тем, как его догнали и выбросили вон.

— Шутишь!

— Честное слово. Впрочем, никакого приза он не выиграл. Его дисквалифицировали — это были забеги для двухлеток, а он оказался куда старше.

Берк присоединился к ним в коридоре, и втроем они направились в сторону купольного зала. Такая же идея пришла в голову нескольким сотням других кандидатов, однако администрация предвидела такую возможность. У лестницы, ведущей в шахту, где лежал разбившийся «Килрой», стоял курсант, который пропускал желающих группами по десять человек, причем в сопровождении курсанта.

Берк взглянул на вытянувшуюся очередь.

— Элементарный арифметический подсчет говорит, что ждать не имеет смысла,— заметил он.

Мэтт заколебался.— Давай подождем, Мэтт,— вмешался Текс.— Может быть, кому-нибудь надоест ждать.

— Ну что ж, ждите,— пожал плечами Берк и пошел прочь.

— Ты знаешь, Текс, по-моему, он прав,— произнес Мэтт с сомнением в голосе.

— Конечно, прав,— кивнул Текс,— но ведь нам удалось избавиться от него, верно?

Весь зал представлял собой мемориальный музей Патрульной Службы. Юноши проходили мимо экспонатов: вот бортовой журнал первого космического корабля, совершившего полет к Марсу, фотография взлета космолета, отправившегося в экспедицию на Венеру, которая закончилась катастрофой, модели немецких ракет, которые применялись во время Второй Глобальной войны, карандашный набросок карты обратной стороны Луны, найденный в обломках «Килроя».

Они подошли к нише, задняя стена которой представляла собой огромную стереофотографию освещенной ослепительными лучами Солнца лунной поверхности на фоне черного неба, усеянного звездами, и родной Земли среди них.

На первом плане стоял молодой человек, одетый в старомодный космический скафандр. Через прозрачный пластик шлема были отчетливо видны черты его лица — улыбающийся рот, веселые глаза и густые русые волосы, коротко подстриженные в стиле конца

прошлого века.

Под фотографией виднелась надпись: Лейтенант Эзра Дальквист, один из тех, кто положил начало славным традициям Патрульной Службы. 1966—1996 гг.

— Где-нибудь рядом должно быть написано, почему этому лейтенанту оказала такая честь,— прошептал Мэтт.

— Что-то не видно,— прошептал в ответ Текс.— А почему ты говоришь шепотом?

— Нет, я не говорю ше... Впрочем, действительно. В конце концов, он не может слышать нас, правда? А, смотри, вот фонограмма!

— Чего ты ждешь? Нажми на кнопку.

Мэтт нажал на кнопку, и ниша наполнилась звуками Пятой симфонии Бетховена. Музыка постепенно стихла, и раздался голос диктора: «Сначала Патрульная Служба была укомплектована офицерами, посланными всеми странами, которые составляли тогда Западную Федерацию. Некоторые офицеры были честными и преданными своему делу, тогда как другие — нет. В 1996 году был день, одновременно позорный и славный в истории Космической Патрульной Службы, когда была сделана попытка осуществить государственный переворот — так называемый Мятеж Полковников. Группа высокопоставленных офицеров, действуя с военной базы на Луне, попыталась захватить власть над всем миром. Заговор мог бы оказаться успешным, если бы не лейтенант Дальквист. Он вывел из строя все атомные ракеты в арсенале базы, вывернув из них взрыватели и удалив заряды. Однако при этом он получил такую дозу радиации, что скончался от ожогов.» Диктор замолчал, и снова послышалась негромкая музыка — на этот раз отрывок «Валгалла» из «Гибели богов».

Текс глубоко вздохнул; Мэтт тоже заметил, что все время сдерживал дыхание. Он начал дышать, и боль в груди уменьшилась.

За их спинами раздался смешок. Юноши обернулись. У входа в нишу стоял Жерар Берк, опершись плечом на притолоку.

— Да, они не жалеют усилий, чтобы произвести впечатление,— заметил он.— Будьте настороже, ребята, а то и вправду поверите всему, что слышите здесь.

— Что ты хочешь этим сказать? Какое впечатление?

Берк показал рукой в сторону фотографии.— Да вот это. И объяснения, сопровождаемые музыкой. Если вам нравится такое, могу помочь, мне не жалко — в зале еще три таких же ниши, расположенных в направлении на юг, север, восток и запад.

Мэтт смотрел на него холодными глазами, не отрывая взгляда.

— Что с тобой, Берк? Ты не хочешь стать офицером Патрульной Службы?

— Хочу, разумеется. Но я практичный человек; меня нельзя обмануть такой дешевой эмоциональной пропагандой.— Он сделал жест в сторону фотографии Эзры Дальквиста.— Возьмите его, например. Ведь вы не услышали ни слова о том, что он отказался выполнить приказ вышестоящего офицера, своего прямого начальника. Если бы события обернулись по-другому, его судили бы как изменника. К тому же никто не говорит о том, что погиб Дальквист из-за собственной неосторожности. И вы хотите, чтобы я считал его суперменом?

— Нет, не хочу,— покраснел от ярости Мэтт и сделал шаг вперед.— Но поскольку ты такой практичный человек, тебе не хочется получить практичный удар в зубы?

Берк был ниже Мэтта ростом и ничуть не шире в плечах, но он наклонился вперед, оперся на носки и тихо произнес: — Очень хочется. От тебя или от кого-нибудь еще?

— И от меня,— шагнул вперед Текс.

— Не встревай, Текс! — рявкнул Мэтт.

— Даже не подумаю! Я считаю, что честно драться можно лишь с тем, кто является равным тебе!

— Отойди, Текс, я предупреждаю тебя!

— Ну уж нет, я тоже хочу получить удовольствие. Ты врежь ему в зубы, а когда он упадет, я пну его в живот.

Берк посмотрел на Джермэна и улыбнулся, будто почувствовав, что время драки прошло.— Ну-ну, джентльмены! Не надо ссориться! — Он отвернулся и пошел к выходу из ниши.— Доброй ночи, Додсон. Постарайся не разбудить меня, когда вернешься.

— Напрасно мы отпустили его,— ярость еще не оставила Текса.— Это человек, которого нужно ставить на место. Мой дядя Боди всегда говорил, что такого прыща нужно лупить до тех пор, пока он не извинится.

— Чтобы нас выгнали из Патрульной Службы еще до того, как мы поступили в Академию? Он разозлил меня, так что пока выигрыш на его стороне. Пошли, наверное, здесь еще немало интересного.

Однако сигнал отбоя прозвучал раньше, чем они успели подойти к следующей нише. Юноши направились к своему коридору, и Мэтт попрощался с Тексом у дверей его комнаты, потом вошел в свою. Берк спал — или притворялся, что спал. Мэтт быстро разделся, ловко забрался на верхнюю койку, нашел выключатель и погасил лампочку.

Присутствие неприятного для него человека беспокоило Мэтта, но он уже почти засыпал, как вдруг вспомнил, что забыл позвонить отцу. От этой мысли он сразу проснулся. И тут же почувствовал, как где-то внутри ожила тупая боль. Может быть, он заболел? Или это тоска по дому? В его-то возрасте? Чем дольше Мэтт думал об этом, тем более вероятным казалась причина боли — как бы он ни сопротивлялся. Он все еще размышлял об этом, когда погрузился в глубокий сон.

III

ПО УХАБАМ

На следующее утро Берк сделал вид, что забыл о вчерашней ссоре. Он был даже приветлив и позволил Мэтту первым войти в освежитель. Тем не менее Мэтт с радостью услышал сигнал на завтрак.

На привычном месте стола 147 не оказалось. Озадаченный, Мэтт пошел вперед и наткнулся на стол с табличкой 147—149, во главе которого сидел курсант Саббателло. Мэтт сел на свободный стул и увидел рядом Пьера Арманда.

— Привет, Пит! — воскликнул он.— Как дела?

— Рад нашей встрече, Мэтт. Думаю, пока неплохо,— в голосе Пьера звучало сомнение.

Мэтт пристально посмотрел на него. Пьер выглядел неважно; казалось, будто кошка протащила его через дырку в полу — эта фраза больше всего понравилась Мэтту. Он собрался было спросить, что с ним случилось, как курсант Саббателло резко постучал по столу.

— По-видимому, джентльмены,— произнес курсант,— кое-кто из вас забыл мой вчерашний совет — не увлекаться едой. Сегодня вас протащат по ухабам. У меня немалый опыт, который говорит, что при этом многие сухопутные космонавты теряют как завтрак, так и остатки собственного достоинства.

Мэтта поразили слова Саббателло. Он только собрался заказать свой обычный обильный завтрак; вместо этого ему пришлось ограничиться стаканом чая и жареными тостами. Взглянув на соседа, он заметил, что Пит не обратил внимания на совет курсанта: он поставил перед собой тарелку с бифштексом, картошкой и яичницей и принялся есть. Если Пит и чувствовал себя неважно, подумал Мэтт, это никак не отразилось на его аппетите.

Курсант Саббателло тоже увидел это. Он наклонился вперед и обратился к Питу.

— Мистер, разве вы не...

— Меня зовут Арманд, сэр,— вежливо ответил Пит, проглотив огромный кусок.

— Мистер Арманд, разве вы не слышали моего предупреждения? Может быть, у вас пищеварение марсианина? Или вы считаете, что я пошутил? Думаете, вас не будет тошнить в невесомости?

— Нет, не будет, сэр.

— Неужели?

— Видите ли, сэр, я с Ганимеда.

— А-а! Прошу извинить меня. Закажите себе еще бифштекс. Как ваши дела?

— В общем-то совсем неплохо, сэр.

— Не стесняйтесь просить о некоторых послаблениях. Уверен, что все поймут положение, в котором вы оказались.

— Спасибо, сэр.

— Мистер Арманд, я говорю совершенно серьезно.

Не пытайтесь изображать «железного человека». Это бессмысленно.

Мэтт и Пьер встали из-за стола одновременно.

— Послушай, Пит, теперь я понимаю, почему Оскар нес вчера твой рюкзак. Извини мою глупость.

— Не надо извиняться,— смущенно посмотрел на него Пит.— Оскар присматривал за мной — я встретил его, когда мы летели со станции Терры.

— Понятно,— кивнул Мэтт. У него было самое смутное представление о маршрутах пассажирских лайнеров, но он знал, что Оскар, прилетевший с Венеры, и Пит, направлявшийся с одной из лун Юпитера, должны были оказаться на искусственном спутнике Земли — станции Терра,— прежде чем прибыть шаттлом на Земную поверхность. Этим и объяснялась дружба двух юношей, родом из самых разных уголков вселенной.

— И как ты себя чувствуешь на Земле? — спросил Мэтт.

Пит заколебался: «По правде говоря, мне кажется, что я пытаюсь идти вперед, погрузившись в песок-плывун до самой шеи. Каждое движение требует неимоверных усилий».

— Господи, неужели тебе так трудно? Какова сила тяготения на поверхности Ганимеда? Треть земной?

— Если быть точным, тридцать два процента земного тяготения, или, по тому как я ощущаю его, здесь все весит в три раза больше, чем дома. Включая меня самого.

— Будто у тебя на плечах сидят еще двое,— кивнул Мэтт.

— Да, похоже. Но хуже всего то, что у меня все время болят ноги. Но это пройдет...

— Конечно!

— ...потому что я родился на Земле и потенциально ничуть не слабее отца. У себя на Ганимеде в течение двух последних лет — земных лет — я тренировался на центрифуге. Сейчас я куда сильнее, чем раньше. А вот и Оскар.

Мэтт поздоровался с ним и тут же поспешил к себе в комнату, чтобы позвонить отцу.

Транспортный вертолет доставил Мэтта и еще пятьдесят кандидатов к тому месту, где будут проводить-

ся испытания на способность организма переносить переменное ускорение — на слэнге курсантов это называлось «тащить по ухабам». Испытательная станция была расположена к западу от базы, в горах: для продолжительного свободного падения требовался высокий отвесный обрыв. Вертолет опустился на посадочной площадке, пассажиры вышли и присоединились к толпе остальных кандидатов, прилетевших сюда раньше. Было ясное холодное утро. Воздух на вершине одного из пиков Колорадо казался прозрачным и удивительно свежим. Площадка находилась на уровне, где уже не растут деревья — юношей окружали искривленные ели, упорно борющиеся с ветрами и морозами.

Из строения, расположенного на самом краю отвесного утеса, уходили прямо вниз две стальные фермы. Они походили на фермы открытых лифтов — и одна из них такой и оказалась. Вторая ферма была направляющей для испытательной кабины во время падения с высоты.

Мэтт наклонился через поручни, ограждающие обрыв, и посмотрел вниз. Нижняя часть стальных ферм исчезала в головокружительной глубине, проходя сквозь крышу строения на дне каньона, в двух тысячах футах от вершины утеса. Мэтт пытался убедить себя, что инженер, построивший все это, разбирался в своем деле. В этот момент кто-то толкнул его локтем в бок. Он обернулся. Рядом стоял Текс.

— Вот это горка, правда, Мэтт?

— Это самое невероятное преуменьшение, которое мне приходилось слышать, Текс.

Стоящий рядом кандидат обернулся к ним.

— Вы считаете, ребята, что мы будем спускаться по этой штуке? — спросил он.

— Обязательно, — кивнул Текс. — Потом внизу собирают останки, складывают в большую корзинку и поднимают на втором лифте.

— А спускается она быстро?

— Ты сам сможешь убедиться через несколько... Эй, смотрите! Вон она!

Серебристая кабина без окон выскользнула внутри одной фермы из верхнего здания и на мгновенье словно замерла. Затем ринулась вниз, стремительно набирая скорость, все быстрее и быстрее, пока не исчезла с кажу-

щейся невероятной быстротой — на самом деле скорость была двести пятьдесят миль в час, чуть больше ста метров в секунду — в крыше нижнего строения. Мэтт замер, ожидая, что снизу донесется грохот разбившейся кабины. Но вокруг царила полная тишина, и он успокоился.

Через несколько секунд серебристая кабина появилась в нижней части второй фермы. Казалось, она медленно ползет вверх; на самом деле она двигалась все быстрее и в верхней части фермы неслась с поразительной скоростью — и исчезла в верхнем строение рядом с ними.

— Девятая группа! — загремел громкоговоритель позади.

— Это меня вызывают, Мэтт,— вздохнул Текс.— Передай маме, что мои последние слова были о ней. А себе возьми мою коллекцию почтовых марок.— Он пожал руку Мэтту и пошел вместе с группой к кабине.

Кандидат, который говорил с ними, с трудом проглотил слюну; Мэтт увидел, как он побледнел. Внезапно он пошел в направлении девятой группы, но не присоединился к ней, а подошел к курсанту, выстраивавшему группу, и что-то сказал ему. Курсант пожал плечами и знаком разрешил отойти в сторону.

Мэтт почувствовал, что не презирает несчастного кандидата, а скорее жалеет его.

Его испытательная группа выстроилась вслед за девятой. Их провели в верхнее здание, и курсант, руководивший группой, объяснил суть теста:

— С его помощью будет подвергнута испытанию способность вашего организма переносить переменное ускорение, свободное падение или невесомость, а также резкие изменения в силе тяжести. Вы начнете с ускорения, создающего силу тяжести, втрое превышающую земную, затем, когда кабина начнет опускаться, тяготение полностью исчезнет — кабина будет падать с вершины утеса. В нижней части фермы она скользит вдоль спирали, и ее скорость замедляется, создавая тройную силу тяжести. После остановки кабина перемещается в ту ферму, вдоль которой она будет подниматься. Подъем начнется при ускорении, создающем двойную силу тяжести, после чего подъем замедляется, и кабина останавливается наверху при нормальной силе земного

притяжения. На следующем этапе весь цикл повторяется снова, но уже при более высоких величинах ускорения, и так до тех пор, пока не будет выявлена реакция вашего организма. Вопросы?

— Насколько продолжительно будет свободное падение, сэр? — спросил Мэтт.

— Одиннадцать секунд. Мы могли бы увеличить его продолжительность, но для того, чтобы удвоить время свободного падения, требуется высота, превышающая ту, что имеется в нашем распоряжении, в четыре раза. Думаю, и эта высота покажется вам достаточной,— заключил он с мрачной улыбкой.

— Извините, сэр, но что имеется в виду под «выявлением реакции организма»? — послышался чей-то робкий голос.

— Реакция организма может оказаться любой — кровотечение, потеря сознания и тому подобное.

— А это опасно?

— Как вам сказать... Что вообще можно назвать безопасным? — пожал плечами курсант.— Частота вашего пульса, давление крови и другие данные будут передаваться посредством телеметрии на пульт управления. Мы сделаем все, чтобы никто из вас не погиб во время испытаний.

После этого группа последовала вслед за курсантом по коридору, через дверь и внутрь кабины. В ней находились маятниковые сиденья — как и в других машинах, двигающихся с высокой скоростью,— но здесь сиденья отклонялись назад и соответствовали контурам человеческого тела. Кроме того, они были покрыты мягкой обивкой. Кандидаты разместились в сиденьях, пристегнули ремни, и медик закрепил на теле каждого из них датчики, позволяющие передавать на пульт управления телеметрические данные о реакции их организма. Курсант внимательно проверил надежность крепления ремней, затем вышел и вернулся с офицером, который проверил все еще раз. После этого курсант раздал пакеты, прикрепляющиеся ко рту каждого кандидата — чтобы в случае приступа рвоты не обрызгать соседей. Закончив, он спросил:

— Все готовы?

Молчание. Курсант удовлетворенно кивнул, вышел из кабины и закрыл за собой дверь.

Мэтт пожалел, что не остановил его вовремя.

Шли секунды, и все оставалось без изменений. Затем кабина как-то наклонилась; на самом деле отклонились сиденья по мере того, как кабина начала набирать скорость.

Затем сиденья вернулись в прежнее положение, но Мэтт почувствовал, насколько тяжелее стало его тело, и понял, что их кружат в центрифуге. Его прижало к спинке сиденья; руки, казалось, налились свинцом, и он не мог пошевелить ими.

Внезапно чувство тяжести исчезло, и тело приподнялось, сдерживаемое пристежными ремнями. Желудок начал куда-то проваливаться. Мэтт судорожно глотнул; завтрак остался на месте. Кто-то закричал: «Мы падаем!» Подобное заявление показалось Мэтту совершенно излишним — это было очевидно.

Он сжал зубы и напрягся, ожидая удара о скалы каньона. Но удара не было — а его желудок по-прежнему старался выскользнуть из тела. Одиннадцать секунд? Да он уже падает дольше! Неужели что-то случилось?

Они продолжали падать.

И тут Мэтт почувствовал, что какая-то сила прижимает его к сиденью. Сила тяжести постепенно увеличивалась, пока он не стал таким же тяжелым, как и перед началом падения. Исстрадавшийся желудок содрогался в судорожных спазмах, но сила тяжести, выросшая многократно, удерживала внутри его содержимое.

Тяжесть исчезла, вернулся нормальный вес. В следующее мгновение кабина будто подпрыгнула, и на мгновение вернулось ощущение невесомости, но это чувство продолжалось всего миг; тут же его тело осело на подушки кресла.

Открылась дверь, и в кабину вошел курсант в сопровождении двух санитаров. Кто-то истерично кричал: «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня!» Курсант не обратил внимания на кричавшего и прошел к креслу прямо перед Мэттом. Там он наклонился, расстегнул пристежные ремни, и санитары вынесли тело юноши. Его откинутая назад голова безжизненно свисала вниз. Затем курсант подошел к истерично кричащему кандидату, отстегнул ремни и сделал шаг в сторону. Юноша встал, пошатнулся и с трудом вышел из кабины.

— Кому сменить санитарный пакет?

Несколько человек подняли руки. Курсант быстро раздал новые пакеты и помог закрепить их. С чувством облегчения Мэтт заметил, что его пакет не нуждается в замене.

— Приготовьтесь к пятикратной силе тяжести,— предупредил курсант и заставил каждого из оставшихся в кабине назвать свои имена. Перекличка еще не закончилась, как один из юношей попытался вскочить, дергая ремни, удерживающие его в кресле. Не прекращая переклички, курсант помог ему расстегнуть ремни и сделал жест в сторону открытой двери, потом вышел вслед за ним. Дверь захлопнулась.

Мэтт почувствовал, как его охватывает невыносимое напряжение. Когда растущая сила тяжести снова придавила его, он даже ощутил какое-то облегчение, но только на мгновение, потому что сразу понял: пятикратное увеличение тяготения намного хуже, чем трехкратное. Грудь сдавило железными тисками, он не мог вздохнуть.

Колоссальное давление исчезло — они снова сорвались вниз, и началось падение. На этот раз измученный желудок не выдержал; Мэтт пожалел, что вообще ел во время завтрака.

И они продолжали падать. Освещение в кабине погасло — и кто-то дико закричал. Падая, сотрясаемый приступами рвоты, Мэтт не сомневался, что освещение вышло из строя в результате катастрофы; на этот раз они уж точно разобьются о скалы каньона. Это, однако, почему-то не казалось важным для Мэтта.

Он погрузился в черный водоворот пятикратной силы тяжести, когда кабина замедлила падение, и Мэтт понял, что уцелел и на этот раз. Эта мысль не принесла облегчения — все его внимание было сконцентрировано на том, чтобы вздохнуть грудью, зажатой в чудовищных тисках. Подъем к вершине утеса — сначала при двукратной силе тяжести, потом при нормальной — показался ему легкой прогулкой, если не считать того момента, когда перед самой остановкой снова на мгновение наступила невесомость и пустой желудок запротестовал.

В кабине вспыхнул свет, и через открывшуюся дверь снова вошел курсант. Его взгляд остановился на юноше, сидевшем рядом с Мэттом. Лицо юноши было за-

лито кровью, струившейся из носа и ушей. Кандидат посмотрел на подошедшего курсанта и махнул рукой, будто уговаривая его отойти.

— Я могу выдержать это,— запротестовал он едва слышно.— Пусть продолжают тесты.

— Конечно, сможете,— ответил курсант неожиданно мягким голосом,— но не сегодня. Не расстраивайтесь,— добавил он,— это не значит, что вы потерпели неудачу.

Курсант осмотрел остальных, затем позвал офицера. Они посоветовались о чем-то шепотом, и еще один юноша был наполовину вынесен, наполовину выведен из кабины.

— Кому нужны новые санитарные пакеты?— спросил курсант.

— Мне,— произнес Мэтт слабым голосом. Ему быстро заменили пакет, и Мэтт дал себе слово больше никогда не есть за завтраком жареный хлеб, размоченный в молоке.

— Семикратная сила тяжести!— объявил курсант.— Кто хочет — может отказаться, остальным приготовиться,— и он снова начал перекличку. Мэтт приготовился отказаться, но услышал, к своему удивлению, как сказал «готов», когда курсант назвал его фамилию. Курсант вышел из кабины и закрыл дверь до того, как Мэтт решил передумать. Теперь в кабине осталось всего шестеро.

Когда сила тяжести постепенно увеличилась в семь раз, Мэтту показалось, что освещение в кабине снова погасло. Теперь его тело весило тысячу фунтов. Но как только кабина сорвалась вниз с вершины утеса, внутри стало светло; Мэтт понял, что на мгновение потерял сознание.

На этот раз он решил считать секунды, чтобы определить продолжительность падения и избавиться от пугающего чувства бесконечной невесомости, но не сумел оправиться после колосальной нагрузки. Даже боль в желудке казалась какой-то далекой. Падаем... падаем...

Снова гигантская рука сжала грудь, вытеснила кровь из мозга и погасила свет. На этот раз окончательно...

— Как вы чувствуете себя?— Мэтт открыл глаза

и увидел, как все перед ним двоится. Он с трудом понял, что над ним склонился курсант. Мэтт попытался ответить. Курсант исчез; он почувствовал, что его подняли и несут.

Кто-то вытер его лицо прохладным влажным полотенцем. Мэтт сел и увидел медсестру, стоящую рядом.

— С вами все в порядке,— приветливо сказала девушка.— Держите это, пока не остановится кровотечение из носа,— и дала ему полотенце.— Хотите встать?

— Да, спасибо.

— Обопритесь на меня. Выйдем на свежий воздух.

Сидя на поляне под яркими лучами солнца, Мэтт прижимал к лицу влажное полотенце и чувствовал, что к нему возвращаются силы. От края утеса, огороженного поручнями, доносились взволнованные голоса всякий раз, когда серебристая кабина устремлялась вниз. Он сидел, наслаждаясь солнечным теплом, и думал, стоит ли стремиться к карьере офицера Космической Патрульной Службы.

— Эй, Мэтт! — Он открыл глаза. Перед ним стоял Текс, бледный и не слишком в себе уверенный. На груди его комбинезона виднелось пятно крови.

— А, это ты, Текс. Значит, и тебе досталось.

— Да уж это точно.

— При скольких «джи»?

— При семи.

— И мне тоже. Что ты думаешь обо всем этом?

— Да не знаю...— Текс заколебался.— Жаль, что мой дядя Боди не пробовал такого. Думаю, он не стал бы постоянно рассказывать о том, как он однажды схватился с гризли.

Во время обеда стол оказался наполовину пустым. Мэтт думал о тех, кто отсеялся — что они чувствовали — разочарование или облегчение?

Он был голоден, но ел мало, так как знал, что их ждет после обеда — первое знакомство с ракетными полетами. Мэтт ожидал этого этапа испытаний с нетерпением. Полет в космос! Непродолжительный, но все-таки настоящий космический полет. Он старался убедить себя, что, даже если не выдержит испытаний, уже то, что он совершит полет в космос, стоит затраченных усилий.

Впрочем, теперь Мэтт не был в этом уверен —

прогулка «по ухабам» изменила его точку зрения на профессию космонавта. У него появилось новое, хотя и мрачное уважение к ускорению, и он больше не считал боязнь невесомости чем-то забавным; наоборот, его не покидали сомнения, сумеет ли он когда-нибудь привыкнуть к невесомости. Ему было известно, что некоторые никогда не могли к ней привыкнуть.

Его группе надлежало прибыть на космодром в Санта-Барбаре в половине третьего. Оставался еще час — целый длинный, бесконечный час, в течение которого ему оставалось только волноваться и беспокоиться. Наконец подошло время спуститься вниз, выстроиться, ответить на перекличке и отправиться к космодрому по двигающейся дорожке.

Курсант, руководивший их группой, вывел юношей на поверхность прямо в бетонный окоп глубиной фута в четыре. Глаза Мэтта невольно сощурились от яркого солнечного света. Беспокойство исчезло; ему не терпелось взлететь в космос. С каждой стороны траншеи, примерно в двухстах ярдах, стояли учебные ракеты, выстроившиеся рядами как гигантские рождественские свечи, опирающиеся на хвостовые стабилизаторы с острыми носами, устремленными в небо.

— Если случится что-нибудь непредвиденное,— предупредил их курсант,— немедленно ложитесь на дно траншеи. Ни в коем случае не проявляйте любопытства — меня специально попросили предупредить вас об этом.

Полет будет непродолжительным — всего девять минут, причем первые полторы минуты при включенных тяговых двигателях. Вам покажется, что сила тяжести около трех «джи», однако на самом деле ускорение будет равняться всего двойной силе тяжести, потому что мы все еще близко к Земле.

Через девяносто секунд двигатели включатся, и ракетный корабль будет двигаться со сторостью мили в секунду. В течение еще трех минут корабль продолжит движение по инерции и поднимется еще на сто миль, достигнув, таким образом, высоты в сто пятьдесят миль. Затем начнется падение на Землю в течение еще трех минут, торможение с помощью включенных ракетных двигателей и приземление на исходе девятой минуты.

Посадка летательного аппарата без помощи крыльев, позволяющих управлять полетом, на планете с такой значительной силой тяжести, как Земля,— дело непростое. Она будет осуществляться автоматически, но в кабине ракетного корабля будет находиться пилот, постоянно сверяющий процесс полета и приземления с разработанным планом. В случае необходимости он может принять управление на себя. Вопросы?

— Это — космические корабли с атомными двигателями? — спросил кто-то.

Курсант фыркнул: «Такие малютки? Нет, они работают на обычном ракетном топливе — это ясно по их конструкции. Двигатели этих кораблей питаются одноатомным водородом. Эти корабли очень похожи на первые большие ракеты, построенные людьми; исключением является только переменная тяга, так что пилоту и пассажирам не угрожает опасность быть раздавленными растущей силой тяжести при изменении массы корабля».

С башни управления полетами взлетела зеленая сигнальная ракета.

— Следите за вторым кораблем от конца, в северном ряду,— дал совет курсант.

У основания вертикально стоящего корабля внезапно вспыхнуло яркое оранжевое пламя, ослепительное, как солнце.«Смотрите, он взлетает!» — послышался чей-то возглас.

Корабль оторвался от поверхности космодрома и начал величественно подниматься на столбе бушующего пламени. Грохот работающего ракетного двигателя достиг Мэтта и, казалось, физически надавил на него. Шум напоминал рев гигантской паяльной лампы. На вершине контрольной башни мигнул прожектор, и корабль продолжил свой полет: все выше и выше, с плавным ускорением — настолько плавным, что было трудно понять, насколько велика его скорость; через несколько секунд, однако, рев двигателя затих в вышине. Мэтт смотрел теперь прямо в зенит, следя за уменьшающимся искусственным солнцем.

И вот корабль исчез. Мэтт закрыл рот и начал отворачиваться в сторону, так как его внимание привлек ледяной белый след, оставленный кораблем, прорезающим стратосферу. Под воздействием ветров, постоян-

но бушующих на такой высоте, этот след, похожий на змею, извивался и рассеивался.

— Все! — послышалась команда курсанта.— У нас нет времени ждать его приземления.

Следуя за курсантом, они спустились вниз, прошли вдоль подземного коридора и вошли в кабину лифта, который поднял их к поверхности и продолжал подъем на выдвинувшемся вверх гидравлическом стержне. Кабина лифта остановилась у борта космического корабля. Мэтт с изумлением увидел, насколько огромен корабль.

Дверца в борту корабля откинулась наподобие подъемного моста, кандидаты прошли по нему внутрь корабля; курсант поднял дверцу-мост и закрыл ее, потом спустился вниз в опустевшем лифте.

Они оказались в коническом помещении. Над их головами в своем кресле полулежал пилот. На полу помещения, вокруг них, располагались кресла для пассажиров.

— Размещайтесь в креслах! — скомандовал пилот.— И сразу пристегивайтесь ремнями.

Десять юношей, толкая друг друга, устремились к креслам, но вдруг один из них остановился, заколебался и поднял голову к пилоту.

— Э-э, мистер! — произнес он.

— В чем дело? Занимайте кресло и застегните ремни.

— Я передумал и решил остаться на Земле.

Пилот произнес несколько фраз, не входящих в состав изысканного офицерского лексикона, потом повернулся к пульту управления.

— Башня! Заберите одного пассажира из номера 19.— Он выслушал ответ и рявкнул: «У нас нет времени менять план полета. Пошлите взамен массу.» — Пилот бросил в сторону одиноко стоящего юноши: «Какой у вас вес?»

— Э-э, сто тридцать два фунта, сэр.

— Сто тридцать два фунта, и побыстрее! — произнес пилот в микрофон. Повернувшись к юноше, он произнес: «А вы поспешите уйти с корабля, потому что, если из-за вас у меня сорвется время взлета, я сверну вам шею!»

Через несколько мгновений открылся люк, и внутрь

корабля вбежали три курсанта. Двое несли мешки с песком, третий держал в руках свинцовые бруски. Они быстро уложили мешки на кресло и закрепили бруски на его ручках.

— Сто тридцать два фунта! — объявил один из курсантов.

— Теперь вон с моего корабля! — огрызнулся пилот и повернулся к щиту управления.

— Не злись, Гарри, предохранители сгорят,— посоветовал курсант пилоту. Изумленный Мэтт не верил своим ушам, потом пришел к выводу, что пилот корабля — тоже курсант. Тройка вышла наружу, и люк захлопнулся. Юноша, который решил отказаться от полета, ушел вместе с ними.

— Приготовиться к взлету! — скомандовал пилот и внимательно осмотрел пассажиров.

— Пассажиры на местах и пристегнуты ремнями,— произнес он в микрофон, обращаясь к башне управления полетами.— Этот проклятый лифт отошел от корабля?

Наступила тишина. Шли секунды.

Вдруг корабль вздрогнул. Рев, такой низкий по тону, что находился едва ли не за пределами слышимости человеческого уха, донесся снизу, болезненно отразившись в голове Мэтта. На мгновение он почувствовал, как его придавило к сиденью, тут же это ощущение прошло, и в следующую секунду на него обрушилась сила тяжести.

Мэтт с радостью отметил, что тройная сила тяжести уже не влияет на него так сильно — может быть, потому, что он полулежал, откинувшись на спину. Полторы минуты работы двигателя тянулись очень долго; слышен был лишь рев раскаленных газов, вырывающихся из дюз корабля, и через иллюминатор над головой пилота виднелся кусочек неба.

Было видно, однако, что небо становится все темнее. Вот оно превратилось в пурпурное и прямо на глазах почернело. Зачарованным взглядом Мэтт увидел появившиеся на небе звезды.

— Приготовиться к невесомости! — донесся голос пилота из громкоговорителя.— Под головными подушками лежат санитарные пакеты. Если сомневаетесь

в себе, приготовьте их заранее. Я не собираюсь соскребать с палубы вашу блевотину.

Мэтт сунул странно потяжелевшие пальцы под подушку и достал санитарный пакет. Рев двигателя затих, и вместе с прекратившейся тягой исчезла сила, прижимавшая их к подушкам сидений. Пилот расстегнул ремни и повис в воздухе, глядя сверху на кандидатов.

— А теперь слушайте, парни. У нас шесть минут невесомости. Можете отстегнуть ремни — по два человека — и подняться сюда, чтобы осмотреться. Но предупреждаю — держитесь за поручни. Если я замечу когонибудь, повисшего в воздухе или решившего позабавиться, тут же помечу себе и сообщу на базу.— Он ткнул пальцем в сторону одного юноши.— Вот вы. И тот, что рядом.

«Тем, что рядом» оказался Мэтт. Его желудок не переставал давать знать о себе, юноша чувствовал себя ужасно, и ему совсем не хотелось воспользоваться предложенной привилегией, но на карту была поставлена его гордость. Он стиснул зубы, проглотил слюну, заполнившую рот, и расстегнул ремни.

Освободившись, он поднялся вверх, держась одной рукой за ремень, и попытался сориентироваться. Было как-то странно и неприятно оказаться в обстановке, где нет ни верха ни низа; все плыло у него перед глазами.

— Поторопитесь, ребята! — послышался голос пилота.— Иначе упустите свою очередь!

— Поднимаюсь, сэр!

— Подождите, дайте мне развернуть корабль.— Пилот отключил гироскопы и привел в действие прецессионный маховик. Корабль повернулся вверх дюзами. К тому времени, когда Мэтт успел добраться до пульта управления, двигаясь подобно старой и очень осторожной обезьяне, нос ракетного корабля был направлен в сторону Земли.

Мэтт прильнул к иллюминатору и посмотрел на земную поверхность, расположенную на расстоянии ста миль от него и медленно удаляющуюся. Зеленые и коричневые цвета на ней казались выцветшими и невыразительными по сравнению с ослепительной белизной облаков. Слева и справа виднелось иссиня-черное небо, усыпанное звездами.

— Прямо под нами находится база,— заметил пилот.— Если присмотритесь, увидите Хэйуорт Холл, вернее, его тень.

Направление, которое указывал пилот, не было для Мэтта «прямо под нами», скорее, оно казалось просто снаружи — чувство ориентации у Мэтта отсутствовало. Это беспокоило его.

— А вон там — видите? — кратер, где раньше был расположен Денвер. Теперь взгляните на юг — темная полоса, вернее, темно-коричневая,— это Техас; рядом заметен Мексиканский залив.

— Отсюда виден Де-Мойн, сэр? — спросил Мэтт.

— Его трудно разглядеть. Вон там — найдите место, где Миссури впадает в Миссисипи, и поднимайтесь вверх. Вот это темное пятно — Омаха и Каунсил Блаффс. Де-Мойн где-то между ними, недалеко от горизонта.

Мэтт напряг зрение, стараясь найти свой родной город. Он не был уверен, что увидел Де-Мойн, однако отчетливо заметил край Земли как изгибающуюся дугу горизонта; несомненно, он наглядно убедился, что Земля — круглая.

— Достаточно,— скомандовал пилот.— Возвращайтесь в свои кресла. Следующая пара!

Мэтт был рад, что пристяжные ремни снова надежно удерживали его в кресле. Оставшиеся четыре минуты тянулись бесконечно; он примирился с тем, что, по-видимому, никогда не совладает с космической болезнью, вызванной состоянием невесомости. Наконец пилот послал обратно последнюю пару, развернул корабль дюзами в сторону Земли и произнес в микрофон:

— Приготовиться к перегрузке — будем спускаться к Земле хвостом вперед!

Благословенная тяжесть придавила Мэтта к сиденью, и его желудок перестал протестовать. Девяносто секунд торможения казались намного продолжительнее, чем полторы минуты ускорения. Мэтта охватило пугающее чувство — он знал, что Земля мчится им навстречу, а он не мог видеть ее. Наконец Мэтт ощутил легкий толчок, и его вес внезапно стал нормальным.

— Совершили посадку! — объявил пилот.— Мы на поверхности, и никто не пострадал. Отстегивайтесь, парни.

Скоро подъехал грузовик, из которого выдвинулась

телескопическая лестница, и юноши спустились вниз. За ними последовал пилот. На обратном пути им встретился огромный трактор, направляющийся к ракетному кораблю. Водитель высунул голову из кабины и крикнул пилоту:

— Эй, Гарри! Ты почему не приземлился в Канзасе?

— Радуйся этому: представь, сколько времени тебе пришлось бы ехать за кораблем в Канзас,— огрызнулся пилот.

До ужина у Мэтта было еще много времени, и он решил вернуться в траншею, из которой они следили за взлетом первого корабля. Ему хотелось увидеть посадку ракетного корабля на столбе раскаленного пламени. Мэтту приходилось наблюдать за приземлением пассажирских стратосферных ракет, планирующих к посадочной площадке на крыльях, но он еще ни разу не видел посадки ракетного корабля.

Едва Мэтт нашел удобное место в бетонной траншее, как послышался взволнованный крик — на посадку заходил ракетный корабль. Сначала это был огненный шар высоко в небе; шар увеличивался в размере и превратился в огненный столб, растущий впереди ракетного корабля. Языки пламени лизнули землю, корабль застыл, подобно балетному танцору, и плавно опустился на поверхность. Корабль совершил посадку.

Мэтт повернулся к кандидату, стоящему рядом.— Сколько времени до следующей посадки?

— Они приземляются каждые пять минут. Оставайся на месте и все увидишь.

Через пару минут в небо поднялась зеленая сигнальная ракета. Мэтт оглянулся по сторонам, пытаясь увидеть взлетающий корабль, как вдруг чей-то крик заставил его обернуться. В небе снова появился растущий огненный шар.

Невероятно, но шар продолжал расти. Мэтт застыл, не в силах двинуться с места. Из громкоговорителей донеслась громкая команда:

— Лечь, всем немедленно лечь!

Прежде чем Мэтт заставил себя выполнить команду, кто-то повалил его на дно бетонной траншеи.

Раздался резкий удар, за которым последовал оглушительный грохот взрыва. У Мэтта перехватило дыхание.

Он сел и осмотрелся. Курсант, стоящий рядом с ним, осторожно наблюдал через парапет траншеи.

— Господи боже мой,— услышал Мэтт его шепот.

— Что случилось?

— Корабль разбился. Все погибли.— Курсант увидел его, казалось, впервые.— Быстро возвращайтесь к себе,— резко скомандовал он.

— Но как это произошло?

— Не ваше дело — сейчас не время для праздных разговоров.— Курсант пошел по траншее, выгоняя из нее зрителей.

IV

ПЕРВАЯ ПОВЕРКА

Когда Мэтт вернулся к себе в комнату, она была пуста. Он вздохнул с облегчением. Сейчас ему не хотелось встречаться с Берком или вообще с кем бы то ни было. Он сел и задумался.

Погибло одиннадцать человек — в одно мгновение, будто погасла свеча. Взволнованные и счастливые люди, и вдруг — взрыв, и того, что осталось, недостаточно даже для кремации. Внезапно он представил себе, что находится в космосе, и тут же выбросил эту мысль из головы, дрожа всем телом.

По истечении часа Мэтт пришел к выводу, что Патрульная Служба не для него. Он понял, что, мечтая о космосе, представлял себе Космическую Патрульную Службу через призму детских иллюзий — «Капитан Дженкс из Космического Патруля», «Юные ракетчики» и тому подобное. Такие книги представляли интерес для детей, но Мэтт честно признал, что героя из него не выйдет.

К тому времени, когда в комнату вошел Берк, Мэтт успокоился; нельзя сказать, что принятое им решение сделало его счастливым, но, по крайней мере, он выбрал путь. К тому же, вспомнил он, его желудок вряд ли когда-нибудь привыкнет к невесомости. Даже сейчас, когда он подумал об этом, желудок болезненно вздрогнул.

Берк вошел в комнату, беззаботно посвистывая.

Увидев Мэтта, он остановился и внимательно посмотрел на него.

— Ну что, юноша, ты все еще с нами? А мне казалось, что прогулка по ухабам отправит тебя домой.

— Нет.

— Неужели тебя не тошнило при невесомости?

— Тошнило.— Мэтт старался сохранять самообладание.— А тебя?

— Меня?— усмехнулся Берк.— Нет, конечно. Ведь я не наземный космонавт, юноша, я...

— Меня зовут не «юноша», а Мэтт.

— Хорошо, Мэттью. Я летал в космосе еще до того, как научился ходить. Видишь ли, мой старик занимается строительством космических кораблей.

— Вот как?

— Точно. Компания «Реэкторз Лимитед»— он председатель правления. Послушай, а ты видел этот фейерверк на космодроме?

— Ты имеешь в виду разбившийся корабль?

— Разумеется. Впечатляющее зрелище, правда?

Мэтт почувствовал, что самообладание покидает его.

— Неужели ты можешь стоять здесь и говорить,— произнес он тихим голосом,— что смерть одиннадцати человек — «впечатляющее зрелище»?

Берк смотрел на Мэтта непонимающим взглядом, затем рассмеялся.

— Извини, старина. Но мне даже не пришло в голову, что ты не знаешь элементарных вещей.

— Не знаю? Что я не знаю?

— С другой стороны, тебе и не следовало знать об этом. Успокойся, сынок, никто не погиб. Тебя просто обманули.

— Что ты хочешь этим сказать?

Берк сел и принялся хохотать до тех пор, пока у него из глаз не потекли слезы. Мэтт схватил его за плечо и встряхнул.

— Прекрати этот спектакль и объясни, что произошло!

Берк кончил смеяться, вытер слезы и посмотрел на Мэтта.

— Честное слово, Додсон, ты мне нравишься — где еще встретишь такого наивного деревенского парня.

Скажи, ты веришь в деда Мороза и в то, что детей приносит аист?

— Перестань болтать!

— Неужели ты не понял, что делают с тобой, начиная с того момента, как ты прибыл сюда?

— Что делают со мной?

— Да ведь против тебя ведут психологическую войну, парень! Очнись! Разве ты не заметил, что некоторые тесты слишком легкие — настолько легкие, что нет смысла обманывать экзаменаторов? А когда тебя «тащили по ухабам», неужели ты не обратил внимания на то, что вам позволили подойти к самому краю обрыва и посмотреть вниз? Ведь вас запросто могли оставить внутри здания до начала испытаний!

Мэтт подумал об этом. Это была интересная мысль — он понял, что она соответствовала некоторым вопросам, на которые он не мог найти ответа.

— Дальше.

— Действительно, это превосходная идея — помогает избавиться от слабаков и парней настолько глупых, что они не могут устоять перед искушением обмануть экзаменаторов, которым даже не приходит в голову, что тесты рассчитаны именно на таких людей, как они. Причем такая идея действительно эффективна — офицер Патрульной Службы должен уметь думать, быстро действовать и логически мыслить. Можно сберечь деньги, которые в противном случае были бы затрачены на второсортные кадры.

— Ты назвал меня глупым, а ведь я выдержал все испытания.

— Разумеется, ты выдержал их, потому что у тебя девственно чистый разум.— Он снова засмеялся.— Я тоже выдержал все испытания. Но из тебя никогда не выйдет офицера Патрульной Службы, Мэтт. У них есть иные способы избавляться от честных, но глупых кандидатов. Ты сам в этом убедишься.

— Ну, хорошо, предположим, я глуп. Только больше не смей называть меня юношей. Итак, как все это связано с катастрофой?

— Это элементарно просто. Им нужно избавиться от всего балласта еще до принятия присяги кандидатами. Среди них есть парни с желудками из чугуна, на которые не влияют ухабы или все остальное. Поэтому

офицеры Академии запускают ракетный корабль с роботом за пультом управления — без пилота или пассажиров — и разбивают этот корабль, чтобы напугать тех, кто не обладает железными нервами. Причем это куда дешевле, чем готовить одного курсанта, который в конце концов может не стать офицером.

— Откуда ты все это знаешь? Имеешь доступ к закрытым от нас сведениям?

— В некотором роде — да, имею. Это логическая необходимость — такие корабли не могут разбиться, если, конечно, их не разбивают намеренно.

— Пожалуй. Может быть, ты и прав.— Мэтт замолчал, не удовлетворенный объяснениями Берка, но у него не было весомых доказательств обратного. Впрочем, этот разговор укрепил его решимость в одном отношении — он будет бороться за право стать курсантом, независимо от состояния желудка; по крайней мере до тех пор, пока в списке кандидатов остается Жирар Берк — и уж во всяком случае никак не меньше 24 часов.

На их столе за ужином стояла надпись: «Стол 147, 149, 151, 153». За одним столом было достаточно места, чтобы разместить всех оставшихся кандидатов.

— Поздравляю вас, джентльмены,— обратился к ним курсант Саббателло с уважением в голосе.— Вы преодолели трудные испытания. Поскольку сегодня вечером вам предстоит принять присягу, наша следующая встреча будет уже в другом качестве.— Он улыбнулся.— Так что наслаждайтесь своим последним ужином, который вы будете есть как свободные люди.

Несмотря на утерянный завтрак и легкий обед, Мэтт ел мало. Его беспокоила интерпретация тестов, с которой познакомил Мэтта Жирар Берк. Он попрежнему собирался принять присягу, но его не покидало ощущение, что ему вот-вот предстоит сделать решающий шаг, а он все еще не понимает, что такое служба в Космическом патруле.

После ужина что-то заставило его подойти к курсанту, в течение всех этих дней сидевшему во главе их стола, и обратиться к нему.

— Извините меня, мистер Саббателло, вы позволите мне поговорить с вами по личному вопросу, сэр?

— Что? Разумеется, идите со мной.— Он провел

Мэтта к себе в комнату — она ничем не отличалась от комнаты, где жил сам Мэтт.

— О чем вы хотели поговорить со мной?

— Мистер Саббателло, я хотел спросить вас о сегодняшней катастрофе. Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Погибло одиннадцать человек. Вы считаете, про них можно сказать, что они «пострадали»?

— Вы уверены в этом, мистер Саббателло? Разве не могло случиться так, что корабль управлялся автоматически и внутри не было ни одного человека?

— Да, могло, но не в данном случае. Мне бы очень хотелось, чтобы все произошло так, как вы говорите; дело в том, что пилот корабля — мой близкий друг.

— Извините, сэр. Но я должен был задать этот вопрос. Ответ на него очень для меня важен.

— Почему?

Мэтт описал ему версию, изложенную Берком, не назвав его имени. Слушая Мэтта, Саббателло хмурился все больше и больше.

— Понятно,— кивнул он, когда Мэтт закончил рассказ.— Действительно, некоторые тесты носят скорее психологический, чем технический характер. А вот говоря о катастрофе, откуда у вас появилась такая невероятная версия?

Мэтт молчал.

— Ну хорошо, не будем говорить об этом. Если хотите, можете не выдавать свой источник. В конце концов, это не имеет значения. Но относительно катастрофы...— Саббателло задумался.— Я готов дать вам свое честное слово — нет, я даю честное слово, но раз вы приняли гипотезу своего товарища, вы не обратите никакого внимания на мои клятвы.— Он снова задумался.— Вы — католик?

— Э-э, нет, сэр.— Мэтт был удивлен таким вопросом.

— Впрочем, это неважно. Вы знаете, кем была Санта Барбара?

— Говоря по правде, сэр, я не уверен. Космодром...

— Да, космодром. Она приняла мученическую смерть в третьем веке. Но дело в том, что ее считают святой покровительницей всех, чья деятельность связа-

на со взрывчатыми веществами, включая ракетчиков.— Он замолчал.

— Если вы пройдете в церковь, вам скажут, что завтра состоится месса, во время которой будут просить Санта Барбару спасти души тех, кто погиб сегодня. Думаю, вы понимаете, что ни один священник не согласится пойти на такой обман, о котором говорит ваш товарищ.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, сэр,— торжественно кивнул Мэтт.— Я не пойду в церковь — мне и так все ясно.

— Отлично. А теперь бегом к себе в комнату и начинайте готовиться. Вам будет очень неловко, если вы опоздаете на собственную присягу.

Первая Поверка была назначена на двадцать один час в центральном зале. Мэтт пришел одним из первых, начисто выбритый, в чистом комбинезоне. Курсант, стоящий у входа, записал его фамилию и предложил подождать в зале. Мэтт увидел, что все стулья были убраны из зала. Над сценой в дальнем его конце висела эмблема Федерации — три переплетенных кольца, символизирующих Свободу, Мир и Справедливость. Кольца были соединены одно с другим таким образом, что стоило удалить одно из них, как вся эмблема рассыпалась. Под эмблемой Федерации виднелась эмблема Космической Патрульной Службы — звезда, сияющая в ночи.

Текс едва не опоздал. С трудом переводя дыхание, он подошел к Мэтту и поздоровался с ним; и в это же мгновение курсант, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон: «Внимание!»

— Всем собраться в левой части зала,— продолжил он. Кандидаты выстроились в компактную группу.— Оставайтесь здесь до начала поверки. Когда назовут вашу фамилию, отвечайте: «Здесь!» и переходите на противоположную сторону зала. Там на полу нанесены белые линии. Выстраивайтесь вдоль них.

Еще один курсант спустился со сцены и подошел к столпившимся кандидатам. Остановился, взял один листок бумаги из четырех, которые держал в руке, и протянул его Тексу.

— Вот вы, мистер,— сказал он.— Возьмите.

Озадаченный Джермэн взял листок и с удивлением посмотрел на курсанта.

— Зачем?

— Услышав свое имя, вы ответите: «Здесь!». Когда произнесут фамилию, написанную на этом листке, сделайте шаг вперед и скажите: «Он погиб. Я заменю его.»

Текс взглянул на листок. Мэтт заметил, что там было написано: «Джон Мартин».

— Кто это? — спросил Текс.

— Вам не знакомо это имя? — озадаченно спросил курсант.

— Нет.

— Тогда вот что. Тогда считайте, что это ваш друг, который не смог явиться на поверку. Вы отвечаете вместо него, чтобы все думали, что он здесь. Ясно?

— Да, сэр. Ясно.

Курсант пошел дальше. Текс повернулся к Мэтту.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет.

— И я ничего не понимаю. Может быть, дальше станет ясно.

Курсант, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон: «Внимание! Начальник Академии!»

Из двери в задней половине зала вошли два офицера, одетых в черные мундиры. Тот, что помоложе, шел так, что его рукав касался локтя старшего офицера. Они вышли на середину зала; молодой офицер остановился. Старший офицер мгновенно последовал его примеру, после чего адъютант отошел в сторону.

Начальник Академии стоял, повернувшись к новому классу.

Он застыл на месте, глядя куда-то в сторону. Шли минуты. Кто-то кашлянул; послышался шорох ботинок по полу зала. В следующее мгновение офицер повернул к юношам голову.

— Добрый вечер, джентльмены.

Глядя на него, Мэтт отчетливо вспомнил замечание курсанта Саббателло: «Он не слепой, мистер Додсон!» Глаза коммодора Аркрайта выглядели как-то странно: глазницы уходили глубоко в голову, и веки были опущены, как у задумавшегося человека. И тем не менее, если взгляд этих невидящих глаз остановится на нем, Мэтт был уверен, что коммодор не только увидит его,

но и сможет заглянуть внутрь головы и прочесть мысли.

— Я приветствую вас как новых членов нашего братства. Вы приехали сюда из разных стран, некоторые — с других планет. У вас различный цвет кожи, и вы принадлежите к разным вероисповеданиям. Несмотря на все это, вы должны стать и станете братьями.

Кое-кто из вас тоскует по дому. Прислушайтесь к моему совету — не нужно тосковать. С сегодняшнего дня каждая из планет нашей Федерации — это ваш дом, такой же, как и все остальные. Каждое живое, мыслящее существо в нашей Солнечной системе — это ваш сосед, и на вас возлагается ответственность за его благополучие.

Сейчас вы произнесете слова присяги, принять которую вы согласились добровольно, и станете членами Космической Патрульной Службы. Со временем вы будете офицерами Космического Патруля. Нужно, чтобы вы поняли, какую ответственность вы принимаете на себя. Вы проведете бесчисленные часы, готовясь овладеть своей новой профессией, приобретая навыки космонавта и профессионального военного. Вы овладеете знаниями и навыками, но не они сделают вас офицерами Патрульной Службы.

Коммодор задумался, затем продолжал:

— Офицер, командующий кораблем Патрульной Службы вдали от места базирования, является последним из абсолютных правителей, потому что остановить его может только он сам. Он бывает по долгу службы в местах, где не существует иной власти. Только он должен представлять собой закон и господство разума, справеливости и милосердия.

Более того, членам Патрульной Службы — как поодиночке, так и всем вместе — дано самое ужасное оружие, самая страшная сила, которая может принудить или уничтожить, превозмочь любую другую известную нам силу; и вместе с этой силой им доверено сохранять мир в нашей Солнечной системе и защищать гражданские права народов, ее населяющих. Члены Патрульной Службы — это солдаты свободы.

Недостаточно быть умным, смелым, умелым; те, кому доверена эта ужасная власть, и каждый из них должны владеть безукоризненным чувством чести, само-

дисциплины, не дающей проявиться честолюбию, тщеславию или жадности, уважать права, свободу и достоинство всех существ и иметь несгибаемую волю, направленную на торжество справедливости и милосердия. Этот человек должен быть подлинным рыцарем.

Коммодор смолк, и в огромном зале воцарилась абсолютная тишина. Затем он произнес:

— Пусть те, кто готовы принять присягу, построятся для переклички.

Курсант, выполнявший роль адъютанта, вышел вперед.

— Адамс!

— Э-э, здесь, сэр! — Кандидат поспешно перешел на другую сторону зала.

— Акбар!

— Здесь!

— Альварадо!

— Здесь!

— Андерсон, Питер...

— Андерсон, Джон...

— Анжелико...

Наконец курсант произнес: — Дэйна... Делакруа... Доббс... Додсон!

— Здесь! — выкрикнул Мэтт тонким голосом, однако никто не засмеялся. Он поспешил на другую сторону зала, встал на свое место и замер в ожидании. Перекличка продолжалась:

— Эдди...

— Эйзенхауэр...

Юноши переходили на другую сторону зала. Наконец курсант вызвал последнего кандидата:

— Цахм!

Выкрикнув: — Здесь! — последний юноша пересек зал.

Однако перекличка не закончилась.

— Дальквист! — торжественно произнес курсант.

Тишина.

— Дальквист! — повторил курсант. — Эзра Дальквист!

Мэтт почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Теперь он узнал это имя, но ведь Дальквиста не было здесь, его не могло быть в зале. Мэтт был уверен в этом, он вспомнил фотографию улыбающе-

гося молодого человека на фоне раскаленных песков Луны, которую Мэтт видел в нише купольного зала.

Позади Мэтта послышалось какое-то движение. Юноша, стоявший за Мэтто, сделал шаг вперед и произнес:

— Я заменяю Эзру Дальквиста!

— Мартин!

На этот раз замешательства не последовало. Мэтт услышал голос Текса:

— Я заменяю его!

— Ривера!

— Я заменяю Риверу! — раздался чей-то звучный голос.

— Уилер!

— Я заменяю Уилера!

Курсант повернулся к начальнику Академии, отсалютовал ему и произнес:

— Поверка закончена, сэр. Все на месте. Класс 2075-го года готов к присяге!

Мужчина в черном мундире отдал ответный салют.

— Благодарю вас, сэр. Начнем присягу.— Коммодор Аркрайт подошел ближе, курсант следовал рядом с ним, касаясь рукавом его локтя.

— Поднимите правую руку.

Коммодор поднял правую руку вместе со всеми.

— Повторяйте за мной: «По моему собственному желанию, безо всяких сомнений...»

— По моему собственному желанию, безо всяких сомнений...

— Я клянусь хранить мир в Солнечной системе...

Хор юношеских глосов повторял слова присяги за коммодором.

— ...защищать законные права и свободы народов, ее населяющих...

— ...охранять конституцию Солнечной Федерации...

— ...выполнять обязанности, мне порученные...

— ...и повиноваться законным приказам старших офицеров...

— Для выполнения этих обязанностей я обязуюсь хранить преданность данной мной присяге и отказаться от всего, что противоречит ей.

— И в этом я торжественно клянусь. Да поможет

мне Бог,— закончил коммодор Аркрайт. Мэтт повторил его слова и услышал, как вокруг прозвучали те же слова на десятках разных языков.

Коммодор повернулся к стоящему рядом курсанту.

— Дайте команду разойтись, сэр,— сказал он.

— Так точно, сэр! — Курсант посмотрел на ряды кандидатов, принявших присягу.— После команды разойтись,— громко произнес он,— всем повернуться направо и направиться к выходу. Не нарушать строя, пока не покинете зал. Разойтись!

Сразу после команды зал наполнился звуками музыки; новые курсанты направились к выходу в сопровождении марша «Долгая вахта» Космической Патрульной Службы. Когда последний скрылся за дверью, музыка стихла.

Коммодор подождал, пока юные курсанты не вышли из зала, и повернулся. Его адъютант, затянутый в черный мундир офицера Патрульной Службы, тут же появился рядом, а курсант, временно исполнявший обязанности алъютанта, быстро отошел в сторону. Коммодор Аркрайт окликнул его.

— Одну минуту, мистер Барнс.

— Слушаю, сэр.

— Вы готовы к представлению на офицерское звание?

— Думаю, что не готов, сэр. Пока не готов.

— Вот как? Ну что ж, зайдите ко мне, когда будете готовы.

— Так точно, сэр. Спасибо.

Коммодор повернулся и быстрыми шагами направился к двери рядом со сценой. Возле него шел адъютант, касаясь рукавом его локтя.

— Ну, Джон, что вы думаете о них? — спросил коммодор.

— Прекрасные парни, сэр.

— Я тоже так думаю. Молодость, задор, юношеские надежды. Но скольких нам придется отсеять? Это очень грустно, Джон: мы берем юношу и меняем его жизнь так, что он перестает быть обычным членом общества, затем выбрасываем его как непригодного. Ведь это жестоко!

— У нас нет другого выхода, сэр.

— Действительно, мы не можем поступать иначе.

Вот если бы у нас был волшебный пробный камень... Передайте на космодром, что я хочу взлететь через тридцать минут.

— Будет исполнено, сэр.

V

В КОСМОС

У Академии Патрульной Службы недостаточно, наверное, зданий со стенами, затянутыми плющом, и тенистых дорожек, по которым прогуливаются курсанты, зато у нее более чем достаточно учебных помещений. Курсанты Академии находятся во всех уголках Вселенной, от кораблей, летающих на орбитах вокруг Венеры или составляющих карты выжженной поверхности Меркурия, до кораблей, патрулирующих луны Юпитера.

Курсанты летят даже на кораблях, отправляющихся в многолетние экспедиции к застывшим от вечного холода краям Солнечной системы, и получают офицерское звание, как только командиры их кораблей приходят к выводу, что курсанты готовы стать офицерами уже сейчас, не ожидая возвращения на Землю.

Многие думают, что Академия Патрульной Службы — это Патрульный Ракетный корабль, или ПРК, как называют его космонавты, — «Джеймс Рэндольф», но каждая столовая для курсантов на любом корабле Патрульной Службы составляет частицу Академии. Курсантов-новичков отправляют на «Рэндольф» сразу после принятия присяги, и они остаются на борту учебного корабля до тех пор, пока не будут готовы к выпуску. Но и после этого подготовка курсанта будет продолжаться; со временем его отзовут обратно в Хэйуорт Холл, откуда он начал свой путь в космос, там и завершится его обучение. После нескольких лет пребывания в Академии курсант не обязательно окажется в Хэйуорт Холле. Его могут послать в радиационную лабораторию Оксфордского университета или в Сорбонну изучать космическое право, а то и на Венеру, в Институт системного анализа. Каким бы ни был его путь — и никто из курсантов не повторяет процесс обу-

чения друг друга, — Академия по-прежнему руководит им и несет ответственность до тех пор, пока курсант не станет офицером, если он вообще им станет.

Срок пребывания в Академии зависит от самого курсанта. Курсант Хартстоун, юноша поразительного таланта и редких способностей — он погиб во время первой экспедиции к Плутону, — стал офицером через год после прибытия зеленым кандидатом в Хэйуорт Холл. Однако нередки случаи, когда на базе Терры оказываются курсанты, проходящие обучение на протяжении пяти и даже больше лет.

Курсант Мэттью Додсон восхищенно смотрел на свое отражение в зеркале освежителя. Он был одет в светло-серую форму, которую обнаружил у себя в комнате после возвращения с Первой Поверки. Рядом лежала маленькая книжка правил и наставлений, где было вытеснено его имя. Скрепкой приколот к книжке листок бумаги со списком его новых обязанностей. Крупными буквами на верху листа было напечатано:

«Вашей первой обязанностью как курсанта является немедленно прочитать книгу правил и наставлений. Начиная с этого момента, вы несете ответственность за их выполнение».

Мэтт принялся за чтение и читал книжку до самого отбоя. Его голова была переполнена массой непонятных — по крайней мере сразу — и наполовину понятных правил: «В определенном, ограниченном смысле курсант является офицером Патрульной Службы... вести себя с достоинством и самообладанием, соответствующими ситуации... воздерживаться от нарушения местных обычаев, в случае, если они не нарушают закона Федерации или правила Патрульной Службы... однако ответственность при определении законности приказа возлагается на лицо, его получившее, равно как и на того, кто этот приказ отдал... обстоятельства, которые не оговорены законами или правилами, должны истолковываться самим курсантом в свете существующих традиций Патрульной Службы... курсант обязан всегда быть чисто выбритым и с прической, не превышающей два дюйма в длину».

Мэтт решил, что последнее правило ему понятно.

Он проснулся еще до сигнала подъема, бросился

в освежитель, поспешно побрился, хотя в этом не было необходимости, и надел новую форму.

Ткань светло-серого комбинезона хорошо облегала его ладную фигуру, однако ему казалось, что сшит он идеально и очень красиво. Впрочем, на самом деле на форменном комбинезоне не было никаких отличий, украшений и знаков, да и покрой, хотя и был вполне приличный, был далек от щегольского.

Однако Мэтту казалось, что новая форма поистине великолепна.

Берк постучал в дверь освежителя.

— Ты что, заснул? — Он сунул внутрь голову.— А-а, какой красавчик. А теперь выметайся!

— Выхожу.— Мэтт еще несколько минут бродил по комнате, наконец, сгорая от нетерпения, сунул книжку в карман (параграф устава 383) и направился в столовую. Он шел по коридору, гордый и взволнованный, чувствуя себя на вершине блаженства. Он сел за стол. Остальные места были еще свободны — Мэтт пришел первым. Один за другим подходили курсанты. Курсант Саббателло был одним из последних.

Он мрачно оглядел сидящих за столом.

— Внимание! — скомандовал он.— Всем встать!

Мэтт вскочил на ноги вместе с остальными курсантами. Саббателло опустился на стул.

— Отныне, джентльмены, извольте ждать, пока не сядут старшие. А теперь можете сесть.— Он посмотрел на кнопки перед собой, выбрал блюда и нажал несколько кнопок, затем снова посмотрел на курсантов. Новички продолжали есть. Саббателло резко постучал по столу.

— Минуту внимания, джентельмены. Вам необходимо привыкнуть к правилам поведения во время еды. И чем быстрее вы это сделаете, тем лучше для вас. Мистер Додсон, перестаньте макать хлеб в молоко, вы капаете на свой комбинезон. В связи с этим,— продолжал Саббателло,— мне хотелось бы напомнить вам о поведении за столом...

Мэтт вернулся в свою комнату в подавленном настроении.

По пути из столовой он зашел к Тексу; тот сидел на койке и листал книжку с правилами и наставлениями.

— Привет, Метт! — поднял голову Текс.— Слушай,

ты не знаешь, есть ли в этой библии правило, дающее мистеру Динковскому право запретить мне дуть на кофе?

— Вижу, тебе тоже досталось. Что произошло?

— Сначала я думал, что Динко — хороший парень, сговорчивый и заботливый. Но сегодня за завтраком он начал с того, что поинтересовался, как это я ухитряюсь носить с собой весь этот штрафной вес.— Текс глянул на свою талию, и Метт впервые с удивлением заметил, что в светло-серой форме курсанта, обтягивающей его тело, Текс выглядит, мягко говоря, полным.

— Мы все Джермэны — плотного сложения,— начал оправдываться Текс.— Ты посмотрел бы на моего дядю Боди. Когда он...

— Да хватит тебе,— прервал его Мэтт.— Я уже наслушался рассказов про дядю Боди.

— Пожалуй, ты прав. В любом случае, мне не следовало терять самообладание.

— Вот это верно,— кивнул Мэтт и принялся листать устав.— Вот, смотри, может быть, это касается тебя. Здесь говорится, что, если возникают сомнения, офицер, отдающий приказ, должен — по твоей просьбе — дать его в письменном виде и приложить отпечаток большого пальца или использовать другие средства для того, чтобы осталось постоянное доказательство.

— Ну-ка, где это? — Текс схватил книжку.— Ну, конечно, это относится ко мне — ведь я действительно сомневаюсь в правомерности приказа. Вот хорошо-то! Представь себе, какое у него будет лицо, когда я сошлюсь на этот параграф!

— Да, это будет интересно,— согласился Мэтт.— Тебя как отправляют на космический корабль, Текс?

Мэтт задал этот вопрос потому, что Патрульный Ракетный корабль «Симон Боливар» находился на космодроме в Санта Барбаре, высадив батальон космических пехотинцев. Однако ПРК «Боливар» мог захватить на обратном пути всего половину нового класса курсантов. Остальным предстояло отправиться гражданским шаттлом, запускаемым с катапульты пика Пайк на космическую станцию Терры, и уже оттуда совершить полет на учебный корабль «Рендольф».

— На «Боливаре»,— ответил Текс.— А тебя, Мэтт?

— Я тоже лечу на транспортном корабле. Мне хотелось бы побывать на космической станции, но лететь на патрульном корабле интереснее. Ты что берешь с собой?

Текс вытащил свой рюкзак и прикинул его на вес.— Да, это будет непросто. Здесь у меня не меньше пятидесяти фунтов. Как ты думаешь, если я упакую все это поплотнее, сумею уложиться в двадцать фунтов?

— Интересная теория,— согласился Мэтт.— И все-таки давай посмотрим на твое барахло, может быть, мы сумеем избавиться от тридцати фунтов штрафного веса.

Джермэн выложил на пол свои вещи.

— Так,— сразу произнес Мэтт,— вот эти фотографии тебе не понадобятся.— Он показал на двенадцать объемных стереофотографий, каждая из которых весила не меньше фунта.

— Оставить на Земле мой гарем?— спросил потрясенный Текс.— Вот это,— он взял одну из фотографий,— самая прелестная блондинка в долине Рио-Гранде.— Текс поднял другую.— А вот Смитти, я не могу обойтись без Смитти. Она считает меня самым лучшим парнем!

— Неужели ее мнение изменится, если ты не возьмешь с собой ее фотографию?

— Нет, конечно, но это недостойно джентльмена. Впрочем, придется согласиться с тобой.

— А чтобы компенсировать свою утрату,— предложил Мэтт,— возьми гармонику. Мне нравится музыка. А фотографии можно переснять на микропленку. Остальное выброси.

— Тебе легко говорить,— уныло заметил Текс.

— У меня такая же проблема,— напомнил ему Мэтт и пошел к себе.

Сегодня у класса не было занятий — курсантам предоставили время для подготовки к перелету на учебный космический корабль. Это был их последний день на Земле. Мэтт разложил свои вещи. Гражданскую одежду он пошлет, разумеется, домой вместе с телефоном — все равно дальность его действия ограничена наземными релейными станциями.

— Надо не забыть позвонить домой,— напомнил себе Мэтт.— Пожалуй, стоит сделать еще один звонок,

хотя он и решил не тратить время на девушек в своей новой жизни. И все-таки надо позвонить, хотя бы из вежливости, и попрощаться. Так он и поступил.

Мэтт позвонил домой, поговорил с родителями и младшим братом, потом позвонил своей девушке. Через несколько минут он положил трубку, озадаченный тем, что, оказывается, обещал регулярно с ней переписываться. Он сидел, глядя на оставшиеся вещи и задумчиво почесывая затылок. В этот момент вошел Берк.

— Вижу, ты пытаешься избавиться от штрафного веса? — ухмыльнулся он.

— Придумаю что-нибудь.

— А не надо ничего придумывать. Все и так ясно.

— Что ясно?

— Пошли свои вещи на космическую станцию Терры грузовым кораблем. Возьми в аренду шкаф для хранения и уложи их туда. Затем, когда получишь увольнительную на станцию, захвати на обратном пути все, что тебе нужно. Если вещи, которые ты хочешь доставить на борт «Рэндольфа», могут вызвать сомнение у начальства, спрячь их и провези тайком.

Мэтт молчал.

— Ты чего молчишь, благородный Галахад? Боишься быть уличенным в контрабанде?

— Нет. У меня нет шкафчика на станции Терры.

— Ладно, если тебе жаль денег, чтобы арендовать шкафчик, пошли вещи на мой номер. Услуга за услугу.

— Нет, спасибо. — Мэтт подумал о том, чтобы послать вещи в почтовое отделение станции, но потом отказался от этой мысли — слишком дорого. Он принялся сортировать вещи. Мэтт решил взять фотоаппарат, оставив на Земле устройство для перевода снимков на микропленку, и шахматы. Наконец ему удалось сократить количество вещей, которые он хотел бы взять с собой, до, как он надеялся, двадцати фунтов; Мэтт уложил багаж и пошел его взвешивать.

На следующий день подъем и завтрак были перенесены на час раньше. Сразу после завтрака в Хэйуорт Холле провели поверку, на которую позвали звуки марша «Корабль — на взлет!», волнующие души курсантов. Мэтт перекинул через плечо ремни рюкзака и поспешил вдоль подземных коридоров. Он протол-

кнулся через толпу молодых взволнованных курсантов и отыскал свое место в строю.

Поверка проводилась повзводно, и Метт был временно назначен командиром взвода, потому что его фамилия стояла первой в списке. Ему дали список курсантов его взвода еще до завтрака; он сунул руку в сумку, прикрепленную к поясу, и на мгновение его охватил страх — уж не забыл ли он список у себя в комнате? Страхи оказались напрасными — в следующий момент пальцы коснулись листа бумаги.

— Додсуорт!

— Здесь.

— Данстэн!

— Здесь.

Мэтт все еще вызывал Фрэнкеля, Фрейда и Фанстона, когда старший курсант, командующий поверкой всего класса, потребовал от него доклада. Он поспешно закончил поверку, повернулся кругом, отсалютовал и доложил:

— Девятнадцатый взвод — поверка закончена, все на месте!

Кто-то за его спиной хихикнул, и Мэтт понял, что отдал скаутский салют, а не свободный, открытой ладонью салют Патрульной Службы. Его щеки запылали.

Из динамиков донесся многократно усиленный металлический голос:

— Доложить о готовности!

Старший курсант отрапортовал, наступила короткая тишина, и из динамиков донеслось:

— Дальквист!

Чей-то голос, слышный через громкоговоритель, ответил:

— Я за него!

Затем были названы имена остальных членов знаменитой Четверки, и из динамиков донеслось:

— Все на месте, сэр.

— Начать посадку на корабль.

Курсанты прошли по коридору и оказались в огромном подземном зале глубоко под космодромом Санта-Барбары. Вокруг зала были открыты двери больших лифтов. Мэтт и его взвод вошли в один из них, и лифт начал поднимать их вверх.

Курсанты поднимались все выше и выше, намного выше, чем это было необходимо для того, чтобы взойти на борт учебного ракетного корабля. Наконец лифт остановился у люка в колоссальном корпусе «Боливара».

Курсанты перешли по трапу внутрь корабля. В шлюзе стоял сержант космической пехоты в красивой форме, украшенной множеством нашивок, знаков и медалей, который повторял: «Седьмая палуба! Вниз на свою палубу через люк — да поживее!» Он показал на люк, внутри которого начиналась узкая металлическая лестница, круто уходящая вниз.

Мэтт закрепил рюкзак на плече и начал спускаться по вертикальной лестнице, стараясь двигаться как можно быстрее, чтобы следующий за ним курсант не наступал ему на пальцы. Он потерял счет палубам, но на каждой из них стоял сержант, выкрикивавший номер палубы. Когда Мэтт услышал возглас: «Третья палуба!», он сошел с лестницы и оказался в широком круглом помещении с низким потолком. Весь пол был устлан толстым слоем поролона, разделенного белыми линиями на секции: каждая семь футов на три и с ремнями безопасности.

Мэтт нашел свободную секцию, сел на нее и стал ждать. Наконец курсанты перестали спускаться по лестнице, и каждая секция на палубе оказалась заполненной. Сержант пересчитал их, проверяя, нет ли свободных секций.

— Внимание, всем приготовиться к взлету! — донеслось предупреждение из громкоговорителей. Сержант дал команду всем курсантам пристегнуться и стоял, наблюдая за ними, пока приказ не был исполнен. Затем он тоже лег на свою секцию, взялся руками за поручни и доложил, что третья палуба готова к взлету.

Наступило томительное ожидание.

— Взлет! — прозвучала команда.

Мэтт почувствовал, как его спина вдавилась в толстый слой поролона.

Космическая станция Терра и учебный корабль «Рэндольф» находились на кольцевой орбите на расстоянии в 22 тысячи 300 миль от поверхности Земли и совершали один виток вокруг планеты ровно за двад-

цать четыре часа — естественный период для любого небесного тела на такой высоте.

Поскольку период обращения Земли вокруг своей оси точно соответствует этому периоду, они всегда находятся над одной стороной Земли, точнее говоря, над девяностым западным меридианом. Их орбита лежит в эклиптике — плоскости земной орбиты вокруг Солнца, а не в плоскости земного экватора. Это приводит к тому, что для наблюдателя, находящегося на поверхности Земли, они ежедневно перемещаются к северу и югу. Когда на Среднем Западе полдень, космическая станция Терры и учебный корабль «Рэндольф» находятся над Мексиканским заливом; в полночь — над южной частью Тихого океана.

Штат Колорадо движется на восток со скоростью 830 миль в час. Космическая станция Терры и «Рэндольф» тоже движутся на восток со скоростью около 7 тысяч миль в час, или, если быть точным, 1.93 мили в секунду. Пилоту «Боливара» было необходимо привести свой корабль к «Рэндольфу» с безошибочно рассчитанными скоростью и курсом. Для этого требовалось, чтобы он вырвал свой корабль из гравитационного поля нашей тяжелой планеты, направил его по элиптической орбите, касательной к круговой орбите «Рэндольфа», таким образом, чтобы, когда орбиты обоих кораблей соприкаснутся, их скорости сравнялись и корабли стали неподвижны по отношению друг к другу, одновременно перемещаясь в пространстве со скоростью двух милей в секунду. Подобный маневр был куда сложнее, чем приземление вертолета на посадочной площадке, поскольку скорости двух кораблей — невыравненные — будут отличаться на 3 тысячи миль в час.

Перелет «Боливара» из Колорадо к «Рэндольфу» и все остальные передвижения, связанные с путешествиями между планетами, подчиняются точным и элегантным расчетам, основанным на четырех законах, впервые сформулированных праведным, хотя и рассеянным сэром Исааком Ньютоном почти за четыреста лет до полета «Боливара»,— трех Законах Движения и Законе Всемирного Тяготения. Сами по себе законы просты; их применение в космическом пространстве для того, чтобы доставить вас туда, где вы хотите оказаться в ну-

жное время, с нужной скоростью и в соответствии с курсом, представляет собой процесс сложных математических вычислений.

«Вес», который вдавливал Мэтта в мягкий матрас, был результатом четырехкратного увеличения силы тяжести — сейчас он весил почти шестьсот фунтов. Он лежал, вытянувшись и тяжело дыша, пока корабль пробивал дорогу через толстый слой атмосферы по пути в космическое пространство. Тяжелый вес, прижимавший курсантов к палубе, будет продолжать действовать на них, пока «Боливар» не достигнет скорости шесть миль в секунду, поднявшись на высоту около тысячи миль над поверхностью Земли.

По истечении чуть больше пяти минут тяговые двигатели выключились.

Когда в отсеке воцарилась такая нестерпимая тишина, что у Мэтта зазвенело в ушах, он поднял голову. Сержант заметил движение и рявкнул:

— Оставаться на местах, не двигаться!

Мэтт опустил голову и расслабился. Они находились в состоянии свободного падения, невесомости, хотя «Боливар» уносился от земной поверхности со скоростью больше, чем двадцать тысяч миль в час. Любое тело в космическом пространстве — планета, корабль, метеор, атом — непрерывно падает. Кроме того, оно продолжает движение по той орбите, которая была придана ему раньше.

Мэтт отчетливо осознавал, что они в состоянии невесомости, потому что его желудок жаловался не переставая. Чтобы не рисковать, он достал из рюкзака санитарный пакет и держал его наготове. Мэтта подташнивало, но он все-таки чувствовал себя куда лучше, чем во время первого испытательного полета или когда их «тащили по ухабам». Он надеялся, что ему удастся сохранить завтрак.

Из динамика донеслось: «Конец ускорения. Начались четыре часа свободного падения.»

Сержант космической пехоты сел.

— Можете отстегнуть ремни,— скомандовал он.

Через несколько секунд отсек превратился в переполненный аквариум. Сотня юношей плавала и поворачивалась на разной высоте и в самом разном положении в пространстве между палубой и потолком. Впро-

чем, эти две перегородки больше не казались палубой и потолком, поскольку понятия «верх» и «низ» исчезли; они превратились в стены, которые медленно и беспорядочно вращались для каждого курсанта, тело которого кувыркалось в воздухе.

— Эй, парни! — крикнул сержант.— Схватитесь за что-нибудь и слушайте меня!

Мэтт оглянулся по сторонам, увидел рядом поручень и вцепился в него.

— Нужно овладеть элементарными правилами передвижения в невесомости. Это необходимо, иначе вы постоянно будете сталкиваться друг с другом. Если по пути вам встретится капитан и вы столкнетесь с ним, он вряд ли останется доволен. Понятно?

Сержант поднял покрытый шрамами большой палец.

— Итак, правило номер один. Все наземные космонавты — а это относится именно к вам — должны все время держаться за что-нибудь хотя бы одной рукой. Это правило будет выполняться вами до тех пор, пока вы не пройдете обучение акробатике невесомости. Правило номер два: пропускать всех офицеров, не ожидая, когда они крикнут: «С дороги!». Кроме того, вы обязаны пропускать всех, у кого заняты руки, кто несет вахту или выполняет другие служебные обязанности.

— Если вы двигаетесь в сторону кормы, расходитесь со встречными, придерживаясь внутренней — по отношению к оси корабля — стороны коридоров. Когда вы перемещаетесь по часовой стрелке, ведя отсчет от носа, то пропускаете встречного у внешней стороны коридора. Независимо от того, в каком направлении вы двигаетесь, обгоняйте вдоль внутренней стороны по отношению к нему. Все понятно?

Мэтт подумал и решил, что понятно, хотя и сомневался, что сразу запомнит инструктаж сержанта. Однако ему пришло в голову, что существует еще одна возможность, которую не упомянул сержант.

— Послушайте, сержант,— спросил он, глядя на него невинным взглядом,— предположим, я двигаюсь прямо от центра корабля, как поступить тогда?

На лице сержанта появилась презрительная улыбка, показавшаяся Мэтту какой-то странной, потому что

они с сержантом висели вверх ногами по отношению друг к другу.

— Тогда с вами произойдет то же, что случается с теми, кто переходит дорогу в неположенном месте. Итак, вы двигаетесь наперерез потоку движения: старайтесь не сталкиваться ни с кем. Это ваша задача. Еще вопросы?

Вопросов не было. Сержант продолжал:

— Теперь можете отправляться и осмотреть корабль; только постарайтесь никому не мешать, чтобы не опозорить нашу третью палубу.

На третьей палубе нет иллюминаторов, однако «Боливар» был космическим кораблем, рассчитанным на длительные перелеты; у него имелись комнаты отдыха с иллюминаторами. Мэтт направился к носу корабля, надеясь взглянуть на быстро удаляющуюся Землю.

Он твердо запомнил, что нужно обгонять остальных вдоль внутренней стены коридора и расходиться с встречными по внешней, однако некоторые пассажиры, судя по всему, не получили соответствующий инструктаж или не поняли его смысл. Около каждого люка виднелся затор, состоящий из курсантов, пытающихся выбраться со своей палубы и посетить другую — не обязательно ту, у которой есть иллюминаторы.

Как выяснилось, шестая палуба служила комнатой отдыха. Здесь была корабельная библиотека, запертая сейчас, а также игровые автоматы, которые тоже были на замке. Однако в стенах комнаты отдыха находилось шесть огромных иллюминаторов.

При взлете в комнате отдыха также располагались пассажиры. Теперь, в состоянии невесомости, сюда постепенно перебрались курсанты с остальных палуб. Подобно Мэтту, они надеялись посмотреть на Землю или хотя бы выглянуть в космос. В то же самое время те курсанты, которые были размещены на шестой палубе при взлете, не изъявляли желания покидать ее.

Комната отдыха была переполнена.

Она была набита курсантами до отказа, как корзинка с котятами. Мэтт отстранил рукой чей-то ботинок, норовивший влезть ему в левый глаз, и попытался пробиться к одному из панорамных иллюминаторов. Усиленно работая коленями и локтями, а также не обращая ни малейшего внимания на правила расхождения

при встрече, Мэтт сумел добраться до второго или третьего ряда курсантов, уставившихся в иллюминатор. Он положил руку на плечо курсанта впереди себя и постарался отодвинуть его в сторону. Возмущенный юноша обернулся.

— Эй, послушай! Ты чего это толкаешься? А, это ты, Мэтт. Здравствуй!

— Привет, Текс. Как дела?

— Вроде в порядке. Жаль, что тебя не было здесь несколько минут назад. Мы пролетали мимо спутника связи, совсем рядом. Ты бы только видел, с какой скоростью наш корабль промчался мимо него. Спутник только показался и тут же исчез за кормой. Я даже не успел как следует рассмотреть его. К тому же, он был от нас милях в десяти.

— А Землю видно? — поинтересовался Мэтт, двигаясь поближе к иллюминатору.

— Конечно.— Текс отодвинулся в сторону, и Мэтт занял его место. Угол иллюминатора прорезал середину южной Атлантики. Мэтт видел дугу, простирающуюся почти от Северного полюса до экватора.

Над Атлантикой царил полдень. За ней Мэтт видел Британские острова, Испанию и металлический отблеск песков Сахары, залитых ярким солнечным светом. Коричневые и зеленые цвета суши резко контрастировали с темно-пурпурным океаном. Еще резче выделялись ослепительно-белые облака. Взгляд Мэтта переместился к отдельной выпуклой дуге горизонта. Там все детали как-то смывались, казались слегка расплывчатыми и создавали впечатляющий стереоэффект глубины, трехразмерной выпуклости — планета действительно была круглой! И не только круглой, но также зеленой и такой прекрасной! Мэтт заметил, что у него захватило дыхание. Чувство тошноты бесследно исчезло.

Кто-то потянул его за ногу.

— Эй, послушай, ты что, весь день хочешь здесь оставаться? Дай нам тоже посмотреть.

С чувством сожаления Мэтт уступил место другому курсанту. Он повернулся, оттолкнулся от иллюминатора, выплыл в середину отсека и потерял при этом ориентировку. В беспорядочной толпе тел Мэтт не мог отыскать Текса.

Тут он почувствовал, что его схватили за лодыжку.

— Я здесь, Мэтт. Давай уйдем отсюда.

— Хорошо, Текс.

Они сумели доплыть до люка и переместились на следующую палубу. Поскольку здесь не было иллюминаторов, она оказалась почти пустой. Мэтт с Тексом медленно проплыли до стены и схватились за поручни.

— Ну вот мы и в космосе,— заметил Мэтт.— Как ты себя здесь чувствуешь?

— Подобно рыбе в аквариуме. И у меня стремительно развивается косоглазие оттого, что я все время пытаюсь определить, где верх. Как у тебя с желудком? В порядке?

— Нет.— Мэтт осторожно проглотил слюну.— Давай не будем говорить об этом. Где ты был вчера? Я заходил к тебе пару раз, но твой сосед по комнате сказал, что не видел тебя после ужина.

— А, ты об этом...— На лице Текса появилось смущенное выражение.— Я был у мистера Динковски. Между прочим, Мэтт, ну и шутку ты со мной выкинул!

— Какую шутку?

— Помнишь, ты посоветовал мне обратиться к мистеру Динковски, чтобы он дал свое распоряжение относительно кофе в письменном виде, раз у меня возникли сомнения в его правоте. Ты даже не представляешь, в каком дурацком положении я оказался!

— Одну минуту, Текс, я ничего тебе не советовал; просто обратил твое внимание на то, что устав позволяет тебе потребовать это.

— Все равно, ты завел меня.

— Да ничего не заводил! Мой интерес был чисто теоретическим. Ты мог поступать, как считал нужным

— Ну ладно, забудем про это.

— Так что же произошло?

— Вчера за ужином я заказал на десерт пирог. Взял его в руку, я делал так всегда, с того самого момента, как подрос и мама устала шлепать меня по рукам, и принялся есть его, откусывая большие куски и засовывая их в рот, счастливый, как щенок на клумбе. Динко приказал мне прекратить это безобразие и есть пирог вилкой.

— Вот как? И что было дальше?

— Я ответил, что мне нужно его письменное распоряжение.

— После этого он отстал от тебя?

— Ничуть! Он ответил: «Как вам угодно, мистер Джермэн» самым спокойным голосом, достал записную книжку, написал, что предложил мне есть пирог вилкой, поставил отпечаток большого пальца, вырвал страницу и вручил ее мне.

— И ты стал есть пирог вилкой. Верно?

— Разумеется. Но это всего лишь начало истории. Динко тут же написал второе распоряжение и передал мне, попросив прочитать его вслух. Я так и поступил.

— Что там говорилось?

— Одну минуту... Где-то оно у меня в кармане.— Текс достал листок бумаги из сумки.— Вот оно— читай.

— Курсанту Джермэну,— прочел Мэтт,— немедленно после ужина явиться к вахтенному офицеру, захватив с собой первое письменное распоряжение, которое я ему передал. Объяснить вахтенному офицеру обстоятельства, которые привели к появлению этого распоряжения, и узнать у офицера, насколько законны устные распоряжения такого рода. Подпись— С. Динковски, курсант Академии, завершивший курс обучения.

— Вот это да! — присвистнул Мэтт.— Как развивались события дальше?

— Я кончил есть пирог — вилкой, как и приказал Динко, хотя к этому времени у меня пропал аппетит. Нужно заметить, что Динко был крайне вежлив. Он даже улыбнулся и сказал: «Вы уж не обижайтесь на меня, мистер Джермэн. Я поступил так, как требует устав.» После этого поинтересовался, кто подал мне такую мысль — потребовать от него письменное распоряжение.

Мэтт покраснел.— Ты сказал ему, что это был я?

— Ты что, за дурака меня принимаешь? Я просто ответил, что один из курсантов обратил мое внимание на параграф номер девятьсот семь.

— Спасибо, Текс,— облегченно вздохнул Мэтт.— Ты — настоящий друг.

— О чем ты говоришь? Но он попросил меня передать этому курсанту одну фразу.

— Какую же?

— «Больше не надо».

— Что — «не надо»?

— Не знаю. Просто передать «Больше не надо», вот и все. Добавил, что курсанты, увлекающиеся космической юриспруденцией, часто кончают тем, что их вышибают из Патрульной Службы.

— А-а.— Мэтт задумался.— Ну и как развивались события дальше? После того, как ты явился к вахтенному офицеру?

— Я прибыл на мостик, и дежурный курсант разрешил мне войти в рубку. Я отсалютовал вахтенному офицеру, назвал фамилию и показал оба письменных распоряжения.— Текс замолчал и уставился куда-то вдаль.

— Ну? Да продолжай ты, ради Бога, не томи.

— Вахтенный офицер самым вежливым образом сделал мне выволочку. Даже мой дядя Боди не справился бы с этой задачей лучше его.— Текс снова замолчал, как будто воспоминание о случившемся причиняет ему мучительную боль.— После этого вахтенный офицер успокоился и объяснил мне, стараясь выбирать самые простые, доступные даже кретину выражения, что параграф девятьсот семь касается исключительно нештатных ситуаций и что курсанты-новички обязаны подчиняться старшим курсантам при любых обстоятельствах и по всем вопросам, если только устав не запрещает это.

— Да неужели? Но послушай, это значит, что мы обязаны выполнить все их распоряжения практически по любому поводу. Ты хочешь сказать, будто старший курсант может диктовать мне, как делать пробор в моей прическе?

— Совершенно точно: ты произнес именно те слова, которые выбрал для иллюстрации лейтенант фон Риттер. Старший курсант не имеет права приказать тебе нарушить устав — он не может приказать ударить капитана и не может приказать тебе покорно стоять, чтобы ему было удобно дать тебе по физиономии. Но его права ограничиваются всего лишь этим. Лейтенант фон Риттер пояснил, что старший курсант обязан руководствоваться здравым смыслом и благоразумием и что правила поведения за столом относятся, несом-

ненно, к этой категории. Затем приказал мне явиться к Динко и доложить ему.

— Динко торжествовал?

— Ничуть.— Текс наморщил лоб и посмотрел на Мэтта озадаченным взглядом.— И вот что странно. Динко отнесся к этому случаю, будто преподал мне урок в геометрии. Он сказал, что теперь, когда я убедился в законности его распоряжений, он хочет объяснить мне, почему счел необходимым научить меня правильно есть пирог. Динко даже сказал, что понимает, будто я могу рассматривать этот приказ как недозволенное вмешательство в мою личную жизнь. Я ответил, что у меня уже больше нет личной жизни. На это Динко возразил, сказав, что личная жизнь у меня есть, просто некоторое время она будет микроскопической.

— Затем он принялся объяснять причину, побудившую его заняться моим поведением за столом. Офицер Патрульной Службы, по его словам, может общаться с представителями самых разных слоев общества; если хозяйка дома, куда пригласили офицера, ест с ножа, тогда и офицер должен поступать так же.

— Ну что ж, это понятно.

— Далее он сказал, что кандидаты приезжают в Хэйуорт Холл отовсюду. Некоторые из них воспитаны в семьях и обществах, где хорошие манеры требуют, чтобы все ели из одного блюда, пальцами... как это принято у мусульман. Однако существуют общепринятые правила, которые считаются нормальными среди высших слоев общества.

— Глупости! — возразил Мэтт.— Я сам видел, как губернатор Айовы закусывал, держа в одной руке сосиску, в другой — кусок пирога.

— Наверняка это был не официальный банкет,— отмахнулся Текс.— Нет, Мэтт, мне кажется, что Динко прав. Он говорил, что само по себе поведение за столом — или то, как я ем пирог,— не так уж важно, однако это все складывается в общее воспитание, умение держать себя: например, нельзя говорить о смерти на Марсе или в разговоре с марсианином.

— Неужели? — удивился Мэтт.

— По крайней мере, так сказал Динко. Он добавил, что со временем я научусь, как он выразился, «есть пи-

рог вилкой» при самых разных обстоятельствах и на любой планете. И на этом наш разговор закончился.

— Значит, он занимался нравоучениями весь вечер?

— Ну что ты, минут десять.

— Тогда почему я не мог тебя найти? Я зашел в твою комнату перед самым отбоем, и ты все еще не вернулся.

— Я все еще сидел в комнате у Динко.

— Чем же ты занимался?

— Видишь ли,— Текс выглядел смущенным,— я писал. Динко попросил меня написать фразу «я всегда буду есть пирог вилкой» две тысячи раз.

Текс и Мэтт решили осмотреть весь корабль и действительно побывали на всех палубах, открытых для посещения. Однако машинное отделение было заперто, и вооруженный часовой не пустил их в штурманскую рубку. Они попытались снова заглянуть в иллюминаторы комнаты отдыха, но обнаружили, что там был уже установлен порядок: сержант, стоящий у входа на эту палубу, спрашивал у каждого курсанта, является ли это посещение комнаты отдыха первым, и если тот отвечал, что уже смотрел через иллюминаторы, сержант не позволял ему задерживаться в отсеке.

Что касается пассажирских палуб, юноши быстро увидели, что одна ничем не отличается от другой. Бортовые освежители заинтересовали их своей необычной и хитроумной конструкцией, необходимой для нормального функционирования в космическом пространстве. Однако четыре часа — это слишком много, чтобы затратить на осмотр душей и сантехники; через некоторое время друзья отыскали спокойное место и в первый раз испытали наиболее характерную черту космических полетов — их монотонность.

Наконец из корабельных динамиков донеслось: «Приготовиться к ускорению, которое начнется через десять минут.»

Юноши, вытянувшиеся на поролоновых матах и пристегнутые ремнями к палубе, почувствовали продолжительные толчки включенных тяговых двигателей, затем последовало длительное ожидание и, наконец, едва заметный толчок.

— Это нас присоединили к причальному тросу,— заметил сержант, расположившийся недалеко от

Мэтта.— Теперь они подтянут нас к себе. Ждать придется недолго.

Еще через десять минут последовала громкая команда: «Попалубно, одна за другой, высадить пассажиров.»

— Отстегнуться! — скомандовал сержант и встал у люка. Переход пассажиров с одного корабля на другой — длительный процесс, потому что они были соединены всего одним шлюзом. Группа курсантов, в которой находился Мэтт, ждала, пока перейдут на борт учебного корабля четыре палубы, расположенные перед ними, и лишь после этого поднялись по лестнице на седьмую палубу. Там был открыт люк, но за ним вместо пустоты космического пространства виднелась гофрированная труба шести футов в диаметре. По ее середине был протянут трос. Вдоль троса, быстро перебирая руками, двигались курсанты, в невесомости напоминающие обезьян.

Когда пришла его очередь, Мэтт схватился за трос и потянул себя вперед. В пятидесяти футах за воздушным шлюзом гофрированная труба внезапно открывалась в другой отсек, и Мэтт оказался внутри своего нового дома, ПРК «Рэндольф».

VI

ЧТЕНИЕ, ПИСЬМО И АРИФМЕТИКА

Патрульный ракетный корабль «Рэндольф» был в свое время мощным и современным космическим крейсером. Его длина составляла 900 футов, а диаметр — 200. Теперь, будучи учебным кораблем, его масса — шестьдесят тысяч тонн — была достаточно скромной.

«Рэндольф» висел в космическом пространстве на расстоянии десяти миль от станции Терры и двигался по одной орбите со станцией. Если бы «Рэндольф» оставался под влиянием их взаимного притяжения, он начал бы медленно двигаться по орбите вокруг космической станции, масса которой была в десять раз больше; однако в целях безопасности кораблей, то и дело подлетающих к станции и покидающих ее, учебный ко-

рабль удерживался на постоянном расстоянии от станции.

Осуществить это было несложно. Масса Земли составляет шесть биллионов триллионов тонн; масса космической станции Терры — одна стомиллионбиллионная от массы Земли — всего шестьсот тысяч тонн. «Вес» учебного корабля «Рэндольф», расположенного в десяти милях от космической станции, по отношению к ней равняется приблизительно одной тридцатой унции, что соответствует на Земле весу масла на половине бутерброда.

Оказавшись внутри «Рэндольфа», Мэтт осмотрелся по сторонам. Отсек, в котором он находился, был клиновидной формы и ярко освещенным. Группы молодых курсантов направлялись к выходу из отсека в сопровождении старших с черными повязками на рукавах. Один старший курсант двигался к Мэтту с непринужденной грацией человека, чувствующего себя в невесомости как рыба в воде.

— Девятнадцатый взвод! Кто из вас командир?

— Я, сэр,— поднял руку Мэтт.— Я командир взвода.

Старший курсант остановил его рукой, держась второй за трос, вдоль которого двигался Мэтт.

— Я освобождаю вас от исполнения обязанностей командира, сэр,— сказал он.— Но пока прошу оставаться рядом и помочь мне собрать курсантов взвода. Вы, наверно, знаете всех в лицо?

— Думаю, что да,— ответил Мэтт не очень уверенно.

— Не сомневаюсь в этом — у вас было достаточно времени.

Мэтт с чувством зависти увидел, что через несколько минут новый командир взвода — курсант Лопес — запомнил все имена курсантов в списке взвода, тогда как Мэтту приходилось то и дело заглядывать в листок бумаги, который он держал в руке. Мэтт еще не осознал необходимость порядка и тщательной подготовки; его поразила легкость и непринужденность в поведении Лопеса. Пока Мэтт показывал на членов взвода, Лопес нырял в середину отсека и вылавливал, подобно коршуну, заблудившихся курсантов. Скоро девятнадцатый взвод был собран у одного из выходов,

где они повисли, держась за поручни, как летучие мыши.

— Следуйте за мной,— скомандовал Лопес,— и не отставайте. Додсон, вы будете замыкающим.

— Слушаюсь, сэр.

Они двигались по бесконечным коридорам, держась руками за натянутый трос, через один отсек за другим, через бесчисленные люки, опускаясь и поднимаясь. Мэтт чувствовал, что совсем заблудился. Наконец курсант, двигавшийся перед ним, остановился. Мэтт увидел, что взвод собрался в каком-то отсеке.

— Это — ваша столовая. Обед через несколько минут,— объяснил Лопес.

За спиной Лопеса к стенке были прикреплены столы и скамейки.

— Я не голоден,— заметил один из курсантов, отворачиваясь в сторону.

— В это трудно поверить,— возразил Лопес.— Прошло больше пяти часов после вашего завтрака. Мы в той же временной зоне, как и Хэйуорт Холл на Терре. Тогда почему же вы не голодны?

— Не знаю, сэр. При одной мысли о пище у меня пропадает аппетит.

Лопес внезапно улыбнулся, и его лицо сразу стало таким же юным, как и у молодых курсантов.

— Я просто пошутил, парни. Как только мы отделимся от «Боливара», главный механик придаст кораблю вращение вокруг продольной оси. Тогда вы сможете сесть за столы на свои мягкие задницы и утихомирить свои стонущие желудки в мире и спокойствии. У вас сразу появится аппетит. А пока отдохните.

В отсеке появилось еще два взвода. Пока курсанты ждали, повиснув в воздухе, Мэтт спросил Лопеса:

— А какова скорость вращения, сэр?

— У наружной обшивки корабля сила тяжести будет равна земной. Для этого потребуется два часа,— может быть, чуть больше; однако мы примемся за обед, как только сила тяжести позволит вам, наземным космонавтам, разместиться за столами и приняться за суп, не рискуя облить им себя и остальных.

— И все-таки, с какой скоростью будет вращаться корабль?

— Вы в состоянии справиться с простой математикой?

— Да, сэр. Думаю, что в состоянии.

— Так вот. «Рэндольф» имеет диаметр в двести футов и будет вращаться вокруг главной продольной оси. Квадрат скорости на внешней обшивке корабля, деленный на его радиус,— сколько оборотов в минуту?

На лице Мэтта появилось отсутствующее выражение.

— Господи, да не напрягайтесь вы так!— улыбнулся Лопес.— Представьте себе, мистер Додсон, что вы на борту корабля, падающего на поверхность планеты. Если вы не успеете сделать необходимые расчеты, корабль разобьется. Итак, каков ответ?

— Боюсь, что мне трудно произвести эти вычисления в уме, сэр.

Лопес оглянулся вокруг.— Ну, кто из вас может ответить на этот вопрос?— Молчание. Лопес скорбно покачал головой.— И вам, ребята, скоро придется делать астрогационные расчеты. Почему вы решили стать космонавтами, а не студентами сельскохозяйственных колледжей? Ну, ладно — скорость вращения корабля составит примерно пять и четыре десятых оборота в минуту. В результате создается сила тяжести, равная земной,— специально для женщин и маленьких детей. После этого скорость вращения будет постепенно уменьшаться — день за днем,— и через месяц мы будем снова в состоянии невесомости. Так что вы сможете привыкнуть к свободному падению постепенно или смириться с тем, что придется покинуть Патрульную Службу.

— Но для этого потребуется огромная мощность! — воскликнул кто-то.

— Вы что, шутите?— удивился Лопес.— Вращение корабля начинается при электрическом торможении маховиков, расположенных на главной продольной оси. На валу установлены электрические обмотки; главный механик включает систему в режиме генератора, и взаимодействие между маховиком и массой корабля приводит «Рэндольф» во вращение. При этом вырабатывается электричество, накапливаемое аккумуляторами. А когда нужно замедлить или прекратить вращение, в обмотки поступает электрический ток, и систе-

ма начинает работать в режиме двигателя. Таким образом, никаких потерь; ну, может быть, очень незначительные. Усекли?

— Да, сэр.

— Зайдите в корабельную библиотеку, мистер Додсон, сделайте чертеж электрической схемы и покажите мне после ужина.

Мэтт молчал.

— В чем дело, мистер? — резко бросил Лопес. — Вы что, не слышали?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Вот это другое дело.

Курсанты очень медленно подплыли к продольной переборке, оттолкнулись от нее и начали скользить к переборке, к которой были прикреплены столы и скамейки. К тому времени, когда они достигли переборки, скорость вращения корабля была уже достаточной, чтобы начала ощущаться сила тяжести. Курсанты встали на палубу, столы и скамейки оказались в привычном положении рядом с ними, а люк, через который они попали в отсек, стал всего лишь квадратным отверстием в потолке.

Мэтт заметил, что чувство головокружения отсутствует; он ощущал всего лишь возрастающую силу тяжести. Ему все еще казалось, что он легок как пушинка, но и этого веса было достаточно, чтобы он сел за стол и удержался на скамейке; шли минуты за минутами, и Мэтт чувствовал, что становится тяжелее.

Он посмотрел на поверхность стола, надеясь увидеть кнопки, с помощью которых можно выбрать блюда. На столе были углубления и зажимы, применявшиеся, как подумал Мэтт, в невесомости, но ничего больше.

Лопес резко постучал по столу. — Вы не в санатории, джентльмены. Рассчитаться вокруг стола! — Он подождал, когда закончился расчет, и продолжил. — Запомните свои номера и порядок, как вы сидите. Номера один и два займутся сегодня подносом калорий. Завтра эта честь выпадет следующей паре, и так далее.

— А где получать пищу, сэр?

— Откройте глаза! Вон там.

«Вон там» находилась дверца, за которой проплывала лента конвейера. Курсанты с других столов уже

собрались около нее. Двое из девятнадцатого взвода, которым было суждено сегодня играть роль официантов, отправились к дверце и скоро вернулись с большим подносом, на котором стояло двадцать порций, упакованных в пластик. К каждой порции были прикреплены ложка, нож и вилка, а также трубки для питья.

Мэтт развернул свою порцию и увидел, что внутри находятся тарелки с твердой пищей, накрытые крышками, которые закрывались сразу после того, как ложка с пищей подносилась ко рту. Жидкая пища содержалась в контейнерах, снабженных клапанами, через которые просовывались трубки для питья. Ему еще ни разу не приходилось видеть столовые приборы, приспособленные для принятия пищи в невесомости, и Мэтт с восхищением смотрел на тарелки и стаканы. Правда, пока «Рэндольф» вращается, искусственная сила тяжести позволит пользоваться обычными земными приборами.

На обед подали горячий ростбиф с картошкой, салат, лимонный шербет и чай. Во время обеда Лопес непрерывно расспрашивал курсантов, однако к Мэтту не обращался. Через двадцать минут металлический поднос перед Мэттом был отполирован до блеска. Сытый, он с удовлетворением откинулся на спинку стула, решив, что Патрульная Служба отлично кормит тех, кто в ней служит, а учебный корабль «Рэндольф» — настоящий дом для курсантов.

Перед тем как отпустить своих подчиненных, Лопес объяснил, что им предстоит сегодня. Мэтта разместили в каюте А—5197. Все жилые помещения находились на палубе «А», примыкающей вплотную к изолированной наружной оболочке корабля. Лопес даже снизошел до того, что рассказал курсантам про систему нумерации различных помещений на «Рэндольфе» и отпусил их. Судя по его поведению, было трудно предположить, что после прибытия сюда год назад он сам блуждал по кораблю целый день.

Мэтт, разумеется, сразу заблудился.

Выйдя из столовой, он попытался пройти через внутренние отсеки корабля, послушавшись совета космического пехотинца, который встретился ему по пути. Скоро он оказался рядом с продольной осью корабля, где господствовала невесомость. Выбравшись из внут-

ренних отсеков «Рэндольфа», Мэтт направился к наружной обшивке корабля, руководствуясь возрастающей силой тяжести. Наконец он добрался до наружной обшивки, встретил курсанта с черной повязкой на рукаве и взмолился о помощи. Через несколько минут Мэтт оказался в третьем коридоре и отыскал свою комнату.

Текс был уже там. «Привет, Мэтт,— воскликнул он.— Как тебе нравится наша небесная каюта?»

Мэтт положил на палубу свой рюкзак.— Вроде неплохо, но в следующий раз, когда мне понадобится выйти куда-нибудь, я привяжу конец шнурка к койке и буду разматывать клубок по дороге, чтобы не заблудиться на обратном пути. А где иллюминатор?

— Может быть, тебе нужен и балкон?

— Нет, на балкон я не надеялся. Просто думал еще раз посмотреть на Землю.— Он принялся ходить по маленькой каюте, заглядывая в углы и открывая дверцы.— Где тут освежитель?

— Принимайся разматывать свой шнур. Освежитель в конце коридора.

— Да, здесь примитивная сантехника. Ну что ж, справимся как-нибудь.— Мэтт продолжил осмотр. Каюта представляла собой общую комнату размером пятнадцать футов на пятнадцать футов. По обеим сторонам находились две дверцы, ведущие в еще более крохотные помещения.

— Послушай, Текс,— заметил Мэтт, заглянув во все четыре комнатушки,— наша каюта рассчитана на четырех человек.

— Обратись к старшине класса.

— Интересно, кто будет жить с нами?

— И мне тоже.— Текс показал на лист бумаги с напечатанными правилами.— Здесь сказано, что курсанты могут — по взаимному согласию — поменяться каютами до завтрашнего ужина. У тебя есть предложения, Мэтт?

— Нет, Текс. Я вообще ни с кем не знаком, кроме тебя. Неважно, кто поселится с нами, лишь бы не храпел. И, конечно, мне не хотелось бы жить с Берком.

Стук в дверь прервал их разговор. Текс крикнул: — Входите! — и в каюту просунулась светлая голова Оскара Йенсена.

— Заняты чем-нибудь?

— Нет, заходи.

— Видите ли, ребята, у нас возникла проблема. Нас поселили — меня и Пита — в одной из таких же четырехместных кают, и наши соседи просят нас уступить место двум их товарищам. У вас уже есть товарищи по каюте?

Текс взглянул на Мэтта, который кивнул.

— Можешь расцеловать меня, Оскар,— Текс повернулся к Йенсену,— считай, что вы поселились у нас.

Еще через час четверка юношей удобно разместилась в своей новой каюте. Пит был в отличном настроении.

— «Рэндольф» — это именно то, о чем я мечтал,— заявил он.— Мне здесь нравится. Всякий раз, когда у меня начинают болеть ноги, я перехожу на палубу «С», и мне начинает казаться, что я у себя дома. Еще бы, ведь на этой палубе мой вес составляет треть земного!

— Да, ты прав,— согласился Текс.— Вот если бы в Академии существовало смешанное обучение...

— Нет, это не для меня,— покачал головой Оскар.— Ненавижу женщин.

— Бедняжка! — грустно усмехнулся Текс.— Возьми, например, моего дядю Боди. Он тоже считал себя женоненавистником, но однажды...

Мэтт так и не узнал, как преодолел свой недостаток дядя Боди. Из динамика, установленного в центральном помещении каюты, донеслось, что его приглашают в каюту В-121. Он прибыл туда, сделав всего пару ошибочных поворотов, как раз в тот момент, когда из каюты выходил другой молодой курсант.

— Для чего нас вызывают? — спросил Мэтт курсанта.

— Заходи, сам узнаешь,— ответил тот.— Еще один вид подготовки.

Мэтт вошел в каюту и увидел офицера, сидящего за столом.

— Курсант Додсон, сэр,— доложил Мэтт.— Прибыл по вызову.

— Садитесь,— улыбнулся офицер.— Я — лейтенант Вонг. Назначен вашим наставником.

— Моим наставником, сэр?

— Наставником, воспитателем, называйте это как

угодно. Мне поручено следить за тем, чтобы вы, Додсон, и еще десяток курсантов учились должным образом. Представьте себе, что я стою у вас за спиной с кнутом из бычьей кожи.— Он засмеялся.

Мэтт тоже улыбнулся. Лейтенант Вонг сразу понравился ему.

Вонг взял со стола папку.— Это ваше досье. Давайте разработаем курс обучения. Я уже знаю, что вы умеете печатать на машинке, логарифмической линейкой владеете, справляетесь с дифференциальным калькулятором, знаете стенографию. Это хорошо. Какие языки, кроме английского, вам знакомы? Между прочим, можете не говорить на «бейсике»; я владею английским языком. Сколько времени вы говорите на бейсике?

— Э-э, видите ли, сэр, я не знаю других языков. Бейсик преподавали нам в средней школе, но я не думаю на нем, хотя и говорю. Мне приходится выбирать слова.

— Я включу вас в число тех, кто будет изучать венерианский, марсианский языки и торговый диалект Венеры. Ваш словописец. Вы уже осмотрели оборудование в своей комнате?

— Всего лишь взглянул на него. Там стоял письменный стол и проектор на нем.

— В верхнем правом ящике стола находится кассета с инструкциями. Просмотрите ее, когда вернетесь к себе в каюту. Словописец, вмонтированный в ваш стол,— отличная модель. Он может записывать и транскрибировать не только на основе словарного запаса бейсик, но и специальный запас технических слов и терминов Патрульной Службы. Если вы овладеете этим словарным запасом, то увидите, что он настолько широк, что на нем можно писать даже любовные письма... Мэтт взглянул на лейтенанта Вонга — но нет, лицо офицера было совершенно бесстрастным; Мэтт решил воздержаться от смеха.

— ...таким образом, время, которое вы затратите на совершенствование своих знаний языка бейсик, не пропадет даром и пригодится даже для светских бесед. Однако, если вы произнесете слово, которого нет в словарном запасе аппарата, он начнет жалобно «бипбипать», пока вы не придете ему на помощь. Теперь от-

носительно математики: вижу, у вас трудности с тензорным исчислением.

— Совершенно верно, сэр. В нашей средней школе его не проходили.

Вонг печально покачал головой.— Иногда мне кажется, что современное образование направлено на то, чтобы помешать развитию юноши. Если бы курсанты приходили к нам, уже овладев основами того, что следует знать молодому поколению, куда меньше парней отчислялось бы из Патрульной Службы. Ну, ладно, мы займемся тензорным исчислением немедленно. Нельзя изучать ядерную энергетику, не зная ее языка. Скажите, Додсон, вы учились в обычной школе? Декламация, ежедневные домашние задания и так далее?

— Более или менее. Наш класс был разбит на три группы.

— Вы были в какой из них?

— В группе быстрого обучения, сэр, по большинству предметов.

— Это хорошо, но далеко не достаточно. Боюсь, сынок, вас это может потрясти. У нас нет классных комнат и учебных курсов. Если не считать занятий в лаборатории и совместных тренировок, вы будете работать один. Я понимаю, что приятно сидеть в классной комнате, мечтая о чем-то, пока учитель задает вопросы другому курсанту, но у нас это не принято. Слишком многому вам нужно научиться. Вот хотя бы обучение другим языкам; вам приходилось учиться под воздействием гипноза?

— Нет, сэр.

— Тогда примемся за это сейчас же. Выйдя от меня, вы пойдете в отдел психологического преподавания и пройдете первый урок венерианского языка. В чем дело, Додсон, вы чем-то недовольны?

— Извините меня, сэр, но... разве так уж необходимо обучаться под воздействием гипноза?

— Совершенно необходимо. Все, что можно изучить таким образом, вы будете учить в состоянии гипноза, чтобы у вас осталось время для более важных предметов.

— Понимаю, сэр. Для таких, как астрогация.

— Ну что вы, Додсон! Астрогация не относится к таким предметам. Десятилетний мальчик может нау-

читься прокладывать курс космического корабля, если у него есть способности к математике. Это предмет для детского сада, Додсон. Управление космическим кораблем и ведение военных действий являются наименее важной частью обучения в Академии. Гораздо важнее познать окружающий вас мир, планеты и их обитателей — инопланетную биологию, историю, культуру, психологию, законодательство и органы управления разных планет, соглашения и конвенции, планетарную экологию, межпланетную экономику, законы экстерриториальности, сравнительные религозные обычаи, космическую юриспруденцию — это я упомянул всего лишь часть предметов.

— Боже мой! — Мэтт уставился на лейтенанта широко раскрытыми глазами.— Сколько же времени потребуется для овладения всем этим?

— Вам придется продолжать обучение до ухода в отставку. Но даже эти предметы не являются целью вашего обучения в Академии. Это всего лишь основа. Настоящая ваша задача состоит в том, чтобы научиться думать — а это значит, что нужно познать основополагающие предметы: эпистемологию, или теорию познания, научную методологию, семантику, структуру языков, основы этики и морали, логику, мотивационную психологию и тому подобное. Наш метод образования основывается на том, что человек, способный правильно мыслить, неизбежно будет придерживаться морального поведения или того, что мы называем «моральным». Что такое моральное поведение для патрульного офицера, Мэтт? Друзья зовут вас Мэтт, правда?

— Так точно, сэр. Моральное поведение для патрульного офицера...

— Ну-ну, продолжайте.

— Мне кажется, что это значит исполнение своих обязанностей, присяги... ну и все такое.

— А почему офицер Патрульной Службы должен придерживаться этих принципов?

Мэтт молчал. На его лице появилось упрямое выражение.

— Объясните мне, почему вы должны исполнять эти обязанности, когда в результате вас может постигнуть смерть,часто мучительная? Ладно, можете не

отвечать. Наша главная задача заключается в том, чтобы вы поняли, как функционирует ваше собственное сознание. Если нам удастся воспитать человека, который может справляться с обязанностями офицера Патрульной Службы, поскольку его сознание, когда он узнает, как оно действует, готово выполнять эти обязанности,— ну что ж, отлично! Этот курсант становится офицером Космического Патруля. Если же он не может мыслить самостоятельно, приходится избавляться от него.

Мэтт так долго молчал, что Вонг, наконец, спросил его: — В чем дело, юноша? Я хочу, чтобы вы были со мной совершенно откровенны.

— Видите ли, сэр, я готов работать и не жалеть сил, чтобы заслужить производства в офицеры. Но, судя по вашим словам, это выходит за пределы моих возможностей, не зависит от меня. Начать с того, что мне нужно овладеть массой предметов, о которых я никогда не слышал. Затем, когда я справился с этим, кто-то приходит к выводу, что мое сознание не функционирует должным образом. По-видимому, такая работа под силу только супермену.

— Вроде меня,— усмехнулся Вонг и напряг мускулы.— Может быть, ты и прав, Мэтт, однако в мире нет суперменов, так что приходится браться за таких парней, как ты. Ладно, хватит об этом; давай составим список кассет, которые тебе понадобятся.

Список оказался длинным. С чувством приятного удивления Мэтт обнаружил, что в него входят и кассеты с записями литературных произведений. Он обратил внимание Вонга на кассету, которая озадачила его: «Введение в лунную археологию».

— Не понимаю, зачем мне это — Патрульная Служба не имеет дела с селенитами, ведь они вымерли миллионы лет назад.

— Это расширит твой кругозор, Мэтт. Вместо лунной археологии я мог бы предложить тебе современную французскую музыку. Офицер Патрульной Службы не должен ограничивать свое образование лишь теми предметами, которые обязательно ему пригодятся. Итак, я помечаю здесь те предметы, которые понадобятся тебе в первую очередь; теперь отправляйся в библиотеки и забери кассеты и сразу в психологическую

лабораторию на первый сеанс гипноза. Примерно через неделю, когда освоишь весь этот материал, приходи ко мне, и мы поговорим.

— Вы хотите сказать, что мне предстоит выучить все, записанное на эти кассеты, за одну неделю?

— Совершенно верно. Разумеется, работать придется только в неслужебное время. Днем ты будешь занят тренировками и лабораторными занятиями. Так что приходи через неделю, и мы увеличим объем. Ну, за дело!

— Но... Есть, сэр, будет исполнено!

Мэтт разыскал отдел психологического обучения, и через несколько минут усталый специалист отдела, одетый в форму штабного управления космической пехоты, провел его в крохотную комнатку. «Устраивайтесь поудобнее в этом кресле,— сказал он.— Откиньте голову на спинку. Это ваше первое занятие?»

Мэтт признался, что первое.

— Вам у нас понравится. Есть парни, которые приходят к нам, чтобы отдохнуть: они уже освоили больше, чем следует. Так какова цель вашего прихода?

— Введение в венерианский язык.

Специалист что-то произнес в микрофон, стоящий на столе.

— Недавно у нас произошел забавный случай,— заметил он.— Месяц назад пришел курсант-выпускник, которому хотелось освежить свои знания в области электроники. Техник что-то напутал, и теперь курсант приобрел массу ненужных ему знаний в области патологии желудка. Вытяните левую руку.— Специалист направил пучок обеззараживающих лучей на кожу у локтя и сделал инъекцию.— Теперь ложитесь и следите за раскачивающейся лампочкой. Расслабьтесь... расслабьтесь... закройте... глаза... расслабьтесь... вам... приятно... засыпаете...

Кто-то стоял перед ним, держа в руке шприц.— Все. Я ввел вам противодействующее лекарство.

— Как?— ничего не понимая, спросил Мэтт.— Что случилось?

— Посидите, не двигаясь, пару минут и после этого можете идти.

— Что, гипноз не подействовал?

— Что — не подействовал? Не знаю, какое у вас было задание, я только что заступил на смену.

Мэтт вернулся к себе в каюту. Настроение у него было подавленным. Он побаивался гипноза, но теперь, когда он понял, что его организм не поддался обучению под гипнозом, Мэтт чувствовал себя еще хуже. Он подумал, что ему вряд ли удастся выполнить такой объем учебной работы, если он будет пользоваться одними привычными методами, особенно при изучении языков.

Ничего не поделаешь — нужно снова сходить завтра к лейтенанту Вонгу и рассказать обо всем, решил он.

В каюте он нашел одного Оскара, который пытался вбить крюк в стенку. Рядом, у стула, на котором он стоял, была картина в рамке.

— Привет, Оскар,— поздоровался Мэтт.

— Привет, Мэтт,— ответил Оскар и на мгновение повернулся к нему; и тут же дрель, которой он сверлил отверстие в переборке, соскользнула и царапнула его по ладони. Оскар принялся ругаться на странном, шепелявом языке: «Пусть мои проклятия преследуют эту мерзость до самого дна всемирного ила!»

Мэтт неодобрительно покачал головой: «Приглуши свой голос, о ты, нечестивая рыба!»

Оскар изумленно посмотрел на него: «А я и не знал, Мэтт, что ты знаешь венерианский!»

У Мэтта отвила челюсть. Он закрыл рот, снова открыл его и произнес: «И я тоже — до этого момента!»

VII

ПРЕВРАЩЕНИЕ В КОСМОНАВТА

Сержант повис в воздухе, поджав ноги к груди.

— На счет «раз» займите исходное положение, причем ваши ступни должны быть в шести дюймах от переборки. На счет «два» упритесь ступнями в переборку и оттолкнитесь, вот так! — Он уперся ногами в стальную переборку и полетел через отсек, не переставая объяснять.— Продолжаете считать до четырех, на счет «пять» поворачиваетесь,— его тело свернулось в

клубок и сделало полуоборот,— прекращаете враще ние,— тело выпрямилось,— и на счет «семь» касаетесь ногами противоположной переборки.— Его носки коснулись стенки и он продолжил объяснения: — После касания мягко сгибаете ноги в коленях, гася инерцию движения таким образом, чтобы все время сохранять контакт с переборкой и не отскочить от нее.— Сержант согнул колени и, как пустой мешок, застыл в воздухе рядом с точкой, которой коснулись его ступни.

Тренировки проводились в огромном цилиндрическом отсеке диаметром футов в пятьдесят, расположенном в самом центре корабля. Отсек был установлен на подшипниках и непрерывно вращался в направлении, противоположном вращению корабля, причем с такой же угловой скоростью; таким образом отсек оставался неподвижным по отношению к окружающему пространству. Войти в него можно было только через люк в центре вращения.

Это был крохотный островок «свободного падения» — гимнастический зал для тренировок в состоянии невесомости. Дюжина курсантов висела, уцепившись за длинный поручень, протянувшийся вдоль стены отсека от носа в сторону кормы, и следила за сержантом. Мэтт был одним из них.

— А теперь, джентльмены, попробуем снова. Начинаем считать — один, два, три; к счету «пять», когда все курсанты должны были одновременно повернуться в воздухе, легко и грациозно, исчез даже малейший намек на порядок. Одни курсанты столкнулись друг с другом, двое, потеряв инерцию после того, как задели друг друга в полете, беспомощно и медленно плыли к дальнему углу отсека, а один даже забыл отпустить поручень и остался на месте. На лицах курсантов, дрейфующих к дальнему углу, застыло выражение озадаченное и беспомощное, как у собаки, пытающейся зацепиться когтями за гладкий лед. Они безуспешно размахивали руками и ногами, стараясь остановиться.

— Да нет же, нет! — в отчаянии завопил сержант, закрыв ладонями лицо.— Глаза бы мои на вас не смотрели. Джентльмены, пожалуйста! Ну хоть немного координации! Не бросайтесь к противоположной переборке, подобно эрдель-терьеру, рвущемуся в драку. Медленный, уверенный толчок — вот так!

Сержант оттолкнулся от переборки, пролетел наискось, подхватил по пути двух дезертиров и с помощью своей инерции медленно проплыл к поручню.— Хватайтесь за него и займите свои места,— скомандовал он курсантам.— А теперь, джентльмены, еще раз. Приготовились! Считаем: плавный толчок, мягкое касание — раз!

Через несколько секунд сержант твердо заявил, что научить кошку плавать куда легче.

Мэтт не обижался. Ему удалось достичь дальней переборки и остаться у нее. Совсем без грации, даже неуклюже, не у того места, куда он рассчитывал попасть, но все-таки после десятка неудач ему удалось достичь желанной цели. Начиная с этого момента Мэтт считал себя космонавтом.

После того как сержант отпустил их, Мэтт поспешил к себе в каюту, поставил в проектор кассету с уроком по марсианской истории и принялся за работу. Искушение остаться в тренировочном зале и продолжить упражнения в невесомости было велико; ему очень хотелось обрести «космические ноги» — сдать экзамен по акробатике в состоянии невесомости, подобно тем, кто уже успешно сдал его, получил право на работу в открытом космосе в космических скафандрах, а также разрешение на увольнение — раз в месяц — на космическую станцию Терры.

Однако несколько дней назад у Мэтта состоялась беседа с лейтенантом Вонгом. Беседа была короткой, но даже за те минуты, пока она продолжалась, лейтенат прямо и недвусмысленно сказал ему, что Мэтт плохо использует время, имеющееся в его распоряжении.

Мэтту не хотелось повторения подобной беседы — и не из-за пяти отрицательных баллов, которые будут занесены в его учебную ведомость. Он откинул голову на спинку своего кресла и сконцентрировал внимание на повествовании, одновременно глядя на цветные стереофотографии, проносящиеся перед ним на экране и иллюстрирующие с беспристрастной красотой страницы невероятно богатой истории древней планеты.

Проектор очень походил на аппарат, которым Мэтт пользовался во время учебы у себя дома, только здесь он был заметно более совершенным, воспроизводил на экране объемное изображение и подключал к словопис-

цу. Подобная учебная аппаратура экономила время курсанта и способствовала более глубокому усвоению материала. Мэтт мог, например, прервать лекцию, доносящуюся к нему через наушники, продиктовать краткое содержание услышанного им и прочитать сделанную им запись на экране проектора.

Стереопроектор приносил немалую пользу и при изучении технических предметов.

— Сейчас вы входите в рубку универсальной ракеты типа А-6,— звучал в наушниках голос невидимого преподавателя,— и начинаете отрабатывать посадку на Луну, где полностью отсутствует атмосфера. — Курсант видел на экране, как перед ним появлялся вход в рубку, панель управления, и дальше видеокамера занимала место, где находится голова пилота, перед которым на экране возникало полностью реалистичная картина подлета к Луне и посадки.

Или же это могла оказаться кассета о космических скафандрах.— Перед вами скафандр типа «М», рассчитанный на четырехчасовое пребывание в космосе,— звучал голос,— и пользоваться этим скафандром можно где угодно, за исключением орбиты Венеры. В ранце скафандра находится ракетный двигатель с небольшой мощностью тяги, способный менять скорость движения массы до трехсот фунтов за период в пятьдесят секунд. Вмонтированное радио позволяет осуществлять двустороннюю связь на расстоянии до пятидесяти миль. Нагрев и охлаждение производится... — К тому времени, когда наступит время тренировок в космических скафандрах, Мэтт будет уже знать о них все, что можно освоить без практических занятий.

Его очередь наступила после того, как Мэтт сдал экзамен на владение телом в состоянии невесомости. Он еще не закончил курс тренировок при свободном падении — оставались упражнения групповых тренировок, рукопашной борьбы в невесомости, применения личного оружия и другие тонкости,— но экзаменаторы пришли к выводу, что он уже достаточно умело владеет телом. Таким образом Мэтт получил доступ к тем видам спорта, которые особенно успешно развивают координацию и остроту реакции при невесомости,— борьбе, теннису, гандболу и нескольким другим, тогда как раньше он мог заниматься одними шахматами.

Мэтт выбрал космическое поло, игру, совмещающую элементы водного поло с рукопашной борьбой, и начал играть в низшем дивизионе местной лиги космического поло — дивизионе «расквашенных носов».

Он был вынужден пропустить первое практическое занятие по обращению с космическими скафандрами, потому что во время одной из тренировок ему разбили нос, в результате чего Мэтту пришлось дышать ртом, тогда как респиратор космического скафандра типа «М» требует, чтобы вдох делался через нос, а выдох — через рот. Но уже на следующей неделе он был готов к практическим занятиям и сгорал от нетерпения. Инструктор приказал курсантам своей группы надеть скафандры безо всяких предварительных объяснений, поскольку считалось само собой разумеющимся, что они внимательно изучили кассеты, рассказывающие об устройстве и функционированиии скафандра.

Вращение корабля, создававшее искусственну силу тяжести, было остановлено несколько дней назад. Мэтт свернулся в клубок, плавал в невесомости перед скафандром, наконец расстегнул его. Надеть скафандр — вернее сказать, влезть в него — оказалось непростым делом; через несколько мгновений Мэтт обнаружил, что пытается сунуть обе ноги в одну штанину скафандра. Он вылез наружу и сделал новую попытку. На этот раз ему не удалось попасть головой в шлем.

Большинство курсантов было уже готово к выходу в космос. Инструктор подплыл к Мэтту и недовольно спросил его:

— Вы сдали испытания по владению телом в невесомости?

— Да,— ответил Мэтт несчастным голосом.

— Трудно поверить. Ваши судорожные движения напоминают черепаху, упавшую на спину. Придется помочь вам,— и инструктор взялся руками за скафандр, удерживая его; со стороны это выглядело, будто он одевал малыша в зимний комбинезон. Мэтт сгорал от стыда.

Затем инструктор сделал проверку основных функций скафандров — давление в цилиндре, давление воздуха внутри скафандра, уровень топлива в ракетном двигателе, кислород, содержание кислорода в крови (оно измерялось фотоэлектрическим датчиком, закре-

пленным за мочку уха) и, наконец, надежность радиосвязи между скафандрами. Убедившись, что все в порядке, он сделал жесть в сторону воздушного шлюза.

По мере того как давление воздуха в шлюзе уменьшалось, скафандр становился более жестким. Двигать руками и ногами становилось труднее.

— Пристегнуть страховочные тросы! — скомандовал инструктор. Мэтт приготовил свой трос с карабином на конце и ждал своей очереди.

В крошечных динамиках шлемов были слышны доклады: «Номер один готов! Номер два готов!»

— Номер три готов! — отрапортовал Мэтт в микрофон шлема, защелкнул карабин на поясе стоящего перед ним курсанта. Когда все курсанты были пристегнуты друг к другу подобно связке альпинистов, инструктор пристегнул свой трос и открыл наружную дверь шлюза. Перед курсантами открылась безбрежная пустота, усыпанная миридами звезд.

— Закрепиться на поверхности корабля! — послышалась команда инструктора; он сам первым шагнул вперед, и его ботинки пристали к стальной обшивке. Мэтт сделал то же самое и почувствовал, как магниты, находящиеся внутри подошв ботинок, притянули их к стальной стенке.

— Следуйте за мной и не отставайте друг от друга!

Инструктор прошел по стене шлюза и у его края присел, осторожно поставив одну ногу на наружную обшивку корабля. Один ботинок все еще оставался внутри шлюза, носком внутрь, а вторым инструктор пошарил снаружи и, наконец, закрепил его на внешней поверхности. После этого инструктор оторвал подошву ботинка от стенки шлюза и почти исчез из вида. Теперь он стоял перпендикулярно к обшивке, удерживаясь на корабле лишь силой магнитного притяжения сапог космического скафандра. Следуя за курсантом, идущим впереди, Мэтт подошел к самому краю шлюза. Поворот на девяносто градусов, чтобы сделать шаг наружу и поставить один сапог на внешнюю обшивку корабля, показался ему слишком рискованным; ему пришлось схватиться руками за край наружного люка. И все-таки Мэтт сумел выбраться наружу и встать, притянутый к стальной обшивке магнитными подошвами сапог.

Строго говоря, и здесь не было понятия «верх» и «низ»; курсанты по-прежнему находились в невесомости, прижавшись к обшивке корабля. Мэтту показалось, что они висят подобно мухам, расхаживающим по потолку комнаты.

Он сделал пару осторожных шагов. Казалось, Мэтт идет, погружаясь ногами в вязкую глину; подошвы его сапог прилипали к обшивке корабля, затем, когда он тянул ногу к себе, внезапно отделялись от нее. Привыкнуть ходить в таких условиях будет непросто, подумал Мэтт.

Курсанты со своим инструктором вышли из шлюза на «темной» стороне корабля, расположенной в тени. Солнце, Луна и Земля находились на противоположной стороне, прямо под ногами. Не было видно даже космической станции Терры.

— Пошли вперед,— послышался в шлемах курсантов металлический голос инструктора.— Не отставайте.— Инструктор двинулся по изгибающейся поверхности корабля. Курсант, замыкающий связку, попытался оторвать магнитные подошвы своих сапог от корабельной обшивки, причем обе одновременно. Наконец это ему удалось: он присел, подпрыгнул и оторвался от корабля — и теперь уже не мог вернуться обратно. Курсант медленно поплыл в бездонную пустоту космоса, пока его страховочный трос, пристегнутый к поясу курсанта, стоящего впереди него в связке, и трос другого курсанта, самого последнего в ней, не натянулись. Один из этих курсантов в данный момент как раз оторвал одну ногу, чтобы шагнуть вперед, и неожиданный рывок нарушил его равновесие. Он отчаянно замахал руками, попытался коснуться магнитной подошвой стальной обшивки, не достал до нее и тоже отделился от корабля. Тяга двух тел преодолела силу магнитного притяжения третьего курсанта, и он поплыл в пустоту за своими товарищами.

Остальные курсанты продолжали стоять на поверхности корабля, потому что попеременные рывки страховочных тросов амортизировали инерцию не слишком энергичного прыжка первого курсанта, и все-таки трое неудачников висели теперь в космическом пространстве, неуклюже извиваясь и дергаясь на страховочном тросе.

Уголком глаза инструктор заметил нештатную ситуацию и сразу присел. Он тут же нашел то, что искал,— стальное кольцо, закрепленное в крохотной нише, и защелкнул на нем свой страховочный трос. Убедившись в том, что теперь связка надежно держится на поверхности корабля и ей не угрожает опасность улететь в космос, инструктор отдал приказ: «Номер девять, тяните их к себе. Плавно, очень плавно. Осторожно, они могут сорвать и вас!»

Через несколько секунд бродяги коснулись стальной обшивки, и намагниченные подошвы их сапог прилипли к ней.

— А теперь,— голос инструктора звучал угрожающе,— кто из вас несет ответственность за подобную глупость?

Виновники молчали.— Да не молчите же вы,— резко бросил инструктор,— я ведь знаю, что это не было случайностью; невозможно оторвать обе ноги от стальной обшивки просто так — для этого нужно подпрыгнуть. Признавайтесь или я отправлю всех вас к командору!

После упоминаний этого ужасного слова послышался тихий робкий голос:

— Это я, сержант.

— Поднимите руку, чтобы я увидел вас. Вы что, за провидца меня принимаете?

— Варгас, сэр, номер десять.— Провинившийся курсант поднял руку.

— О'кей. Пошли обратно к шлюзу, всей группой, медленно и осторожно. Держитесь вплотную друг к другу.

Когда связка была у шлюза, сержант скомандовал:

— Вернитесь внутрь корабля, мистер Варгас. Отстегните страховочный трос, защелкните его на скобку внутри шлюза и ждите нашего возвращения. Вам придется снова попробовать выход в космос — примерно через месяц.

— Но сержант...

— Молчать! Не смейте спорить, а то я доложу, что вы пытались уйти в самоволку — спрыгнуть с корабля.

Варгас молча исполнил распоряжение инструктора. Сержант наклонился, заглянул в шлюз, убедился, что

курсант надежно закреплен страховочным тросом, и выпрямился.

— За дело, джентльмены, начнем сначала. И больше без фокусов! Это работа, а не вечер танцев.

— Сержант Ханако... — спросил Мэтт.

— Да? Кто это?

— Додсон, сэр. Номер три. А если бы мы все оторвались от корабля?

— Нам пришлось бы возвращаться с помощью ранцевых ракетных двигателей.

Мэтт подумал: предположим, у нас бы не было ранцевых ракет?

— Тоже ничего страшного в данной ситуации. Вахтенный офицер знает, что у нас тренировка за пределами корабля; радиорубка слушает наши переговоры. Они просто следили бы за нами с помощью радара, затем послали бы к нам шаттл и доставили обратно на борт. И все-таки слушайте — надеюсь, меня все слышат? То, что за вами постоянно следят и беспокояться о вашем драгоценном здоровье, совсем не значит, что вы можете вести себя подобно школьницам на лужайке. Это самая страшная, самая мучительная смерть — задохнуться от недостатка кислорода, в одиночку, внутри космического скафандра.— Он помолчал.— Однажды я видел труп космонавта, погибшего таким образом; его нашли и доставили обратно на борт.

После того как они обошли выпуклый борт корабля, над их металлическим горизонтом показалась огромная сфера Земли.

Внезапно в поле зрения вынырнул ослепительный диск Солнца.

— Осторожно, берегите глаза! — раздался возглас сержанта Ханако. Поспешным движением Мэтт опустил козырек шлема и затемнил прозрачное стекло на максимальную степень защиты. Он не пытался взглянуть на Солнце; вот уже несколько раз его сверкающие лучи ослепляли Мэтта, когда он смотрел через иллюминаторы каюты отдыха, стараясь точно закрыть диаметр светила металлической монетой, которую он то отодвигал от себя, то придвигал поближе. Ему хотелось увидеть протуберанцы и вырывающиеся на миллионы миль языки пламени, однако Мэтт так и не до-

бился успеха. Обычным результатом его наблюдений была головная боль и круги, плавающие перед глазами.

Но зрелище родной Земли никогда не утомляло Мэтта, на нее он был готов смотреть все время.

Планета висела прямо перед ним, огромная, прекрасная и многоцветная; отсюда, с наружной поверхности корабля, она почему-то казалось более реальной, чем из иллюминатора. Земля почти закрывала созведие Водолея; она была такой огромной, что, будь она в созвездии Ориона, скрыла бы гигантского охотника от Бетельгейзе до Ригеля.

Прямо перед ним виднелся Мексиканский залив. Выше распростерся Северо-Американский континет, украшенный на макушке сверкающими льдами Северного полюса, как поварским колпаком. При затухающем освещении позднего северного лета полярные льды по-прежнему ярко освещены. Линия восхода Солнца уже прошла через американский континент, за исключением западного края Аляски; но центральная часть Тихого океана все еще затянута покровом ночи.

— А что это за яркая точка в середине Тихого океана? Гонолулу? — спросил кто-то.

Мэтт не проявил никакого интереса к Гонолулу; как обычно, он пытался найти Де-Мойн; на этот раз, однако, долину Миссисипи закрыли облака, и ему не удалось увидеть Де-Мойн. Иногда, когда над Айовой было безоблачное небо, ему случалось видеть Де-Мойн невооруженным глазом. Если же в Северной Америке была ночь, он всегда мог определить, какое ожерелье сверкающих огней является его родным городом; или думал, что может определить.

Сейчас они смотрели на Землю таким образом, что Северный полюс казался курсантам «наверху». Далеко справа, на расстоянии ширины корабля от Земли, почти закрывая Регул в созвездии Льва, виднелось Солнце, а примерно на полпути между Солнцем и Землей, в созвездии Девы, висела ущербная Луна. Подобно Солнцу, Луна казалась ничуть не больше, чем с поверхности Земли. Сверкающая металлическая обшивка космической станции Терры, видимой между Солнцем и Луной и в девяноста градусах от Земли, светилась ярче Луны.

Станция, находящаяся в десяти милях от «Рэндольфа», по своим видимым размерам была раз в шесть больше ее.

— Ладно, хватит глазеть по сторонам,— скомандовал Ханако.— Давайте походим. Вам нужна тренировка.— Курсанты двинулись вперед, осматривая корабль и лишь теперь понимая, какой он огромный. И тут сержант остановил их.

— Еще несколько шагов, и мы будем грохотать своими сапогами прямо над головой командора. Не исключено, что он прилег отдохнуть. Связка повернулась и направилась в сторону кормы. Ханако разрешил курсантам подойти к самому краю корабля и посмотреть на зияющие отверстия его гигантских ракетных дюз, но через несколько секунд отвел их назад.

— Хотя «Рэндольф» не включал своих двигателей уже несколько лет, этот участок корабля все еще горячий — я имею в виду радиоактивный,— а вы не защищены от излучения реактора, расположенного за девяносто третьим кормовым шпангоутом. Теперь вперед!

Сержант подвел курсантов к средней части корабля, отстегнул страховочный трос курсанта, следующего за ним, от своего пояса и закрепил его за скобу на корпусе корабля.

— Номер двенадцать,— скомандовал он,— пристегнуться к скобе запасным тросом.

— Чтобы овладеть искусством передвижения в космосе с помощью ранцевого двигателя,— начал Ханако,— нужно научиться балансировать своим телом на ракетной струе — тяга двигателя должна проходить через ваш центр тяжести. Если допустите ошибку и тут же не скорректируете ее, ваше тело начнет кувыркаться, вы будете напрасно тратить ракетное топливо, и придется потратить чертовски много времени, чтобы остановить вращение тела.

— Это ничуть не сложнее, чем балансировать тростью на кончике пальца, но при первой попытке и это может показаться сложным.

— Для начала надо установить прицел,— продолжил сержант и нажал на кнопку у себя на поясе; примерно в ярде от его шлема появилось маленькое металлическое кольцо на тонком стержне.— Выбирайте звезду поярче или любую отдаленную цель,

в направлении которой вы собираетесь двигаться. Затем займите исходное положение. Нет! Еще рано! Сначала я продемонстрирую вам, как это делается.

Он присел, оперся руками о поверхность корабля, медленно и осторожно оторвал магнитные подошвы сапог от его стальной обшивки и нацелился на одного из курсантов. Затем сержант повернулся и вытянулся во весь рост так, что теперь он плыл спиной к кораблю, вытянув руки и ноги. Ракетная дюза, выглядывающая из его ранцевого двигателя, была направлена от поясницы сержанта прямо в сторону корабля; прицел торчал перед шлемом с противоположной стороны.

— Держите пусковую кнопку ракетного двигателя наготове в правой руке,— продолжал он.— А теперь, ребята, вспомните: вам приходилось видеть пару танцоров в балете, исполняющих адажио? Вы понимаете, о чем я говорю: мужчина в леопардовой шкуре и девушка, одетая в нечто еще меньшее? Видели, как они танцуют на сцене, причем мужчина подхватывает девушку?

Донесся нестройный хор утвердительных голосов.

— Тогда вы знаете, что я имею в виду. В конце они всегда исполняют один и тот же номер — девушка прыгает и мужчина поднимает ее над головой, удерживая на одной руке. Он держит ее, упершись в поясницу, а она артистически откидывается назад, балансируя на его ладони.

Именно так и нужно балансировать на ракетной струе. Тяга толкает вас в поясницу, и вам нужно сохранять равновесие. Только в этом случае равновесие должно быть совершенно безукоризненным: если толчок не будет направлен точно в ваш центр тяжести, ваше тело начнет кувыркаться. Вы сразу заметите это, следя за намеченной целью через прицел.

В этом случае нужно сразу ввести коррекцию, не ожидая дальнейшего развития событий. Для этого вы смещаете свой центр тяжести, подтягивая к себе руку или ногу, расположенные на той стороне, в которую вас начало разворачивать. Весь фокус состоит в том, чтобы...

— Одну минуту, сержант,— послышался чей-то голос,— вы все перепутали. Вы хотели, наверно, ска-

зать — вытянуть руку или ногу на противоположной стороне, верно?

— Кто это говорит?

— Лэтроп, сэр.., номер шесть.

— Я сказал именно то, что хотел, мистер Лэтроп.

— Но...

— Знаете, мистер Лэтроп, не будем тратить времени на теоретические споры. Попытайтесь двигаться и управлять полетом на основе своих принципов, а мы посмотрим, что из этого получится. Есть вопросы? Отлично. Сейчас я покажу вам общепринятый метод — совершу демонстрационный полет. Отойдите на несколько шагов.

Курсанты, выстроившиеся полукругом, сделали пару шагов назад. Дальше они не могли — их удерживали натянувшиеся страховочные тросы. Из ранцевого двигателя сержанта хлестнул ярко-оранжевый язык пламени, и сержант двинулся прямо от корабля, или «вверх», сначала медленно, затем с нарастающей скоростью. Его радиоканал оставался открытым, и Мэтт слышал приглушенный рев ракетного двигателя и отсчет секунд, который вел сержант: — И раз, и два... и три... — На счете десять отсчет прекратился, и пламя исчезло.

Инструктор находился в пятидесяти футах «над» ними и продолжал удаляться спиной к курсантам. Он не прекращал объяснения.

— Независимо от того, как искусно вы балансируете своим телом на оси тяги ракетного двигателя, вы обязательно будете поворачиваться — хотя бы чуть-чуть. Когда вам захочется изменить направление движения, сожмитесь в клубок... — Сержант подтянул к груди ноги и руки — ...для ускорения поворота и распрямитесь, достигнув желаемого направления. — Он мгновенно вытянул руки и ноги, и курсанты увидели, что теперь сержант развернулся в их сторону. — Снова включайте двигатель и балансируйте на его оси тяги, чтобы удержаться на выбранном вами направлении, иначе вас развернет дальше.

Сержант, однако, не включил свой ракетный двигатель и продолжал удаляться от корабля. Его медленно разворачивало в сторону. Он продолжал свою лекцию: — У вас всегда существует возможность повернуться — хотя бы на долю секунды — в нужную вам

сторону и в этот момент включить двигатель. Например, мне нужно добраться до космической станции... — В этот момент станция Терры находилась по крайней мере под углом в девяносто градусов от направления, в котором двигалось тело сержанта. Ханако проделал несколько телодвижений, напоминающих судороги обезьяны, умирающей от мучительных конвульсий, и вдруг вытянулся неожиданно для курсантов в направлении к станции, хотя и продолжал очень медленно поворачиваться, не меняя оси вращения.

— Но мне не надо на станцию; я хочу вернуться на корабль.— Новые конвульсии, по окончании которых сержант вытянулся в направлении к группе курсантов. На этот раз он включил двигатель и снова начал считать до десяти. Он повис в пространстве, неподвижный по отношению к кораблю и группе своих учеников, на расстоянии около четверти мили от них.— Сейчас я подлечу к вам и совершу посадку, чтобы сберечь время.— В космосе вспыхнуло пламя ракетного двигателя и не гасло в течение двадцати секунд; сержант быстро приближался к кораблю.

К тому моменту, когда он был на расстоянии двухсот футов, сержант ловко перевернулся в полете, оказался ногами к «Рэндольфу» и включил двигатель в сторону, противоположную направлению полета. Через десять секунд пламя снова погасло. В результате этих маневров сержант находился теперь на расстоянии пятидесяти футов и приближался к кораблю со скоростью десяти футов в секуду. Затем он расслабился и подтянул к себе согнутые в коленях ноги.

Через пять секунд магнитные подошвы его сапог мягко коснулись стальной обшивки, и он присел, смягчая толчок при посадке.

— Но ваш полет будет протекать по-другому,— продолжал объяснять сержант.— В моем ранце больше топлива, чем у вас: запас топлива для ваших ракетных двигателей рассчитан на пятьдесят секунд непрерывной работы, причем каждую секунды будет происходить изменение скорости движения в одну фут-секунду; но это для массы в триста футов; некоторые из вас весят вместе со скафандром меньше — вы пока худышки, так что их скорость будет выше.

— Итак, вот как будет протекать ваш полет: десять секунд включенного двигателя при непрерывном счете секунд. Затем поворачиваетесь как можно быстрее и включаете двигатель на пятнадцать секунд, возвращаясь обратно. Это значит, что вы коснетесь обшивки корабля на скорости пяти футов в секунду. Даже ваша бабушка, страдающая от ревматизма, сможет совершить посадку, не отскочив от обшивки. Лэтроп! Отстегните трос — вы будете первым.

Когда курсант подошел к нему, сержант пристегнулся к обшивке корабля двумя страховочными тросами и снял с пояса бухту очень длинного и тонкого троса. Один конец Ханако пристегнул к поясу курсанта, другой — к своему. Лэтроп смотрел на происходящее с отвращением.

— Вы считаете это необходимым, сержант?

Инструктор посмотрел на него холодным взглядом.— Прошу прощения, командор, таковы правила.

Курсант молча повернулся и отделился от корабля, подталкиваемый вперед языком пламени, растущим из-за его спины. Сначала он двигался по прямой, затем начал поворачиваться. Курсант попытался скорректировать отклонение, подтянул ногу — и тут же перевернулся вверх ногами.

— Лэтром, выключайте двигатель! — рявкнул Ханако. Оранжевое пламя исчезло, однако фигура в космическом скафандре продолжала удаляться, все время кувыркаясь. Ханако травил длинный страховочный трос.— У меня на крючке здоровая рыбина, ребята,— добродушно пробормотал он.— Как вы думаете, сколько она весит? — Наконец он потянул за трос, Лэтроп развернулся в другую сторону и запутался в тросе. Когда он освободился, сержант подтянул его к себе.

Лэтроп встал на обшивку, и магнитные подошвы с легким щелчком притянули его к стальной поверхности.

— Вы были правы, сержант,— раздался его голос.— Позвольте мне попробовать еще раз, следуя вашим указаниям.

— Ничего не поделаешь, придется обождать. В правилах говорится, что для этого упражнения требуется полный запас топлива в баке; нужно ждать его

пополнения.— Ханако заколебался.— Хорошо, внесите свою фамилию в завтрашнюю группу: я возьму вас с собой.

— Спасибо, сержант,— прозвучал радостный голос.

— Не стоит. Номер один!

Следующий курсант отделился от корабля плавно, не теряя равновесия, однако при возвращении отклонился в сторону, и сержант был вынужден подтянуть его к кораблю страховочным тросом, перед тем как курсант сумел поставить магнитные подошвы своих сапог на стальную обшивку корабля. А вот курсанту, отправившемуся в космос следом, совсем не повезло. Ему не удалось удержаться на курсе, он потерял ориентацию и начал удаляться от корабля в направлении созвездия Дракона. Он так и летел бы в открытый космос до скончания мира, но сержант осторожно потянул за трос, скользящий по его перчаткам, плавно развернул курсанта, и когда голова неудачника оказалась направленной в сторону корабля, скомандовал: «Десять секунд работы двигателя, а я буду направлять ваш полет». Выбираемый Ханако трос удерживал курсанта в нужном направлении до самого касания обшивки корабля.

— Номер три! — вызвал инструктор.

Мэтт сделал шаг вперед. Волнение переполняло его, но юноша сдерживал себя.

Сержант пристегнул страховочный трос к его поясу.— Все ясно? Включите двигатель, когда будете готовы.

— Есть, сэр.— Мэтт присел, плавным толчком оторвал сапоги от обшивки корабля. Прямо перед ним в необъятном небе распростерлись северные созвездия. Он выбрал Полярную звезду в качестве цели и нажал на стартовую кнопку ракетного двигателя.

— И... раз! — Мэтт почувствовал легкое непрерывное давление в районе поясницы. Ракетный двигатель обеспечивал тягу чуть меньше десяти футов. Полярная звезда, казалось, вибрировала в такт работе крохотного двигателя, затем медленно поплыла влево, за пределы кольца прицела.

Он подтянул к себе правую руку и правую ногу. Звезда начала отклоняться еще быстрее, на мгновение

остановилась и вернулась обратно в центр прицела. Мэтт осторожно вытянул в сторону правую руку и ногу, и чуть не забыл выключить двигатель на счет «десять».

Корабль остался где-то позади. Справа, в бархатной тьме, плыла Земля. Тишина и одиночество, никогда ранее не испытанные Мэттом, окружали его.

— Начинайте разворот,— послышался голос сержанта.

— О-о... — произнес Мэтт, подтянул колени к груди и обнял их руками. Звезды стремительно понеслись вокруг него. Он заметил, что корабль оказался в поле зрения, но было уже слишком поздно. Мэтт попытался остановить вращение, широко расставив руки и ноги, и все-таки не сумел сохранить направление на корабль.

— Не волнуйтесь, все хорошо,— посоветовал сержант.— Не надо сворачиваться в такой тесный клубок, и в следующий раз вытягивайтесь чуть раньше. У нас много времени.

Мэтт опять свернулся в клубок, но на этот раз не прижимал колени к груди. Корабль снова показался в поле зрения, хотя и гораздо дальше. На этот раз он выпрямился до того, как шлем скафандра был на одной линии с кораблем. Фигуры на его поверхности казались совсем крохотными и продолжали уменьшаться. Расстояние превышало триста футов. Мэтт выбрал чей-то шлем в качестве цели, включил двигатель и начал отсчет.

В первые секунды ему показалось, что он неподвижно висит в пространстве, и его охватило беспокойство. Фигурки на поверхности корабля не увеличивались и начали медленно отходить в сторону. Ему захотелось снова включить двигатель, но объяснения Ханако были совершенно ясными — и он удержался.

Корабль исчез из поля зрения; Мэтт собрался в клубок, чтобы побыстрее завершить разворот. Когда корабль снова показался в поле зрения, он был гораздо ближе, и Мэтт почувствовал облегчение. Два небесных тела — корабль и космонавт — сближались со скоростью пяти футов в секунду, что равняется скорости медленно идущего пешехода.

Прошло чуть больше минуты после того, как Мэтт выключил ракетный двигатель. Мэтт согнулся, при-

поднял колени и совершил мягкую посадку в десяти футах от инструктора.

Цокая магнитными подошвами, Ханако подошел к Мэтту, прижал свой шлем к его шлему, чтобы можно было говорить с глазу на глаз, не включая радио.

— Молодец, парень. Мне понравилось, как ты сохранял самообладание, когда увидел, что промахнулся в первый раз. Итак, я перевожу тебя в группу более опытных курсантов.

Мэтт едва не забыл выключить радио.— Спасибо, сержант! — воскликнул он, не скрывая восторга.

— Меня-то за что благодарить — ведь это ты справился с задачей, а не я.— Сержант включил радио.— Продолжаем тренировку. Номер четыре.

Мэтту хотелось поскорее вернуться обратно, отыскать Текса и с гордостью рассказать о своем успехе, но оставалось еще семь курсантов. Несколько человек справились с заданием, остальных сержанту пришлось подтаскивать на страховочном тросе.

Последний курсант превзошел всех остальных. Он не выключил ракетный двигатель, несмотря на неоднократные команды сержанта Ханако. Курсант летел прочь от корабля по кривой и начал кувыркаться; сержант травил и травил страховочный трос, пытаясь остановить вращение курсанта и повернуть его к кораблю. Прошло пятьдесят долгих секунд, и двигатель выключился из-за того, что кончилось топливо; к этому моменту курсант был уже в тысяче футов и продолжал быстро удаляться от корабля.

Сержант отлавливал курсанта подобно рыболову, борющемуся с барракудой; наконец ему удалось медленно и осторожно — потому что скорость курсанта была уже велика и прочность троса тоже имеет пределы — подтянуть неудачника к поверхности корабля.

Когда, наконец, курсант встал на обшивку корабля, магнитные подошвы его сапог надежно прилипли к стали и сержант закрепил его коротким страховочным тросом, Ханако устало вздохнул.

— Вот это да! — заметил он.— Я уже подумал, что придется лететь за ним и буксировать обратно... — Он подошел к курсанту, прижал свой шлем к его шлему и выключил радио.

Курсант, однако, не догадался выключить свой

передатчик, и остальные курсанты отчетливо слышали его объяснения.

— Не знаю, сержант,— растерянно отвечал курсант.— Со стартовой кнопкой все в порядке — я просто не мог заставить себя пошевелиться. Отчетливо слышал ваши команды, но не мог даже двинуть пальцем.

Вместо со всей группой Мэтт вернулся в шлюз; его настроение было уже не таким восторженным, как раньше. Судя по всему, думал он, за ужином будет еще один свободный стул. Начальник Академии — коммодор Аркрайт — считал, что отчисленного курсанта нужно отправлять с «Рэндольфа» как можно быстрее. Мэтт не имел намерения оспаривать справедливость действий коммодора, но его неприятно поразила неумолимая жесткость в их осуществлении; он почувствовал, что холодный ветер неудачи пролетел совсем рядом.

Но как только сержант отпустил курсантов, Мэтт снова приободрился. Он быстро снял скафандр, осмотрел его и повесил в шкафчик, как этого требовали правила, и сразу помчался в свою каюту, отталкиваясь на поворотах от стенки движениями, совсем не предусмотренными уставом.

Мэтт влетел в каюту и принялся стучать в дверь комнатушки Текста. Ответа не последовало — Текса не было в каюте. Не оказалось дома и Пита с Оскаром. Расстроенный, Мэтт забрался в свою каютку и включил учебную кассету.

Не прошло и двух часов, как Текс ворвался в каюту в тот самый момент, когда Мэтт собирался на обед, и закричал: «Эй, Мэтт! Поздравь космонавта!»

— Что случилось?

— Я только что успешно сдал экзамен по основам маневрирования в космосе. Сержант сказал, что это был лучший первый полет, который он когда-либо видел!

— Вот как?

— Точно. Да ты понимаешь: меня теперь пустят в увольнение на космическую станцию Терры!

VIII

СТАНЦИЯ ТЕРРЫ

— Увольняющимся с корабля пройти на борт шаттла!

Мэтт застегнул молнию космического скафандра и поспешно проверил его. Оскар и Текс, стоявшие у двери, торопили его, потому что курсанты, получившие разрешение на увольнение, уже проходили через двери воздушного шлюза. Старший курсант, исполняющий обязанности вахтенного офицера, быстро осмотрел Мэтта и закрыл дверь шлюза позади него.

Воздушный шлюз представлял собой длинный коридор, закрывающийся с обеих сторон герметическими дверями. Он вел в ангар, углубленный в борту «Рэндольфа»: там стояли ракетные шаттлы. Давление в коридоре начало понижаться и, наконец, сравнялось с наружным. Дверь, ведущая в ангар, открылась; перехватывая руками натянутый трос, Мэтт попал внутрь шаттла и обнаружил, что для него, последнего из всей группы, не осталось свободного места.

Выпускник, сидящий в кресле пилота, поманил его к себе. Мэтт пробрался к нему и прижал свой шлем к его шлему.

— Мистер,— спросил пилот,— вы умеете управляться с инструментами?

Полагая, что речь идет о несложной контрольной панели шаттла, Мэтт ответил: «Да, сэр».

— Тогда садитесь в кресло второго пилота. Какова ваша масса?

— Двести восемьдесят семь фунтов, сэр,— Мэтт сообщил пилоту общую массу своего тела и космического скафандра. Он быстро пристегнулся, затем посмотрел по сторонам, стараясь найти Текса и Оскара. Ему казалось, что он получил весьма ответственное задание, хотя, если говорить по правде, шаттлу нужен второй пилот, как свинье — запасной хвост.

Пилот ввел массу своего нового второго пилота в компьютер, который сделал необходимые поправки в расположении центра тяжести и инерционный момент, задумчиво посмотрел на экран и бросил Мэтту: — Попросите Д-3 поменяться местами с Б-2.—

Мэтт включил радио и отдал приказ. После толкотни, длившейся несколько секунд, крупный и рослый курсант поменялся местом с невысоким щуплым юношей. Затем пилот сделал знак курсанту, управляющему механизмами ангара; шаттл с удерживающей его механической рукой был выведен из корабля и оказался в космосе.

Шаттл представляет собой пассажирскую ракету в своей первобытной простоте, и его можно описать как ракетный двигатель с закрепленными на нем фермами, к которым пристегиваются пассажиры. Поскольку шаттл летает только в безвоздушном пространстве, ему не требуется обшивка и обтекаемая форма.

Сам ракетный двигатель ничем не прикрыт. Закрепленные вокруг него фермы с пристегнутыми к ним пассажирами не имеют никакого сходства с самым примитивным космическим кораблем, обладающим герметическим корпусом. Да здесь он и не требуется. Ведь шаттл нужен всего лишь для коротких перелетов между «Рэндольфом» и космической станцией Терры. Лишь пилот и второй пилот сидят в чем-то, напоминающем кресла.

Когда механическая рука вынесла шаттл за пределы ангара, курсант, руководящий стартом, с помощью гидравлических устройств развернул шаттл в сторону космической станции Терры. Пилот нажал на кнопку включения двигателя, и шаттл сорвался с места, выбрасывая из дюз двигателя языки пламени.

Пилот не сводил глаз с экрана радиолокатора. Когда расстояние между шаттлом и космической станцией начало сокращаться со скоростью восьмидесяти восьми футов в секунду, он выключил двигатель.

— Свяжитесь со станцией,— приказал он Мэтту.

Мэтт повернул тумблер и вызвал станцию.

— Шаттл номер три с «Рэндольфа», полет по расписанию. Прибываем через девять минут, плюс или минус минута,— передал Мэтт и мысленно поздравил себя с тем, что потратил немало времени на изучение кассеты с инструкцией по управлению малых пассажирских ракет.

— Принято,— ответил женский голос, затем добавил,— заходите на посадочную платформу «Б».

— Понятно, платформа «Б»,— повторил Мэтт.— Есть другие транспортные средства вблизи?

— На внешних орбитах — нет. «Крылатая победа» — на внутренней орбите, в процессе стыковки.

Мэтт доложил результаты радиопереговоров пилоту.

— Значит, никого на внешней орбите,— повторил старший курсант.— Мистер, я пока вздремну. Разбудите меня, когда мы приблизимся на полторы мили.

— Будет исполнено, сэр.

— Вы считаете, что сумеете подвести шаттл к станции?

— Постараюсь, сэр,— с трудом выдавил Мэтт.

— Обдумайте свои маневры, пока я сплю,— и в следующее мгновение пилот закрыл глаза, удерживаемый ремнями в состоянии невесомости, будто он удобно расположился на своей койке в каюте «Рэндольфа». Мэтт следил за показаниями приборов на контрольной панели.

Через семь минут он разбудил пилота, который открыл глаза и сразу спросил: — Какой маневр вы собираетесь использовать?

— Ну, э-э, если мы продолжим полет не меняя направления, то пролетим мимо станции с внешней стороны. Я не стал бы менять курс. После сближения на четыре тысячи футов включу двигатель и доведу относительную скорость сближения до десяти футов в секунду, после этого буду управлять полетом вручную, не включая радиолокатора.

— Вижу, вы потратили немало времени на подготовку,— улыбнулся пилот.

— Вы считаете, я упустил что-то? — спросил Мэтт обеспокоенным голосом.

— Нет. Берите управление на себя. Действуйте.— Пилот взглянул на экран чтобы убедиться в том, что шаттл действительно летит по курсу, пролегающему мимо станции. Мэтт следил за тем, как сокращается расстояние. Радостное волнение переполняло его. Он мельком взглянул на гигантский сверкающий цилиндр космической станции и тут же отвел взгляд. Через несколько секунд он нажал на кнопку включения двигателя, и перед ними выплеснулся яркий язык пламени.

Шаттл имел двигатели на обоих концах; оба двига-

теля получали топливо из тех же баков, и топливо перекачивалось одним насосом через систему соединяющихся трубопроводов. Управляют шаттлами обычно на глаз, вручную, без сложных математических расчетов. Являясь, по сути дела, простейшими транспортными средствами при полетах в космосе, шаттлы представляют собой незаменимое средство обучения курсантов полетам на ракетных кораблях.

По мере приближения к станции Мэтта начало охватывать тревожное чувство — вечный вопрос пилот-ракетчиков: правильно ли он рассчитал курс и не случится ли столкновения? Беспокойство не покидало его, хотя Мэтт и был уверен, что, следуя по проложенному им курсу, шаттл минует край гигантской станции. С чувством непередаваемого облегчения Мэтт снял палец с кнопки включения двигателя.

— Вы узнаете платформу «Б», когда мы будем рядом с ней? — спросил пилот.

— Нет, сэр,— покачал головой Мэтт.— Это мой первый полет на станцию Терры.

— Первый полет? И я позволил вам управлять шаттлом! Вон она, эта платформа — третья снизу. Начинайте торможение.

— Слушаюсь, сэр.— Шаттл летел вдоль борта станции на расстоянии около ста ярдов до нее, со скоростью быстро идущего пешехода. Мэтт дал возможность шаттлу еще немного приблизиться к платформе «Б» и включил тормозной двигатель на несколько секунд. Ему показалось, что шаттл почти не замедлил движения, поэтому Мэтт снова включил двигатель, на этот раз чуть дольше.

Несколько минут спустя шаттл замер в пространстве рядом с выделенной им платформой. Мэтт повернул голову к пилоту и посмотрел на него вопросительным взглядом.

— Мне приходилось видеть маневры куда хуже,— буркнул пилот.— Передайте им, чтобы нас подтащили к станции.

— «Рэндольф» номер три, готовы к стыковке,— сообщил по радио Мэтт.

— Видим вас,— послышался в наушниках женский голос.— Принимайте трос.

Трос, выстреленный специальным устройством, по-

летел от станции к шаттлу по идеально прямой траектории и попал точно в кольцо на корпусе шаттла.

— Я сменяю вас, сэр,— сказал пилот Мэтту.— Лезьте к кольцу и закрепите трос.

Через несколько минут шаттл подтянули к стыковочной платформе «Б», и курсанты начали входить в шлюз платформы. Мэтт нашел Текса и Оскара в раздевалке, где они снимали космические скафандры.

— Как вам понравился полет и стыковка?— с напускной небрежностью поинтересовался Мэтт.

— По-моему, неплохо,— ответил Текс.— А почему ты спрашиваешь?

— Я управлял шаттлом.

— Ты?— Оскар с любопытством взглянул на Мэтта.— Молодец!

— Пилот разрешил тебе управлять сближением и стыковкой?— на лице Текса появилось изумленное выражение.— Во время твоего первого полета?

— А почему бы и нет? Ты что, не веришь?

— Нет, верю, просто удивлен. Можно, я потрогаю тебя за руку? Не дашь ли автограф?

— Ладно, кончай кривляться!

Курсанты находились, разумеется, в той части станции, где господствовала невесомость. Уложив в шкафчики космические скафандры, они поспешили во вращающуюся часть станции, где прогуливалась публика. Оскар был знаком — более или менее — со станцией, потому что во время перелета на базу Академии ему пришлось совершить здесь пересадку. Он провел их к двери рядом с осью вращения — единственному месту, где можно было перейти из зоны невесомости в зону, на внешней части которой царила нормальная сила тяжести.

От центральной оси курсанты спустились на несколько уровней, мимо служебных кабинетов и кают к одному из первых уровней, отведенных для посетителей. Фактически этот уровень ничем не отличался от широкой, ярко освещенной улицы с высоким потолком и движущимися тротуарами по сторонам. Слева и справа вдоль улицы выстроились рестораны и магазины. Движущиеся тротуары исчезали вдали, поворачиваясь вверх и в сторону, потому что широкий коридор опоясывал всю станцию.

— Это,— сообщил друзьям Оскар,— Райская улица.

— Понимаю, почему ее так назвали,— присвистнул Текс. Остальные курсанты посмотрели в ту же сторону, что и он. Высокая стройная блондинка, одетая в короткое голубое платье, которое закрывало такую малую часть ее тела, что простора для воображения почти не оставалось, стояла у витрины ювелирного магазина.

— Не увлекайся, Текс,— предостерег Оскар.— Она выше тебя.

— Такие высокие мне особенно нравятся,— бросил Текс.— Смотрите!

Юноша небрежными шагами подошел к молодой особе. Мэтт и Оскар не слышали фразы, с которой Текс обратился к женщине, но она не почувствовала себя оскорбленной, потому что рассмеялась. Затем она окинула Текса взглядом с ног до головы, внимательно и чуть насмешливо, и заговорила. Ее голос был отчетливо слышен даже на расстоянии.

— Я замужем и по крайней мере на десять лет старше вас. И не в моих привычках знакомиться с курсантами.

Текс на глазах у своих приятелей съежился и вернулся, подобно побитой собаке, поджав хвост. Он начал сердитым голосом: — Ну и что, по крайней мере, я сделал попытку...— и в этот момент женщина обратилась ко всем троим:

— Подождите, юноши! Да-да, вы — трое! — Она подошла к ним и улыбнулась Мэтту и Оскару.

— Вы ведь совсем новые курсанты, верно?

— Действительно, мадам, мы стали курсантами совсем недавно,— ответил Оскар.

Женщина открыла свою сумочку, усыпанную драгоценными камнями, и что-то достала оттуда.

— Если вам хочется повеселиться и встретиться с молодыми девушками, приходите по этому адресу,— и она вручила Оскару визитную карточку.

Оскар взял карточку и удивленно посмотрел на женщину.

— Спасибо, мадам.

— Не стоит благодарности.— Женщина повернулась и исчезла в толпе.

— Что там написано? — с любопытством спросил Мэтт.

Оскар посмотрел на визитную карточку, затем передал ее Мэтту.

— На, читай.

На квадратике белого картона было написано:

ПЕРВАЯ БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ СТАНЦИИ ТЕРРЫ
ПАСТОР — ДОКТОР ТЕОЛОГИИ Р. СМАЙЛИ
ЗАЛ ВСТРЕЧ
тел. 2437, уровень «С»

— Вот видите, никто не сможет сказать, что моя попытка оказалась совершенно неудачной, — усмехнулся Текс.

Разгорелся спор. Мэтт и Текс хотели отправиться в зал встреч немедленно, тогда как Оскар настаивал, что проголодался и хочет поесть по-человечески. Чем дольше продолжался спор, тем разумнее казались аргументы Оскара. Наконец Текс присоединился к Оскару, и Мэтту пришлось согласиться с мнением большинства.

Уже через несколько минут, увидев цены блюд на ресторанном меню, Мэтт пожалел о своей уступчивости. Ресторан, куда зашли юноши, обслуживал преимущественно туристов и представлял собой роскошный зал с примыкающим к нему баром. Вместо автоматически обслуживаемых столов здесь работали настоящие официанты; соответственно высокими были и цены.

Текс увидел, как помрачнел Мэтт.

— Не расстраивайся, — сказал он. — Я угощаю — мой старик прислал чек.

— Нет, я не могу согласиться на это.

— Ты что, хочешь поссориться?

Мэтт улыбнулся. — Нет, только не из-за этого. Я согласен.

— Насколько тяжелым должно быть твое наказание, Текс? — спросил Оскар. — В объеме чая с бутербродами?

— Нет, ребята, заказывайте что угодно. Давайте

отпразднуем по-настоящему. Между прочим, нужно заказать выпивку.

— Что? — удивился Оскар. — Чтобы нас задержал военный патруль? Нет уж, спасибо!

Мэтт тоже начал возражать, но Текс уже встал.

— Положитесь, ребята, на дядю Джермэна. Уже давно пора вам, бедным недоразвитым иностранцам, попробовать настоящий мятный коктейль с чистым виски! — И он направился в бар. Оскар беспомощно пожал плечами.

Перед тем как войти в помещение бара, Текс произвел тщательную разведку. В баре, разумеется, не было курсантов; еще более важным оказалось то, что там не было офицеров, военного патруля или космических пехотинцев. В это раннее время бар выглядел покинутым. Текс подошел прямо к бармену.

— Вы можете приготовить мятный коктейль? — спросил он.

— Иди, гуляй, — посмотрел на него бармен. — Мне запрещено продавать курсантам спиртные напитки.

— Я ведь не спрашиваю, запрещено это или нет. Так вы умеете готовить мятный коктейль? — и с этими словами Текс сунул бармену банкноту. — И не один, а три.

Бармен уставился на деньги, затем сделал едва заметное движение рукой — и банкнота исчезла.

— Идите к себе за стол, — сказал он.

— Понятно! — с энтузиазмом ответил Текс.

Через несколько минут официант поставил на стол перед тремя курсантами чайный прибор, но в чайнике был не чай, а нечто иное. Текс аккуратно разлил по чашкам содержавшийся в чайнике напиток, следя за тем, чтобы каждому досталось равное количество.

— Ну, за нас, друзья, выпьем за наш успех.

Мэтт осторожно попробовал напиток.

— Похоже на лекарство, — сообщил он.

— Лекарство? — запротестовал Текс. — Этот благородный эликсир? Южанин не в силах вытерпеть такого оскорбления; встретимся на рассвете, сэр, кофе и пистолеты на двоих.

— А мне все равно кажется, что это лекарство. Как ты думаешь, Оскар?

— Можно терпеть.

Мэтт решительно отодвинул свою чашку в сторону.

— Ты что, действительно отказываешься от своей порции? — спросил Текс.

— Спасибо, Текс, я просто боюсь, что мне будет нехорошо. Можешь считать меня маменькиным сынком.

— Ничего не поделаешь, не пропадать же добру.— Текс взял его чашку и вылил половину в свою.— Тебе налить, Оскар?

— Нет. Пей сам.

— Если ты настаиваешь,— и Текс вылил себе остальное.

Когда подали обед, у Текса пропал аппетит. Мэтт и Оскар накинулись на мясо, а Текс пытался убедить их спеть хором.— Ну давай, Оскар, не ломайся! Я научу тебя словам песни.

— У меня нет голоса.

— Есть, не ври. Я слышал, как ты пел в сопровождении оркестра Свинячьего закоулка. Сделаем так: я спою куплет, потом все захлопаем в ладоши и исполним припев: «В самом... сердце... Техаса». Вот так.

— Сейчас же замолчи, Текс,— предостерег его Оскар,— а то окажешься в самом деле перед крупными неприятностями!

— Ну и человек! Не хочет повеселиться! Давай с тобой, Мэтт.

— Я не могу петь с набитым ртом.

— Слушай, Мэтт,— прошептал Оскар.— Мне не изменяет зрение?

Мэтт повернул голову и увидел лейтенанта Вонга в дальнем углу ресторана. Офицер подошел к столу, сел, оглянулся по сторонам, заметил курсантов, кивнул и принялся изучать меню.

— Боже мой,— выдохнул Мэтт.

— Если уж вы не хотите петь «В самом сердце Техаса»,— настаивал Текс,— я согласен на «О, Айова!» Мы, Джермэны,— люди широкого кругозора.

— Мы ничего не будем петь. Ради Бога, Текс, заткнись! В ресторан только что вошел офицер.

— Где он? — воскликнул Текс.— Пригласим и его. Я не такой человек, чтобы затаить на кого-нибудь злобу. Все они — хорошие парни, мерзавцы.— Мэтт осторожно повернул голову и взглянул на лейтенанта Вон-

га. В это мгновение офицер посмотрел на него и поманил к себе пальцем.

Мэтт встал и подошел к лейтенанту.

— Додсон...

— Слушаю вас, сэр.

— Идите обратно и убедите Джермэна успокоиться, пока мне не пришлось подойти к вашему столу и поинтересоваться его именем.

— Будет исполнено, сэр!

Когда он вернулся к столу, Текс уже утихомирился и вроде протрезвел, но казался крайне озадаченным. Лицо Оскара, обычно спокойное и улыбающееся, покраснело от гнева.

— Каким будет приговор?

Мэтт рассказал ему о словах лейтенанта.

— Понятно. Вонг — хороший парень, на него можно положиться. А сейчас нужно увести отсюда этого идиота.— Оскар подозвал официанта, расстегнул сумку Текса и расплатился.

— Пошли,— сказал он, поднимаясь из-за стола.— Соберись с силами, Текс, а то я сломаю тебе шею!

— Куда мы пойдем?— спросил Мэтт.

— Нужно найти освежитель.

Через несколько минут им удалось найти освежитель, никем не занятый. Оскар подвел Текса к раковине, заставил его наклониться и приказал сунуть в рот два пальца.

— Зачем?— удивился Текс.

— Потому что если ты не выплюнешь всю эту гадость, мне придется сунуть тебе в пасть свои пальцы. Слушай-ка, Мэтт, займись им. Я сейчас вернусь.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем Оскар вернулся с литровым картонным контейнером горячего черного кофе и несколькими таблетками. Он заставил Текса выпить горячее кофе и проглотить полдюжины таблеток.

— Что это за таблетки?— спросил Текс слабым голосом.

— Хлористый тиамин.

— Кто научил тебя всему этому?

— Видишь ли...— Оскар наморщил лоб.— Венера мало похожа на Землю. Это все еще дикая, малоос-

военная планета. Там можно встретиться с чем угодно. Хватит болтать, Текс, допивай кофе.

— Слушаюсь, сэр. Как вам угодно, сэр.

— Посмотри, Оскар, у него испачкан комбинезон на груди,— заметил Мэтт.

— Действительно. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Нужно было сначала раздеть его.

— Что же теперь делать? Если он вернется на «Рэндольф» в таком виде, нас начнут расспрашивать, причем самым подробным образом.

— Дай подумать.— Наконец Оскар повернулся к Тексу.— Иди вон туда,— сказал он, показывая на одну из кабин освежителя,— и сними комбинезон. Дай его нам, а сам запрись внутри. Мы скоро вернемся.— Текс, казалось, понимал, что с ним обращаются как с ребенком, но у него не осталось сил для сопротивления. Он вошел в кабину, и через несколько минут Мэтт и Оскар вышли из освежителя. Под мышкой у Оскара был туго свернутый курсантский комбинезон.

Они объехали на движущейся дорожке половину станции, обгоняя толпы прекрасно одетых, смеющихся людей, промелькнули мимо роскошных, ярко освещенных витрин магазинов. Мэтт наслаждался невиданным зрелищем.

— Говорят,— заметил Оскар,— что так выглядели большие города до наступления периода Беспорядков.

— Да, это мало похоже на Де-Мойн.

— И ничуть не напоминает Венеру,— согласился Оскар. Наконец он заметил место, которое они искали,— автоматическую прачечную, скрытую в узком коридоре, рядом с залом ожидания для эмигрантов. Пришлось довольно долго ждать, однако они получили безупречно выстиранный и отглаженный комбинезон, завернутый в аккуратный пакет. Поскольку прачечная находилась на космической станции Терры, стоимость услуг здесь была астрономической. Мэтт с унынием подсчитал, сколько у него осталось денег.

— Чего уж тут жадничать,— сказал он и купил на всю оставшуюся мелочь фунт вишен в шоколаде. После этого они поспешили обратно. Текс был так расстроен их долгим отсутствием и стал самым счастливым, когда друзья наконец вернулись, что Мэтт в приступе щедрости передал коробку конфет Тексу.

— Это наш подарок тебе, несуразное ты существо.

Текс был глубоко тронут таким жестом; впрочем, это был действительно всего лишь жест, потому что конфеты и другие подарки делились, по древней традиции, между всеми курсантами, живущими в одной каюте.

— А теперь одевайся побыстрее, Текс. Шаттл отправляется через тридцать две минуты.— Через двадцать пять минут одетые в космические скафандры друзья вошли в шлюз станции. Текс прижимал локтем коробку с конфетами.

Перелет к «Рэндольфу» прошел без приключений, если не считать маленького происшествия: Мэтт забыл предупредить Текса, что для коробки конфет требуется герметическая упаковка. Еще перед тем как Текс пристегнулся к ферме шаттла, коробка раздулась. К тому моменту, когда шаттл состыковался с «Рэндольфом», вся передняя и боковая сторона его космического костюма оказалась покрыта пенящейся липкой массой, состоящей из вишневого сиропа, сока, жидкого сахара и коричневого шоколада, потому что шоколадные конфеты с жидкой начинкой закипели и расширились в пустоте безвоздушного пространства. Текс собрался было с отвращением выбросить бесполезную теперь коробку, если бы не старший курсант, пристегнутый к ферме рядом, который напомнил ему о суровом наказании за засорение мусором пространства, где постоянно летают пассажирские и транспортные корабли.

Курсант, отвечающий за порядок в ангаре, с презрением посмотрел на испачканный скафандр Текса.

— Почему вы не сунули коробку внутрь скафандра?— недоуменно спросил он.

— Как-то не пришло в голову, сэр.

— Хм-м! Надеюсь, в следующий раз это все-таки придет вам в голову. Зайдите к вахтенному офицеру и сообщите о моем замечании за «поразительную неопрятность при ношении формы». И не забудьте как следует вычистить свой скафандр.

— Будет исполнено, сэр.

Когда они вернулись в каюту, Пит уже ждал их. Он вышел навстречу из своей комнатушки.

— Ну что, хорошо повеселились? Жаль, что я был на дежурстве и не смог отправиться с вами.

— Не расстраивайся, ты мало что потерял,— успокоил его Оскар.

Текс посмотрел на друзей виноватым взглядом.

— Извините меня, ребята, что я испортил ваше первое увольнение.

— Ничего страшного,— успокоил его Оскар.— Станция Терры никуда не денется и через месяц.

— Совершенно верно,— согласился Мэтт.— Вот только скажи честно, Текс. Это был первый коктейль в твоей жизни, верно?

— Да,— покраснел Текс.— Все мои родные — трезвенники, если не считать дяди Боди.

— Забудь про дядю Боди. Если я еще раз поймаю тебя за коктейлем, тут же и ухлопаю тебя бутылкой.

— А-а, перестань, Мэтт!

Оскар посмотрел на Мэтта скептически.

— Ты уж полегче с подобными заверениями, дружище. Такое могло случиться и с тобой.

— Могло, не отрицаю. Когда-нибудь, возможно, вам придется вести меня под руки, и я узнаю, как чувствуют себя пьяные. Но только не в общественном месте.

— Договорились.

— Послушайте, ребята,— воскликнул Пит, переводя взгляд с одного из них на другого.— Я не понимаю, что там с вами случилось?

XI

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Жизнь на борту «Рэндольфа» носила странный отпечаток «вневременности» или, вернее, невозможности следить за проходящими днями. На борту учебного корабля не менялась погода, да и время года постоянно казалось одним и тем же. Даже деление суток на «ночь» и день» было произвольным и постоянно нарушалось ночными вахтами и занятиями в лабораториях, которые проводились в любое время для того, чтобы до

предела использовать ограниченные возможности. Кормили курсантов через каждые шесть часов круглые сутки, и в час «ночи» столовая была обычно наполнена не меньше, чем в семь «утра».

Мэтт научился спать всякий раз, когда выдавалась возможность; и «дни» быстро шли один за другим. Ему казалось, что времени, необходимого для овладения предметами учебной программы, никогда не будет хватать.

Математика, астрогация и особенно ядерная физика превратились в пугало; он замечал, что ему приходилось заниматься прикладной математикой еще до того, как он овладел основами ее теории.

Перед тем как стать курсантом, Мэтт считал себя математическим гением; он, наверное, и выделялся математическим талантом, но при обычных условиях. Ему никогда не приходило в голову, что он может оказаться одним из членов группы молодых людей, где каждый обладал исключительными способностями в какой-нибудь из наук.

Мэтт обратился за помощью в более глубоком изучении математики и работал больше, чем когда-либо в жизни. Дополнительные усилия помогли ему избегать провалов, но не больше.

Невозможно постоянно подгонять себя, заставлять работать и при этом не сломаться, однако окружение помогало Мэтту с честью выйти из этого положения и не переутомиться, даже когда он подходил вплотную к опасной черте.

Коридор номер пять на палубе «А», где находилась каюта Мэтта, в которой он жил с друзьями, получил название «Свинячьего закоулка» и прославился бесшабашностью своих обитателей еще перед тем, как здесь поселился Текс со своими незаурядными способностями в этой сфере.

В настоящее время «Мэром Свинячьего закоулка» был курсант, заканчивающий Академию, по имени Билл Аренса. Он был фантастически талантлив и усваивал любую учебную кассету после первого же просмотра и все-таки находился на «Рэндольфе» необычно длительное время, что объяснялось огромным количеством набранных им штрафных очков.

Однажды вечером, после ужина, Мэтт и Текс распо-

ложились у себя в каюте и попробовали музицировать вместе. Мэтт вооружился гребешком и полоской тонкой бумаги, а Текс взялся за гармонику. И тут же из коридора донесся вопль: «Немедленно откройте дверь! Эй вы, молодежь, выходите в коридор!»

Текс и Мэтт поспешно исполнили приказ. Мэр Свинячьего закоулка внимательно осмотрел их.

— Никаких следов крови,— недоуменно заметил он.— Мне показалось — я даже готов поклясться,— что в каюте кого-то режут. Берите свои шумовые инструменты и пошли со мной.

Аренса привел их к себе в каюту, которая была уже переполнена гостями. Он махнул рукой в их сторону: «Познакомьтесь с Форумом Свинячьего закоулка — сенатор Мямля, сенатор Болтун, сенатор Кожаный Мешок, доктор Благодетель и маркиз де Сад. Джентльмены, разрешите представить вам комиссара Несчастливца и профессора Мудреца». Закончив представление, Аренса скрылся в своей комнатушке.

— Как вас зовут, мистер?— спросил один из курсантов, обращаясь к Тексу.

— Джермэн, сэр.

— А вас?

— У нас нет времени для таких мелочей,— заявил Аренса, выходя из комнатушки с гитарой в руках.— Ну-ка, джентльмены, вспомните мелодию, которую вы исполняли; давайте попробуем еще раз. Приготовились; начинаем по моему сигналу... раз, два и три!

Так появился на свет оркестр Свинячьего закоулка. Постепенно он вырос до семи инструментов и начал работать над репертуаром, который можно было продемонстрировать на корабельном празднике. Мэтт был вынужден отказаться от участия в оркестре, как только он попал в команду по космическому поло: времени для участия и в том и в другом не хватало, но его ухода из оркестра остальные музыканты даже не заметили.

И тем не менее, Мэтт остался одним из друзей старшего курсанта. Аренса принял всех четырех под свое крыло, потребовал, чтобы они время от времени заходили к нему, и следил за их жизнью. В отличие от других старших курсантов, он никогда не жаловался на них офицерам. Сравнивая свои впечатления с впечатления-

ми других новичков, Мэтт пришел к выводу, что ему и его друзьям повезло. Они посещали частые заседания «Форума» — сначала по настоянию Аренсы, потом из интереса. Обычным развлечением на борту «Рэндольфа», как и во всех школах-интернатах, были споры. Их темы затрагивали самые разные вопросы и замечания Аренсы, необычные и часто радикальные, придавали особый интерес.

И все-таки, какой бы вопрос не обсуждался сначала, постепенно темой обсуждения становились девушки. Через некоторое время споры заканчивались стандартным заявлением:— А какой смысл вообще о них говорить? На «Рэндольфе» нет девушек. Пошли лучше спать.

Не менее интересным был семинар на тему «Сомнение», включенный в учебное расписание. Этот предмет появился на свет по инициативе коммодора, который пришел к выводу, на основании собственного опыта, что все военные организации, причем Патрульная Служба не являлась исключением, имеют общую слабость. Свойственная им военная иерархия по своей природе консервативна и полагается на тупую исполнительность, основывающуюся на законе прецедента; оригинальное и нестандартное мышление считается у военных наказуемым. Инициатива наказуема — гласит один из общепринятых военных принципов. Коммодор Аркрайт понял, что подобные тенденции неизбежны и тесно связаны с природой военных формирований; он надеялся изменить эти тенденции, малопомалу дав им толчок в направлении, следовать которому невозможно без оригинальных и нестандартных идей.

Были созданы дискуссионные группы, составленные из молодых курсантов, старших курсантов и офицеров. Руководитель семинара задает тон спорам, выдвинув положение, противоречащее общепринятой аксиоме. Начиная с этого момента, можно было говорить, что угодно.

Мэтт не сразу овладел искусством участия в таком семинаре. Во время первого заседания руководитель семинара выдвинул такое предположение: «Патрульная Служба приносит вред и должна быть распущена». Мэтт не верил своим ушам.

Выступающие заявляли один за другим, что в течение стабильного мира, существующего последние сто лет вследствие неослабной бдительности Патрульной Службы, нанесен ущерб человеческой расе, что резкое увеличение числа мутаций, вызванное атомными войнами, благоприятно влияет на непоколебимые законы эволюции, что ни человеческая, ни любая другая раса, населяющие Солнечную систему, не могут рассчитывать на вечное существование, если они намеренно откажутся от войн, и что, наконец, Патрульная Служба составлена из самодовольных глупцов, принимающих внушенные им предрассудки за законы природы.

В течение первой дискуссии такого рода Мэтт не произнес ни единого слова.

На семинаре, который проводился на следующей неделе, он услышал, как под сомнение была поставлена материнская любовь и любовь к матерям. Ему хотелось ответить, но, как он ни старался, ему не приходили в голову сколько-нибудь веские аргументы, если не считать обычного: «А потому!» Затем последовали нападки на монотеизм как желательную форму религии, на разумность научного подхода и на право большинства в решении спорных вопросов. Мэтт понял, что здесь разрешается выражать как ортодоксальные, так и неортодоксальные точки зрения, и постепенно начал принимать участие в дебатах, защищая некоторые из своих любимых идей.

И тут же он увидел, что его бессознательные предположения, скрывающиеся за выражаемыми им точками зрения, подвергаются безжалостным нападкам; скоро Мэтту пришлось вернуться к упрямому, хотя и невыраженному вслух доказательству: «А потому!»

Мэтт начал привыкать к методам споров и аргументации и быстро обнаружил, что можно, задавая невинные вопросы, разрушить цепь чьих-то доказательств.

Мэтт начал получать особое удовольствие от участия в семинарах после того, как в его группе появился Жирар Берк. Он терпеливо выжидал, пока Жирар не выскажет какую-нибудь определенную точку зрения, затем задавал вопрос; это всегда был вопрос и никогда — определенное заявление. По каким-то причинам, не понятным для Мэтта, точки зрения Берка всегда бы-

ли ортодоксальными. Чтобы опровергнуть их, Мэтту приходилось выдвигать нестандартные идеи.

Один раз он спросил Берка после окончания семинара: «Послушай, Берк, мне всегда казалось, что у тебя необычные суждения по всем вопросам».

— Да, я так считаю.

— Но во время семинара «Сомнение» ты умело их скрываешь.

На лице Берка появилась хитрая улыбка.

— Ты считаешь, что мне следует говорить именно то, о чем я действительно думаю?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты полагаешь, наши начальники так уж интересуются новыми мыслями? Послушай, юноша, ты когда-нибудь научишься распознавать ловушки?

Мэтт задумался. «Мне кажется, ты не в своем уме»,— ответил он наконец. Однако слова Берка заставили его размышлять о целях семинара.

Шли дни. Нагрузка была настолько велика, что скучать не оставалось времени. Мэтт разделял общее убеждение всех курсантов, что «Рэндольф» — это сумасшедший дом, непригодный для нормальных людей, металлолом, заброшенный в космос, и тому подобное. Но, по правде говоря, у него не сформировалось своей точки зрения относительно учебного корабля — он был слишком занят учебой. Сначала его мучила тоска по дому; с течением времени она отступила. Его дни были наполнены занятиями, учебой, тренировками, снова учебой, лабораторными работами, сном, едой и опять учебой.

Однажды он возвращался с ночной вахты в отделе космической связи. Из каютки Пита доносились звуки. Сначала Мэтт предположил, что его товарищ решил не спать, а заняться учебой и просматривает кассеты на проекторе. Он хотел уже постучать в дверь и пригласить Пита отправиться в столовую — выпросить у дежурного по камбузу чашку какао, но вдруг понял, что слышит не шум проектора.

Мэтт осторожно приоткрыл дверь. С койки доносились сдавленные рыдания. Он тихо прикрыл дверь и постучал. Через несколько секунд послышался голос Пита: «Заходи».

Мэтт вошел в комнатушку.— Привет, Пит. У тебя нет что-нибудь поесть?

— Пирожки в столе.

— Что с тобой, Пит?— спросил Мэтт, уплетая пирожок.— Ты выглядишь больным.

— Нет, я здоров.

— Не вешай мне лапшу на уши. Говори, в чем дело.

— Ты не сможешь мне помочь. Я хочу домой.

— О-о,— перед мысленным взором Мэтта появились зеленые просторы и холмы Айовы. Усилием воли он подавил видение.— Да, парень, это тяжелое дело. Поверь мне, я тебя понимаю.

— Да как ты сможешь понять меня, Мэтт? Ведь ты практически дома — стоит подойти к иллюминатору, и ты видишь родину.

— Ну, это малоутешительно.

— К тому же для тебя не прошло столько времени вдали от дома. А мне потребовалось два года, чтобы попасть на Терру; и никто не знает, смогу ли я когда-нибудь побывать дома.— В глазах Пита появилось отсутствующее выражение; голос зазвучал почти лирично.— Ты не представляешь, Мэтт, как прекрасна моя планета. Недаром говорят: «У каждого цивилизованного человека две родные планеты: своя и Ганимед».

— Кто же говорит так?

Пит даже не обратил внимания на этот вопрос.

— Юпитер висит у тебя над головой, заполняя половину неба...— Он замолчал.— Как там прекрасно, Мэтт! Ничто в мире не сравнится с Ганимедом.

Перед мысленным взглядом Мэтта снова мелькнула панорама Де-Мойна летним вечером, незадолго до наступления осени... светлячки кружатся в небе, цикады стрекочут среди деревьев, а воздух так ароматен и густ, что его можно черпать горстями. Внезапно его охватило чувство ненависти к окружающей их стальной оболочке с постоянной невесомостью, очищенным воздухом и искусственным освещением.

— Зачем только мы поступили в Патрульную Службу, Пит!

— Не знаю, Мэтт. Не знаю!

— А ты не собираешься обратиться с просьбой об увольнении из Академии, Пит?

— Не могу. Отцу пришлось занять крупную сумму,

чтобы оплатить мой проезд в оба конца; если я уйду из Патрульной Службы по своему желанию, он не сможет погасить долг.

Вошел Текс, широко зевая и почесываясь: «Чего вы разговорились, ребята? Вам что, спать надоело? Тогда пожалейте других — дайте поспать».

— Извини, Текс.

— Вы оба выглядите так, будто у вас умерли любимые собаки,— внимательно посмотрел на них Текс.— Что случилось?

— Ничего особенного,— буркнул Мэтт.— Тоска по дому.

— Не совсем так,— вступился Пит, стараясь защитить друга.— Это я расчувствовался, а Мэтт пытался утешить меня.

— Ничего не понимаю,— озадаченно заметил Текс.— Какое это имеет значение, где вы находитесь, если вдали от Техаса?

— Текс, ради Бога, перестань! — рассердился Мэтт.

— Что такого я сказал? — Текс удивился еще больше.— Пит, вот ты действительно далеко от дома, согласен с тобой. Но знаешь что, как только нам дадут отпуск, едем со мной в Техас. У нас ты сможешь сосчитать, сколько ног у лошади.

— И познакомиться с твоим дядей Боди? — слабо улыбнулся Пит.

— Ну, конечно! Дядя Боди расскажет, как однажды ему пришлось скакать на мустанге — без седла. Ну как, договорились?

— Если пообещаешь побывать у меня на Ганимеде. И ты, Мэтт.

— Решено! — Юноши дружно пожали руки.

Последствия ностальгического приступа прошли бы бесследно, но скоро случилось еще одно событие. Мэтт направился по коридору в каюту Аренсы, собираясь попросить о помощи в решении сложной астрогационной задачи. Выпускник укладывал вещи.

— Заходите, сенатор,— пригласил Аренса.— Не стой в дверях. Хочешь что-нибудь сказать?

— Да ничего, просто так зашел. Вас назначили на корабль, сэр? — Аренса месяц тому назад сдал выпускные экзамены и получил назначение на космическую службу.

— Нет.— Аренса взял пачку бумаг, просмотрел их и разорвал.— Я улетаю. Совсем.

— О-о!

— Не надо деликатничать, юноша. Никто не увольнял меня — я подал заявление об отставке.

— О-о!

— Перестань смотреть на меня телячьими глазами и говорить «О-о!» Неужели в желании уволиться есть что-то странное?

— Нет. Ничего странного.

— А ведь ты думаешь, почему это он решил подать в отставку? Верно, Мэтт? Ну что ж, отвечу на невысказанный вопрос. Я устал, вот и все. Прошел весь курс от начала до конца и понял, что это не для меня. Потому, юноша, что у меня нет желания быть суперменом. Мой нимб давит мне голову, и я решил сбросить его. Неужели непонятно?

— Понятно. Я и не собирался критиковать ваше решение.

— Критикуешь, только не вслух. А вот ты, сенатор, оставайся. Такие серьезные молодые парни нужны Патрульной Службе. Что касается меня, то я не архангел и не собираюсь носиться по небу, размахивая пылающим мечом. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что значит подвергнуть город атомной бомбардировке? Ты задумывался над этим?

— Нет, не задумывался. Но с того самого момента, когда воцарились безопасность и мир благодаря деятельности Патрульной Службы, в этом не было необходимости. И я не думаю, что такая необходимость может возникнуть.

— Но ты дал присягу на верность Патрульной Службе, правда? Именно в этом и состоит твой долг, юноша.— Он замолчал и взял гитару.— Ладно, хватит об этом. Итак, что мне делать с ней? Хочешь, продам тебе по дешевке, за земную цену?

— Сейчас у меня нет денег даже на такие покупки.

— Тогда возьми ее в качестве подарка.— Аренса бросил гитару в руки Мэтта.— Оркестр Свинячьего закоулка не может обойтись без гитары, а я куплю себе другую. Через тридцать минут я буду на космической станции Терры, а спустя еще шесть часов — среди зе-

млян, маленьких людишек, которые не умеют изображать богов и не хотят заниматься этим!

Мэтт не знал, что ответить.

Казалось таким непривычным не слышать громоподобный голос курсанта Аренсы в коридоре, но Мэтту не пришлось долго раздумывать над этим. Учебная группа Мэтта Додсона была послана на Луну для освоения посадки при отсутсвии атмосферы.

Группа освоила полеты на шаттле и начала тренироваться на транспортной ракете типа А-6, специально оборудованной для обучения курсантов. Трюм ПРК «Трясучка» — так прозвали его курсанты, хотя в списках «Рэндольфа» ракетный корабль был внесен как учебный корабль № 106,— был заполнен дюжиной контрольных рубок, ничем не отличавшихся от настоящей контрольной рубки, вплоть до последнего инструмента, прибора и переключателя. Приборы и экраны учебных контрольных рубок регистрировали те же данные, что и в настоящей контрольной рубке, с одним важным отличием: когда курсант касался ручек управления в учебных рубках, это никак не отражалось на маневрах корабля, зато регистрировалось на магнитной ленте.

Действия пилота также записывались, поэтому каждый курсант мог сравнить свои действия с маневрами пилота, узнавая таким образом, как следовало ему поступать после тренировок в условиях, полностью идентичных с полетными.

Группа научилась всему, чему могла, на практических занятиях на «Рэндольфе» и во время перелетов на станцию Терры. Теперь ей требовались более рискованные маневры у настоящей планеты. Двухдневный перелет от «Рэндольфа» на Лунную базу был совершен на самой «Трясучке» в условиях, лишь немного уступающих полетам переселенцев на другие миры.

Мэтт и его товарищи по группе не имели возможности ознакомиться с Лунными колониями. Им не было разрешено увольнение; они разместились в подземных казармах на Лунной базе и каждое утро отправлялись на космодром для тренировок в искусстве посадок, которые проводились сначала в учебных контрольных рубках «Трясучки», а затем в рубках ракетных кораблей А-6, оборудованных двойным управлением.

Мэтт совершил свой первый самостоятельный по-

лет с посадкой в конце недели. У него оказалось природное чувство настоящего пилота, и корабль повиновался всем его командам. Пилотировать ракетный корабль для Мэтта было так же просто, как сложно производить астрогационные расчеты.

После первого полета, который оказался таким успешным, у него выдалось немало свободного времени. Мэтт осмотрел базу и потом совершил прогулку в космическом скафандре по выжженной поверхности Луны. Курсантов разместили в одном углу казармы космических пехотинцев, так что Мэтт получил возможность следить за их жизнью и беседовать со многими из них.

Ему понравилась четкость и дисциплина космических пехотинцев, их небрежная самоуверенность. Нет более внушительного зрелища в Солнечной системе, чем сержант — ветеран космической пехоты в парадной форме с нашивками, знаками отличия и сединой на висках, гармонирующей с серебряными лучами, исходящими из центра звезды — эмблемы космической пехоты. В своем скромном светло-сером комбинезоне без нашивок и украшений Мэтт выглядел чуть ли не бедняком рядом с пехотинцем в сверкающей форме.

Ему нравилось наблюдать за их частыми парадными построениями. Сначала Мэтту казалось странным прислушиваться к поверке без упоминания фамилий знаменитой Четверки — Дальквиста, Риверы, Мартина и Уилера, но у космической пехоты были свои традиции, причем более впечатляющие.

Не изменяя своему намерению овладеть астрогацией во что бы то ни стало, Мэтт привез на Лунную базу учебник, содержащий задачи по этому предмету, и ежедневно, как только выдавалась свободная минута, работал над ними. Без особой охоты он взялся за одну из них. Задача гласила: «Дано: вылет с орбиты Деймоса, спутника Марса, не раньше 12.00 по Гринвичу 15 мая 2087; двигатели космического корабля работают на химическом топливе, скорость выброса газов 10 тысяч метров в секунду; место назначения — супрастратосферная орбита вокруг Венеры. Требуется рассчитать: наиболее экономичный курс полета к месту назначения при наименьшей затрате времени, соотношения массы, а также время вылета и прибытия. Под-

готовить полетный план и вычислить точки коррекции, используя звезды второй величины или более яркие. Вопросы: можно ли сберечь время и топливо, пролетев рядом с парой планет Терра — Луна, и получить от их гравитационного поля дополнительное ускорение? Предвидится ли пересечение метеорных потоков и какие меры по уклонению от столкновения с метеорами будут предприняты? Все ответы должны соответствовать правилам космических полетов, а также принципам космической баллистики».

Задачу нельзя было решить за короткий отрезок времени без помощи компьютера. Тем не менее, Мэтт мог подготовить соответствующие уравнения и затем, если повезет, уговорить офицера, руководящего вычислительным центром Лунной базы, разрешить ему воспользоваться баллистическим интегратором. Мэтт принялся за работу.

Раздался пронзительный звук горна — сигнал смены караула. Мэтт не обратил на него внимания.

Он сидел, увлекшись предварительными расчетами, когда снова послышался зов горна — на этот раз на поверку. Почему-то этот сигнал полностью нарушил поток его мыслей. «Проклятая задача! — подумал Мэтт. — Отчего в учебнике содержатся такие глупые задачи? Патрульная Служба не использует корабли, работающие на химическом топливе, и не рассчитывает наиболее экономных орбит. Этим занимается космический торговый флот».

Он встал и вышел из комнаты. Через пару минут Мэтт наблюдал за тем, как караул космической пехоты выстраивается в главном зале под казармами. Когда оркестр исполнил марш «Пока не остынут солнца и не потемнеет небо...», у Мэтта перехватило дыхание от избытка эмоций.

Он остановился у караульного помещения, не торопясь возвратиться к математическим расчетам. Новый начальник караула оказался знакомым Мэтта — старший сержант Маклеод.

— Заходите, молодой человек, и садитесь. Я заметил, вы наблюдали смену караула.

— Да. Впечатляющее зрелище.

— Разделяю ваши чувства. Служу в космической пехоте вот уже двадцать лет и всякий раз испытываю

восхищение, как будто снова стал молодым рекрутом. Ну, как жизнь? Ни единой свободной минуты?

Мэтт сконфуженно улыбнулся: «Да вот решил оторваться от занятий. Вообще-то нужно заниматься астрогацией, но она смертельно мне надоела».

— В этом вас трудно обвинить. И у меня от цифр голова болит.

Мэтт почувствовал, что ему хочется поделиться с пожилым сержантом своими сомнениями. Маклеод слушал юношу, кивая сочувственно головой. «Знаете, мистер Додсон,— заметил сержант,— я вижу, вам не слишком нравятся все эти заумные предметы. Почему бы не бросить все это?»

— То есть как — бросить?

— Вам нравится космическая пехота?

— Да.

— Тогда почему вы не хотите заняться делом, достойным настоящего мужчины? Вы — крепкий и здоровый юноша с отличным образованием. В космической пехоте вам гарантировано быстрое продвижение — через год я буду вытягиваться перед вами. Вы не задумывались над этим?

— Откровенно говоря, нет.

— Тогда самое время подумать о моем предложении. Я вижу, вы человек действия, и вам будет трудно ужиться с Профессорами; вы, наверно, не знаете, что так мы называем Патрульную Службу?

— Приходилось слышать.

— Вот как? Ну что ж, мы служим Профессорам, но принадлежим к другому роду войск. Мы... впрочем, вы сами все видели. Подумайте об этом.

Мэтт задумался над словами сержанта, и думал так напряженно, что вернулся на «Рэндольф» с нерешенной задачей о перелете с Марса на Венеру.

Из-за того, что прошло порядочно времени, задача не стала проще, да и другие, более сложные задачи оставались такими же, несмотря на мысли, которые мучили Мэтта. Ему казалось все более очевидным, что совсем не обязательно утруждать себя высшей математикой, для того чтобы стать космонавтом. Мысленно Мэтт уже видел себя в блестящей парадной форме космической пехоты.

Наконец он обратился за советом к лейтенанту Вонгу.

— Итак, вы хотите просить о переводе в космическую пехоту?

— Да. Я думаю об этом.

— Почему?

Мэтт объяснил сомнения относительно своих способностей в сфере ядерной физики и астрогации.

— Я так и предполагал,— кивнул Вонг.— Однако мы этого ждали, поскольку вы прибыли к нам с недостаточной подготовкой по этим предметам. Мне не нравится ваша неряшливость при математических расчетах, особенно после того, как вы вернулись с Луны.

— Я делаю все, что от меня зависит, сэр.

— Нет, это неправда. Но вы можете овладеть этими предметами, и я позабочусь о том, чтобы ваши усилия были успешными.

Мэтт объяснил едва слышным голосом, что у него просто нет особого желания. Впервые лейтенант Вонг посмотрел на Мэтта с раздражением.

— Вы все еще настаиваете на своем? Если вы подадите рапорт с просьбой о переводе, я не поддержу вас, и можете быть уверены в том, что начальник Академии тоже откажет.

— Это ваше право,— произнес Мэтт, сжав зубы.

— Черт побери, Додсон, это не мое право; скорее, это мой долг. Из вас никогда не получится космический пехотинец; говорю так, потому что хорошо знаком с вашими возможностями. Но вы будете хорошим офицером Патрульной Службы.

— Почему вы считаете, что я не смогу служить в космической пехоте?— удивился Мэтт.

— Это окажется для вас слишком простым делом, настолько простым, что вы неизбежно потерпите неудачу.

— Как?

— Перестаньте говорить «как». Разброс в коэффициенте умственного развития между офицером и подчиненными не должен превышать тридцать очков. Вы опережаете этих старых сержантов намного больше — только не подумайте, что я к ним отношусь с презрением; это — хорошие люди и отличные воины. Но вы-то мыслите совершенно по-другому.— Вонг подумал,

затем продолжил.— Вы никогда не задумывались над тем, почему в Патрульной Службе одни офицеры или курсанты, будущие офицеры?

— Нет, сэр.

— Вполне естественно. Мы никогда не задумываемся над тем, что считаем естественным. Строго говоря, Патрульныя Служба не является военной организацией.

— То есть как?

— Да, я знаю: вас учат владеть оружием, исполнять приказы, вы носите форму. Однако вашим предназначением является не война, а меры, направленные на то, чтобы предупредить ее всеми возможными средствами. Патрульная Служба не ведет боевых действий; ей поручено оружие, слишком опасное, обладающее слишком большой разрушительной силой, чтобы его можно было доверить военным.

— После того, как в прошлом столетии появились средства массового уничтожения, война стала чисто наступательной, против современного оружия нет защиты. Страна может нанести ужасающий по силе удар, но она не в состоянии защитить даже свои ракетные базы. А потом появились космические корабли.

— С военной точки зрения космический корабль является идеальным средством доставки к цели ядерного, бактериологического и химического оружия. Нападение из космоса нельзя предотвратить, и в то же время космический корабль недоступен для атаки с земной поверхности.

— Сила притяжения Земли,— кивнул Мэтт.

— Совершенно верно, земное тяготение. Люди на поверхности Земли беззащитны перед лицом угрозы из космоса; бороться с космическими кораблями с поверхности Земли так же бессмысленно, как бросать камни в противника со дна колодца. Человек, стоящий у края колодца, обладает неоспоримым преимуществом — на его стороне сила тяжести.

— В результате могла бы возникнуть самая прочная, практически нерушимая тирания. Однако человеческой расе повезло, и в мире восторжествовала вместо этого демократия. Задача Патрульной Службы и состоит в том, чтобы такая счастливая ситуация не была нарушена.

— Но Патрульная Служба не может применять ядерное оружие лишь потому, что какой-то новоявленный Гитлер попытался захватить власть и когда-нибудь, имея достаточно времени и средств, начнет строить космический флот и средства массового уничтожения. Оружие, доверенное Патрульной Службе, слишком мощное, слишком неразборчивое. Использовать его — все равно что пытаться наводить порядок в детском саду с помощью заряженного ружья вместо выключателя света.

Космическая пехота и есть такой выключатель. Это самые отборные...

— Извините меня, сэр...

— Да?

— Мне хорошо известно, для чего создана космическая пехота. Она играет активную роль в поддержании порядка внутри Солнечной системы; именно поэтому я и хочу перейти в ее состав. Космическая пехота...

— ...самые отчаянные, самые заметные войска. И космическим пехотинцам не приходится заниматься изучением предметов, от которых устал Мэттью Додсон. А теперь молчите и слушайте; вы очень мало знаете о космической пехоте, иначе не просили бы о переводе.

Мэтт замолчал.

— Человечество подразделяется на три основные психологические группы с совершенно различными мотивациями. Существует группа, в состав которой входят люди, побудительными мотивами в деятельности которых являются экономические факторы — деньги... А есть другая группа, представители которой стремятся к самоутверждению, ими руководит самолюбие или гордость. К этому типу людей принадлежат транжиры, драчуны, спортсмены, хвастуны, любители азартных игр. Они стремятся к власти и хотят прославиться. А вот третья группа — профессионалы, старающиеся следовать законам чести и морали, а не просто стремиться к деньгам и славе; среди представителей этой группы — священники, учителя, ученые, врачи, некоторые художники и писатели. Они исходят из того, что человек должен посвящать свою жизнь чему-то более важному, чем удовлетворению собственных потребностей. Вы понимаете меня?

— Да... думаю, что понимаю.

— Имейте в виду, Додсон, что я говорю об этом в предельно упрощенной форме. И не пытайтесь применять эти правила к инопланетянам — к ним человеческие законы неприменимы. Марсиане имеют свои законы, равно как и венериане.

— Теперь переходим к самому главному,— продолжал лейтенант.— Патрульная Служба состоит исключительно из представителей третьего типа людей, тех, кто хочет посвятить свою жизнь службе человечеству. Все те, кто служат в космической пехоте, начиная от солдата и кончая генералом, стремятся к славе, руководствуются гордостью и самолюбием.

— Понятно...

Лейтенант Вонг замолчал, давая ему возможность усвоить новые для него понятия.

— Это видно по форме, которую они носят. Офицеры Патрульной Службы одеты в скромные, ничем не выделяющиеся мундиры, тогда как космические пехотинцы носят яркую, бросающуюся в глаза форму с нашивками, медалями и знаками отличия. В Патрульной Службе главным является присяга, служение человечеству. У космических пехотинцев основное внимание обращают на славу их рода войск, гордость, историю и традиции, верность товарищам, мужество и достоинство солдата. Говоря это, я не пытаюсь преуменьшить заслуги космической пехоты; просто указываю на то, что им наплевать на политические институты Солнечной системы. Космические пехотинцы преданы только своему роду войск.

— Но вы, Мэтт, не подходите к этой категории. Я уверен в этом, потому что знаю вас лучше, чем вы сами. Я изучил результаты ваших психологических тестов. Космический пехотинец из вас не получится.

Офицер замолчал. Тишина длилась так долго, что Мэтт не выдержал и робко спросил: — Это все, сэр?

— Почти. Вам необходимо овладеть астрогацией. Если бы для выполнения задач Патрульной Службы понадобилось научиться нырять, вам пришлось бы овладеть и этим искусством. Но основой является управление космическим кораблем. Я составил для вас напряженный курс занятий. В течении нескольких бли-

жайших недель вы будете заниматься только астрогацией. Вам нравится мое предложение?

— Нет, сэр.

— Я так и думал. И все-таки, когда мы с вами закончим курс обучения, вы сможете ориентироваться в Солнечной системе с закрытыми глазами. Итак, посмотрим...

Следующие несколько недель были смертельно монотонными, однако успехи Мэтта стали очевидны. И у него оказалось немало времени для размышлений, если он не сидел, согнувшись, над компьютером. Оскар и Текс отправились на Луну вместе; Пит проводил ночи на дежурстве в машинном отделении. Мэтт работал с мрачным упрямством и думал. Он дал себе обещание не сдаваться до тех пор, пока лейтенант Вонг не признает, что Мэтт выполнил поставленную перед ним задачу. Ну а затем... затем наступит время отпуска. Если Мэтт все-таки примет решение бросить Патрульную Службу — ну что ж, немало курсантов не возвращается из своего первого отпуска.

Тем временем ему удалось добиться сдержанной похвалы лейтенанта Вонга.

Наконец Вонг разрешил ему вернуться к обычным занятиям. Мэтт начал погружаться в монотонность ежедневной работы, когда ему дали дополнительное поручение. Выполняя его, он прибыл к вахтенному офицеру, выслушал инструктаж, запомнил список фамилий и получил черную наручную повязку. Затем Мэтт отправился к главному корабельному шлюзу и стал ждать.

Наконец из дверей шлюза выплыла группа испуганных бледных юношей. Когда наступила очередь Мэтта, он продвинулся вперед и спросил: «Группа номер семь! Кто командир седьмой группы?»

Мэтт собрал группу вместе, поручил курсанту, исполнявшему обязанности командира группы, быть замыкающим и повел юношей медленно и осторожно на палубу «А». Добравшись до места назначения, он с удовольствием отметил, что никто из курсантов не потерялся по дороге.

— Это — ваша столовая,— сказал он.— Сейчас будем обедать.

Выражение, появившееся на лице одного из новичков, показалось Мэтту забавным.

— В чем дело, мистер? — спросил он юношу.— Вы что, еще не проголодались?

— Э-э, нет, сэр.

— Не падайте духом — скоро проголодаетесь.

X

КТО БУДЕТ СТОРОЖИТЬ СТОРОЖЕЙ?

Курсант Академии Космической Патрульной Службы Мэттью Додсон сидел в зале ожидания станции запуска на пике Пайкс и смотрел на часы. До посадки на космический корабль «Новая Луна» оставался еще час; тем временем он ждал прихода своих товарищей.

«Все-таки это был неплохой отпуск»,— подумал он; ему удалось сделать все, что он запланировал, за исключением поездки на ранчо Джермэна в самом конце отпуска. Но мать подняла шум и уговорила его остаться еще на пару дней дома.

Несмотря ни на что, отпуск прошел хорошо. Лицо Мэтта, обоженное космическим загаром и начавшее покрываться морщинами, выглядело озадаченным. Он никому не рассказывал о своем намерении оставить Патрульную Службу после окончания отпуска. Теперь он пытался вспомнить, когда и почему это желание исчезло.

Его временно назначили помощником астрогатора ПРК «Нобель» на период обычного патрулирования и проверки ракетных ядерных бомб, летающих по околоземным орбитам. Мэтт взошел на борт корабля во время его пребывания на Лунной базе и после завершения срока патрулирования, когда «Нобель» совершил посадку на базе Терры для осмотра и текущего ремонта, получил разрешение провести отпуск со своей семьей перед возвращением на «Рэндольф». Мэтт сразу отправился домой.

Вся семья ждала его на космодроме, и они полетели домой на вертолете. Мать всплакнула, а отец крепко пожал ему руку. Мэтт с удивлением заметил, как вырос его младший брат. Очень приятно снова оказаться среди

родных. Мэтт хотел было занять привычное место в кресле пилота вертолета, однако младший брат, Билли, сразу сел перед панелью управления.

Дом был отремонтирован и покрашен, куплена новая мебель. Мать, разумеется, ожидала хвалебных слов в ее адрес, и Мэтт не поскупился на них, но перемены ему не понравились. Дом стал не таким, как раньше. К тому же комнаты казались меньше. Он решил, что такое впечатление было результатом перемен в доме — не могло же здание уменьшиться в размерах!

Комната, в которой раньше жил Мэтт, была заполнена теперь вещами Билли, хотя младшего брата временно перевели обратно в его старую комнату, ставшую после отъезда Мэтта комнатой отдыха. Новое распределение помещений было разумным, но вызывало раздражение у Мэтта.

Раздумывая над этим, Мэтт пришел к выводу, что перемены в доме не имеют никакого отношения к его решению остаться на Патрульной Службе. Нет, разумеется, не имеют! То же самое можно сказать и про замечания отца, касающиеся походки Мэтта, хотя они и были для него неприятными...

Отец и Мэтт находились в гостиной пред обедом, и Мэтт ходил взад и вперед, оживленно, и как ему самому казалось, интересно рассказывая о своем первом самостоятельном полете. Отец воспользовался моментом, когда Мэтт замолчал, и сказал: «Ну-ка, остановись, сынок.»

— Что? — не понял Мэтт.

— Ты сутулишься и как будто хромаешь. У тебя все еще болит нога?

— Нет, с ногой все в порядке.

— Тогда распрямись и расправь плечи. У тебя должен быть гордый вид. Неужели в Академии не обращают внимание на вашу походку?

— А что такого с моей походкой?

Билли вошел в гостиную как раз в тот момент, когда отец поднял этот вопрос.

— Смотри, Мэтти,— вмешался он,— ты ходишь вот так.— Билли пригнулся и начал ходить по комнате, намеренно искажая грациозную и небрежную походку космонавта. В исполнении младшего брата походка

Мэтта напоминала движения шимпанзе.— Ты ходишь вот так.

— Да не валяй ты дурака!

— Точно, ты просто не замечаешь этого.

— Билл,— сурово заметил отец,— пойди умойся перед обедом. И не смей больше так разговаривать со старшим братом! Иди! — Когда Билли вышел из гостиной, отец повернулся к Мэтту и сказал извиняющимся голосом:

— Я думал, что мы говорим с глазу на глаз, Мэтт. Твоя походка совсем на такая уж карикатурная, как изображает ее Билли, хотя она достаточно неуклюжая.

— Но... послушай, папа, я хожу, как и все остальные космонавты. Мы просто привыкли двигаться в состоянии невесомости, когда передвигаешься пригнувшись, день за днем, готовясь в любой момент оттолкнуться от переборки или схватиться за скобу. Так что вернувшись в мир, где царит сила тяжести, мы все-таки двигаемся так, как привыкли в космосе. Мы называем такую походку «кошачьи лапы».

— Пожалуй, невесомость действительно может оказать такое влияние на человека,— произнес отец, подумав.— А ты не считаешь, что было бы неплохо ежедневно практиковаться в обычной ходьбе, просто чтобы не терять форму?

— При свободном падении? Но...— Мэтт замолк, видя, что объяснить состояние невесомости человеку, никогда не бывавшему в космосе, невозможно.

— Ладно, папа. Не обращай на это внимания. Пошли обедать.

Как всегда, пришлось присутствовать на торжественных обедах, организованных дядями и тетями Мэтта. Каждый раз его просили рассказать про Академию, о том, как чувствует себя человек, оказавшись в космическом пространстве. Но по какой-то странной причине создавалось впечатление, что их не слишком интересовали ответы Мэтта. Взять, например, двоюродную бабушку Дору.

Бабушка Дора была семейным матриархом. Раньше она вела очень активную жизнь, занималась благотворительностью и делами церкви, но вот уже три года оказалась прикованной к кровати. Мэтт навестил ее, потому что семья очень хотела этого.

— Она часто жалуется, что ты ей не пишешь, Мэтт, и поэтому...

— Мама, послушай, у меня нет времени писать письма, ты хорошо это знаешь!

— Да-да, знаю. Но она так гордится тобой, Мэтт. Она хочет задать тебе тысячу вопросов. Обязательно надень форму — ей это понравится.

Бабушка Дора не задала Мэтту тысячу вопросов — всего лишь один. Она спросила, почему Мэтт так долго не навещал ее? После этого ему пришлось выслушать в мельчайших подробностях информацию о недостатках нового пастора, матримониальных планах нескольких отдаленных родственниц, состоянии здоровья более пожилых, о большинстве которых он даже не подозревал.

Когда, наконец, ему удалось унести ноги, сославшись на давно намеченную встречу, у Мэтта кружилась голова.

Да, не исключено, что именно визит к бабушке Доре убедил его, что не стоит уходить из Патрульной Службы и возвращаться в Де-Мойн. Это, а не Марианна.

Марианна была той девушкой, которой он дал обещание регулярно писать, и он исполнил свое обещание. Более того, он писал ей чаще, чем она ему. Мэтт заранее сообщил ей, что приезжает в отпуск, и Марианна организовала в честь этого события пикник, который прошел очень весело. Мэтт встретился со старыми друзьями и с удовольствием отметил, что на него смотрят с уважением, как на героя. Среди гостей оказался молодой человек, года на три или четыре старше Мэтта, который пришел без спутницы. Не сразу Мэтт понял, что Марианна и этот молодой человек строят кое-какие планы на будущее.

Впрочем, это ничуть не взволновало его. Марианна была девушкой, так и не научившейся отличать звезду от планеты. Раньше Мэтт как-то не замечал этого, но когда они встретились с глазу на глаз, ему стал очевидным и это, и много другое. К тому же Марианна назвала его курсантскую форму «прелестной».

После встречи с Марианной он начал понимать, почему большинство офицеров Патрульной Службы не женятся до выхода в отставку — лет до тридцати пяти.

Настенные часы показывали, что до отлета оста-

лось полчаса. Мэтт начал беспокоиться о своих друзьях. «Уж не повлияла ли бесшабашность Текса и на них?»— подумал он. Нехватало еще опоздать с возвращением из отпуска! И тут он заметил всю тройку, когда она пробиралась через толпу. Мэтт схватил свой рюкзак и пошел к ним.

Он подобрался к ним сзади и произнес хриплым голосом прямо за спиной Текса: «Мистер, немедленно прибыть к коммодору!»

Текс от неожиданности подпрыгнул, обернулся и узнал Мэтта.

— Черт побери, Мэтт! Не смей так пугать меня, паршивый конокрад!

— Это в тебе говорит нечистая совесть. Привет, Пит! Привет, Оскар!

— Как провел отпуск, Мэтт?

— Отлично.

— Мы тоже,— и они пожали друг другу руки.

— Ну что, пойдем на корабль?

— Пошли.

Курсанты предъявили пропуска, на которые поставили штампы, их багаж прошел взвешивание, и им разрешили выйти на площадку космодрома, где «Новая Луна» уже была установлена в люльке катапульты. Широко расставленные могучие крылья корабля простирались далеко по сторонам. Стюардесса проводила юношей к их креслам.

Когда прозвучал сигнал десятиминутной готовности, Мэтт сказал, что собирается пройти в кабину управления и наблюдать за взлетом корабля.

— Никто не хочет пойти со мной?— спросил Мэтт.

— Я собираюсь поспать,— покачал головой Текс.

— И я тоже,— поддержал его Пит.— У них в Техасе никогда не спят. Я едва передвигаю ноги.

Оскар решил отправиться вместе с Мэттом. Они поднялись в рубку управления и обратились к командиру корабля.

— Курсанты Додсон и Йенсен, сэр,— разрешите наблюдать за взлетом.

— Ладно, не возражаю,— пробормотал капитан.— Только пристегнитесь как следует.

Рубка управления любого космического корабля была открыта для сотрудников Патрульной Службы, но

командиры космических кораблей, летающих по маршруту Терра — космическая станция, устали, что вполне естественно, от присутствия наблюдателей.

Оскар занял кресло инспектора; Мэтту пришлось разместиться на поролоновом матрасе, откуда ему окрывалась отличная возможность наблюдать за работой второго пилота и штурмана, склонившихся над приборами. Если после того, как мощная катапульта выбросит корабль вверх, ракетный двигатель по какой-то причине не включится, долг второго пилота перевести корабль в режим планирования и посадить его на равнине Колорадо.

Капитан сидел за контрольной панелью ракетных двигателей. Он поговорил с центром управления катапульты и включил сирену. Через несколько секунд корабль мчался вверх по желобу катапульты, проложенному вдоль крутого горного склона, с ускорением в шесть «Джи», прижимавшим всех, находившихся на его борту к палубе. Ускорение длилось всего десять секунд; затем корабль был вышвырнут прямо в небо со скоростью в 1300 миль в час.

Они взлетали вверх в состоянии невесомости. Казалось, что капитан не спешит включить ракетные двигатели; на мгновение сердце в груди курсанта замерло — ему почудилось, что вынужденная посадка неизбежна. Но в следующую секунду раздался рев раскаленных газов, вырывающихся из дюз корабля.

После того как корабль вышел на околоземную орбиту и ракетные двигатели смолкли, Мэтт и Оскар поблагодарили капитана и вернулись в свои кресла. Текс и Пит спали; Оскар тут же последовал их примеру. Глядя на друзей, Мэтт пришел к выводу, что он много потерял, не поддавшись на уговоры Текса, который приглашал в Техас и его.

Мысли вернулись к вопросу, который столько времени не давал ему покоя. В том, что Мэтт решил остаться в Патрульной Службе, то обстоятельство, что его отпуск прошел относительно спокойно, не играло никакой роли; он никогда не рассматривал жизнь своей семьи чем-то вроде ночного клуба или карнавала.

Однажды вечером, после ужина, отец попросил Мэтта рассказать о том, чем занимался корабль Па-

трульной Службы «Нобель» на своей околоземной орбите. Мэтт попытался объяснить.

— После взлета с Лунной базы мы направились к Терре по элиптической орбите. По мере приближения к Земле мы постепенно гасили лишнюю скорость и перевели корабль на низкую кольцевую орбиту вокруг полюсов.

— А почему вокруг полюсов? Ведь орбита могла пролегать и вдоль экватора.

— Видишь ли, папа, ракеты, несущие ядерные бомбы, вращаются вокруг планеты по полярным орбитам. Таким образом, поскольку ось Земли наклонена, они пролетают над всей планетой. Только следуя по полярной орбите, они могут своими витками охватить всю Землю. Если бы они вращались вокруг экватора...

— Это мне понятно,— прервал его отец,— но ты говорил, что целью вашего патрулирования было осмотреть ракеты с ядерными бомбами. Находясь на экваториальной орбите, вы просто ждали бы, когда эти ракеты будут пролетать рядом.

— Возможно, тебе это и понятно,— вмешалась мать, обращаясь к отцу,— но не мне.

Мэтт перевел взгляд с одного на другого, думая о том, кому ответить и как.

— Спрашивайте, но только по одному,— попросил он.— Папа, мы не в состоянии перехватывать ракеты с ядерными зарядами, которые пролетают мимо; нам нужно лететь рядом с ними, по одной и той же орбите, уравняв скорость. Затем бомбу вводят в грузовой отсек и там подвергают осмотру.

— В чем заключается осмотр?

— Одну минуту, папа. Мама, посмотри сюда.— Мэтт взял апельсин из вазы, которая стояла в середине стола.— Ракеты летают по своим полярным орбитам, одна за другой, совершая оборот вокруг планеты каждые два часа. Тем временем Земля поворачивается вокруг своей оси, совершая один оборот за двадцать четыре часа.— Мэтт медленно поворачивал апельсин, быстро водя указательным пальцем правой руки, как бы демонстрируя полет ракеты с ядерным зарядом на борту.— Это значит, что, если ядерная бомба пролетает над Де-Мойном сейчас, то ее следующая орбита будет

пролегать над Тихим океаном. За двадцать четыре часа она покрывает всю территорию земного шара.

— Боже мой! Мэттью, прошу тебя, не говори про атомную бомбу, летающую над Де-Мойном, даже в шутку.

— В шутку? — Мэтт озадаченно посмотрел на мать.— Между прочим... сейчас подсчитаю; мы находимся примерно на сорок втором градусе северной широты и девяносто четвертом западной долготы... Он взглянул на часы, вмонтированные в перстень на пальце, и задумался.— Джей-3 будет пролетать минут через семь — да, совершенно точно, она будет прямо у нас над головой к тому времени, когда ты закончишь пить кофе.— Бесконечные недели на борту «Нобеля», во время которых Мэтт занимался расчетами и следил за экраном радиолокатора, сделали из него отличного вычислителя; он помнил данные всех орбит, по которым летали ракеты с ядерными зарядами вокруг Земли, лучше, чем жена фермера помнит, сколько у нее цыплят. Для Мэтта орбита ракеты Джей-3 была не простым набором цифр, а чем-то вроде старого знакомого, все привычки которого навсегда запечатлелись у него в памяти.

Мать смотрела на него с ужасом. Затем она повернулась к мужу и обратилась к нему, словно надеясь, что он сможет что-то предпринять.

— Джон... я боюсь. Ты слышишь меня? Я боюсь! А вдруг она упадет?

— Глупости, Кэтрин, ракета не может упасть.

— Мама не знает даже причины, по которой Луна держится в космосе! — хихикнул младший брат.

— А ты чего встреваешь в разговор, молокосос? — рявкнул Мэтт.— Тебе что, кнопку нажали? Ты-то уж, конечно, знаешь, почему Луна держится в космосе!

— Конечно, благодаря силе тяготения.

— Не совсем так. Попробуй объяснить получше, с помощью чертежей.

Билли попытался объяснить, рисуя диаграммы на листе бумаги; его усилия оказались не слишком успешными. Мэтт сделал знак, чтобы он замолчал.

— Астрономию ты знаешь хуже древних египтян. Не надо смеяться над старшими. Послушай, мама, не расстраивайся. Джей-3 действительно не может упасть

на Землю. Она находится на свободной орбите, которая не пересекается с земной, и в одном прав этот умник — Джей-3 не может упасть, подобно тому, как не может упасть Луна. Для того чтобы подвергнуть бомбардировке какой-нибудь город, нужно подать команду ракете еще за две тысячи миль до намеченной цели, ввести в ее бортовой компьютер координаты цели и направление на нее, и в нужный момент включится ракетный двигатель. Поэтому Патрульная Служба не сможет направить Джей-3 на Де-Мойн именно по той причине, что ракета вот-вот пролетит над нашими головами. Таким образом ей придется выбрать для этой цели какую-нибудь другую ракету с ядерным зарядом на борту, скажем...— Мэтт на мгновение задумался,— Ай-I или, может быть, Эйч-2.— Он что-то вспомнил и улыбнулся.— Как раз из-за Эйч-2 у меня были неприятности.

— Какие?— с интересом спросил младший брат.

— Мэтт, мне кажется, ты совсем не успокоил свою мать такими объяснениями,— сухо произнес отец.— Давай не будем говорить об атомной бомбардировке городов.

— Но я и не собирался... Извини, папа.

— А ты, Кэтрин, не должна опасаться этого, ведь ты не испытываешь страха перед местным полицейским? Мэтт, ты хотел рассказать нам о том, как производится осмотр ракет. Зачем их нужно осматривать?

— Папа, пусть Мэтти расскажет, почему у него были неприятности!

Мэтт подмигнул брату.

— Пожалуй, я действительно должен рассказать Билли о случившемся, потому что это связано с осмотром ракет, папа. Значит, дело было так: когда нам потребовалось взять ракету на борт для осмотра и профилактического обслуживания, я плохо рассчитал момент сближения и был вынужден включить ранцевый двигатель, чтобы повторить все сначала.

— Я не совсем понимаю, Мэттью.

— Он хочет сказать, что...

— Помолчи, Билли. Когда нам нужно взять ракету на борт, то посылают космонавта в скафандре, чтобы присоединить в ней трос и затем подтянуть вплотную к кораблю. Это поручили мне. Я ошибся в расчетах

и пролетел мимо ракеты, которая находилась ярдах в ста от «Нобеля». Пришлось развернуться, включить двигатель, установленный в ранце скафандра, вернуться на корабль и повторить маневр сближения с ракетой.

— Мэттью! Мне эти полеты в космосе, вне корабля, кажутся опасными! — Судя по всему, мать все еще не преодолела своих страхов.

— Никакой опасности, мама. Ведь и я не могу упасть, так же как ракета или корабль, мы все движемся по орбите. Но когда не подлетаешь к ракете с первой попытки, чувствуешь себя неловко. Со второго захода я закрепил трос и подтянул ракету к кораблю.

— Ты хочешь сказать, что летел рядом с ракетой, внутри которой скрывается атомная бомба?

— Да, мама, но и здесь мне ничто не угрожало. Расщепляемые материалы, находящиеся в бомбе, надежно изолированы и не испускают опасного излучения. К тому же я находился рядом с бомбой всего пару минут.

— А если она взорвется?

— Она не может взорваться. Для этого бомба должна врезаться в землю с достаточной скоростью, чтобы субкритические массы соединились в одно целое — словно под воздействием взрывного механизма, или нужно дать команду по радио, и сработает взрывное устройство, которое пошлет несколько субкритических масс навстречу друг другу. Более того, в соответствии с правилами, сразу после сближения с ракетой я ввел в действие предохранительное устройство — всего лишь нечто вроде маленького металлического лома, но этого вполне достаточно, чтобы предупредить даже случайную детонацию взрывного механизма. Лом, вставленный в соответствующее место ракеты, не даст субкритическим массам сблизиться.

— Вот что, Мэтт, давай оставим этот разговор. Мать начинает нервничать из-за него.

— Папа, это ведь мама сама спросила меня.

— Да, я знаю. Лучше расскажи нам, как вы осматриваете ракету.

— Для начала производится осмотр наружной поверхности самой бомбы, но еще не было случая, чтобы с ней что-нибудь произошло. Кроме того, я еще не получил допуска для осмотра внутреннего механизма

бомбы — для этого нужно иметь диплом физика-ядерщика. Особенно внимательно мы осматриваем ракетный двигатель и замеряем запас топлива. Иногда его приходится пополнять: бывает случаи, когда часть топлива испаряется через клапаны. Но нашей главной задачей является проверка баллистики и контуров управления.

— Проверка баллистики?

— Конечно, теоретически мы должны быть готовы определить координаты любой из бомб в любой момент на протяжении следующих тысячелетий. Однако на практике бывают отклонения. Их вызывают самые незначительные причины — приливные течения, то обстоятельство, что сама Земля не является идеальным шаром, и тому подобное. Из-за этого орбита ракеты может немного отклониться от расчетной. После того как ее берут на борт корабля и заканчивают осмотр, корабль ложится точно на курс, по которому должна следовать ракета, и ее выталкивают из грузового отсека. Затем направляемся к следующей. Отыскать ее не составляет никакого труда — она редко удаляется далеко от расчетной орбиты.

— Теперь понятно. Значит, осмотр ракет и коррекция орбит должны производиться достаточно часто? По-видимому, корабль постоянно летает от одной ракеты к другой?

— Нет, папа, осмотр производится чаще, чем это требуется. Поэтому команда корабля не страдает от безделья и монотонности космического полета из-за частых осмотров.

— Мне кажется, что это просто напрасная трата средств налогоплательщиков.

— Папа, ты не понимаешь — наша главная задача заключается не в том, чтобы осматривать ракеты и осуществлять коррекцию их орбит. Патрульный корабль находится на околоземной орбите для того, чтобы он мог по переданной ему команде нанести атомный удар, если в этом возникнет необходимость. Именно поэтому корабль патрулирует околоземное пространство до тех пор, пока ему на смену не придет другой. И чтобы не тратить времени даром, производится осмотр ракет и коррекция их орбит. Если говорить начистоту, ядерный удар может быть нанесен и с Лунной базы, но при

наведении с патрульного корабля атака будет более точной и не принесет вреда невинным людям.

— Мы опять вернулись к вопросу бомбардировки Земли, Мэтт,— с упреком заметил отец.

— Я всего лишь отвечаю на вопросы, папа.

— Боюсь, что я не должен был задавать тебе такие вопросы. Дело в том, что твоя мать не может беспристрастно относиться к таким проблемам. Кэтрин, уверяю тебя, нет ни малейшей опасности бомбардировки Северо-Американского Союза. Скажи ей, Мэтт, мать поверит тебе.

Мэтт молчал.

— Ну говори же, Мэтт. Послушай, Кэтрин, ведь это наша Патрульная Служба. Большинство офицеров Космического Патруля — американцы. Ведь это правда, Мэтт?

— Раньше мне не приходило в голову задумываться над этим.

— Хорошо. Понимаешь, Кэтрин, разве можно представить себе, что Мэтт согласится участвовать в атомной бомбардировке Де-Мойна? Да скажи ей это, Мэтт!

— Но, папа, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

— Что? Что это значит, молодой человек?

— Я... — Мэтт беспомощно посмотрел по сторонам, внезапно встал из-за стола и вышел в коридор.

Через некоторое время отец вошел к нему в комнату.

— Мэтт?

— Да, папа.

— Извини, Мэтт, этот разговор зашел слишком далеко. Я признаю свою вину и не сержусь на тебя. Все дело в твоей матери. Мне нужно было успокоить ее.

— Ты ни при чем, папа. Прости меня за то, что я ушел из столовой. Мне следовало вести себя сдержаннее.

— Давай забудем о случившемся, Мэтт. Мне хотелось только задать тебе один вопрос. Я знаю, что ты предан Патрульный Службе и ее идеалам. Твои чувства достойны уважения. Однако ты еще слишком молод и не в состоянии понять политические аспекты этой проблемы. И все-таки ты не можешь не знать, что Па-

трульная Служба никогда не подвергнет атомной бомбардировке Северо-Американский Союз.

— Разумеется, если в этом не будет необходимости.

— Но как может возникнуть такая необходимость? Вздор! Даже если такая необходимость возникнет, ты никогда не согласишься бомбить свой народ — и твои сослуживцы тоже.

В голове Мэтта боролись противоречивые мысли. Он вспомнил капитана Риверу — одного из знаменитой Четверки, носителя гордых традиций Патрульной Службы, вспомнил, как Ривера, когда его послали на Землю, в столицу его собственной страны, для переговоров с ее президентом, не нарушил клятву офицера. Подозревая, что его могут захватить и удерживать в качестве заложника, Ривера распорядился, чтобы удар был нанесен, если только он лично не вернется на корабль и не отменит свое решение. Ривера, чье тело превратилось в радиоактивную пыль, но чье имя произносилось на каждой поверке всех подразделений Патрульной Службы...

— Разумеется, Патрульная Служба обязана следить за соблюдением законов на нашем континенте, точно так же как она следит за их соблюдением на всех планетах Солнечной системы,— продолжал отец.— В противном случае это произвело бы неблагоприятное впечатление, верно?

— Мне не хочется говорить на эту тему, папа.

Мэтт посмотрел на часы и увидел, что корабль скоро состыкуется с космической станцией Терры. Ему хотелось бы заснуть, как это сделали остальные. Теперь он был уверен, что именно повлияло на его решение остаться в Патрульной Службе.

В течение нескольких недель после возвращения из отпуска Мэтт был так занят, что ему некогда было размышлять. Нужно было снова впрячься в работу — так много требовалось усвоить и так мало времени для этого. Теперь ему приходилось участвовать в несении вахтенной службы и подменять офицеров, а также накопился большой объем лабораторной работы в области электроники и нуклеоники. К тому же, вместе с другими старшими курсантами он помогал в воспитании юных курсантов, только что прибывших на «Рэндольф». До отпуска по вечерам Мэтт обычно был свободен

и посвящал это время учебе, но теперь ему приходилось три раза в неделю обучать молодых курсантов астрогации.

Мэтт начал уже подумывать о том, что ему придется отказаться от космического поло, но в это время его выбрали капитаном команды Свинячьего закоулка, и нагрузка стала еще больше. Мэтт и не задумывался над абстрактными проблемами, пока не встретился с лейтенантом Вонгом.

— Добрый вечер,— произнес его наставник.— Как успехи в обучении новичков астрогации?

— Ну, видите ли... кажется странным обучать других, вместо того чтобы учиться самому, и постоянно проваливаться во время испытаний.

— Именно поэтому вам и поручили вести основы астрогации — вы все еще помните, что было самым трудным и почему.

— Пожалуй... наверно, я кое-что понимаю в этом предмете, но Эйнштейном мне не стать.

— Я был бы в этом случае невероятно изумлен. Ну, а как у вас дела вообще?

— Неплохо, пожалуй. Вы знаете, мистер Вонг, когда я отправлялся в отпуск, думал, что не вернусь обратно.

— Я тоже думал, что ваша мысль о переходе в космическую пехоту была ничем иным как попыткой ускользнуть от решения проблем, стоящих перед вами.

— Да? Скажите, мистер Вонг, вы настоящий офицер Патрульной Службы или психиатр?

— Я — обычный офицер,— по лицу Вонга промелькнула едва заметная улыбка,— но закончил специальные курсы, необходимые для выполнения своей работы.

— Понятно. Так от чего я старался ускользнуть?

— Не знаю. Думаю, вам это куда понятнее.

— С чего же начать?

— Расскажите о своем отпуске, Мэтт. У нас достаточно времени.

— Хорошо, сэр,— кивнул Мэтт. Он рассказал Вонгу все, что смог припомнить.— Как видите,— закончил он,— это был самый обычный отпуск. Ничего серьезно-

го. Вот только... я был дома, но казался себе гостем. Мы вроде говорили на разных языках.

Вонг засмеялся.— Нет, не думайте, что я смеюсь над вашим рассказом,— извинился он.— Все совсем не смешно. Нам всем пришлось пройти через это. Неизбежно узнаем, что вернуться обратно невозможно. Это болезнь роста, однако для космонавта такой процесс является особенно мучительным и тяжелым.

— Даже мне это стало понятно,— кивнул Мэтт.— Что бы ни случилось, я не смогу вернуться, по крайней мере, не смогу вернуться навсегда. Может быть, перейду в космический торговый флот, но останусь космонавтом.

— На этом этапе вы уже вряд ли потерпите неудачу.

— Может быть. Но я все еще не уверен, что хочу сделать Патрульную Службу целью своей жизни. И это беспокоит меня.

— Попробуйте объяснить, в чем конкретно причина вашего беспокойства.

Мэтт попытался рассказать о своем разговоре с отцом, о том, что его рассказ о полете «Нобеля» расстроил мать.

— Короче говоря, дело в следующем: в случае крайней необходимости мне придется нанести ядерный удар по моему родному городу. Я не уверен, что справлюсь с таким заданием. Может быть, Патрульная Служба все-таки не для меня.

— Не думаю, Мэтт, что вам будет дано такое задание. Ваш отец совершенно прав.

— Боюсь, вы не понимаете меня, мистер Вонг. Если офицер Патрульной Службы предан своему делу только в том случае, если ему это безразлично, то вся организация развалится.

Вонг задумался и начал говорить, взвешивая каждое слово.

— Если бы ситуация, при которой вам придется бомбить свой собственный город, свою семью, оставила вас равнодушным, я принял бы все меры, чтобы немедленно убрать вас с этого корабля,— вы стали бы тогда исключительно опасным человеком. Патрульная Служба не рассчитывает на божественное совершенство своих офицеров. Поскольку люди несовершенны, наша

Служба основана на принципе разумного риска. Вероятность того, что Солнечной системе будет угрожать опасность из вашего родного города, очень невелика, по крайней мере, в течение продолжительности жизни человека. Еще меньше вероятность того, что именно вам будет поручено нанести атомный удар — в этот момент вы можете быть на Марсе. Если обе эти вероятности взять вместе, шансы равны практически нулю.

Но если все-таки такое случится, ваш командир распорядится запереть вас в каюте или в ином, более надежном месте, чем рисковать всей операцией.

Обеспокоенное выражение не покидало лица Мэтта.

— И это объяснение вас не удовлетворяет? — удивился Вонг. — Видите ли, Мэтт, вы страдаете от болезни молодости — полагаете, что моральные проблемы можно решить просто и недвусмысленно, что они бывают черные и белые, без полутонов. Знаете, что я предлагаю? Перестаньте беспокоиться и позвольте мне думать о том, сумеете вы или нет справиться с трудностями, которые могут возникнуть у вас на пути. Не сомневаюсь, что наступит момент, когда вы окажетесь в сложной ситуации и рядом не будет никого, кто мог бы помочь найти правильный выход. Но именно мне нужно определить, сумеете вы найти этот выход или нет, причем я даже не знаю, какой будет эта ситуация! Ну что, хотите поменяться со мной местами?

— Пожалуй, нет, сэр, — робко улыбнулся Мэтт.

XI

ПАТРУЛЬНЫЙ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ТРИПЛЕКС»

Оскар, Мэтт и Текс находились в общей комнате своей каюты перед обедом, когда в дверь влетел Пит. Буквально влетел — ударился о притолоку и отскочил в середину комнаты, крича: «Эй, ребята!»

Оскар успел схватить его руку за мгновение до того, как Пит врезался в переборку.

— Выключи двигатель и успокойся, в чем дело?

Пит повернулся в воздухе и посмотрел на них.

— Там висит новый список выпускников!

— Кто в их числе?

— Не знаю, мне только что сказали об этом. Пошли!

Курсанты устремились следом за Питом. Текс поравнялся с Мэттм и бросил: «Не знаю, зачем я так спешу. Уж меня-то в списке точно нет.»

— Пессимист!

Они вылетели из Свинячьего закоулка, поднялись вверх на три уровня и увидели группу курсантов рядом с рубкой вахтенного офицера. Четверка присоединилась к ним.

Пит сразу увидел свою фамилию.

— Смотрите! — воскликнул он. В начале списка значилось: «Арманд, Пьер — временно назначен на ПРК «Чарльз Уэйн»; маршрут — космическая станция Терры, место назначения — Леда, Ганимед, там ждать распоряжений».

— Ребята, смотрите! — радостно воскликнул Пит.— Меня посылают домой!

— Поздравляю, Пит. Просто великолепно,— Оскар похлопал его по плечу.— А теперь не соизволишь ли убраться с дороги? Нам из-за тебя ничего не видно...

— Я тоже нашел свою фамилию! — заявил Мэтт.

— Куда тебя назначили?

— На ПРК «Триплекс».

Оскар повернулся к Мэтту.

— Как ты сказал?

— ПРК «Триплекс».

— Мэтт, но и меня назначили туда же! Полетим вместе, дружище!

Расстроенный Текс отвернулся от списка, скрывая глубину своего разочарования.

— Как я и говорил, в списке нет Джермэна. Я буду на «Рэндольфе» пять лет, десять, пятнадцать — старый и седой. Обещайте писать мне каждый год в день рождения.

— Текс, неужели тебя нет в списке? — радость Мэтта сразу увяла.

— Послушай, Текс, а ты не посмотрел на вторую половину списка выпускников? — поинтересовался Пит.

— Где? Какую вторую половину?

Пит ткнул пальцем в лист бумаги на стене рядом. Текс тут же нырнул к нему. Через мгновение он появился рядом с друзьями.

— Эй, ребята! Вы не поверите! И я в списке!

— Наверно, потому, что не решились подвергнуть твоему влиянию еще одно поколение новичков. На какой корабль?

— ПРК «Окридж». А как вам с Оскаром удалось попасть на один корабль? Как его название — «Триплекс»?

— Да уж так. Решили, что лучших курсантов нужно держать вместе.

— Чистейшая дискриминация, вот что. Пошли, можем опоздать на обед.

В коридоре они столкнулись с Жираром Берком.

— Можешь не торопиться, Вонючка. Тебя нет в списке, — любезно сообщил ему Текс.

— В каком списке? А-а, ты имеешь в виду список выпускников! Не беспокойтесь обо мне, молокососы, вы говорите со свободным артистом!

— Да ну? Неужели они, наконец, поумнели и выгнали тебя?

— Вот уж нет! Я обратился с просьбой об увольнении, и просьбу удовлетворили — с сегодняшего дня я сам себе хозяин.

— Будешь строить космический металлолом? Да, тебе не позавидуешь.

— Нет, мы с отцом решили открыть грузовую линию. Займемся экспортом. В следующий раз при встрече не забудьте обращаться с прибавлением титула «капитан». Привет, парни! — и Берк исчез за углом.

— Еще чего не хватало — «капитан»! — пробормотал Текс. — Уверен, что он подал рапорт по просьбе коммодора.

— Напрасно ты так думаешь, — задумчиво произнес Мэтт. — Берк — ловкий парень. Ну что ж, по крайней мере, теперь мы от него избавились.

— И слава Богу.

Сразу после обеда Текс исчез и появился в каюте почти через два часа.

— Все, ребята, дело в шляпе. Пожмите руку новому члену экипажа «Триплекса»!

— Неужели? Врешь, Текс!

— Чистая правда. Сначала я пошел к Двораку и объяснил, что ему гораздо удобнее быть в экипаже корабля, летающего на околоземной орбите,— он сможет чаще встречаться со своей девушкой. Потом аппелировал к коммодору Аркрайту и обратил его внимание на то, что вы двое привыкли обращаться ко мне за советами и вам будет трудно без меня. Вот и все. Коммодор сразу увидел всю мудрость моего предложения и не возражал против таких перемен.

— Если он согласился, то уж не по этой причине,— покачал головой Мэтт, хотя в его голосе слышалось нескрываемая радость.— Думаю, он решил поручить мне и дальше присматривать за тобой.

— А ведь знаешь, Мэтт?— Текс посмотрел на него странным взглядом.— Ты чуть не попал в точку!

— Брось трепаться, Текс, я просто пошутил.

— Коммодор сказал, что, по его мнению, курсант Йенсен благотворно влияет на меня. Ну как, Оскар?

— Если коммодор считает, что я могу оказывать на кого-то благотворное влияние,— фыркнул Оскар,— пора заводить новые дурные привычки!

— Не сомневайся, дружище, можешь всегда рассчитывать на меня.

— Да ни к чему мне твоя помощь; дядя Боди — вот кто поможет мне в этом деле!

Три недели спустя Оскар, Мэтт и Текс устраивались в своей новой каюте на борту ПРК «Триплекс». Мэтт чувствовал себя не в своей тарелке: накануне он провел шумный вечер с друзьями в «Тихо Колони», и они едва успели на последний шаттл, вылетавший на Лунную базу.

Загудел зуммер бортового телефона; Мэтт поднял трубку.

— Курсант Додсон слушает.

— Говорит вахтенный офицер. Йенсен тоже с вами?

— Так точно, сэр.

— Обоим немедленно явиться к капитану.

— Слушаюсь, сэр!

Мэтт положил трубку телефона и посмотрел на Оскара встревоженным взглядом.

— Что же мне делать, Ос? Все мои форменные комбинезоны в мастерской базы — портной обещал бы-

стро перешить их. А этот выглядит так, будто я спал в нем.

— Ты действительно забыл его снять вчера. Возьми мой.

— Спасибо, но твой комбинезон сидит на мне словно носки на петухе. Как ты думаешь, я успею сбегать в прачечную?

— Вряд ли.

— Кроме того, нужно побриться.— Мэтт уныло поскреб щетинистую щеку.

— Слушай,— заметил Оскар,— если я что-нибудь понимаю в капитанах, гораздо лучше явиться к нему голым и с бородой до колен, чем заставить его ждать. Пошли.

Дверь приоткрылась, и в щели появилась голова Текса.

— Ребята, вас вызвали к старику?

— Да, Текс, а у тебя нет чистого комбинезона?

Текс кивнул. Мэтт поспешно юркнул в его крошечную каюту и переоделся. Он потуже затянул ремень, расправил складки на спине и вместе с друзьями отправился к капитану, надеясь, что тот не обратит внимания на покрой комбинезона.

— Хорошо, что мы идем вместе,— заметил Текс.— Я нервничаю.

— Успокойся,— посоветовал Оскар.— Говорят, что капитан Мак-Эндрюс — очень добродушный человек.

— Разве ты ничего не знаешь, Оскар?— удивился Текс.— Мак-Эндрюс в госпитале — сломал лодыжку. Перед самым вылетом Департамент назначил капитана Енси командиром экспедиции.

— Енси!— присвистнул Оскар.— Вот это да!

— Ты что, Оскар, знаком с ним?— спросил Мэтт.

— Мой отец с ним работал. Он получил контракт на поставку продуктов в космопорт Нью-Окленда, когда Енси — лейтенант Енси — был там смотрителем.

— Отлично! Значит, у тебя будет покровитель.

— Как раз наоборот. Отец не ладил с ним.

— Интересно,— мрачно произнес Текс,— зачем я так старался уйти с «Окриджа» и попасть сюда?

— Слишком поздно думать об этом. Ничего не поделаешь, теперь...— Оскар замолчал. Дверь, перед ко-

торой они остановились, неожиданно распахнулась, и курсанты увидели перед собой командира корабля. Капитан Енси был высоким мужчиной с широкими плечами и узкими бедрами и таким красивым лицом, что напоминал кинозвезду в роли офицера Патрульной Службы.

— В чем дело? — холодно спросил он. — Вы что это разговорились, стоя у двери моей каюты! Заходите!

Курсанты молча вошли внутрь. Капитан Енси сел за письменный стол и окинул их взглядом.

— В чем дело, джентльмены? — поинтересовался он. — Неожиданно онемели?

— Курсант Джермэн явился по вашему приказанию, сэр, — отрапортовал Текс, взяв себя в руки. Взгляд капитана переместился на Мэтта.

— Курсант Додсон, сэр, — с трудом выговорил Мэтт.

— Курсант Йенсен прибыл по вашему приказанию, сэр. — Капитан резко повернул голову в сторону Оскара и заговорил с ним по-венериански.

«Неужели мои уши слышат звуки речи Прекрасной Планеты?»

«Это так, о старый и мудрый вождь».

— Откровенно говоря, мне никогда не нравилось говорить на этом странном языке, — заметил капитан, переходя на бейсик. — Не буду спрашивать, с какой вы планеты, но позвольте поинтересоваться — ваш отец не занимался поставками свежих продуктов?

— Мой отец — оптовый торговец продуктами, сэр.

— Я так и думал. — Капитан еще несколько мгновений смотрел на Оскара, затем повернулся к Мэтту.

— Объясните мне, мистер, зачем вам понадобился этот маскарад? Вы походите на пассажира корабля для переселенцев.

Мэтт попытался сказать что-то в свое оправдание, но капитан оборвал его.

— Оправдания меня не интересуют. Я строго слежу за дисциплиной и порядком на своем корабле. Запомните это.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла и закурил.

— Не сомневаюсь, джентльмены, вас интересует, почему я вызвал вас. Должен признаться, что мне было

любопытно увидеть, какую продукцию выпускает Академия. В мое время главное внимание обращали на дисциплину. Теперь, как мне стало известно, всем правят психологи, и порядки изменились.

Он наклонился вперед и посмотрел прямо в глаза Мэтту.

— Но на моем корабле порядки остались прежними. Их никто не менял, джентльмены.

Все молчали. Енси сделал паузу и продолжил: «В соответствии с правилами, вы обязаны представиться своему командиру в течение двадцати четырех часов после прибытия на корабль или базу. Будем считать, что процедура знакомства началась. Садитесь, джентльмены. Мистер Додсон, слева от вас кофейник и чашки. Не будете ли вы так любезны?»

Через сорок минут курсанты вышли из каюты своего командира, ничего не понимая. Енси дал понять, что он — гостеприимный хозяин, и проявил чувство юмора, а в заключение даже рассказал пару забавных анекдотов. Мэтт пришел к выводу, что Енси ему понравился.

Однако, когда курсанты направились к выходу из каюты, капитан Енси посмотрел на часы и сказал: «Зайдите ко мне, мистер Додсон, через пятнадцать минут».

— Что ему надо от тебя, Мэтт? — удивленно спросил Текс, когда друзья закрыли за собой дверь капитанской каюты.

— Неужели не догадываешься? — бросил Оскар.— Слушай, Мэтт, я побежал в мастерскую за твоей формой, иначе ты не успеешь переодеться и побриться за пятнадцать минут.

— Спасибо, Ос, ты спасаешь мне жизнь!

ПРК «Триплекс» взлетел с Лунной базы через тринадцать часов по траектории, которая выводила его на эллиптическую орбиту, своим дальним краем проходящую через пояс астероидов. «Триплексу» были поручены поиски пропавшего ПРК «Пэтфайндер». Исчезнувший корабль занимался составлением радиолокационных карт одного из секторов астероидного пояса для уранографического отдела Патрульной Службы. Выполняя свое задание, ПРК «Пэтфайндер» находился за пределами радиосвязи; и тем не менее, он должен был связаться по радио еще шесть месяцев назад, в момент

сближения с Марсом. Однако станция на Деймосе, спутнике Марса, сообщила, что «Пэтфайндер» на вызовы не ответил; в Департаменте пришли к выводу, что с кораблем что-то случилось.

Возможное местонахождение «Пэтфайндера» было в пределах движущейся зоны в космосе, определенной с помощью баллистики, геометрии, данных корабля, поставленной перед ним задачи, а также последних переданных им координат, курса и скорости. Эта зона была разделена на четыре сектора, и «Триплексу» было поручено обследовать один из них, а еще три патрульных ракетных корабля занялись поисками в трех остальных секторах. Операция по розыску пропавшего корабля получила в штабе название «Операция «Самаритянин», однако каждый из четырех кораблей действовал в пределах выделенного ему сектора независимо от других, поскольку корабли находились слишком далеко друг от друга, чтобы их действия можно было координировать.

Ведя поиски пропавшего корабля, все четыре спасателя продолжали радиолокационную съемку астероидного пояса.

Помимо командира корабля и трех курсантов, экипаж «Триплекса» состоял из Хартли Миллера, помощника командира и астрогатора, лейтенанта Новака — старшего механика, лейтенанта Турлова — бомбардира, лейтенанта Брюнна — офицера связи и трех младших лейтенантов: Петерса, Гомеса и Клири, исполнявших обязанности механика и вахтенных офицеров. Кроме того, на борту корабля находился доктор Пикеринг, начальник корабельной санчасти, посланный на «Триплекс» для того, чтобы оказать медицинскую помощь уцелевшим космонавтам, если таковых удастся обнаружить.

На «Триплексе» не было космической пехоты, если не считать доктора Пикеринга, который принадлежал к административному штабу корпуса космической пехоты и не был офицером Патрульной Службы. Все необходимые функции на корабле выполнялись курсантами и офицерами. Вспоминали время, когда самому младшему офицеру пехотного полка прислуживал собственный ординарец, однако слуги оказались непозволительной

роскошью для того, чтобы возить их миллионы миль, расходуя лишнее топливо, припасы и кубатуру. К тому же исполнение мелких хозяйственных обязанностей отвлекает ум космонавтов от тягостной монотонности космических полетов; даже такая не слишком приятная работа, как уборка освежителя, выполнялась по очереди всеми членами корабельного экипажа, за исключением командира, его помощника и врача.

Капитан Енси назначил лейтенанта Турлова воспитателем курсантов, а лейтенант, в свою очередь, распределил среди них обязанности помощника астрогатора, младшего вахтенного офицера, помощника механика и помощника бомбардира, организовав смены для исполнения этих совершенно излишних обязанностей. Кроме того, лейтенант Турлов следил за тем, чтобы курсанты как можно чаще пользовались единственным учебным проектором, находившимся на борту корабля.

Помощник командира распределил среди курсантов исполнение других обязанностей, неимеющих прямого отношения к учебному процессу. Мэтт, например, был назначен корабельным «фермером». Поскольку гидропонические ванны обеспечивали корабль кислородом и овощами, ему было поручено следить за составом воздуха и вместе с лейтенантом Брюнном снабжать камбуз продуктами.

Теоретически все продукты, взятые на борт корабля для продолжительного космического полета, заранее поделены на порции, подвергнуты обработке и готовы; лишь нескольких секунд требуется для того, чтобы достать их из морозильника и разогреть в высокочастотной печи. На самом же деле многие офицеры Патрульной Службы считают себя искусными поварами и не упускают возможности продемонстрировать это. Лейтенант Брюнн был одним из таких мастеров; говоря по правде, результаты оправдывали его заявления, и пища на борту «Триплекса» всегда была очень вкусной.

Скоро Мэтт понял, что лейтенант Брюнн ждет от корабельной «фермы» не только элементарной очистки воздуха, при которой зеленые растения поглощают двуокись углерода и замещают ее кислородом; нет, заведующий корабельной столовой хочет, чтобы гидропо-

нические ванны снабжали его зеленым луком, свежими помидорами, брюссельской капустой и картофелем. Мэтт нередко думал о том, что было бы куда проще остаться в Айове и заняться выращиванием кукурузы.

Когда Мэтт взялся за контроль состава корабельной атмосферы, он не знал даже, как измерить содержание углекислого газа в воздухе, но скоро приобрел опыт и проверял состав растворов в гидропонических ваннах, добавляя туда капсулы с солями с уверенностью ветерана — благодаря советам лейтенанта Брюнна и учебной кассете № 62-А-8134 «Основы гидропоники для космических кораблей с диаграммами роста и формулами микроэлементов», которую он взял в корабельной библиотеке.

До тех пор, пока люди не откажутся от привычки принимать пищу, космические корабли вынуждены брать запасы продовольствия на борт для продолжительных космических полетов из расчета семисот фунтов на человека на год. Растения в гидропонических ваннах позволяют до некоторой степени преодолеть эти ограничения, поскольку растения потребляют те же самые материалы по схеме замкнутого цикла — воздух, углекислый газ и вода — с очень небольшими добавками таких солей, как азотнокислый калий, фосфат кальция и селитры.

Хорошо сбалансированная жизнедеятельность на корабле напоминает жизнедеятельность на планете; для того чтобы один цикл приходил на смену другому, нужна энергия, однако сырье используется то же самое, раз за разом. Поскольку бифштексы и многие другие виды продовольствия нельзя производить на борту обычного космического корабля, их приходится брать с собой, поэтому накапливаются отбросы, помои, бумага и тому подобное. Теоретически все это можно переработать и использовать снова, однако на практике подобные процессы оказываются слишком сложными.

Однако любая масса на борту космического корабля с атомным двигателем может быть использована в качестве реактивной массы. Расщепляемые материалы реактора расходуются очень медленно; вместо этого они нагревают другие материалы до исключительно

высоких температур и затем выбрасывают их из ракетного «пара».

Несмотря на то, что для создания реактивной массы могут быть использованы зелень репы и тому подобное, основным назначением «фермы» является извлекать из воздуха углекислый газ. Для этого на борту корабля должно находиться примерно десять квадратных футов зеленой поверхности на каждого человека. Лейтенант Брюнн, все время требующий разнообразия фруктов и овощей, заставлял Мэтта выращивать все больше и больше зелени; в результате воздух становился слишком «свежим», слишком насыщенным кислородом, и растения начинали вянуть из-за недостатка углекислого газа. Мэтту приходилось внимательно следить за его содержанием в атмосфере корабля и время от времени компенсировать недостаток углекислого газа, сжигая ненужную бумагу или ветки растений.

В каюте лейтенанта Брюнна хранился большой запас самых разнообразных семян; однажды Мэтт пошел в его каюту за семенами персидских дынь, намереваясь посадить их. Брюнн показал, где хранятся семена, и разрешил ему выбрать те, что больше устраивают Мэтта. Курсант принялся копаться в сотнях пачек, затем воскликнул: «Вы только посмотрите на это, мистер Брюнн!»

— Что случилось? — Офицер посмотрел на пакет семян в руке Мэтта. На поверхности пакета было напечатано: «Семена дыни, персидская разновидность, особенно крупные, № 12-К-4728а»; Мэтт извлек из пакета конверт с семенами — там стояла надпись: «Семена анютиных глазок, гигантская разновидность».

Брюнн покачал головой.

— Пусть это будет вам уроком, Додсон, никогда не полагайтесь на складских клерков, иначе на полпути к Плутону вы обнаружите, что вместо бланков космических карт вам погрузили полторы сотни медных плевательниц.

— Так что вы посоветуете посеять вместо дынь? Канталупы?

— Давайте вырастим арбузы — старик обожает арбузы.

Мэтт вышел из каюты с семенами арбуза в руке, но прихватил с собой и пакет анютиных глазок.

Через восемь недель он построил нечто вроде вазы из кухонной миски, обвернутой в лист пористой целлюлозы, которая использовалась в гидропонике, чтобы жидкость не вылетала из ванн при невесомости. После этого Мэтт наполнил «вазу» водой, поставил туда, свой новый урожай и торжественно поместил «вазу» в центре стола перед обедом.

Увидев веселые цветки анютиных глазок, капитан Енси не удержался от улыбки.

— Браво, джентльмены,— захлопал он в ладоши,— какой приятный сюрприз! Чувствуешь себя как дома!— Он повернулся к Мэтту.— Наверно, нам следует благодарить за это вас, мистер Додсон?

— Да, сэр.— Мэтт покраснел от удовольствия.

— Великолепная мысль. Господа, предлагаю лишить мистера Додсона плебейского титула, который он носит теперь, и вместо «фермера» называть его «ученым агрономом». Кто за это, прошу поддержать.

Раздалось девять выкриков «да» и один громкий «нет», автором которого был помощник командира Миллер. Сразу было выдвинуто еще одно предложение старшим механиком, после которого Миллер был изгнан из-за стола и отправился доедать обед в камбузе.

Лейтенант Брюнн объяснил неприятность, которая случилась с запасом семян, что и было непосредственной причиной появления цветника в середине стола. Капитан Енси нахмурился.

— Надеюсь, вы проверили остальные пакеты с семенами, мистер Брюнн?

— Э-э, нет, сэр.

— Тогда займитесь этим.— Лейтенант Брюнн немедленно встал.— После обеда,— добавил капитан, и Брюнн снова сел.

— Это напомнило мне о случае, который произошел, когда я был «фермером» на старом «Персивале Лоуэлле» — не на этом, а до него,— продолжал капитан Енси.— Мы совершили посадку у Южного полюса Венеры и каким-то образом занесли внутрь корабля вирусную инфекцию, какую-то ржавчину, не смотрите на меня так высокомерно, мистер Йенсен, и с вами та-

кое может случиться, особенно на новой для вас планете!

— Я, сэр? Я совсем не смотрел на вас высокомерно.

— Неужели? Значит, вы улыбнулись, глядя на анютины глазки?

— Совершенно верно, сэр!

— Гм! Так вот я и говорю, занесли внутрь корабля какую-то ржавчину, и через десять дней мой огород напоминал огород эскимоса — зимой. Я тщательно обработал гидропонические ванны, провел стерилизацию, сделал новую посадку. Тот же результат. Инфекция захватила весь корабль, и я не мог избавиться от нее. Мы закончили полет, питаясь всухомятку, и меня заставили есть в камбузе до самого приземления.— Он улыбнулся, вспоминая прошлое, и крикнул в сторону камбуза: «Как там у тебя дела, Рэд?»

Помощник командира появился в дверях, держа в одной руке ложку, а в другой — закрытое пластиком блюдо.

— Отлично,— произнес он с полным ртом.— Я съел ваш десерт, капитан.

— Эй! Командир, прикажите ему прекратить есть! — воскликнул лейтенант Брюнн.— Эти ягоды предназначались для завтрака!

— Слишком поздно.— Миллер вытер губы.

— Капитан?

— Слушаю вас, мистер Додсон.

— Как вы очищали воздух?

— Хороший вопрос. А как бы поступили вы, мистер, в подобном случае?

Мэтт задумался.

— Я нашел бы способ, сэр, избавиться от CO_2.

— Совершенно точно. Я выпустил из одного герметического отсека воздух, надел скафандр, вошел в отсек и просверлил два отверстия, соединяющих отсек с пустотой за бортом корабля. Затем соорудил что-то вроде самогонного аппарата со змеевиком на темной стороне корабля и начал сперва замораживать воду, затем — углекислый газ. Проклятый змеевик то и дело замерзал, и мне приходилось все время заниматься им. Но воздух очищался исправно, и мы сумели благополучно вернуться на Землю.— Енси поднялся из-за сто-

ла.— Хартли, если вы уже поели, давайте глянем на план метеорного поля. У меня возникла мысль.

Корабль приближался к орбите Марса и скоро должен был войти в относительно опасную зону пояса астероидов и космической пыли, сопровождавшей их. Мэтт к этому времени уже был сменен на своем предудущем посту и стал теперь помощником астрогатора, но по-прежнему выполнял обязанности «фермера», или, как теперь его прозвали, «агронома».

Один раз к нему в отделение гидропоники заглянул Текс.

— Привет!

— Привет, Текс.

— Ты уже вспахал южные сорок акров? Похоже, будет дождь.— Текс сделал вид, что внимательно смотрит вдаль, глядя на мигающие лампочки, ускоряющие развитие растений.— Впрочем, я пришел к тебе по делу. Старик просит зайти к нему в каюту.

— Так бы и сказал, вместо того чтобы шлепать губами.— Мэтт прекратил работу и начал поспешно одеваться: из-за высокой температуры и влажности в гидропоническом отсеке Мэтт работал здесь голым — как для удобства, так и с целью сбережения форменной одежы.

— Курсант Додсон, сэр. Явился по вашему приказанию.

— Вижу.— Енси поднял руку с листом бумаги.— Додсон, я написал рапорт в Департамент. Он будет передан, как только мы установим радиосвязь. Рапорт содержит рекомендацию, чтобы на всех кораблях Патрульной Службы, совершающих дальние полеты, выращивали цветы в качестве средства поддержания настроения экипажа. Я назвал вас автором этого предложения.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Все, что помогает рассеять скуку, монотонность пребывания на корабле и поднять настроение экипажа, представляет большой интерес для Патрульной Службы. Ну, хватит об этом, у меня к вам вопрос.

— Слушаю, сэр.

— Мне хочется понять, почему вы тратили напрас-

но время, выращивая анютины глазки, вместо того чтобы наверстать отставание в учебе?

Мэтт не знал, что ответить.

— Я просматривал отчеты лейтенанта Турлова и обратил внимание, что мистер Йенсен и мистер Джермэн опережают вас. За последние недели ваше отставание увеличилось. Приятно заниматься своим хобби, но ваша главная задача — учиться.

— Так точно, сэр.

— Я пометил отчет о вашей учебе за посление недели оценкой «неудовлетворительно». В следующей четверти нужно ликвидировать отставание. Между прочим, вы уже решили, каким будет следующий ход?

Мэтт не сразу понял, что капитан говорит уже о шахматах; Енси и он боролись за первое место в карабельном чемпионате.

— Да, сэр. Беру вашу пешку.

— Я так и думал.— Енси протянул руку за спину; Мэтт услышал, как он переставляет фигуры, выдергивая их штифты из углублений на шахматной доске.

— Скоро увидите, что станет с вашим ферзем! — По лицу капитана мелькнула зловещая улыбка.

Астероиды, космическая пыль, камни и осколки скал, наполняющие пространство между Марсом и Юпитером, движутся с различной скоростью — от пятнадцати миль в секунду недалеко от Марса до восьмидесяти миль рядом с Юпитером. Орбиты этих космических отбросов имеют самый произвольный наклон к плоскости эклиптики, но в среднем он составляет около девяти градусов.

Из этого следует, что космический корабль, двигающийся по кольцевой орбите на «восток» — или в одном с ними направлении — должен быть готов к возможности скользящего столкновения на относительных скоростях порядка двух миль в секунду, а также к очень маловероятному, но все-таки возможному столкновению под значительно более тупым углом и скорости, вдвое превышающей две мили в секунду.

Две мили в секунду — это скорость, всего лишь в три раза выше, чем скорость пули, вылетевшей из винтовочного ствола. ПРК «Триплекс» был построен таким образом, что наружная броня его корпуса могла выдержать удары космического песка и крохотных

осколков, но более крупные частицы космической пыли, не говоря уже об астероидах, легко разобьют эту броню. Задолго до входа в опасную зону космонавты надели скафандры, вышли в космическое пространство и закрепили массивные стальные щиты над корабельными иллюминаторами. Теперь их кварцевые стекла также были защищены от мелких осколков. Незащищенными остались только линзы астрогационных приборов и радиолокационные антенны.

Однако эти меры не могли защитить корабль от крупных осколков скал и астероидов. Чтобы избежать опасности столкновения, капитан Енси организовал круглосуточное наблюдение, гораздо более внимательное, чем поддерживается во время обычного космического полета. Восемь радиолокационных антенн неустанно обшаривали пространство вокруг корабля — как впереди, так и позади него. Енси исходил из того, что столкновение становится неизбежным, если пеленг на какой-нибудь предмет остается постоянным — здесь излишни сложные вычисления. Для того чтобы избежать столкновения, необходимо изменить курс или скорость, причем совершенно необязательно менять курс или скорость резко или на значительные величины. Полет через пояс астероидов — единственный участок их полета, где не требуется искусство пилотирования: нужно всего лишь внимание, неослабная бдительность.

Миллер, помощник командира, разделил всех курсантов и младших офицеров на вахты круглосуточного наблюдения за экранами радиолокаторов. Экраны дальнего радиолокационного предупреждения не только следят за пространством вокруг всего корабля, но и, строго говоря, не требуют постоянного наблюдения. Даже если человеческий глаз не успеет обнаружить постоянный пеленг на любой сближающийся с кораблем крупный осколок, это сделает сам радиолокатор и немедленно подаст сигнал тревоги — и тогда вахтенный офицер должен тут же, не теряя времени, включить реактивный двигатель на полную мощность!

К тому же не следует забывать, что пояс астероидов представляет собой достаточно свободное от космической пыли пространство; вероятность столкновения даже с песчинкой ничтожна. Поэтому перемены в жизни

на борту ПРК «Триплекс» — если не считать более длительных вахт в дополнение ко всем остальным обязанностям — заключались только в необходимости пристегиваться ремнями безопасности во время сна, вместо того чтобы свободно и расслабленно плавать посредине каюты, чтобы неожиданное ускорение не привело к серьезным травмам.

На ПРК «Триплекс» находилось два шаттла, покоящихся в своих ангарах — углублениях в корпусе корабля. Это были самые обычные ракетные корабли с двигателями, работающими на химическом топливе, и небольшого радиуса действия. Единственным их отличием от шаттлов, совершающих полеты на околоземных орбитах, был мощный поисковый радиолокатор, такой же, как и на основном корабле. После достижения района поиска шаттлы вылетали и начинали прочесывать этот район. На каждом из них находился пилот и второй пилот, а также сменный экипаж, потому что шаттлы не прекращали свой поиск в течение нескольких недель, работая круглые сутки.

Пилотами капитан Енси назначил лейтенантов Брюнна, Турлова и Новака, а также младшего лейтенанта Петерса. Курсанты были поставлены в паре с лейтенантами, а младший лейтенант Гомес попал в одну команду с младшим лейтенантом Петерсом.

Обязанности повара взял на себя доктор Пикеринг. Младший лейтенант Клири остался «на подхвате», на него легло все остальное — очевидная невозможность выполнить, потому что ему по-прежнему приходилось следить за экранами противометеорной защиты. Поэтому было решено: сменные команды шаттлов останутся на корабле и будут нести вахту.

Каждый понедельник ракетные шаттлы занимали свою позицию в пространстве, и три корабля старались прочесать как можно более широкую часть космоса, настолько широкую, что зоны их действия едва перекрывали одна другую. Корабль-носитель сам доставлял шаттлы в район их действия с тем, чтобы у маленьких ракетных кораблей оставались полные топливные баки на тот случай, если их не успевают вовремя подобрать, и тогда шаттлы смогут самостоятельно добраться до одной из внутренних планет и ждать помощи, выйдя на орбиту вокруг нее.

XII

ПРК «ПЭТФАЙНДЕР»

Во время своего первого полета на шаттл Мэтт собирался напряженно учиться, поэтому захватил с собой целую кучу кассет, намереваясь просматривать их на крошечном проекторе маленького корабля. Возможности для этого оказались ограниченными, потому что четыре часа из каждых восьми ему приходилось проводить у экранов поискового радиолокатора, не сводя с них глаз. На протяжении остальных четырех часов Мэтту предписывалось спать, есть, выполнять остальные обязанности и, если удастся, продолжать учебу.

К тому же лейтенант Турлов любил поговорить.

Бомбардир готовился к переводу на Землю после завершения экспедиции.

— И вот я никак не могу принять окончательное решение, Мэтт. Остаться на службе и заниматься физикой в свободное время или уйти из Патруля и посвятить жизнь исследовательской работе?

— Это решение можете принять лишь вы один.

— Твой совет шаблонный, но верный. Вообще-то мне хочется стать ученым, но после нескольких лет Патрульная Служба становится для тебя отцом и матерью. Не знаю, не знаю. Эта скала быстро сближается с нами — ее уже видно через иллюминатор.

— Сближается? — Мэтт наклонился вперед и тоже увидел небольшой обломок, уже давно выделяющийся на экране радиолокатора. Обломок скалы имел неправильные очертания, от резких краев которых на него падала черная тень.

— Мистер Турлов, — воскликнул Мэтт, — посмотрите в середине обломка. Вам не кажется, что это полосы?

— Возможно. В космосе были подобраны обломки, несомненно созданные осадочными породами. Это и было первым доказательством того, что астероиды когда-то представляли собой планету.

— Вот как? Мне казалось, что первым доказательством были интегральные расчеты Гудмана.

— Нет, ты все перепутал. Гудман проверил свои расчеты лишь после того, как на космической станции Терры был построен огромный баллистический компьютер.

— Ну, конечно, Гудман дал теоретическое обоснование такому предположению. Теория, утверждающая, что астероиды когда-то представляли собой планету, находившуюся между Марсом и Юпитером, не признавалась на протяжении многих лет, потому что орбиты астероидов не имели интеррелации, то есть, если бы планета взорвалась на части, образовавшиеся осколки должны иметь пересекающиеся орбиты в месте взрыва. Профессор Гудман, пользуясь гигантским работающим в невесомости компьютером, доказал, что это обстоятельство объясняется возмущениями от многовекового воздействия других планет на астероиды.

— По его расчетам, взрыв безымянной планеты произошел почти полмиллиарда лет назад, и основная масса ее осколков покинула пределы Солнечной системы. Оставшиеся осколки — теперешние астероиды — составляют не более одного процента ее массы.

Лейтенант Турлов замерил угловую ширину осколка, его расстояние от шаттла, по данным радиолокатора, и вычислил общую массу. Как ни велик был обломок, его размеры оказались недостаточными для того, чтобы тратить время и силы на расчеты орбиты; он был просто включен в список космических объектов, засоряющих поле астероидов рядом с орбитой Марса. Осколки еще меньшего размера автоматически фиксировались специальным электронным счетчиком, соединенным с корпусом корабля, после их касания его обшивки.

— Ты знаешь, Мэтт, что больше всего беспокоит меня вопрос относительно ухода из Патрульной Службы? — продолжал Турлов. — Ты подумал о том, что отличает офицеров Патруля от всех остальных?

— Ну, конечно!

— Что?

— Что отличает офицеров Патрульной Службы от всех остальных людей? Ну, во-первых, мы космонавты,

а они — нет. Отсюда видно, насколько велик окружающий мир.

— Отчасти это верно. Однако не следует увлекаться одними размерами. Сто миллионов квадратных миль пустого пространства ничего не значит — это всего лишь пустота. Разница гораздо глубже. Мы обеспечили сто лет мира, и сейчас никто этого не вспоминает. Те, кто родился в течение этого столетия, воспринимают мир и спокойствие, как нечто само собой разумеющееся. Но это не так. За спиной человека миллионы лет опасностей, голода и смерти; сто лет мира — всего одно мгновение в человеческой истории. Однако лишь Патрульная Служба, по-видимому, осознает это.

— Вы за отмену Космического Патруля?

— Разумеется, нет! Что ты, дружище! Но мне хотелось бы, чтобы люди поняли, как недалеко они от джунглей. И вот еще что... — Турлов робко улыбнулся,— жаль, ведь они не совсем понимают, что мы собой представляем. Многие считают нас наемниками, работающими за деньги, которые уплачивают налогоплательщики.

— Действительно, они принимают нас за полицейских, регулирующих движение,— кивнул Мэтт.— В моем родном городе живет мужчина, который торгует вертолетами; он спросил меня, по какому праву офицеры Патруля получают пенсию после отбытия срока службы. Он объяснил, что ему никто не платил пособие, когда ему исполнилось тридцать пять лет, и он не понимает, почему должен содержать кого-то, кто уходит на пенсию в этом возрасте.— На лице Мэтта появилось недоуменное выражение.— И в то же самое время он обожествляет офицеров Патрульной Службы — хочет, чтобы его сын стал одним из них. Странно!

— Совершенно верно. Мы для них ничто иное, как дорогая, но бесполезная игрушка, принадлежащая им. Они не понимают, что мы не продаемся. Охранник, которого можно купить, ничуть не лучше жены, приобретаемой за плату.

В течение следующей недели Мэтт нашел время, чтобы заглянуть в корабельную библиотеку: ему хотелось подробнее узнать о взорвавшейся планете. Сведений, однако, было немного: сухие статистические данные о размерах астероидов, осколков и космических

частиц, расчетные данные орбит, вычисления Гудмана. И ни единого слова о том, как все это произошло — никаких описаних, одни научные теории.

В следующий раз, когда он с Турловым прочесывал отведенный им участок в поисках исчезнувшего «Пэтфайндера», Мэтт спросил об этом лейтенанта.

— А что ты надеялся найти, Мэтт? — пожал плечами Турлов.

— Не знаю, но куда больше, чем нашел.

— Наши представления о времени — временной масштаб — не позволяют узнать многое. Предположим, ты возьмешь одну из учебных кассет, с которыми работаешь, скажем, вот эту. — Офицер поднял в руке кассету, озаглавленную «Социальные структуры марсианских аборигенов». — Возьмешь эту кассету и посмотришь пару снимков в середине. Скажи, ты сможешь на основе двух этих снимков воссоздать тысячи и тысячи предыдущих кадров, руководствуясь одной логикой?

— Разумеется, нет!

— В этом все дело. Если человечеству удастся уцелеть в течение нескольких лет, вот тогда, может быть, кое-что будет для нас более ясным. А пока мы даже не знаем, о чем спрашивать.

Это объяснение не удовлетворило Мэтта, однако ему было нечего ответить.

— Может быть, — продолжал Турлов, нахмурившись, — мы так и не сможем задать соответствующие вопросы. Ты ведь знаком с марсианским понятием «двойного мира»...

— Конечно, но так и не смог разобраться в нем.

— А кто смог? Давай отбросим обычное предположение, что марсианин пользуется религиозной символикой, когда утверждает, что мы живем только на «одной стороне», тогда как он живет на «обеих сторонах». Будем основываться на том, что он исходит из совершенно реальных понятий, что он действительно живет в двух мирах в одно и то же время, и тот мир, в котором живем мы, он считает незначительным и не заслуживающим внимания. Если согласиться с этим, то поведение марсианина, не проявляющего желания говорить с нами или объяснить нам ясные ему вещи, становится понятным. Он совсем не высокомерен, просто

рассуждает разумно — со своей точки зрения. Ты бы стал зря тратить время, объясняя радугу дождевому червю?

— Это совсем не одно и то же.

— Для марсианина — одно и то же. Дождевой червь не имеет органов зрения, не говоря уже о цветовом ощущении. Если ты согласен с реальным существованием понятия «двойного мира», то для марсианина ясно, что у нас нет соответствующих органов чувств, необходимых для того, чтобы задавать правильно сформулированные вопросы. Зачем тратить на нас время?

Из динамика донесся сигнал вызова. Турлов посмотрел на него и сказал: «Кто-то вызывает нас, Мэтт. Узнай, кто это, и скажи, что мы заняты».

— Ясно.— Мэтт переключил радио на прием:— Шаттл-1, «Триплекс», мы вас слушаем.

— Это «Триплекс»,— послышался знакомый голос младшего лейтенанта Клири.— Приготовьтесь, сейчас вас поднимут на борт.

— Что? Перестань шутить — мы всего лишь три дня, как покинули корабль.

— Приказание капитана — приготовиться к подъему на борт корабля. Шаттл-2 нашел «Пэтфайндер».

— Неужели? Вы слышали, мистер Турлов? Вы слышали, что он сказал?

Оказалось, что это действительно правда; Петерс и Гомес наткнулись на исчезнувший корабль чуть ли не случайно. «Пэтфайндер» стоял, пришвартовавшись к небольшому астероиду — не больше мили диаметром. Поскольку астероид был включен в список небесных тел — 1987-СД,— команда шаттла не обратила на астероид никакого внимания, пока он не повернулся к шаттлу другой стороной, и они увидели «Пэтфайндер».

После здравого размышления капитан Енси принял решение поднять на борт шаттл с Турловым и Додсоном, прежде чем отправляться к другому шаттлу. Поставив шаттл-1 в ангар, ПРК «Триплекс» приблизился к астероду 1987-СД и уровнял относительные скорости. Младший лейтенант Гомес также рискнул потратить часть драгоценного топлива и поравнялся с «Триплексом».

Мэтт не находил себе места, пока поднимали на борт шаттл-2. Через иллюминаторы, закрытые броневыми щитами, ничего не было видно, а Мэтт в эту минуту не выполнял никаких обязанностей. С тщательностью, приводящей Мэтта в исступление, капитан Енси закрепил свой корабль к «Пэтфайндеру», послав младшего лейтенанта Гомеса с тросом к его борту. Экипаж корабля собрался в рубке управления. Текс и Мэтт воспользовались случаем и распросили Петерса.

— Да я и сам мало что знаю,— объяснил младший лейтенант.— На первый взгляд, «Пэтфайндер» выглядит целым и невредимым, вот только открыт наружный люк шлюза.

— Есть надежда на то, что кто-нибудь из экипажа уцелел?

— Возможно, хотя и маловероятно.

Капитан Енси посмотрел в их сторону.

— Да замолчите же! — скомандовал он.— Это рубка управления, а не профсоюзное собрание.

Закончив швартовку, командир приказал Петерсу и Гомесу одеть скафандры; скоро три космонавта покинули «Триплекс».

Они возвратились через час. Через еще несколько минут, сняв космический скафандр, капитан Енси собрал экипаж в столовой.

— Мне очень жаль, но ни один из наших товарищей не перенес катастрофы,— сообщил он, глядя на палубу.— Вряд ли приходится сомневаться в ее причинах. Наружный бронированный люк корабля был открыт и не поврежден. Внутренний люк шлюза пробит метеоритом размером с кулак, что вызвало взрывную декомпрессию в близлежащих отсеках. Судя по всему, по совершенно невероятному стечению обстоятельств метеорит влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда наружный люк оказался открытым.

— Одну минуту, капитан,— возразил Миллер.— Неужели все воздухонепроницаемые двери внутри корабля оказались открытыми? Один камень не может причинить таких разрушений!

— Мы не смогли проникнуть в кормовую часть корабля — она все еще под давлением, и двери герметически закрыты. Но нам удалось восстановить картину

происшедшего, потому что мы пересчитали тела погибших — семь человек, вся команда корабля. Они стояли рядом с внутренним люком воздушного шлюза без скафандров; лишь один человек был в скафандре, и он находился внутри шлюза, но его скафандр был пробит осколком. Остальные собрались, по-видимому, встретить космонавта, отправившегося на разведку.— Енси посмотрел на помощника.— Рэл, думаю, нам нужно подготовить рекомендацию по управлению операциями вне корабля: относительно того, чтобы при работах за пределами корабля члены экипажа находились в его разных отсеках и несчастный случай с воздушным шлюзом не вывел из строя весь экипаж.

— Пожалуй, вы правы, капитан,— нахмурился Миллер.— Трудно будет выполнить это, особенно в небольших кораблях.

— Трудно дышать при отсутствии воздуха... Теперь состав комиссии по расследованию катастрофы: ты, Рэд, будешь председателем, Новак и Брюнн — членами комиссии. Всем остальным оставаться на борту корабля, пока комиссия не завершит работу. Когда комиссия закончит и заберет с «Пэтфайндера» все необходимые доказательства, я дам всем вам достаточно времени, чтобы вы могли побывать на борту найденного корабля и удовлетворить любопытство.

— Как относительно врача, капитан? Он понадобится мне в качестве эксперта.

— Хорошо, Рэд. Доктор Пикеринг, отправляйтесь вместе с комиссией.

Курсанты собрались в каюте Мэтта и Оскара.

— Представляете такое невероятное совпадение, такое неудачное стечение обстоятельств?— воскликнул Текс.— Метеорит пролетает в открытый наружный люк шлюза, пробивает внутренний, а там собралась вся команда без скафандров? И теперь нам придется сидеть здесь целую неделю или даже десять дней, ожидая, пока комиссия не закончит работу и не измерит, с точностью до микрона, величину отверстия, пробитого в люке!

— Перестань трепыхаться, Текс,— посоветовал Оскар.— Думаю, старик просто не хотел, чтобы ты нацарапал свои инициалы на переборке «Пэтфайндера»,

или боялся, что ты унесешь пробитый люк в качестве сувенира.

— Не говори глупостей!

— Хватит дергаться. Капитан ведь обещал, что ты сможешь полазать по кораблю, сделать фотографии и вообще удовлетворить свое омерзительное любопытство, как только закончится работа комиссии. Тем временем наслаждайся роскошью восьмичасового сна.

— Слушай, Оскар, а ведь ты совершенно прав! — воскликнул Текс.— Я даже не подумал об этом! Какой смысл нести вахту и следить за приближением осколков, когда мы накрепко привязаны к астероиду и все равно не сможем увернуться!

— Как это уже стало ясно команде «Пэтфайндера».

На следующий день проводилась последняя поверка для экипажа найденного корабля. Тела погибших были заперты в одном из отсеков «Пэтфайндера», и поверка проводилась в кают-кампании «Триплекса». Она длилась довольно долго — потребовалось прочитать молитвы по погибшим, которые принадлежали к различным вероисповеданиям. Наконец капитан закончил церемонию собственным прощанием Патрульной Службы: «А теперь мы направляем наш курс к дому...»

Оказалось, что на борту «Триплекса» едва хватало членов экипажа, чтобы принять участие в последней поверке. Команда «Пэтфайндера» состояла из семи человек — шести офицеров Патрульной Службы, одного гражданского планетолога и еще Четверки, которая присутствует на каждой поверке. Капитан Енси выкликивал фамилии членов экипажа «Пэтфайндера», и на них откликались все, один за другим, начиная с помощника капитана Миллера и кончая Тексом. Все это время из динамиков доносились звуки «Длинной вахты», тихие, подобно реквиему.

Мэтт с трудом ответил, когда была произнесена одна из фамилий. По щекам Текса текли слезы, и он даже не скрывал этого.

На протяжении двух дней работы комиссии источником информации был лейтенант Брюнн. Он рассказал, что «Пэтфайндер» — в хорошем состоянии, если не считать пробитого люка. На третий день он внезапно замолчал.

— Капитан приказал не обсуждать информацию,

полученную комиссией, до тех пор, пока не изучит ее,— объяснил Брюнн.

Мэтт передал слова Брюнна остальным курсантам.

— В чем дело?— удивился Текс.— Что секретного может быть в поврежденном корабле с погибшим экипажем?

— Откуда я знаю?

— А у меня появилась мысль,— сообщил Оскар.

— Ну? Да не томи же!

— Капитан хочет доказать, что невозможно умереть от любопытства. Для этого он выбрал именно тебя, Текс, ты идеальный подопытный кролик.

— О-о, пойди постучи головой о переборку!

На следующий день капитан снова собрал всю команду.

— Джентльмены, благодарю вас за проявленное терпение. Я не хотел, чтобы велись разговоры о работе комиссии до тех пор, пока не приму решения о том, как поступить с вещами, найденными на борту «Пэтфайндера». И вот что нам стало известно: планетолог, находившийся на погибшем корабле, профессор Торвальд, пришел к неопровержимому выводу, что взорвавшаяся планета была населена.

Раздались взволнованные восклицания.

— Прошу тишины! На «Пэтфайндере» обнаружены образцы пород с окаменевшими ископаемыми; но, помимо них, там находятся предметы, являющиеся, по мнению профессора Торвальда — доктор Пикеринг и мы с Миллером тоже убеждены в этом,— результатом деятельности человеческих рук.

— Уже одного этого,— продолжал капитан,— достаточно, чтобы послать в астероидный пояс десяток космических кораблей. Думаю, это самое важное открытие в исследовании прошлого Солнечной системы наравне с раскопками на Луне. Однако профессор Торвальд пришел и к другому, еще более поразительному выводу. С помощью корабельного бомбардира, используя метод радиоактивного анализа, он высказал предположение, что планета — профессор назвал ее планетой Люцифер — погибла в результате взрыва ядерного устройства, созданного ее обитателями. Иными словами, жители планеты сами взорвали ее.

Тишину, царившую в кают-компании, нарушало

лишь слабое жужжание вентиляторов кондиционирования воздуха.

— Но, капитан, этого не может быть! — внезапно воскликнул Турлов.

— Вам известны ответы на все вопросы, молодой человек? — посмотрел на него капитан Енси.— Мне — нет.

— Извините меня, сэр.

— На вашем месте я не делал бы скоропалительных выводов. Я признаюсь, что не обладаю знаниями, необходимыми для категоричных заявлений. Тем не менее, джентльмены, если это соответствует действительности — а профессор Торвальд придерживается именно такой точки зрения,— вряд ли следует напоминать, что у нас еще больше оснований гордиться Патрульной Службой, офицерами которой мы являемся, а наша ответственность еще больше, чем считалось раньше.

— А теперь за дело. Я не хочу оставлять здесь «Пэтфайндер». Не говоря уже о причинах чисто морального характера, не следует забывать, что это — космический корабль Патрульной Службы и его строительство обошлось во много миллионов. Думаю, мы сумеем отремонтировать «Пэтфайндер» и доставить его обратно.

XIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Мэтт принял участие в ремонте пробитого люка и проверке герметичности отсеков «Пэтфайндера», причем старший механик не сводил глаз со своих помощников. Если не считать отверстия в люке, пробитого метеоритом, внутри корабля повреждений почти не было. Огромная энергия метеорита была затрачена на то, чтобы пронзить массивный внутренний люк воздушного шлюза; понадобилось только залатать одну переборку и несколько вмятин в других местах. Наружный бронированный люк ничуть не пострадал; было совершенно ясно, что метеорит-убийца влетел внутрь

корабля именно в тот момент, когда открылся наружный люк.

Растения в гидропонических ваннах погибли из-за недостатка углекислого газа и ухода. Пока остальные члены экипажа занимались почти бесконечной работой, проверяя каждую электрическую цепь и каждый контакт, Мэтт взялся за восстановление корабельной растительности, необходимой для снабжения атмосферы кислородом и поглощения углекислого газа.

Оскар и Мэтт выделили час, оторванный от своего сна, чтобы осмотреть астероид 1987-СД. Для этой экспедиции им понадобились навыки альпинистов и космонавтов, привыкших работать в невесомости и пользоваться ранцевыми двигателями для передвижения в космосе. У астероида было, разумеется, гравитационное поле, но масса даже такой космической скалы ничтожна по сравнению с силой тяготения на планете. Курсанты даже не чувствовали притяжения; их мышцы, привыкшие бороться с мощным гравитационным полем Терры, не ощущали едва заметного притяжения астероида.

Наконец «Пэтфайндер» отошел от астероида, и новая команда, состоящая из капитана Енси в рубке управления и лейтенанта Новака, находящегося в машинном отсеке, провела испытание реактивного двигателя. ПРК «Триплекс» расположился в нескольких милях от «Пэтфайндера», подождал, пока не закончится испытание двигателя, и затем пришвартовался к отремонтированному кораблю. Капитан Енси и старший механик вернулись на борт «Триплекса».

— Передаю вам этот корабль, Хартли,— объявил капитан.— Проведите испытания сами, затем отправляйтесь в путь, когда сочтете себя готовым.

— Если вы проверили корабль, я полностью полагаюсь на вас, капитан. С вашего разрешения, я переведу на «Пэтфайндер» свой экипаж.

— Хорошо. Капитан, принимайте командование и выполняйте поставленную задачу. Внесите в бортовой журнал, мистер,— бросил через плечо вахтенному офицеру капитан Енси.

Спустя тридцать минут экипаж «Пэтфайндера», отобранный из команды «Триплекса», вошел внутрь

корабля через воздушный шлюз. ПРК «Пэтфайндер» вернулся в строй.

На борту «Триплекса» остались капитан Енси, лейтенант Турлов, исполняющий теперь обязанности помощника командира и астрогатора, младший лейтенант Петерс — старший механик, курсанты Джермэн и Додсон — вахтенные офицеры, курсант Йенсен, назначенный офицером связи, а также доктор Пикеринг, врач.

Бывший помощник капитана «Триплекса» Миллер стал капитаном «Пэтфайндера», и в составе его команды было на одного человека меньше. Зато все его офицеры обладали немалым опытом.

Вообще-то капитан Енси был готов принять на себя командование «Пэтфайндером», чтобы не перепоручать другому офицеру это задание, не лишенное риска, но этому помешало одно обстоятельство — закон запрещал ему оставить свой корабль. Капитан Енси имел право назначить временного командира из числа своих подчиненных, однако вблизи не было ни одного вышестоящего начальника, который имел право освободить капитана Енси от командования своим кораблем — он оказался жертвой своего собственного уникального положения, поскольку являлся командиром корабля, действующего в одиночку.

В соответствии с первоначальным планом экспедиции «Пэтфайндер» должен был продолжать полет в космопорт спутника Марса Деймоса и прибыть туда в тот момент, когда Марс, движущийся по своей орбите, обгонит его и окажется в выгодном для корабля положении. Задержка на несколько месяцев, вызванная трагедией, происшедшей с экипажем «Пэтфайндера», полностью нарушила эти планы; Марс окажется теперь очень далеко от намеченной точки встречи. Помимо этого, капитану Енси хотелось как можно быстрее доставить поразительные доказательства открытия, сделанного экипажем «Пэтфайндера» на Землю; лететь к отдаленному космопорту на спутнике Марса не имело смысла.

Соответственно реактивная масса была перекачана с громадного «Триплекса» на уступающий ему размерами «Пэтфайндер» и заполнила его топливные баки. Затем рассчитана самая короткая, хотя и ма-

лоэкономичная орбита, ведущая корабль прямо на один из земных космодромов. ПРК «Триплекс», оставшийся с полупустыми баками, будет двигаться по экономичной орбите Хохманна, которая, хотя и значительно более длинная, пройдет через орбиту Марса, пересечет земную орбиту (в этот момент Земля будет очень далеко), обогнет Солнце и, повернув вокруг него, совершит посадку на Землю почти через год после «Пэтфайндера». У «Триплекса» оставалось достаточно реактивной массы, чтобы вернуться на Землю даже после перекачки значительной части в топливные баки «Пэтфайндера», но ему придется лететь по очень вытянутой орбите, тратя намного больше времени, но сберегая топливо. Обычно по таким орбитам двигались космические корабли торгового флота — патрульные корабли избегали лишних затрат времени.

Мэтт, выполняя одну из своих многочисленных обязанностей в качестве помощника астрогатора, обратил внимание на особенность их орбиты и сообщил о ней Оскару.

— Эй, Ос, ну-ка посмотри сюда: проходя перигелий на той стороне орбиты, что за Солнцем, мы промчимся прямо над твоим родным городом! Видишь?

Оскар взглянул на элементы орбиты.

— А ведь верно! Какой будет самая ближняя точка?

— Меньше сотни тысяч миль, может быть, даже чуть ближе — старик обожает совершенно точные орбиты. Нет желания сбежать в самоволку?

— Боюсь, скорость слишком высока,— сухо заметил Оскар.

— Ну вот, а где же дух первооткрывателей? Успеешь улететь в одном из шаттлов, прежде чем тебя хватятся.

— Боже мой, как мне хочется побывать дома! — вздохнул Оскар.— Жаль, что у нас не будет увольнения.— Он печально покачал головой и снова посмотрел на звездную карту.

— Знаю, почему ты не хочешь воспользоваться такой редкой возможностью: с тех пор, как стал начальником службы, у тебя выросло чувство ответственности. Наверно, приятно быть одним из сильных мира сего?

— Да-да, Ос, расскажи нам,— поддержал Текс, только что вошедший в рубку.

— Перестаньте подначивать, ребята,— покраснел Оскар.— Разве я виноват в этом?

— Ладно, больше не будем. А кроме шуток, ребята,— продолжал Мэтт,— нам очень повезло! Мы исполняем обязанности офицеров во время полета, который должен был проходить в учебной обстановке. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Что?

— Если мы справимся со своими обязанностями и постараемся показать себя с лучшей стороны, нам всем могут присвоить офицерские звания!

— Ну да,— с сомнением покачал головой Текс,— капитан Енси сделает меня офицером? Свежо предание!

— Ну, тогда уж Оскара точно! В конце концов, он — начальник службы связи.

— Уверяю вас, ребята, это не имеет никакого значения,— запротестовал Оскар.— Действительно, я отвечаю за связь — вот только связываться-то не с кем! Мы находимся за пределами дальности радиосвязи, если не считать «Пэтфайндера», да и тот быстро удаляется от нас.

— Но ведь не вечно нам быть за пределами радиосвязи!

— Что из этого? Разве вы не замечаете, что старик не позволяет мне — да и никому из нас — делать что-нибудь самостоятельно? Все время стоит рядом и наблюдает. К тому же, зачем нам офицерские звания? Представляете себе — возвращаемся на Землю, а их не утверждают! Какое унижение!

— Я готов рискнуть! — заявил Текс.— Только так и можно стать офицером! Другой возможности мне не представится.

— Перестань изображать несчастного сироту. Подумай только, что скажет дядя Боди, если услышит такие разговоры.

По правде говоря, атмосфера на корабле заметно изменилась, хотя капитан и лейтенант Турлов действительно наблюдали за действиями курсантов очень внимательно. Капитан Енси начал обращаться к ним по именам в неслужебное время и перестал упоминать зва-

ние «курсант». Иногда, говоря о команде корабля, он говорил «офицеры моего экипажа», явно имея в виду всех — как офицеров, так и курсантов. Но он ни разу не коснулся вопроса присвоения офицерского звания.

После выхода из пояса астероидов, за пределами дальности радиосвязи и в состоянии продолжающегося свободного падения, обязанности команды не представляли особой сложности. У курсантов было немало свободного времени, которое они посвящали учебе, спорам и игре в карты. Мэтт догнал своих друзей и ликвидировал, таким образом, отставание в учебе. Теперь он все чаще бывал в корабельной библиотеке, стараясь узнать как можно больше по интересующим его вопросам.

Капитан начал серию регулярных семинаров отчасти для того, чтобы заполнить остающееся у него время, отчати в качестве помощи в учебной подготовке курсантов. Темой его семинаров была роль офицеров Патрульной Службы в качестве дипломатов. Енси умел рассказывать; кроме того, скоро курсанты поняли, что его можно увлечь и тогда он погружался в воспоминания. В течение своей продолжительной карьеры офицера Патруля Енси неоднократно сталкивался с трудными ситуациями, и его объяснения были интересны и приносили курсантам немало пользы.

Наконец ПРК «Триплекс» оказался в пределах радиосвязи с Венерой — там их ждало много сообщений, гонявшихся за ними по всей Солнечной системе. Официальная радиограмма из Департамента выражала благодарность капитану и всей команде за активное участие в восстановлении и отправке на Землю патрульного ракетного крейсера «Пэтфайндер». Кроме того, капитан Енси получил личное послание от Хартли Миллера, в котором говорилось, что «Пэтфайндера» благополучно вернулся на Землю, что ученые сразу набросились на доставленные данные и теперь громят корабль так, что он трещит по всем швам.

Кроме писем из дома, Мэтта ждало приглашение от Марианны — приглашение на свадьбу. Он так и не понял, за кого она вышла замуж, за того молодого человека, который присутствовал на пикнике? Мэтт не мог вспомнить его имени — все происшедшее казалось ему таким далеким... Кроме того, курсантов ждало посла-

ние от Пита — на письме было помечено «Леда, Ганимед». Там говорилось о том, как радостно его приняли дома.

— Ну и повезло же парню! — прокомментировал Текс.

Оскар обратил внимание на то, что капитан Енси уже не так внимательно следит за выполнением им обязанностей офицера связи, но это ничуть не удивило его. Оскар действительно превратился в начальника службы связи и уже забыл, что был когда-то совсем другим.

Но он понял, что его считают офицером связи, после того как принял шифровку — первую из радиограмм, посланных в адрес «Триплекса» не клером, а шифром. Оскару пришлось обратиться к капитану с просьбой дать шифровальную машинку, хранившуюся в сейфе. Капитан открыл сейф и вручил Оскару машинку безо всяких колебаний.

Оскар взял радиограмму, расшифровал ее, и у него глаза полезли на лоб. Радиограмма гласила: «ТРИПЛЕКС — ПРОСИМ РАССЛЕДОВАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОИСШЕСТВИЯ ЭКВАТОРИАЛЬНОМ РАЙОНЕ ВЕНЕРЫ ТОЧКА ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ». Оскар тут же отнес радиограмму капитану Енси.

Капитан прочитал расшифрованный текст.

— Передайте помощнику, что я прошу его зайти ко мне. И не обсуждайте ни с кем содержание шифровки!

— Слушаюсь, сэр!

Турлов вошел в капитанскую каюту с недоумением на лице.

— Что-нибудь случилось, капитан?

Вместо ответа Енси вручил ему шифровку. Лейтенант прочитал ее и покачал головой.

— Вы считаете, что мы сможем выполнить это распоряжение? — спросил капитан.

— Но вы и сами знаете, капитан, сколько у нас осталось реактивного топлива. Мы сумеем выйти на круговую орбиту, но у нас не хватит топлива для посадки и последующего взлета.

— И у меня такое же мнение. Полагаю, придется ответить отказом и объяснить причину. Черт побери, я не люблю отказываться от выполнения приказов! Почему выбрали именно нас? По крайней мере, полдюжи-

на кораблей находится в более благоприятном положении.

— Вряд ли, капитан. Думаю, мы оказались единственным кораблем в этом секторе Солнечной системы. Вы следите за расположением патрульных крейсеров?

— Не так уж внимательно. А почему вы спрашиваете?

— Вообще-то этим следовало заняться «Томасу Пэйну», но он совершил посадку в Нью-Окленде для срочного ремонта двигателей.

— Понятно. Надо бы постоянно иметь патрульный корабль на орбите вокруг Венеры; когда-нибудь так и произойдет.— Капитан Енси задумчиво почесал подбородок. Он выглядел мрачным.

— У меня есть предложение, капитан..

— Да?

— Если мы изменим курс прямо сейчас, все может обойтись без излишних затрат реактивного топлива. Совершим посадку при включенном двигателе, сбросив скорость в результате торможения при вхождении в плотные слои атмосферы.

— Гм... каков допустимый предел погрешности?

В глазах лейтенанта Турлова появилось отсутствующее выражение — он решал уравнения четвертого порядка в уме. Капитан Енси также застыл в трансе с беззвучно двигающимися губами.

— Практически никакого, капитан. После выхода на кольцевую орбиту вам придется сразу нырнуть в глубь атмосферы и подвергнуться атмосферному торможению на пределе возможной скорости — или близком к ней — перед тем, как начать торможение реактивным двигателем.

Енси покачал головой.

— Нырнуть на предельной скорости в атмосферу Венеры? Тогда уж надежнее летать на метле в Вальпургиеву ночь! Нет, мистер Турлов, придется дать ответную радиограмму и сообщить, что мы не можем выполнить их распоряжение.

— Одну минуту, капитан. Они знают, что у нас нет на борту космической пехоты?

— Конечно.

— Тогда никто и не собирается требовать от нас

вооруженных действий. В этом случае можно послать на поверхность Венеры один из наших шаттлов!

— Я все время ждал, мистер Турлов, когда же наконец вам придет в голову эта мысль. Согласен. Расследование происшествия поручается вам. Делаю это с неохотой, но у меня нет другого выхода. Вы еще ни разу не вели самостоятельного расследования?

— Нет, сэр.

— Ну что ж, вам придется заняться этим в начале вашей карьеры. Принимайтесь за подготовку, а я запрошу отдел космических операций о подробностях. Меняйте курс сразу после окончания расчетов.

— Слушаюсь, капитан. Вы сами выберете курсанта, который отправится со мной, или поручите мне?

— Берите не одного, а всех трех. Это нужно для того, чтобы кто-то все время находился внутри шаттла, а вам понадобится вооруженный спутник на время расследования. Экваториальная зона Венеры — трудно предсказать, с чем вы там столкнетесь.

— Но ведь тогда у вас останется на борту один Петерс, сэр, не считая врача.

— Мистер Петерс и я отлично управимся одни. Петерс превосходно играет в крибидж.

Отдел космических операций не смог прояснить ситуацию на Венере — у них просто не было никаких подробностей. Им известно одно — транспортный космический корабль «Гэри» запросил о помощи, заявив, что подвергся нападению со стороны туземцев. Успели передать координаты, затем радиоконтакт оказался прерванным.

Капитан Енси решил все-таки прибегнуть к атмосферному торможению, чтобы сберечь реактивное топливо на будущее. Экипаж корабля был вынужден провести пятьдесят шесть часов в тесной рубке управления «Триплекса», пока сам корабль окунался и нырял в плотные венерианские облака, с каждой кольцевой орбиты погружаясь чуть глубже. Обшивка нагрелась до предела, и времени, проводимого в невесомости, пока корабль выныривал из облаков и летел в ледяной пустоте космоса, было едва достаточно, чтобы охладить ее. Почти все отсеки «Триплекса» стали невыносимо жаркими, потому что вся мощь аппарата охлаждения воздуха использовалась для поддержания нормальной

температуры в рубке управления и отсеке с гидропоническими ваннами. В пустоте космоса избавиться от ненужного тепла можно лишь путем его излучения в пространство, и кинетическая энергия, образовывающаяся при переходе с орбиты сближения на кольцевую орбиту вокруг Венеры, поглощалась кораблем и затем излучалась в космос.

Однако по истечении этих пятидесяти шести часов трое вспотевших и усталых юношей в сопровождении еще одного, чуть старше, приготовились к переходу в шаттл-2. Несмотря на усталость, они испытывали волнение на пороге неизвестности.

Внезапно Мэтт что-то вспомнил.

— Доктор, доктор Пикеринг! — позвал он врача. Пикеринг провел эту спокойную — с медицинской точки зрения — экспедицию за рукописью монографии, озаглавленной «Некоторые заметки относительно сравнительных патологий населенных планет», и сейчас не знал, что делать с избытком свободного времени. На период отсутствия Мэтта его назначили «фермером».

— Да, Мэтт?

— Это новые кусты томатов, через три дня нужно провести их перекрестное опыление. Вы не забудете?

— Нет, Мэтт, не забуду.

— Забудьте о своей ферме, Додсон! — расхохотался капитан Енси. — Мы как-нибудь позаботимся о ней. А теперь, джентльмены... — Он обвел глазами стоящую перед ним четверку. — Постарайтесь остаться в живых. Сомневаюсь, что эта миссия заслуживает того, чтобы потерять жизнь четырех офицеров Патрульной Службы.

В шлюзе Текс ткнул Мэтта локтем в бок. — Ты слышал? Он сказал: «Четырех офицеров Патрульной Службы!»

— Слышал. И не только это. Вспомни, о чем еще он говорил.

Турлов поправил сумку на ремне. В ней лежали распоряжения, касающиеся порученной им миссии. Распоряжения были простыми: следовать к точке с координатами два градуса семь минут широты и двести двенадцать градусов долготы; отыскать «Гэри» и расследовать обстоятельства, связанные с переданным по ра-

дио сообщением о восстании туземцев. Принять все меры для поддержания мира.

Лейтенант сел в кресло пилота и посмотрел на свой экипаж.

— Держитесь покрепче, ребята. Вперед!

XIV

ТУЗЕМЦЫ КАЖУТСЯ МИРНЫМИ...

Шаттл оторвался от борта «Триплекса» и ринулся вниз. За контрольной панелью сидел лейтенант Турлов, в кресле второго пилота — Мэтт. Начальная скорость шаттла чуть превышала четыре мили в секунду — скорость «Триплекса» на низкой круговой орбите вдоль экватора Венеры. Лейтенант намеревался постепенно снизить скорость торможением в атмосфере и затем, прямо над местом посадки, опуститься на поверхность с включенным двигателем, балансируя на столбе раскаленных газов. Поскольку у шаттла не было крыльев, приходилось совершать посадку на ракетном двигателе.

И все это было необходимо сделать с абсолютной точностью, сберегая топливо. Отчасти в этом ему помогло вращение планеты с запада на восток — скорость вращения, равная 940 милям в час, позволила командиру шаттла отнять эту скорость от скорости полета его маленького космического корабля. Наиболее трудным было найти точное место посадки. Момент вылета из ангара «Триплекса» был выбран таким образом, чтобы весь спуск шаттла проходил на дневной стороне планеты и можно было использовать Солнце для ориентировки по долготе; отыскать соответствующую широту следовало с помощью тщательного выбора курса.

Солнце является единственным небесным телом, которым можно пользоваться для ориентировки вблизи Венеры, и даже оно перестает быть видным невооруженным глазом, как только корабль скрывается в пелене облаков, плотно окутывающих Венеру. Мэтт следил за Солнцем, не отводя глаз от окуляра инфракрасного октанта, и сообщал лейтенанту Турлову о необходи-

мой коррекции курса. Перед вылетом с «Триплекса» было решено, что посадка будет совершаться вручную, а не на автопилоте — слишком мало было пока известно о плотности и течениях в венерианской атмосфере.

Как только Мэтт доложил пилоту, что шаттл находится на высоте тридцати миль от поверхности планеты, по данным радиолокатора, и приближается к намеченной долготе, определенной по инфракрасному изображению Солнца в окуляре октанта, лейтенант Турлов направил маленький корабль вниз, к воображаемой точке посадки, все ниже и ниже, наконец включил тормозные ракеты. Шаттл опускался к поверхности Венеры по параболе, еще более крутой из-за сопротивления атмосферы.

Вокруг проносились сплошные венерианские облака, настолько плотные, что иллюминатор перед сидением пилота был совершенно ненужным. Мэтт не сводил глаз с поверхности, видимой на экране инфракрасного локатора.

Турлов следил за своим радарным высотомером, все время сверяясь с полетным планом.

— Если нам понадобится искать место посадки — на случай необходимости маневрирования,— нужно делать это сейчас,— тихо произнес он, обращаясь к Мэтту.— Что ты видишь на экране?

— Поверхность относительно ровная. Более определенно сказать ничего не могу.

Турлов рискнул и на мгновение отвел взгляд от высотомера.

— По крайней мере, под нами не водная гладь и не лес. Пожалуй, нужно садиться.

Ракетный корабль начал опускаться кормой вперед. Из ракетных дюз вырывалось ослепительное оранжевое пламя. Мэтт так и впился глазами в экран локатора, готовый предупредить пилота, если внизу покажется болото, тогда Турлов мгновенно включит ускорительные бустеры.

Пилот снизился еще немного и выключил двигатель. Члены экипажа почувствовали толчок, будто корабль рухнул вниз с высоты нескольких дюймов. Все, совершена посадка. Шаттл-2 — на поверхности Венеры.

— Фью! — присвистнул лейтенант Турлов и вытер пот

со лба.— Не хотелось бы мне совершать подобные посадки каждый день!

— Хорошо сделано, капитан! — произнес Оскар откуда-то сзади.

— Это уж точно,— поддержал его Текс.

— Спасибо, ребята. А теперь опустим опорные ноги,— и Турлов нажал на кнопку перед собой. Подобно многим космическим кораблям, у шаттла после посадки выдвигались три гидравлические опоры, помогающие вертикально стоящему кораблю сохранять равновесие. Мощные гидравлические насосы вдавливали опоры глубоко в грунт, пока они не упирались во что-то твердое. Сразу после этого насосы автоматически выключались и надежно удерживали ракетный корабль в вертикальном положении.

Турлов подождал, пока рядом с кнопкой не зажглись три крохотных зеленых огонька, затем отключил гироскопы-стабилизаторы. Шаттл стоял не двигаясь. Лейтенант Турлов расстегнул пристежные ремни и встал.

— За работу, ребята. Посмотрим, где мы совершили посадку. Мэтт и Текс, оставайтесь внутри. Оскар, поскольку это твоя родная планета, представь меня ей.

— Слушаюсь! — Оскар также отстегнулся, встал и поспешил к воздушному шлюзу. В контроле состава атмосферы не было нужды, ведь Венера населена многочисленными колонистами, а все офицеры Патрульной Службы, включая курсантов, получили прививки против смертельно опасного венерианского грибка.

Турлов последовал за ним. Мэтт тоже отстегнул ремни, удерживавшие его в кресле, и сел рядом с Тексом в кресло для пассажиров, которое только что освободил Оскар.

Оскар посмотрел в иллюминатор рядом с люком шлюза. Все снаружи было затянуто туманом.

— Ну как, приятно оказаться дома? — спросил Турлов.

— Очень! Какой прекрасный, какой великолепный день!

Лейтенант улыбнулся, глядя в затылок Оскару, и сказал:

— Вот опустим лестницу и посмотрим, где это мы оказались.— Внешний люк шлюза был на пятьдесят

футов выше стабилизаторов шаттла, и конструкция корабля не предусматривала ничего, вроде лифта.

— Сейчас,— ответил Оскар, протиснулся рядом с лейтенантом, и в это мгновение шаттл накренился, на мгновение замер, затем начал падать на бок.

— Гироскопы! — панически крикнул Турлов,— Мэтт, включай гироскопы! — и сам попытался броситься к панели управления, столкнулся с Оскаром и упал вместе с ним. Тут же шаттл опрокинулся, с силой грохнувшись в грунт.

Мэтт попытался выполнить распоряжение пилота, но он не был готов к этому и потому сидел в кресле, вытянув ноги и расслабившись. Он схватился руками за ручки кресла, хотел было встать, чтобы вернуться в кресло пилота, в это время корабль начал падать; Мэтт выскользнул из кресла и рухнул на бок. Шаттл лежал теперь на грунте, приняв горизонтальное положение.

Первое, что увидел Мэтт, поспешно встав на ноги, были тела Оскара и Турлова, распростертые на переборке, ставшей теперь палубой. Оскар, лежавший на лейтенанте, начал подниматься и вдруг болезненно вскрикнул.

— Что с тобой, Ос?

— Рука...— пробормотал Оскар, встал, опираясь на правую руку, и осмотрел левую.— Растяжение или перелом.— Он попытался пошевелить ею.— Да, перелом.

— А что с капитаном?— спросил Текс.

Оскар и Мэтт одновременно повернулись и посмотрели на лейтенанта Турлова. Офицер лежал, не делая попытки встать. Глаза у него были закрыты. Текс подошел к нему и наклонился.

— Потерял сознание,— заметил он.

— Брызни на него холодной водой.

— Нет, не надо. Лучше...— Корабль снова вздрогнул.

— Я думаю, нам нужно выбраться отсюда как можно быстрее,— обеспокоенно произнес Оскар.

— Но что делать с лейтенантом Турловым?

Оскар не ответил и начал карабкаться к открытому люку шлюза, оказавшемуся теперь в десяти футах над головами курсантов. С трудом, подавляя стоны и ру-

гаясь по-венериански, он выбрался наружу и исчез из вида.

— Что это с ним? — удивился Текс. — Уж не чокнулся ли он?

— Пусть поступает, как считает нужным. Нам надо позаботиться о нашем командире. — Юноши снова внимательно осмотрели Турлова. Видимых повреждений они не обнаружили, но сознание к нему не возвращалось.

— Может быть, ударился при падении шаттла, — предположил Мэтт. — Сердце бьется нормально.

— А что это, Мэтт? — Текс показал ему на затылок офицера. Мэтт осторожно провел рукой по голове Турлова. — Шишка — и порядочная. Да, сильно ударился головой. Думаю, он скоро придет в себя.

— Жаль, что с нами нет доктора Пикеринга.

— Ну, разумеется. А если бы у рыб выросли крылья, они стали бы птицами. Давай оставим его в покое — пусть полежит и придет в себя сам.

В открытом люке показалась голова Оскара.

— Эй, ребята! Выбирайтесь отсюда — и побыстрее!

— Зачем? — удивился Мэтт. — Да мы и не сможем — лейтенант не приходит в сознание.

— Тогда тащите его наверх! Вы что, не понимаете? Корабль погружается!

Текс открыл рот, пытаясь ответить, стиснул зубы и бросился к одному из шкафчиков. Через мгновение у него в руках была бухта крепчайшего троса, который применяли для притягивания одного корабля к другому при швартовке.

— Приподними его, осторожнее, а я просуну трос подмышки.

— Нужно бы что-нибудь подложить под трос — он может затянуться...

— У нас нет времени! — крикнул сверху Оскар. — Быстрее!

Мэтт стремительно вскарабкался к люку, опираясь на растяжки и стойки, еще до того, как Текс закрепил трос, обмотанный вокруг груди лейтенанта Турлова, надежным узлом. Выглянув наружу, Мэтт сразу понял, что опасения Оскара не были безосновательными; шаттл лежал на боку, погрузившись в желтую глину. Кормовые стабилизаторы покоились на твердом грун-

те, тогда как нос корабля быстро исчезал в болоте, простиравшемся до самого горизонта.

У Мэтта не было возможности оглянуться по сторонам — жидкая глина почти достигла люка.

— Текс, ты готов?

— Да. Сейчас поднимусь к вам.

— Не надо. Оставайся внизу и помоги мне поднять лейтенанта. Думаю, мы сами здесь справимся.— Турлов весил сто сорок земных фунтов; на Венере его вес составлял около ста семнадцати. Мэтт сел на край люка и вытянул слабину троса.

Текс поднял расслабленное тело лейтенанта Турлова, и затем Мэтт начал тянуть трос. Через несколько секунд офицер лежал на обшивке корабля рядом с люком.

Корпус шаттла опять содрогнулся: стаблизаторы начали соскальзывать с крошечного пятачка твердого грунта.

— Пора уходить отсюда, ребята,— озабоченно произнес Мэтт.— Ты сможешь сойти вниз без нашей помощи, Ос?

— Смогу.

— Тогда не теряй времени. Мы пока не будем развязывать трос, и ты возьмешь с собой конец. Держи его здоровой рукой. Даже если лейтенант окажется в болоте, мы вытянем его на сушу.

Оскар пошел вдоль лежащего корабля к хвостовым стабилизаторам, держа в руке трос. Не доходя фута до верхнего стабилизатора, он повернулся и спрыгнул на твердую почву.

Мэтт с Тексом без особого труда пронесли потерявшего сознание лейтенанта по обшивке шаттла, однако опустить его вниз, на грунт, оказалось куда сложнее. Им пришлось остановиться у дюз ракетного двигателя, все еще раскаленных почти докрасна. Наконец Оскар подхватил Турлова здоровой рукой, Мэтт спрыгнул вниз, и тело лейтенанта было уложено на траве. И тут же Мэтт вскарабкался обратно на корпус корабля.

— Что ты делаешь, Мэтт?— встревоженно крикнул Оскар.

— В корабле осталось наше оружие и припасы. Сейчас выброшу их вам через люк и тут же вернусь.

— Немедленно вернись. Ты посмотри на край люка!

Мэтт посмотрел вниз. Слизкая желтая грязь уже достигла края и стекала, подобно патоке, внутрь шаттла. В следующее мгновение корпус заметно осел и повернулся на четверть оборота. Мэтт сделал огромный прыжок и оказался на суше. Когда он встал и оглянулся, люк уже исчез под поверхностью болота. Изнутри корабля вырвался огромный пузырь и лопнул.

— Спасибо, Ос! — Мэт с признательностью взглянул на друга.

Курсанты стояли и смотрели, как погрузился нос корабля, затем с края суши соскользнули стабилизаторы. От раскаленных дюз взвился пар; нос погружался быстрее, и через несколько секунд хвост поднялся вертикально вверх. Наконец весь корабль скрылся в болоте. О его существовании напоминали только пузыри и быстро затягивающаяся воронка на зеленой поверхности.

— Ну почему я отошел от панели управления! — Голос Мэтта дрожал.— Я успел бы включить систему гироскопной стабилизации!

— Перестань расстраиваться. В том, что произошло, нет и капли твоей вины. Это дело пилота — следить за устойчивостью корабля. Если бы у лейтенанта были хоть какие-нибудь сомнения, ему следовало не отключать гироскопы и осмотреть корабль снаружи. Сейчас нам не до сожалений. Нужно позаботиться о командире.

— Пожалуй, ты прав, Ос.— Мэтт наклонился и проверил пульс у лейтенанта. Он был равномерным, хорошего наполнения.

— Сердце бьется нормально. Думаю, нужно дать ему отдохнуть. А сейчас осмотрим твою руку.

— Хорошо — только осторожнее. Ой!

— Извини, Ос. Я не хотел причинять тебе боль, но мне еще никогда не приходилось заниматься переломами.

— А мне приходилось — и не раз,— вмешался Текс.— На пастбищах и не такое бывало. Ну-ка, Ос, ложись на спину. И приготовься — будет больно.

— Мне казалось, что в Техасе пострадавших про-

сто пристреливают.— На лице Оскара появилась слабая улыбка.

— Только лошадей. Людей мы стараемся вылечить. Мэтт, подготовь пару лубков. А ты, Оскар, сними куртку.

С помощью Текса удалось снять куртку, не разрезая рукава. Затем Текс уперся ногой в бок Оскара, схватил руками левую кисть курсанта и начал тянуть.

Оскар вскрикнул.

— Думаю, все в порядке. Мэтт, давай побыстрее лубки.

Через несколько минут левая рука Оскара была уложена в лубок, сделанный из отрезков растения, напоминающего бамбук, и перебинтована полосами, нарезанными из куртки.

— С Оскаром все в порядке,— удовлетворенно заявил Текс, опускаясь на сырую траву.— Но командир так и не пошевелился. Значит, его обязанности исполняешь ты, Оскар. И знаешь, хорошо бы поесть, я проголодался.

— Я тоже,— кивнул Оскар и обеспокоенно оглянулся.— Давайте сначала выясним, что у нас в карманах.

Мэтт положил на траву свой нож. В карманах и сумке Оскара ничего не оказалось. Текс достал гармонику.

— Да, ребята, мы изрядно подзалетели. Как вы считаете, имею ли я право заглянуть в сумку лейтенанта?

— Думаю, что имеешь; я еще никогда не видел, чтобы человек потерял сознание на такое длительное время,— заметил Текс.

— Я тоже так думаю,— согласился Мэтт.— По-видимому, у него сотрясение мозга, и в ближайшее время ожидать помощи лейтенанта не приходится. Валяй, Оскар.

В сумке лейтенанта, помимо документов, находился еще один складной нож, в ручку которого был вделан компас.

— Слава Богу, я начал уже беспокоиться, как мы отыщем место посадки без помощи туземцев. Ведь наша задача состоит в том, чтобы как-то вытащить шаттл из болота и установить радиосвязь с «Триплексом» — он летает где-то у нас над головами. В против-

ном случае, нам суждено провести в этом болоте остаток жизни.

— Ну вот, Оскар! А я надеялся, что ты, оказавшись у себя дома, без труда выведешь нас обратно к цивилизации.

— Ты просто не понимаешь, что говоришь. Может быть, это ты в состоянии прошагать пять или шесть тысяч миль по болотам, пескам и зарослям тростника — для меня это невозможно. Не забудь, что все плантации и человеческие поселения расположены на расстоянии, непревышающем пятисот миль от каждого из полюсов. Ты не можешь не знать, что Венера — практически еще не исследованная планета, я знаком с ее экваториальным поясом так же, как ты с Тибетом.

— Тогда почему здесь оказался «Гэри»?

— Откуда мне знать?

— Послушайте, ребята! — встрепенулся Текс.— Может быть, мы найдем убежище на борту «Гэри»?

— Вполне возможно, но сначала надо найти сам «Гэри». А если это не удастся, наше единственное спасение состоит в том, чтобы вытащить шаттл из болота.

— Нашими маленькими ручками? — спросил Текс.— А как относительно выполнения приказа? Что-то не заметно, чтобы мы усмиряли мятеж, наводили порядок и примиряли враждующие стороны.

— Нет, Текс, Оскар прав,— возразил Мэтт.— Нам нужно найти «Гэри» и выполнить приказ. А уже потом будем думать о том, как вернуться обратно на «Триплекс».

— Мне следовало остаться в Техасе и пасти коров,— уныло покачал головой Текс.— Ну, хорошо. Каковы твои распоряжения, Оскар?

— Прежде всего тебе и Мэтту нужно смастерить носилки для переноски командира. Нам придется искать ближайшее озеро, и мне не хотелось бы оставлять кого-нибудь здесь, рядом с лейтенантом.

Носилки удалось соорудить из того же бамбука, который пошел на лубки. Семифутовые отрезки тростника продели через рукава двух курток, сделали поперечные отрезки у каждого из концов, и получилось легкие, хотя и неуклюже выглядевшие носилки. Лейтенант так и не пришел в сознание. Его положили на носилки

и отправились в путь. Впереди шел Оскар, то и дело поглядывая на компас.

Почти час юноши пробирались через высокую траву. За ними летели тучи насекомых, их лица и руки покрылись волдырями. Наконец Мэтт окликнул Оскара: «Ос, мы устали. Пора отдохнуть».

Йенсен обернулся.

— Привал, все равно дальше идти некуда. Впереди озеро.

Текс и Мэтт бережно опустили носилки на траву и подошли к Оскару. Перед ними простиралась водная гладь — озеро или пруд, подумал Мэтт. Насколько велики его размеры, сказать было трудно: дальние берега исчезали в тумане.

Оскар подошел к самой воде и начал шлепать ладонью по поверхности.

— И что дальше?

— Будем ждать, надеяться. Славу Богу, что обычно туземцы мирно настроены.

— Думаешь, они согласятся помочь?

— Если захотят, то смогут вытащить шаттл из болота и очистить корабль до блеска за три дня.

— Ты уверен? Я знаю, что венерианцы — мирный народ, но по силам ли им такая работа?

— Ты их недооцениваешь. Этот Маленький Народ не похож на нас, но он многое умеет.

Мэтт сел на корточки и принялся отгонять насекомых от неподвижного лица лейтенанта. Шли минуты. Оскар снова подошел к воде и пошлепал по ней ладонью.

— Наверно, никого нет дома, Ос.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, Текс. Почти вся Венера населена, вот только это место может оказаться по какой-то причине запретным районом — табу.

И в этот момент в десяти футах от берега из воды показалась треугольная голова размером с голову шотландской овчарки. Текс вздрогнул от неожиданности. Венерианец смотрел на людей сверкающими любопытными глазами. Оскар встал.

— Привет тебе, чья мать была подругой моей матери.

Венерианец посмотрел на Оскара.

— Пусть твоя мать живет счастливо и долго.— Голова исчезла в воде без малейшего всплеска.

— Хорошо, что все обошлось!— с облегчением вздохнул Оскар.— Конечно, утверждают, что на всей планете господствует один язык, но я впервые испытал это предположение на практике.

— А почему он вдруг исчез?

— Отправился сообщить о нас, наверно. И не говори «он», Мэтт, говори «она».

По истечении времени, показавшегося курсантам бесконечным из-за влажной жары и бесчисленных укусов насекомых, с десяток голов одновременно показались из воды. Одна из амфибий легко вскарабкалась на берег и подошла к людям. Ростом она была по плечо Мэтту. Оскар обратился к ней с приветствием. Амфибия посмотрела на него.

— Моя мать сказала мне, что не знает тебя.

— Наверно, она просто забыла, будучи занята гораздо более важными делами.

— Возможно. Давай отправимся к моей матери, чтобы она обнюхала тебя.

— Это очень приятно для нас. Ты не могла бы помочь моей сестре?— Оскар показал на Турлова.— Она больна и не сможет закрыть рот под водой.

Венерианка кивнула. Она позвала одну из своих спутниц, и вместе с Оскаром они начали оживленно разговаривать. Оскар показал, как следует закрыть рот лейтенанта Турлова и сжать его ноздри, потому что в противном случае «вода возвратит мою сестру к матери моей матери». Вторая венерианка немного поспорила, но затем согласилась.

Текс наблюдал за происходящим с нескрываемым изумлением.

— Послушай, Мэтт,— взволнованно обратился он к другу на бейсике,— неужели они собираются вести нас под водой?

— И тебе придется согласиться на это, разумеется, если не хочешь, чтобы тебя заживо съели насекомые. Впрочем, мне это тоже не очень нравится.

— Да бросьте вы, ребята, я побывал в первом для меня венерианском доме еще в девять лет. Не впадайте в панику, расслабьтесь, и они потащат вас за собой. Только не забывайте делать глубокий вдох перед каждым

погружением, которое может продлиться несколько минут.

— Мы все понимаем, Оскар, и все-таки лучше передать их предводительнице, что для нас это внове.

— Ну что ж, попытаюсь.

Амфибия, однако, несколькими словами заверила их, что никакая опасность людям не угрожает. Тут же она подала команду, по две амфибии встали рядом с каждым курсантом, а оставшиеся три подняли лейтенанта Турлова и погрузились с ним в воду. Одной из этой тройки была та амфибия, которая участвовала в разговоре с Оскаром.

Мэтт глубоко вдохнул и нырнул. Вода была теплой и чистой. Он открыл глаза, увидел поверхность озера и тут же оказался над ней. Маленькие руки обхватили его с боков и повлекли вперед. Мэтт решил, что лучше всего будет повиноваться всем движениям амфибий.

Через некоторое время ему стало даже приятно, когда он понял, что странные создания не собираются погружаться с ним под воду. Однако он помнил советы Оскара и старался быть наготове к возможному погружению. К счастью, он заметил, как погрузилась впереди плывущая пара, тянущая Текса. Мэтт успел глубоко вдохнуть.

Они погружались все дальше и дальше, пока у него не заболели барабанные перепонки. Когда начался подъем к поверхности, боль в груди стала почти невыносимой. Ему хотелось открыть рот и вдохнуть воду, настолько сильна была эта боль. И тут они снова вынырнули на поверхность.

Мэтту пришлось перенести еще три подводных рывка, разрывающих легкие; когда они вынырнули последний раз, он понял, что над ними уже не небо.

Пещера, если это была пещера, была около ста футов длиной и вдвое меньше в ширину. В центре виднелось отверстие, через которое они попали сюда. Оно было освещено сверху какими-то светящимися оранжевыми гроздьями.

Все это Мэтт заметил после того, как выбрался на берег. Первое, что он увидел,— толпу венерианок, окружавших подземное озеро. Судя по всему, они проявляли большое любопытство к своим гостям и шептались о чем-то между собой. Мэтт прислушался

и разобрал несколько слов, причем одна фраза — «...порождение слизи» — ему совсем не понравилась.

Из глубины вынырнула тройка, поддерживающая лейтенанта. Мэтт вырвался из рук своих помощниц и помог втащить на берег тело командира. Сначала ему не удалось отыскать пульс, и Мэтт чуть было не пришел в отчаяние; затем он заметил частые и неравномерные сокращения бьющегося сердца.

Турлов открыл глаза и взглянул на него.

— Мэтт — включи гироскопы... — прошептал он.

— Все в порядке, командир, успокойтесь.

— Как у него дела, Мэтт? — спросил Оскар, стоявший рядом.

— Вроде приходит в себя.

— Может быть, купание пошло командиру на пользу.

— А вот мне на пользу оно не пошло, — вмешался Текс. — Во время последнего ныряния я проглотил галлон воды. Эти маленькие жабы такие неловкие.

— Они больше походят на тюленей, — возразил Мэтт.

— Это не жабы и не тюлени, а разумные существа. А теперь постарайтесь установить с ними дружеские отношения. Это относится и ко мне. — Он повернулся, стараясь отыскать старшую среди амфибий.

Толпа расступилась, и по образовавшемуся коридору к ним направилась амфибия в сопровождении трех других. Оскар посмотрел на нее.

— Приветствую тебя, почтенная мать многих.

Амфибия внимательными глазами осмотрела его с ног до головы и ответила, но не ему.

— Я так и думала. Уведите их.

Оскар начал протестовать, но безуспешно. Их окружило четыре маленьких существа.

— Ну как, Оскар? Задать им как следует? — выкрикнул Текс.

— Нет! — резко скомандовал Оскар. — Не смейте сопротивляться!

Через несколько минут их втолкнули в маленькую комнатку, мрак в которой нарушала лишь одна светящаяся сфера, висящая на потолке. Положив на пол бесчувственное тело Турлова, амфибии вышли, задвинув за собой что-то вроде занавеса. Текс оглянулся по сто-

ронам, пытаясь разглядеть хоть что-то в тусклом освещении.

— Уютно, как в могиле. Напрасно, Ос, ты запретил нам сопротивляться. Мы запросто победили бы их.

— Не говори глупостей, Текс. Предположим, нам это удалось, я сомневаюсь в этом, но предположим; каким образом мы сумели бы проплыть обратно?

— А я не стал бы и пытаться. Прокопали бы тунель к поверхности — ведь у нас два ножа.

— Ну, ты, конечно, так бы и поступил, а вот я бы не рискнул. Дело в том, что Маленький Народ обычно сооружает свои города под дном озер.

— Об этом я как-то не подумал. Да, это плохо.— Текс взглянул на потолок, будто ожидая, что он вот-вот обвалится.— Ты знаешь, Ос, мне кажется, что мы не под озером — стены нашей темницы совершенно сухие.

— Маленький Народ обладает немалым опытом в подобных вещах.

— Ну... ну, хорошо, они поймали нас; ты не думай, Ос, что я ворчу, но мне кажется, лучше бы нам было остаться на лужайке.

— Ради Бога, Текс, замолчи! У меня и так тошно на душе! Если не хочешь ворчать, то не ворчи.

Наступила тишина.

— Извини меня, Ос,— послышался голос Текса.— Это все мой длинный язык.

— Да и мне не следовало терять самообладание. Рука разболелась.

— А! Ты думаешь, я неправильно ее вправил?

— Нет, по-моему, все в порядке, вот только больно. И дьявольски чешется под повязкой. Ты что это, Мэтт?

Проверив состояние лейтенанта, которое оставалось прежним, Мэтт подошел к двери и принялся рассматривать занавес, сделанный из какого-то жесткого, эластичного материала, пристегнутого по краям. Он как раз пробовал разрезать его ножом, когда услышал голос Оскара.

— Нож не берет,— отверил Мэтт на вопрос Оскара.

— Тогда успокойся и сядь. Мы ведь не собираемся выбираться отсюда, по крайней мере, пока.

— Это почему?

— Об этом я и говорил с Тексом. Я не утверждаю, что это санаторий, но здесь все-таки намного лучше, чем там, где мы были пару часов назад.

— Ты так считаешь?

— Тебе никогда не приходилось задумываться о том, что значит провести ночь в венерианских джунглях под открытым небом? Когда темнеет и из слизи выползают огромные черви, которые начинают щипать тебя за ноги? Нам, может быть, удалось бы провести невредимыми ночь, даже две, если бы нашли в себе силы все время двигаться и если бы нам очень, очень повезло, но как быть с ним? — Оскар показал на неподвижное тело лейтенанта.— Именно поэтому я и решил прежде всего отыскать туземцев. Здесь мы в безопасности, хотя и не на свободе.

Мэтт вздрогнул от отвращения. Венерианские черви, живущие в слизи болот, не имеют зубов; вместо них они выделяют кислоту, растворяющую все, что служит для них пищей. Средняя длина таких червей около семи футов.

— Ты убедил меня, Оскар,— пробормотал Мэтт.

— Жаль, что с нами нет дяди Боди,— донесся голос Текса.

— Это верно. По крайней мере, он не дал бы тебе болтать. Мне кажется, нам не следует пробовать выбраться отсюда, пока нас не накормят. Да и поспать не мешало бы. Возможно, к этому времени командир очнется и примет решение.

— Почему ты считаешь, что они будут кормить нас?

— Я не утверждаю, просто мне так кажется. Если этот Маленький Народ похож на туземцев, живущих в приполярных районах, нас накормят. Морить голодом живые существа, которых они же и заперли, такое им в глову не придет.— Оскар замолчал, стараясь отыскать нужные слова.— Не знаю, поймете ли вы меня, но у Маленького Народа нет такой жестокости, как у людей.

— Да, я слышал, что их считают мягкой, не способной на войну расой,— согласился Мэтт.— Не думаю, что они понравятся мне, но просматривая учебные кассеты, я пришел к выводу, что это — добродушные существа.

— Ну, это ты брось. В тебе говорят расовые пред-

рассудки. Жители Венеры нравятся мне куда больше, чем многие люди.

— Ос, ты несправедилив,— запротестовал Текс.— У Мэтта, как и у меня, нет расовых предрассудков. Возьми лейтенанта Петерса: разве для нас имеет какое-нибудь значение то, что он черен, как туз пик?

— Неудачное сравнение; жители Венеры — это существа совершенно иного порядка. Думаю, чтобы воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, нужно вырасти рядом с ними. Но у них все не такое, как у нас, например, мы еще ни разу не встречали венерианца мужского пола. Всюду одни женщины.

— Как ты считаешь, Ос, почему? Существуют венерианцы-мужчины или это просто суеверие?

— Существуют, разумеется. Маленький Народ, вне всякого сомнения, двуполые существа. Но амфибий мужского пола до сих пор обнаружить не удалось. Те, кто утверждает обратное, как правило, обманщики. В их рассказах нет достоверности.

— Почему они так чувствительны к этому?

— Откуда мне знать? Скажи, почему индусы не едят мясо? Совсем не обязательно искать какую-то причину. Я согласен с общепринятой теорией: венерианцы мужского пола маленькие и слабые, нуждаются в защите.

— Хорошо, что я — не венерианец,— заметил Мэтт.

— А вот мне кажется, что им неплохо живется,— возразил Текс.— Вот если бы кто-нибудь защитил и обогрел меня сейчас.

Оскар оказался прав. Им принесли пищу. Кто-то отбросил в сторону занавес, на пол поставили поднос, и занавес снова задвинулся.

Курсанты подошли поближе; там стояла тарелка с какой-то массой неопределенного цвета и формы, и рядом лежал предмет, похожий на яйцо страуса. Оскар поднял тарелку, обнюхал ее, отщипнул кусочек и попробовал.

— Вполне съедобно,— объявил он.— Можно есть.

— А что это?— поинтересовался Текс.

— Это... впрочем, неважно. Ешь. Это не причинит тебе вреда и снабдит нужным количеством калорий.

— И все-таки? Я хочу знать, что ем.

— Знаешь, Текс, мне хочется напомнить тебе, что ты либо съешь то, что нам принесли, или останешься голодным. Если я скажу тебе, что это такое, твои предрассудки лишат тебя аппетита. Сделай вид, что это помои, но их нужно съесть, чтобы не умереть с голода.

Оскар принялся за пищу, и быстро прикончил свою порцию. Посмотрев на лейтенанта, он неохотно заметил: «Ему тоже нужно оставить».

Мэтт осторожно попробовал незнакомую пищу.

— Ну, что это, Мэтт? — обеспокоенно спросил Текс.

— Ты знаешь, съедобно. Похоже на пюре из соевых бобов. Слишком соленое — хочется пить.

— Тогда пей, — предложил Оскар.

— Пей? Но что? Из чего?

— Из пузыря для питья, разумеется, — и Оскар передал ему «страусиное яйцо». Несмотря на очевидное сходство с яйцом, предмет оказался мягким. Мэтт держал его в руке, не зная, что делать дальше.

— Не знаешь, как пользоваться? Смотри... — Оскар взял пузырь, нашел нужный конец и поднес его к губам.

— Бери! — Оскар передал Мэтту пузырь и вытер губы. — Только не нажимай сильно, иначе все выльется на тебя.

Мэтт последовал его примеру и напился. Казалось, он пьет из бутылочки с соской.

— Он сделан из желудка рыбы, — объяснил Оскар. — Гладкий снаружи и похожий на губку внутри. Не будь таким брезгливым, Текс! Он совершенно стерилен!

Текс попытался выпить воды, не смог справиться с собой и взялся за пищу.

После еды курсанты устроились поудобнее, чувствуя себя намного лучше.

— Здесь неплохо кормят, — заявил Текс, — но знаете, что мне сейчас хочется? Горячие оладьи, мягкие и золотистые...

— Заткнись, Текс!

— ...на сливочном масле и политые сиропом. Ну, хорошо, хорошо. Если хотите, могу и заткнуться. — Он расстегнул сумку и достал оттуда гармонику.

— Вы только посмотрите! — удивленно воскликнул он. — Совершенно сухая!

Он взял несколько нот, затем исполнил мелодию «Косоглазый летчик».

— Перестань, Текс,— попросил Оскар.— Мы в одной комнате с больным — как-то неловко.

— Думаешь, он слышит нас?— Текс с беспокойством посмотрел на офицера.

— Не думаю. Наверно, нужно дать ему напиться.— Оскар приложил пузырь к губам Турлова и нажал, причем так осторожно, что почти не пролил воду. Лейтенант, не приходя в сознание, пошевелил губами и начал втягивать в себя жидкость. Наконец он остановился.

— Значит, ты считаешь, что ему нужно оставить немного пищи?— спросил Текс, глядя на тарелку.

— Лучше доесть. Давай, Текс, ешь, пока она не испортилась. Через несколько часов после того, как... в общем, может протухнуть.

— Знаешь, мне что-то расхотелось,— признался Текс.

Они спали в течении длительного времени, пока внезапно их не разбудил шум — звуки человеческого голоса.

— Эй, не толкайте! Я требую, чтобы меня отвели к твоей матери!

Голос раздавался у самого входа.

— Придержи свой язык!— А вот это был явно голос амфибии; занавес распахнулся, кого-то втолкнули в комнату и снова задвинули занавес.

— Привет, незнакомец!— воскликнул Оскар.

Человеческая фигура, едва различимая в полумраке, резко повернулась.

— Люди! Здесь люди!— и человек зарыдал.

— Здравствуй, Вонючка!— произнес Текс.— А ты как здесь оказался?

Перед ними стоял Жирар Берк.

В комнате воцарился бедлам. Берк рыдал и дрожал всем телом. Мэтт, проснувшийся позже всех, не мог понять, что происходит, еще не отойдя от сна, и все говорили одновременно.

— Тишина!— скомандовал наконец Оскар.— Давайте выясним главное. Берк, насколько я понимаю, ты прилетел сюда на «Гэри»?

— Да, я капитан «Гэри».

— Вот как? Черт побери, мы ведь знали, что имя капитана — Берк, но никому не пришло в голову, что

это и есть «Вонючка» Берк. Так кто был этот безумец, который доверил тебе космический корабль?

— Это мой собственный корабль, вернее, моего отца. И прошу называть меня не Вонючкой, а «капитан Берк».

— Слушаюсь, капитан Вонючка.

— Но как он оказался здесь? — недоуменно спросил Мэтт.

— Он только что объяснил,— заметил Текс.— Именно этот доблестный капитан и обратился с мольбой о помощи. Вот как его появление отразится на нашей судьбе: это равно что раздать карты при игре в бридж и получить тринадцать пик.

— Не знаю,— пожал плечами Оскар.— Это действительно совпадение, хотя и не такое уж невероятное. Он прилетел на космическом корабле, обратился с просьбой о помощи, и Патрульная Служба, естественно, реагировала на эту просьбу. Совершенно случайно именно нас послали ему на помощь.

— Одну минуту,— вмешался Берк.— Значит, вас послали мне на помощь?

— Конечно.

— Слава Богу, мою просьбу услышали, хотя и послали таких недотеп, что сами попали в ловушку. А теперь я хочу знать, насколько велика спасательная экспедиция и как она вооружена? С местными туземцами нелегко справиться.

— Что? О чем ты говоришь, Вонючка? Ты видишь перед собой всю экспедицию, в полном составе.

— Что? Мне не до шуток. Я потребовал полк космической пехоты, снаряженный для военных действий как на суше, так и на воде.

— Мало ли что ты потребуешь. Перед тобой те, кто высланы в ответ на твой запрос. Командир группы — лейтенант Турлов, но он сильно ударился при посадке, так что я временно заменяю его. Рассказывай, что там приключилось?

Услышанное потрясло Берка. Он замер, глядя перед собой широко открытыми глазами.

— Прекрати спектакль, Вонючка,— резко бросил Оскар.— Для того чтобы разработать план действий, нам необходима конкретная информация.

— Значит, все напрасно,— прошептал Берк и повернулся к Оскару.— Они убили весь мой экипаж. Убьют и меня. А затем вас.

XV

ЕСТЬ ПИРОГ НУЖНО ВИЛКОЙ

— Хорошо,— кивнул Оскар.— Все понятно. А теперь расскажи о том, что случилось с твоим экипажем.

Транспортный космический корабль «Гэри», построенный на верфях корпорации «Реакторз Лимитед» и переданный для эксплуатации фирме «Систем Энтерпрайзиз», принадлежащей семье Берка, был приспособлен для операций на поверхности Венеры и полетов вокруг этой планеты. Старший Берк назначил командиром корабля своего сына и дал ему в помощь опытный экипаж. Целью экспедиции было выяснить сообщение о крупном месторождении трансурановых элементов.

Информация подтвердилась; трансурановые элементы, или, вернее, руды трансурановых элементов, были обнаружены в огромном количестве. Берк-младший начал затем вести переговоры с местными венерианскими властями с целью оформления на имя фирмы права эксплуатации исключительно ценного месторождения до того, как прибудут другие экспедиции; не приходилось сомневаться в том, что они прибудут и очень скоро.

Ему не удалось заинтересовать «мать многих» местного племени и добиться разрешения; она дала понять Берку, что болото, в районе которого находилось месторождение, было запретной территорией, «табу». Берк, однако, сумел заманить ее на корабль. Когда она оказалась на «Гэри», Берк снова попытался убедить ее, но безуспешно. И тогда он отказался отпустить ее с корабля.

— Значит, ты похитил ее,— заметил Мэтт.

— Ничего подобного. Она вошла на борт «Гэри» добровольно. Просто, когда ей захотелось уйти, я не открыл перед ней люк и продолжал убеждать ее.

— Неужели? — язвительно отозвался Оскар. — И как долго ты убеждал ее?

— Нельзя сказать, чтобы очень долго.

— А точнее? Нечего скрывать от меня, я все равно узнаю от туземцев.

— Ну, ладно. Сутки, не больше. Что в этом преступного?

— Я не знаю, составляет ли это преступление по местным законам. На Марсе, как нас учили в Академии, я уверен, что и тебе это известно, наказание заключается в том, что тебя привяжут к столбу и оставят в пустыне точно на такой же срок.

— Но, черт побери, я не причинил ей никакого вреда! Ты что, за дурака меня принимаешь? Мне просто нужно было заручиться ее согласием.

— И чтобы добиться согласия, ты прибегнул к силе. Обращаясь к юридическим терминам, ты удерживал ее на корабле, заманив обманом, и требовал выкупа в виде согласия на разработку рудного месторождения. Ну, хорошо, ты удерживал ее в течение суток. Что произошло, когда ты все-таки решил отпустить ее?

— Именно это я и пытаюсь объяснить. Я просто не успел сделать этого. Разумеется, я собирался, однако...

— Да неужели?

— Не надо сарказма. На следующее утро они напали на мой корабль. Тысячи, буквально тысячи этих зверей!

— И тогда пришлось отпустить ее?

— Я испугался. Мне казалось, что пока она у нас, с нами ничего не случится. Но я ошибся — они облили люк какой-то жидкостью, которая мгновенно разъела металл, и туземцы ворвались внутрь корабля, прежде чем мы успели остановить их. Они перебили экипаж, буквально задавили нас огромным численным превосходством, и все-таки нам удалось убить по крайней мере в два раза больше!

— А почему не убили тебя?

— Я заперся в рубке и послал сигнал бедствия. Меня нашли только после того, как туземцы обыскали весь корабль, отсек за отсеком. Я, должно быть, потерял сознание от ядовитых паров, потому что очнулся уже здесь.

— Понятно. — Оскар задумался, глядя вдаль

и упершись локтями в колени.— Скажи, Вонючка, ты впервые на Венере?

— Ну, в общем-то, да.

— Я так и думал. Совершенно ясно, что ты не имеешь представления, какими упрямыми становятся местные жители, когда их пытаются принудить к чему-то.

— Теперь-то я понимаю это,— кивнул Берк.— Именно поэтому я и потребовал, чтобы сюда прислали полк космических пехотинцев. Просто не понимаю, о чем думал Департамент, когда послал вместо них трех курсантов и вахтенного офицера. Подумать только, насколько велика тупость военных! Ну, ничего, мой отец устроит им колоссальный скандал, как только я вернусь обратно и расскажу ему о случившемся.

— Неужели ты считаешь, что Патрульная Служба существует для того, чтобы спасать таких кретинов, как ты?— презрительно фыркнул Текс.

— Ах ты...

— Замолчи, Берк. Текс, не поддавайся на провокационные замечания. Мы ведем расследование происшествия, а не занимаемся философскими спорами. Разве тебе не известно, Берк, что Патрульная Служба никогда не посылает космическую пехоту до тех пор, пока не будут закончены переговоры?

— Разумеется, известно! Именно поэтому я и потребовал космическую пехоту, чтобы покончить с бюрократической волокитой и добиться конкретных действий.

— Ты обманываешь себя, Берк. К тому же, бессмысленно говорить о том, что произойдет после твоего возвращения. Мы не знаем, сумеем ли вообще выбраться отсюда.

— Ты прав.— Берк задумчиво пожевал нижнюю губу.— Послушай, Йенсен, я знаю, что во время учебы у нас были не самые лучшие отношения. Теперь, однако, это не имеет значения — мы все в одной лодке и должны выбираться отсюда вместе. У меня есть предложение. Ты знаешь этих жаб лучше меня...

— Разумных существ, а не жаб.

— Хорошо, хорошо. Ты знаком с туземцами и местными обычаями. Если тебе удастся уладить дело, договориться с туземцами относительно эксплуатации

месторождения и помочь мне выбраться отсюда, я возьму тебя в долю...

— Думай, о чем говоришь, Берк!

— Перестань заноситься, Йенсен. Выслушай мое предложение, ладно? В конце концов, я имею право свободно выражать свое мнение, верно?

— Пусть говорит, Ос,— посоветовал Текс.— Мне нравится его утонченная манера выражаться.

— Я отнюдь не собираюсь предложить что-то, способное бросить тень на твою девственно чистую репутацию. В конце концов, вас послали сюда, чтобы спасти меня; разве я не имею права предложить вознаграждение за это? В этом болоте, право на эксплуатацию которого я хочу получить, находится огромное количество трансурановых элементов — от элемента 97 до элемента 104. Думаю, тебе не надо объяснять, что это значит: элементы 101 и 103 входят в состав жаростойких сплавов для ракетных двигателей, 100 — для лечения рака и так далее; я не говорю об использовании этих элементов как катализаторов. Только при использовании их в качестве катализаторов можно заработать миллионы! Я не хочу загрести все это несметное богатство себе; каждому из вас выделю долю, скажем, по десять процентов.

— Это и есть твое предложение?

— Не совсем. В случае, если ты сумеешь добиться, чтобы нас освободили и не мешали отремонтировать «Гэри», чтобы уже во время первого полета мы смогли доставить на Землю полный трюм урановых руд, я дам каждому по двадцать процентов от прибыли. Тебе понравится мой корабль; «Гэри» — самый лучший транспортный корабль в Солнечной системе. Но если это тебе не удастся и вы доставите меня на Землю на своем корабле, все равно получите по десять процентов.

— Закончил?

— Да.

— Если бы я не знал, от кого исходит такое предложение, то почувствовал бы себя оскорбленным. Думаю, что выражаю наше общее мнение.

— Ну, хорошо, пятнадцать процентов. Перестань лезть в бутылку, Йенсен; ведь вам все равно поручено спасти меня.

— Как ты думаешь, Ос,— спросил Мэтт,— нам действительно нужно выслушивать эту чепуху?

— Нет, больше не нужно,— решил Йенсен.— Он уже сказал все, что хотел. Итак, Берк, постараюсь быть беспристрастным. Ты знаешь, что нельзя подкупить Патрульную Службу. Далее...

— Я и не собирался подкупать вас; просто хотел выразить свою благодарность, вот и все.

— Не перебивай, Берк. Мы выслушали тебя, правда? Так вот, далее, у нас нет корабля, по крайней мере сейчас.

— Нет корабля? — Берк выглядел потрясенным.

Оскар коротко рассказал ему о том, что произошло сразу после посадки. На лице Берка отразилось изумление и ужасное разочарование.

— Надо же было мне встретиться с такими идиотами! Я забираю обратно свое предложение — вы не можете за него расплатиться.

— А мы и не принимали его. Думаю, что это лучше и для тебя самого. Мне только хотелось бы напомнить тебе, что мы не рискнули бы совершить посадку в джунглях, если бы такой кретин, как ты, не запросил помощь. И все-таки я надеюсь вытащить шаттл из болота, если мне удастся загладить твое преступление, а это, поверь мне, будет совсем не просто.

— Вот как? Если вам удастся уладить неприятности и вытащить корабль, мое предложение сохраняет силу.

— Я еще не кончил. Ты знаешь, как действуют офицеры Патрульной Службы. Находясь в отдаленных местах Системы и не имея возможности установить связь с Департаментом, офицер должен полагаться на законы и свой здравый смысл, выполняя порученное ему задание. Поэтому мне нужно кое-что узнать от тебя. Скажи, Маленький Народ встречался с Землянами до встречи с тобой?

— Ну... разумеется, они слышали о людях. И здесь побывал Стивенс.

— Кто этот Стивенс?

— Геолог, работает в компании, принадлежащей моему отцу. Это он провел здесь короткое обследование и проинформировал отца о трансурановых рудах. Вместе с ним был и пилот его разведывательного корабля.

— Ты считаешь, это были те люди, с которыми встречались туземцы до прилета «Гэри»?

— Да, насколько я знаю.

— Ты и твой отец потревожили осиное гнездо. После того как новости, касающиеся месторождения ценных руд, распространятся по планетам Солнечной системы, сюда начнут прилетать экспедиции. Ты продемонстрировал туземцам, что ждет их после появления людей, поэтому отношения будут ухудшаться до тех пор, пока здесь не начнется партизанская война между людьми и местным населением. Волнения могут охватить всю планету, вплоть до полюсов. Задача Патрульной Службы — не допустить подобного развития событий, уладить трения еще до того, как они перейдут допустимые границы. Я считаю, что в этом и состоит наша миссия, а вовсе не в том, чтобы спасти Берка, виновного в происшедшем. Мне придется пойти к местной повелительнице и попытаться сгладить первое неблагоприятное впечатление, оставшееся у нее от встречи с людьми.

— Давай, Йенсен. Ты можешь даже сделать вид, что арестовал меня. Между прочим, отличная мысль! Я не буду возражать, лишь бы спастись отсюда.

— Я могу арестовать тебя, если она пожелает,— покачал головой Оскар.— Не хочу, однако, вселять в тебя напрасные надежды: ты совершил преступление, нарушил местные законы и подлежишь не мнимому, а настоящему аресту.

— Перестань болтать!

— Я не болтаю, а информирую тебя о положении вещей. Ты сам признался в преступлении, за которое должен понести ответственность по законам любой планеты. Если ей все равно, тебя будут судить на Терре. Но для меня это не имеет значения. Наказание преступников — не дело Патрульной Службы.

— Но ведь ты не оставишь меня здесь?

— Лейтенант Турлов может очнуться в любую минуту, и ты сможешь обсудить с ним эти проблемы. Что касается меня, то я не собираюсь подвергать опасности задачу, поставленную передо мной, только ради того, чтобы спасти тебя от наказания за убийство, да-да, ты сам признался в этом.

— Но...— Берк оглянулся по сторонам, ища под-

держку.— Текс! Мэтт! Неужели вы позволите ему встать на сторону этого жабьего народца? Оставите в беде человека?

Мэтт промолчал, не сводя с Берка холодного взгляда.

— Заткнись, Вонючка,— ответил Текс.

— Совершенно верно,— кивнул Оскар,— и ложись спать. У меня болит рука и нет желания больше разговаривать с тобой.

В комнате сразу наступила тишина, хотя никто из них не заснул сразу. Мэтт лежал и думал о том, сможет ли Оскар убедить «мать многих» в честности их намерений, и в который раз винил себя за то, что не сумел предотвратить катастрофу с шаттлом. Наконец уснул и он.

Громкий стон разбудил его. Мэтт вскочил и подбежал к лейтенанту.

— Где пузырь с водой? Нужно дать командиру напиться,— Мэтт приложил сосок пузыря к губам лейтенанта, тот напился и сразу погрузился в сон.

— Вот что, ребята,— заметил Оскар.— Вы спите, а я постараюсь поговорить с охранником, когда он снова принесет нам пищу. Нужно договориться о встрече с «матерью многих». Кроме того, присмотрю за лейтенантом.

— Хочешь, Оскар, я подежурю,— предложил Мэтт.

— Нет, лучше отдохни, Мэтт. Я все равно не смогу уснуть. Рука чешется, и это сводит меня с ума.

— Ладно.

Мэтт еще не успел заснуть, как раздались шаги и чья-то рука откинула в сторону занавес. Оскар сидел посреди комнаты, скрестив ноги, и как только охранник отодвинул занавес, чтобы поставить на пол поднос с едой, Оскар просунул руку в образовавшуюся щель.

— Убери свою руку,— произнес охранник.

— Выслушай меня,— настаивал Оскар.— Мне надо поговорить с твоей матерью.

— Убери свою руку.

— Ты передашь мою просьбу?

— Убери свою руку!

Оскар повиновался, и занавес задвинулся.

— Что-то непохоже, чтобы они хотели вступить в переговоры с нами,— заметил Мэтт.

— Не беспокойся,— сказал Оскар.— Завтрак подан. Буди остальных.

На тарелке лежала та же неаппетитная серая смесь, что и раньше.

— Раздели завтрак на пятерых, Текс.— скомандовал Оскар.— Лейтенант может прийти в себя и захочет есть.

— Мне не хочется есть,— Берк с отвращением посмотрел на пищу.

— Отлично. Тогда на четверых.— Текс кивнул и выполнил распоряжение.

Курсанты принялись за еду; наконец Мэтт откинулся назад, рыгнул и задумчиво произнес: «Сейчас неплохо бы выпить апельсинового сока и кофе, но в общем пища не так уж плоха».

— Я не рассказывал вам о том, как дядя Боди попал в мексиканскую тюрьму в Хуареце? Разумеется, по ошибке.

— Разумеется,— согласился Оскар.— И что было дальше?

— В тюрьме их кормили кашей из мексиканских прыгающих бобов. Дядя...

— И у него испортилось пищеварение?

— Ничуть. Он ел тарелку за тарелкой, спустя неделю перепрыгнул через четырехметровую стену и отправился домой, в Техас.

— Поскольку мне довелось встречаться с твоим дядей Боди, я вполне этому верю. Как бы он поступил при таких обстоятельствах, в которых оказались мы?

— У меня нет никаких сомнений в том, что он стал бы любовником их старушки и через три дня отдавал бы приказы направо и налево.

— Знаете, я тоже проголодался,— объявил Берк.

— Оставь эту порцию, она для лейтенанта,— предупредил его Оскар.— Тебе предложили, но ты отказался.

— Ты не имеешь права распоряжаться мной.

— Неужели? Имею, и по двум причинам.

— Что это за причины?

— Мэтт и Текс.

— Врезать ему как следует, командир?— Текс встал.

— Пока не надо.

— Ну вот! — разочарованно вздохнул Текс.

— Кроме того,— заметил Мэтт,— в списке моя фамилия стоит выше твоей, так что тебе придется подождать очереди.

— Замолчите, ребята,— рявкнул Оскар.— Ни один из вас не врежет ему, если только он не схватит порцию лейтенанта.

У входа послышался шум и занавес приоткрылся.

— Моя мать согласилась увидеть тебя. Пошли.

— Меня одного или со всеми сестрами?

— Всех вместе. Идем.

Они направились к выходу, но когда Берк попытался выйти, две амфибии оттолкнули его и держали до тех пор, пока еще четверо не подняли лейтенанта Турлова и не вынесли его в коридор. После этого группа отправилась по извилистым коридорам.

— Жаль, что у них нет обычая освещать коридоры,— пожаловался Текс, споткнувшись в очередной раз.

— Освещение им не требуется,— заметил Оскар.— Для них здесь достаточно светло.

Их ввели в большую комнату. Это не был зал при входе, куда людей привели в первый раз — здесь не было бассейна. Амфибия, которая беседовала с ними при первой встрече и потом распорядилась увести их, сидела на возвышении в дальнем углу комнаты. Один Оскар сумел узнать ее; для его спутников она ничем не отличалась от других амфибий.

Оскар ускорил шаги и поровнялся с сопровождающими.

— Приветствую тебя, старая и мудрая мать многих.

Амфибия выпрямилась и пристально взглянула на него. В комнате царила тишина. У каждой ее стены выстроились представители Маленького Народа, переводя взгляд с Землян на свою предводительницу, затем снова на Землян. Мэтт почувствовал, что ее ответ окажется решающим для их судьбы.

— Приветствую.— Амфибия отказалась взять на себя инициативу в переговорах, поскольку никак не назвал Оскара.— Ты хотел говорить со мной. Можешь говорить.

— Что это за город, в который я попал? Может быть, я приехал в такую даль лишь затем, чтобы оказа-

ться в городе, где не соблюдают обычаи?— Венерианское слово «обычаи» имело гораздо более широкое значение, чем обычно, и охватывало все обязательные правила поведения, при которых старшие и более сильные охраняют младших и слабых.

Туземцы, услышав слова Оскара, зашевелились. Мэтт подумал: а не слишком ли увлекся Оскар. Выражение на лице амфибии изменилось, но Мэтт не смог понять, что оно значит.

— Мой город и мои сестры всегда соблюдали обычаи...— В устах повелительницы земноводных это слово охватывало еще более широкий круг правил и традиций, включая все табу и другие действия, обязательные к исполнению, равно как и закон помощи... И я никогда не слышала раньше, чтобы нас обвиняли в невыполнении обычаев.

— Я слышу тебя, о благородная мать многих, но твои слова приводят меня в замешательство. Мы прибыли сюда, мои сестры и я, в поисках помощи как для нас, так и для нашей матери, которая серьезно больна. Я тоже ранена и не могу защитить своих младших сестер. И как нас приняли в твоем доме? Ты лишила нас свободы; наша мать лежит безо всякого ухода и ее здоровье ухудшается. Более того, нам даже не предоставили отдельных комнат для приема пищи!

Из толпы присутствующих донесся вздох, который Мэтт правильно истолковал как возмущенный возглас. Теперь он не сомневался, что Оскар пересек границу разумного риска.

Однако он продолжал говорить, и подозрения Мэтта нашли новое подтверждение.

— Разве мы рыбы, чтобы с нами так обращались? Или таковы обычаи твоих дочерей?

— Мы следуем обычаям и никогда их не нарушаем,— ответила амфибия; гнев в ее голосе был настолько очевиден, что это заметили даже Мэтт с Тексом.— Мне казалось, что у твоего рода исчезло всякое приличие. Это будет исправлено.— Она что-то сказала одной из своих сопровождающих; маленькая фигурка тут же исчезла.— Что касается твоей свободы, то я поступила по закону, потому что должна защищать своих дочерей.

— Защищать своих дочерей? От кого? От моей больной матери? Или от меня со сломанной рукой.

— Твоя сестра, не знающая обычаев, лишила тебя свободы.

— Я слышу твои слова, о мудрая мать, но их смысл ускользает от меня.

Амфибия недоуменно посмотрела на Оскара. Она спросила насчет Берка, называя его земным именем «капитан-Берк» как одно слово. Оскар заверил ее, что Берк не является «дочерью» «матери» Оскара или даже «матери матери» Оскара.

Амфибия-мать многих задумалась.

— Если мы вернем тебя в верхние воды, ты обещаешь покинуть нас?

— Но что будет с моей матерью?— спросил Оскар.— Неужели ты просто выкинешь ее наверх больной и слабой, чтобы она умерла и была уничтожена существами, которые придут из слизи?— На этот раз Оскар постарался избежать венерианского выражения, хоть как-нибудь связанного по смыслу с «быть съеденным».

«Мать многих» распорядилась, чтобы лейтенанта перенесли на возвышение, где сидела она, и положили рядом. Несколько представительниц Маленького Народа собрались вокруг и осмотрели его, обмениваясь мнениями пронзительными шепелявыми голосами. Наконец сама амфибия-мать многих присоединилась к осмотру и повернулась затем к Оскару.

— Твоя мать спит.

— Это — нездоровый сон. Ее сильно ударили по голове.

Оскар подошел к группе, окружающей лейтенанта, и показал на опухоль, образовавшуюся на голове Турлова. Амфибии сравнили очертания головы лейтенанта с головой Оскара, проводя с любопытством по ней мягкими лапками. Снова обмен мнениями; Мэтт с трудом понимал, о чем они говорят: многие слова были ему незнакомы.

— Мои ученые сестры считают, что было бы слишком рискованно разобрать голову твоей матери на составные части, потому что боятся, что не сумеет снова поставить все на свои места,— заявила наконец «мать многих».

— И слава Богу! — облегченно вздохнул Текс.

— Ос все равно не допустил бы этого,— шепнул в ответ Мэтт.

Предводительница распорядилась о чем-то, четверо амфибий подняли бесчувственное тело лейтенанта и понесли его из комнаты.

— Послушай, Ос,— ты считаешь, с ним ничего не случиться? — обеспокоенно спросил Текс.

— Нет, не расстраивайся,— ответил Оскар и тут же объяснил амфибии-матери многих: «Моя сестра беспокоится о безопасности нашей матери».

Старая амфибия сделала жест, внезапно напомнивший Мэтту о его двоюродной бабушке Доре,— она презрительно фыркнула.

— Передай ей, что она может не опасаться.

— Старая дама посоветовала тебе не вздрагивать по-пустому, Текс.

— Я так и понял. Ну что ж, ты командир,— ответил Текс.

Когда четыре амфибии исчезли в коридоре с телом лейтенанта Турлова, их повелительница повернулась к людям.

— А сейчас отдыхайте, и пусть ваши сны будут о дочерях.

— Пусть же и твои сны будут не менее прекрасны, о благородная мать.

— Мы еще поговорим.— Произнеся это, амфибия-мать многих величественно встала на все четыре лапы и вышла из комнаты. После ее ухода эскорт земноводных повел курсантов по другому коридору. Наконец они остановились перед входом в другую комнату. Старшая амфибия пожелала им всего доброго, точно повторив формулу, произнесенную старейшиной. Курсанты вошли в помещение, занавес задвинулся, но остался чуть-чуть приоткрытым. Мэтт сразу обратил на это внимание. Он повернулся к Оскару.

— Я восхищен тем, как убедительно ты говорил с Маленьким Народом, Оскар. Если тебе когда-нибудь надоест Патрульная Служба, тебя ждет великолепная карьера — будешь продавать снег эскимосам. С твоими способностями это не составит для тебя никакого труда.

— Мэтт совершенно прав,— согласился Текс.— Ты

был просто великолепен, Оскар. Мой дядя Боди не смог бы втереться в доверие к старушке лучше тебя.

— Спасибо, Текс, это действительно лестное сравнение. Честно говоря, я испытываю чувство огромного облегчения. Если бы Маленький Народ не был таким честным и доверчивым, у меня ничего бы не вышло.

Мэтт лишь сейчас обратил внимание на то, что из комнаты, в которой они находились, несколько входов вело в крошечные комнатушки, закрытые занавесками.

— Что это, Оскар? — недоуменно спросил он.

— Это наши комнаты для приема пищи.

— Знаешь, Ос, я только что вспомнил. Когда ты заговорил о еде, я решил, что все кончено. Но тебе удалось провести все это удивительно успешно.

— Дело совсем не в удаче, я заговорил о том, что нам не разрешают есть в уединении, совершенно намеренно.

— Почему?

— Видишь ли, мне нужно было как-то потрясти их, показать, что амфибии ведут себя по отношению к нам неприлично. Это продемонстрировало им, что мы тоже «люди» — с их точки зрения. Теперь, когда Маленький Народ признал в нас «людей», надо вести себя крайне осторожно. Мне тоже не слишком нравится есть в этих темных комнатушках, однако нельзя рисковать. Даже задвигать за собой занавеску — и то совершенно необходимо: на случай, если кто-то из них заглянет в этот момент к нам. Не забывайте, что процесс еды у Маленького Народа требует абсолютного уединения. Никто не должен присутствовать при нем или наблюдать.

— Понятно, — кивнул Текс. — Пирог нужно есть вилкой.

— Что?

— Ладно, не обращай на меня внимания. Это болезненное воспоминание моей юности. Можешь не сомневаться, мы с Мэттом не забудем твое предупреждение.

XVI

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «АСТАРТА»

На следующее утро Оскара опять пригласила к себе повелительница Маленького Народа, и он принялся осторожно и не спеша закладывать основание для установления дипломатических отношений. Оскар начал с того, что выслушал ее версию происшедшего с кораблем «Гэри» и его капитаном. Она почти не отличалась от того, что рассказал Берк, хотя и была изложена с другой точки зрения.

Затем он постарался выяснить причину, по которой болото было запретной зоной. Его беспокоило, что основанием для запрета могли быть религиозные соображения, и все-таки Оскар понимал, что узнать о причинах необходимо: можно было не сомневаться, что скоро здесь высадятся другие экспедиции, привлеченные слухами о гигантских залежах трансурановых элементов. Для того чтобы предотвратить вероятность будущих столкновений, Патрульная Служба должна расследовать все до конца.

Амфибия-старейшина без колебаний ответила: болото объявлено «табу», потому что глина, содержащая руды, ядовитая.

Оскар почувствовал неслыханное облегчение. Вполне естественно, что руды, содержащие трансурановые элементы, считаются ядовитыми; но условные или практические запреты уже не раз преодолевались Патрульной Службой после длительных переговоров — требовалось всего лишь терпение.

Во время одной из последующих встреч Оскар расспросил старую амфибию о том, слышала ли она о существовании Патрульной Службы. Она ответила, что слышала, и прибегнула при этом к тому термину, который использовался туземцами приполярных районов: Патрульную Службу называли «хранителями обычаев» или «стражами законов».

С большим интересом Оскар выслушал это определение, поскольку ему не удалось объяснить повелительнице земноводных, что задачей Патрульной Службы

было не допустить войну; понятие «война» оказалось совершенно непостижимым для старой амфибии.

Лишь после этого, обсудив спорные проблемы, Оскар заговорил том, что им нужно вернуться обратно. Он упомянул о существовании космического корабля «Гэри».

— Ну и что ответила тебе старушка? — с любопытством спросил Текс, когда Оскар вернулся после одной из бесед. — Она не заговорила о том, что у Берка могут возникнуть другие соображения?

— Дело в том, что она не рассматривает его как одного из... ну, одного из людей, хотя внешне он походит на нас. Берк не соблюдает обычаев, следовательно, не принадлежит к понятию «люди». Маленький Народ рассматривает его как опасное животное, хищного зверя, которого нужно или держать в заключении или уничтожить. Вроде акулы или волка — их можно бояться, но нельзя ненавидеть. Итак, завтра мы отправимся к «Гэри».

Им пришлось вынести очередное подводное путешествие вроде того, когда они прибыли в подземный город. На этот раз сама «мать многих» отправилась с ними.

«Гэри» полностью соответствовал описанию, которое дал ему Берк, — прекрасно оснащенный космический корабль с атомным двигателем.

Но «Гэри» оказался абсолютно непригоден для возвращения на Землю.

Сам корпус был в полной сохранности, если не считать наружного люка, который подвергся воздействию исключительно высокой температуры или невероятно едкой жидкости, а может быть, и тому, и другому. Мэтт так и не смог понять, какова природа такого поразительно мощного воздействия на специальную сталь наружной обшивки, и еще раз напомнил себе, что амфибии, населяющие Венеру, совсем не тюленеобразные существа, как их часто изображают на Земле.

На первый взгляд, и внутренние помещения корабля выглядели нормально, пока курсанты не вошли в рубку управления. Амфибии, которые обыскивали корабль, не сразу поняли назначение люков и дверей и поэтому просто прожигали их своим загадочным составом. Эта участь постигла и тот корабельный отсек,

где находился компьютер и гироскопы «Гэри». Нервный центр корабля представлял собой массу расплавленного и искареженного металла. Отремонтировать все это было невозможно — требовалась полная замена, осуществить которую можно только на космических верфях Земли.

Оскар тут же, не теряя времени, сообщил обо всем старой амфибии и попросил ее доставить их к месту посадки шаттла. Там, разумеется, не осталось и следа от небольшого корабля, поглощенного болотом,— только выжженное пятно и еще не полностью затянувшаяся впадина.

Повелительница земноводных обсудила проблему со своими помощницами и тут же дала команду о возвращении в подземный город: приближалась ночь, и даже амфибии не решались оставаться в джунглях Венеры после наступления темноты.

Прошло несколько дней. Наконец «мать многих» пригласила курсантов посетить место посадки шаттла. Изменения, которые произошли за это время, поразили их. В болоте была вырыта колосальная котловина, и на ее дне лежал шаттл. Вокруг шаттла суетились бесчисленные амфибии, напоминающие муравьев. Какое-то неведомое вещество надежно закрепило откосы, и мокрая глина больше не сползала вниз. Шаттл был очищен не только снаружи; из открытого люка то и дело появлялись фигурки амфибий, выносивших изнутри окаменевшую глину.

Наконец их пригласили внутрь корабля. Было трудно поверить, что совсем недавно рубка управления была заполнена желтой глиной. Мэтт сел в кресло пилота и внимательно осмотрел контрольную панель. Все в порядке. Он привычно шелкнул рубильником, приводившим в действие приборы на панели. Ни одна стрелка не пошевельнулась, ни одна.

Мэтт наклонился к приборной доске. Теперь он заметил небольшие царапины и трещины, ткнул в одну из них пальцем, и в панели появилось небольшое отверстие. Мэтт все понял.

— Эй, Тэкс, подойди сюда. Я тут кое-что обнаружил.

— Лучше ты сам подойди. Тут и без слов все понятно,— донесся приглушенный голос Текса.

Мэтт встал и подошел к нему. Текс снял крышку с отсека, где были установлены гироскопы.

— После того, что мы обнаружили на «Гэри», я решил сначала заглянуть сюда. Ты видел что-нибудь подобное?

В герметический отсек просочилась глина. Массивные гироскопы, хотя и отключенные, продолжали стремительно вращаться в тот момент, когда шаттл опрокинулся набок и погрузился в болото. Когда вязкая желтая глина заполнила отсек, гироскопы остановились — их обмотка полностью перегорела.

Они выбрались из корабля и позвали Оскара. После короткого осмотра стало ясно, что гироскопы вышли из строя, а все электронные приборы источены какой-то неизвестной силой. Недоумевая, Оскар обратился за помощью к ближайшей амфибии, указав на одно из крошечных отверстий в панели. Она осмотрела отверстие, затем подняла с пола кусок глины и размазала его по стене. В тонком слое размазанной глины виднелся какой-то шнурок длиной в пару дюймов.

— Что это, Ос?

— Похоже на червя; я никогда не видел такого. Впрочем, не удивительно — в приполярных районах нет ничего похожего.

— Раз здесь водятся черви, съедающие металл, нужно сообщить нашей старушке, чтобы работы прекратились. Напрасный труд.

— Нет, зачем торопиться? Может быть, все-таки удастся отремонтировать шаттл.

— Напрасно тешишь себя надеждами, Оскар. Не только гироскопы вышли из строя — полетели все подшипники.

— Пожалуй, ты прав. А если попытаться из уцелевшего электронного оборудования собрать передатчик? Впрочем, что я говорю, какой передатчик после того, как все приборы были погружены в воду.

— Может быть, соберем хотя бы консервы?

Дальнейший осмотр показал, однако, что все банки были продырявлены таинственными червями; более того, баки с топливом — жидким водородом и жидким кислородом,— изолированные от космической радиации, опустели, когда вездесущая глина просочилась и нагрела их. В шаттле не осталось топлива.

Возвращение в подземный город было грустным. Оскар отказался от ужина, даже Текс лишь поковырял свою порцию и не дотронулся до гармоники. Мэтт провел вечер, сидя у постели, где лежал все еще бесчувственный лейтенант.

Амфибия-старейшина послала за ними на следующее утро. После обмена приветствиями она обратилась к Оскару:

— Маленькая мать, это правда, что твой «Гэри» тоже мертв, как и другой «Гэри»?

— Да, это правда, о благородная мать многих.

— И теперь без «Гэри» ты не можешь вернуться к своему народу?

— Да, это так, мудрая мать, мы погибнем в джунглях.

Старая амфибия замолчала и сделала знак одной из своих приближенных. Та подошла к ней со свертком, размер которого был всего лишь вполовину меньше ее роста. Мать многих положила пакет на возвышения рядом с собой и пригласила курсантов подойти ближе, затем начала развертывать его. Сверток был окутан таким количеством тряпок, что ему могла позавидовать и египетская мумия. Наконец, закончив работу, старая амфибия протянула что-то Оскару.

— Это твое?

Курсанты увидели какую-то большую книгу. На обложке крупными золотыми буквами было вытеснено:

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ «АСТАРТЫ»

— Великий всемогущий господь! — прошептал Текс, оцепеневший от изумления. — Этого не может быть!

— Значит... значит они не потерпели неудачу, они все-таки достигли цели! — воскликнул Мэтт.

Оскар молча смотрел на бортовой журнал.

— Это твое? — нетерпеливо повторила старая амфибия.

— Что? Да, конечно! О, извините, Мудрая и благородная мать многих, эта вещь принадлежала матери моей матери. Мы — ее дочери.

— Тогда я передаю это тебе.

Дрожащими руками Оскар взял бортовой журнал и раскрыл его на первой ветхой странице.

— Ты только посмотри на это! — выдохнул Текс.— Конец прошлого века!

Они начали перелистывать страницы. После первой записи «Взлет. Вышли на орбиту» шли страница за страницей стандартных отметок: «Состояние невесомости», «Полет в соответствии с планом», «Выключены маршевые двигатели» они наткнулись на запись «Рождество. Пели гимны».

Но курсанты спешили найти записи, сделанные в бортовом журнале после посадки. Видя, что старая амфибия начинает подавать признаки нетерпения, они поспешно перелистывали страницы: «...климат мало отличается от тропического на Земле во время сезона дождей. Основная форма жизни — крупные земноводные. Планета словно создана для поселения на ней жителей Терры».

«...земноводные обладают значительными умственными способностями и умеют разговаривать друг с другом. Мирно настроены, и мы готовимся сделать попытку установить отношения, научиться их языку».

«...Харгрейвс заболел. Инфекционное заболевание, вызванное, по-видимому, местным грибком. Симптомы проказы. Врач пытается найти лекарство».

«...после похорон капитана Харгрейвса его каюта подвергнута стерилизации при температуре в 400°».

Вскоре после этой записи почерк изменился.

«...состояние Джонсона продолжает ухудшаться. Туземцы оказывают всяческое содействие...»

«...левая рука слабеет. Я принял решение покинуть корабль и поселиться с туземцами. Бортовой журнал беру с собой и буду заносить новые сведения, по мере возможности».

Почерк, однако, оставался четким и разборчивым; просто глаза курсантов, наполнившиеся слезами, мешали им различать буквы.

Повелительница Маленького Народа тут же распорядилась, чтобы их провели по подводному туннелю из города. Ей не хотелось выслушивать расспросы людей; судя по всему, она решила, что им лучше самим побывать на месте.

— Послушай, Ос,— спросил Текс, как только они

вышли из воды,— ты считаешь, что старушка хочет отвести нас к «Астарте»?

— Наверное.

— А может быть, что корабль сохранился?

— Нет. Ни малейшей надежды. Во-первых, в топливных баках не осталось топлива. Ты же видел, что случилось с шаттлом. Так какая же судьба постигла «Астарту» за целое столетие?

— Пожалуй, ты прав,— кивнул Мэтт.— Скорее всего вместо корабля мы увидим гору ржавчины, поросшую лианами.

— И все-таки для нас это великое событие,— отметил Оскар,— «Астарта» не сможет доставить нас обратно к людям, но представьте историческое значение этого!

— Думай, как тебе хочется,— покачал головой Текс.— А вот я — оптимист. Мне хочется выбраться отсюда как можно быстрее.

Экспедиция поднялась на один из редких здесь холмиков, высотой не меньше десяти футов. Курсанты раздвинули заросли тростника.

Перед ними возвышался огромный корпус космического корабля «Астарата», весь сверкающий, будто покрытый слоем прозрачного лака.

XVII

БЛИНЫ НА ЗАВТРАК

Старая амфибия подошла к наружному люку «Астарты» у ее правого крыла. Двое земноводных что-то делали у люка, брызгая на его края жидкостью из эластичных пузырей. Там, куда попадала таинственная жидкость, лак исчезал. Амфибии схватили край прозрачного слоя и начали отдирать ее — как шкурку от сосиски.

— Оскар, а ты представляешь, что это может значить?— взволнованно спросил Текс, смахивая какого-то назойливого комара.

— Еще раньше тебя понял. Только не надо строить никаких планов, ведь прошло больше ста лет.

Маленькие работники столкнулись с трудностями.

Верхний край люка был вне пределов их досягаемости; они попытались взобраться на плечи друг друга, но, поскольку у них не было плечей, попытка не удалась.

— Может быть, поможем? — предложил Текс.

— Пойду спрошу,— и Оскар направился к предводительнице.

— А ты можешь вырастить себе новую руку, если старая отвалится? — поинтересовалась старая амфибия.

Оскар покачал головой.

— Тогда не вмешивайся в дело, которое не понимаешь.

Наконец маленьким работникам удалось снять с люка весь слой лака. Люк не был заперт и хотя с трудом, но открылся. Курсанты поспешно влезли в воздушный шлюз.

— Подождите,— прошептал Мэтт.— Откуда мы знаем, что вирус, погубивший экипаж, больше не опасен?

— Глупости,— прошептал в ответ Текс.— Если бы наши прививки не действовали, нам уже давно была бы крышка.

— Текс прав. И не надо шептать. Призраки нас не слышат.

— А ты откуда знаешь это, Оскар? — возразил Текс.— Ты что, доктор призракологии?

— Просто не верю в призраков.

— А вот я верю. Однажды мой дядя Боди остался на ночь...

— Слушай, Текс, дай передохнуть своему дяде, а? Пошли лучше внутрь корабля.

Коридор за воздушным шлюзом был темным, если не считать света, проникающего сюда через открытый люк. Воздух внутри корабля имел какой-то странный запах, не затхлый, нет, а безжизненный — старый.

Контрольная рубка была освещена сумрачным светом, который проникал сюда через кварцевое стекло иллюминатора, покрытого снаружи слоем прозрачного лака. Отсек показался курсантам тесным. Они привыкли к просторным отсекам современных космических кораблей; «Астарта» производила внушительное впечатление благодаря своим огромным крыльям, а внутри она оказалась меньше шаттла.

— Подумать только! — с изумлением оглянулся вокруг Текс.— И в этом крошечном корабле они долетели до Венеры! А пульт управления! Насколько все было примитивно! И все-таки космонавты пошли на риск. Тут поневоле задумаешься о Колумбе и его «Санта-Марии».

— Или о ладьях викингов,— заметил Оскар.

— Ведь они даже не знали, куда летят: никто раньше не высаживался на Венере. Просто взлетели с Земли и направились в темную пустоту космоса, полагаясь на счастье и не надеясь вернуться обратно.

— Стойте, ребята! — вдруг вспомнил Оскар.— А где наша старушка? Пойду проверю.

Через несколько мгновений он вернулся в сопровождении старой амфибии.

— Она стояла у входа и ждала, когда ее, наконец, пригласят войти,— произнес Оскар на языке «бейсик».— Помогите мне умаслить ее величество.

Старая амфибия сразу продемонстрировала свою власть. Поскольку коридоры оказались слишком темными даже для нее, она подошла к наружному люку и что-то скомандовала. Ей принесли оранжевую сферу, которая не могла заменить электрический фонарик, но все-таки освещала темные помещения наподобие свечи.

Все отсеки корабля были в полном порядке, лишь покрыты тонким слоем пыли.

— Что бы ты ни говорил, Оскар,— заметил Мэтт,— но у меня пробуждаются надежды. Думаю, все механизмы «Астарты» в исправности. Оглянитесь вокруг: создается впечатление, что экипаж только что вышел отсюда на прогулку!

— Брось, Мэтт, я согласен с Оскаром. Лететь на таком корыте? Уж лучше рискнуть жизнью, спустившись в Ниагарский водопад в бочке.

— Но ведь они прилетели сюда,— возразил Мэтт.

— Верно. Но это были герои, и я снимаю перед ними шляпу. Чтобы лететь в таком примитивном гробу, нужно действительно быть героями, а я не принадлежу к ним.

Старая амфибия заскучала и вышла наружу. Текс взял у нее оранжевую сферу и отправился осматривать корабль, а Мэтт с Оскаром пошли в двигательный отсек.

Наконец послышался возглас Оскара: «Текс, пора идти. Ее величество проявляет нетерпение».

— Да вы посмотрите, ребята, что я нашел! Пищу!

— Ну, что ты отыскал? Консервированную говядину?

— Да, откуда ты знаешь? — пристыженно ответил Текс. — Но я открыл банку и тут же выбросил все остальные. А вот это испортиться не может. — И Текс показал консервную банку с надписью: «Блинная мука».

— Отлично! Хочу попробовать поскорее! Но что за блины без сиропа?

— Ага! А это что? — Текс тожествующе протянул Оскару банку, на которой красовалась надпись: «ПОДЛИННЫЙ КЛЕНОВЫЙ СИРОП ИЗ ВЕРМОНТА».

Текс хотел унести запас консервов с собой, но Оскар не разрешил как из практических, так и из дипломатических соображений. Тогда Текс предложил остаться на корабле и не возвращаться в подводный город.

— Мы так и поступим, Текс, — согласился Оскар. — Но не сейчас. Ты забываешь о лейтенанте Турлове.

— Знаешь, Ос, ты упомянул лейтенанта, — вмешался Мэтт. — И мне пришла в голову мысль. Он не притрагивается к местной пище. Что, если мы будем давать ему сахарный сироп с водой?

— Ты прав, Мэтт. Вреда лейтенанту от сиропа не будет, а пользу может принести. Возьмем с собой несколько банок.

После того как экспедиция вернулась в подводный город, Мэтт напоил Турлова сиропом. Тот выпил и снова заснул. Курсанты принялись обсуждать, как поступить с «Астартой».

— Мэтт, ты проверил топливные баки? — спросил Оскар.

— Да.

— И что обнаружил?

— Баки пусты.

— И все-таки я думаю, ребята, что на «Астарте» можно улететь. Да и в любом случае нужно попытаться привести ее в порядок. Тогда прилетевший патрульный корабль — вы ведь не сомневаетесь, что рано или поздно за нами прилетят? — обнаружит, что мы не сидим без дела, а занимаемся работой, как и подобает офицерам Патрульной Службы.

— Пожалуй, ты прав, Оскар. Придется и мне встать в ряды героев, хотя и с большой неохотой. А сейчас лучше отдохнуть. Боюсь, что нам придется попотеть.

Попотеть им действительно пришлось. Туземцы помогали людям, как могли, и все-таки главную работу по ремонту и переоборудованию корабля взяли на себя курсанты. С согласия старой амфибии Оскар перенес их место жительства на «Астарту», хотя лейтенант Турлов остался в подземном городе под наблюдением «дочерей».

Текс приспособился жарить блины на чем-то вроде печки, топливом для которой служил рыбий жир. Его блины были намного хуже земных, потому что за сотню лет блинная мука утратила свои качества и вкус и почти не поднималась, но все-таки это были блины. Курсанты поливали их кленовым сиропом и уплетали за обе щеки.

Им удалось спасти кое-какое электронное оборудование как с «Гэри», так и с шаттла и перенести его на «Астарту». Наступило утро, когда ремонт корабля был закончен. Текс жарил блины и угощал ими товарищей.

— Мне кажется,— заметил он,— что мы готовы к полету в Нью-Окленд; вот только нет топлива. Слушай, Ос, не увлекайся сиропом — это последняя банка.

Оскар остановился и посмотрел на друзей извиняющимся взглядом.

— Простите, ребята. Текс, давай я вылью тебе мою порцию.

— Не надо, Ос. К тому же я выпалил это чисто механически. По правде говоря, блины с сиропом мне до смерти надоели. Ведь мы едим их ежедневно вот уже две недели, причем такая монотонность нарушается всего лишь местным пюре.

— Ты прав, Текс. Просто раньше я не мог сказать об этом — как-то неловко, ведь ты был поваром. А теперь я даже доволен, что сироп кончается.

— Но ведь он не... — и Мэтт замолчал.

— Ты что-то хотел сказать?

— Нет.

— Тогда не мешай заниматься делом. Какое топливо понадобится тебе для «Астарты», Оскар?

— Лучше всего одноатомный водород. Если его нет, то спирт и жидкий кислород.

— Великолепно! Вы с Мэттом занимайтесь поисками жидкого кислорода, а я сооружу самодельный перегонный аппарат и начну гнать спирт!

— Как ты думаешь, Текс, сколько времени понадобится тебе, чтобы приготовить несколько тонн чистого этилового спирта на своем кухонном агрегате?

— А-а, в этом-то вся прелесть моей задумки! Когда прибудет спасательный корабль, все увидят, что я работаю не покладая рук, как настоящий самогонщик. Между прочим, я рассказывал о том, как дядя Боди попал к самогонщикам? Он...

— Послушай, Текс,— перебил его Мэтт.— А ты не мог бы перегнать прямо сейчас немного кленового сиропа?

— Сиропа? Зачем? Эти блины с сиропом всем и так надоели!

— Мне тоже. Но вот что я вспомнил только сейчас. Ты сказал, что у нас кончился сироп, а в комнате лейтенанта Турлова его полным-полно!

— Ничего удивительного в этом я не вижу,— заметил Оскар.— Туземцы вполне могут приготовить сироп: из местных растений извлекут сахар, а в приполярных областях растет нечто вроде сахарного тростника.

— Да нет, Ос, это настоящий кленовый сироп!

— Да ты что-то путаешь, Мэтт! Со вкусом у тебя не в порядке.

— Уверяю тебя, настоящий кленовый.

— Ну хорошо, какое-то подобие кленового сиропа они могли изготовить.

— Точно! И я готов побиться о заклад, что туземцам не составит большого труда перегнать чистый этиловый спирт в любом количестве.

— Гм... Не исключено... У них действительно большие способности в этой области. Вспомните вещество, которое они прибавляли к жидкой глине, чтобы связать ее, или растворитель, использованный ими для очистки «Астарты». Бытовая химия, вот что это.

— А вдруг химия, но не бытовая? Промышленная? Надо всего лишь правильно сформулировать вопросы и задать их «матери многих». Тогда мы получим топливо для «Астарты»!

— Боюсь, ты ошибаешься, Мэтт,— с сожалением

покачал головой Оскар.— Никто не уважает Маленький Народ так, как я, но во всех видах топлива для ракетных кораблей одним из компонентов является жидкий газ. Возможно, они даже поймут, что мы хотим от них, но у земноводных не может быть необходимого оборудования для этого.

— Почему ты так уверен в этом, Ос?

— Разве ты не знаешь, Мэтт, что при изготовлении жидких газов, даже жидкого воздуха, требуется огромная энергия, высокое давление и соответствующие прочные сосуды для промежуточных операций? У Маленького Народа нет нужды в большом количестве энергии, и амфибии почти не пользуются металлами.

— А что, если они пошли по совершенно иному пути и не нуждаются в мощностях, прочных контейнерах и тому подобных вещах, которые нам кажутся такими необходимыми? Ты сам говорил, что люди почти незнакомы с туземцами, только с теми, что живут в приполярных районах. Давай хоть спросим старушку!

— Знаешь, Ос, думаю, что Мэтт говорит разумные вещи,— присоединился к нему Текс.

Оскар задумался.

— Понимаете, друзья, я и сам обратил внимание на то, что это племя заметно выше по своему развитию, чем туземцы приполярных областей, но никак не мог определить, в чем именно. Спросить ее величество действительно стоит.— Он повернулся к амфибии, сидящей у изголовья лейтенанта Турлова.— Эй, девушка! Ты не соизволишь провести нас в дом твоей благородной матери?

Они скоро убедились, что это действительно настоящий кленовый сироп. Амфибия объяснила, что когда они увидели, что запасы подходят к концу, то просто изготовили новый запас, используя в качестве образца кленовый сироп, который Земляне принесли с собой.

Оскар отправился на встречу со старой амфибией, прихватив с собой в качестве образца бутылку чистого этилового спирта, которую они нашли в аптечке «Астарты». Через пару часов он вернулся. Оскар выглядел совершенно ошеломленным.

— Что с тобой, Ос?— удивился Текс.

— По его лицу видно, что у него плохие новости,— заметил Мэтт.

— Нет, у меня не плохие новости, просто новости, которые совершенно невероятны!

— Да не томи, Ос! Рассказывай!

— Тогда вот, ребята, они могут изготовить что угодно!

— Начни с самого начала; не верю, что им под силу изготовить гармонику. Это я знаю точно, потому что уже обращался к одной из них с такой просьбой.

— Так вот. Я начал с того, что передал ей бутылку спирта и сообщил, что у нас по-прежнему большие трудности и что нам нужно большое количество вещества, содержащегося в бутылке. Моя просьба показалась ей наивной — старушка просто понюхала спирт и сказала, что изготовить любое количество не составит труда. После этого я осмелел и задал вопрос насчет жидкого кислорода. И начал с объяснения, что воздух состоит из двух компонентов — инертного и активного. Я не знал, как сказать это по-венериански, и перевел эти термины как «живой» и «мертвый». Затем добавил, что «живой» компонент воздуха нам нужен в виде жидкости, как вода. Она прервала меня и послала за одной из своих советниц. Когда та пришла, они начали разговаривать и говорили несколько минут. Я понимал только каждое второе или третье слово и даже не уловил смысла беседы. Эта часть их языка является для меня совершенно незнакомой. После этого советница ушла.

— Мы сидели и ждали. Старушка спросила, когда мы собираемся улететь. Я ответил, что скоро, если получим все, что нам требуется. И тут она попросила захватить с собой Берка. Нужно сказать, что ее величество говорила просящим тоном, но очень твердым. Я согласился.

— Прошло много времени, и в комнату вошла ее советница, та самая, с которой она говорила о жидком кислороде. В руке она держала обыкновенный питьевой пузырь, лишь более темный, чем тот, что содежит питьевую воду. Ее величество вручила мне пузырь и поинтересовалась, хочу ли я именно это вещество. Я ответил, что очень ей благодарен, но у нас достаточно воды. Тогда она капнула содержимым пузыря мне на руку. Видите? Вот обоженные места.

— И это действительно был жидкий кислород?

— Или жидкий воздух. Я не мог определить на глаз, без соответствующего анализа. Но вот что самое главное — пузырь даже не был теплым на ощупь! Помощница старушки несла его небрежно, будто это был простой термос или грелка.

Оскар уставился в пространство невидящим взглядом.

— Я ничего не понимаю,— сказал он еле слышно.— Единственное объяснение — химия катализа, в которой они достигли такого совершенства, что нам и не снилось, и к тому же безо всякого давления и температур.

— Если не понимаешь, то и не мучай себя,— посоветовал Текс.— Все равно не найдешь ответа. Лучше всего принять за аксиому, что они забыли о химии гораздо больше, чем мы когда-либо узнаем, вот и все. А нам Маленький Народ даст топливо, чтобы мы улетели и оставили их в покое.

В течение двух суток «дочери» старой амфибии непрерывно двигались от берега озера до «Астарты», опорожняли полные пузыри в топливные баки и возвращались обратно с пустыми. Лейтенанта уже перенесли на борт корабля. Затем к трапу доставили Берка и передали Оскару. Берк взглянул на корабль — он впервые увидел «Астарту» — и тут же повернулся к Йенсену.

— Я не собираюсь отправляться в этом летающем гробу,— заявил он.

— Как тебе угодно.

— Ты что, хочешь принудить меня силой?

— Нет. Оставайся в джунглях или попытайся убедить «мать многих», чтобы она взяла тебя с собой.

Берк задумался.

— Пожалуй, я останусь с жабами. Все равно после прибытия тебе придется сообщить, что со мной случилось, и сюда прилетит настоящий корабль.

— Я передам по команде, что с тобой все в порядке; разумеется, расскажу и обо всем остальном.

— Только не думай, что напугал меня.— Берк повернулся и ушел.

Не прошло и нескольких минут, как он прибыл обратно.

— Я передумал и отправляюсь с вами.

— Значит, Маленький Народ отказался принять тебя.

— Ну... да.

— Тогда вот что,— объявил курсант Йенсен.— Поскольку местные власти не считают возможным применять к тебе свои законы, объявляю тебя арестованным на основании кодекса «Отношения с аборигенами», причем конкретные обвинения будут предъявлены в момент передачи суду и не ограничатся лишь вышеупомянутым кодексом. Предупреждаю тебя, что отныне все, сказанное тобой, может быть использовано в качестве доказательства обвинения.

— Ты не имеешь права!

— Мэтт! Текс! Пристегните его!

— С удовольствием! — Схватив Берка за руки, друзья усадили его на кушетку в камбузе, где, по их мнению, он не будет слишком уж им мешать, и пристегнули ремнями.

— Ты считаешь, Ос,— поинтересовался Мэтт, вернувшись в рубку управления,— что нам удастся убедить судью принять эти обвинения?

— Вряд ли, если только судья не согласится с тем, что заявления Берка, переданные из вторых уст, достаточно убедительны и могут рассматриваться в качестве доказательства. Разумеется, он виноват в совершении серьезных преступлений, но я полагаю, однако, можно рассчитывать лишь на то, что его лишат сертификата пилота и отнимут паспорт. Уж Патрульная-то Служба поверит нам, и этого достаточно.

Меньше чем через час амфибии покинули корабль, Оскар в цветистой прощальной речи поблагодарил «мать многих» и был вынужден дать согласие на ее приглашение снова приехать — на этот раз в качестве желанного гостя. Наконец наружный люк был задраен, и Текс спросил Оскара, не скрывая беспокойства:

— Ты уверен, что они поняли, на каком расстоянии от корабля нужно находиться, чтобы их не задела волна раскаленных газов при взлете?

— Я очертил на траве линию и предупредил, что пересекать ее опасно. Перестань беспокоиться и отправляйся на свое место.

— Слушаюсь, сэр!

Мэтт и Оскар поднялись в рубку управления, а Текс

прошел в двигательный отсек. Оскар сел в кресло второго пилота, положил на колени бортовой журнал «Астарты», который он нес подмышкой, и достал огрызок карандаша. Тут он задумался и нерешительно посмотрел на Мэтта.

— Мне все-таки кажется, что нужно поставить вместо меня кого-то из вас,— заметил он.

— Перестань, Ос,— ответил Мэтт.— Если коммодор Акрайт может командовать «Рэндольфом», потеряв зрение, ты уж справишься с «Астартой» со сломанной рукой.

— Ну что ж, если вы с Тексом не возражаете.— Он раскрыл журнал на чистой странице и начал писать:

«Новая команда космического корабля «Астарта»:

О. Йенсен — исполняющий обязанности капитана.

М. Додсон — пилот и астрогатор.

У. Джермэн — старший механик.

Р. Турлов, лейтенант — пассажир (болен).

Ж. Берк — пассажир (под арестом, для доставки судебным властям)».

— Ты готов, Мэтт?

— Так точно, готов!

— Включить стартовые двигатели!

«Астарта» медленно оторвалась от поверхности и, набирая скорость, снова, через сто лет после посадки, устремилась в космос на столбе раскаленных газов.

XVIII

В КАБИНЕТЕ КОММОДОРА АРКРАЙТА

Курсанты-выпускники Додсон и Джермэн, доставленные на станцию Терры патрульным крейсером «Пегас», вышли из шаттла и поднялись на борт учебного корабля «Рэндольф». С ними не было курсанта Йенсена; Оскар, по распоряжению Департамента и с согласия начальника Академии, получил шестимесячный отпуск с тем, чтобы мог сопровождать первого консула Земли, отправленного для установления дипломатических отношений в экваториальную зону Венеры.

Отрапортовав вахтенному офицеру, Мэтт и Текс направились в выделенную для них каюту — снова в Свинячьем закоулке.

— Вроде бы никуда и не улетали,— заметил Текс, распаковывая вещи.

— Как-то непривычно, что с нами нет Оскара и Пита.

В этот момент загудел зуммер телефона. Текс снял трубку.

— Курсант Джермэн?

— Да.

— Коммодор поздравляет вас с возвращением и просит немедленно прибыть к нему вместе с курсантом Додсоном.

— Слушаюсь, сэр.

Тэкс положил трубку и недоуменно взглянул на Мэтта.

— Не успели прибыть — и тут же к начальству.

— Да, здесь времени не теряют.

— Мне кажется, я догадываюсь, зачем нас вызывают,— заметил Текс.

— Да, этот срочный вызов выглядит многообещающе. В самом деле, мы действительно неплохо потрудились. Отремонтировали «Астарту», опоздавшую с возвращением на сотню лет. Впрочем, пока я еще не буду обращаться к тебе «лейтенант», хотя и надеюсь, что нам присвоят офицерские звания.

— Постучи по дереву. Как я выгляжу?

— Не скажу, что ты красавец, но несравненно лучше, чем в момент прибытия на Южный Полюс. Пора отправляться.

Первым к начальнику Академии вызвали Текса.

Прошло немало времени, прежде чем Текс появился в приемной, где его нетерпеливо ожидал Мэтт.

— Ну, как дела?

— Сейчас сам узнаешь,— ответил Текс, глядя на него как-то странно.

— Курсант Додсон!

Мэтт открыл дверь в кабинет коммодора Аркрайта.

— Курсант Додсон прибыл по вашему приказанию, сэр!

Коммодор повернулся к нему, и Мэтту показа-

лось, что слепой офицер видит его куда лучше, чем многие зрячие.

— Вольно, мистер Додсон.— Старый офицер протянул руку и взял со стола личное дело Мэтта.— Я познакомился с вашими документами, мистер Додсон. Вы наверстали упущенное в астрогации и даже приобрели определенный практический опыт. Капитан Енси в целом положительно вас оценивает, хотя и считает, что вы склонны увлекаться чем-то одним в ущерб остальному. Впрочем, я полагаю, это свойственно молодости.

— Благодарю вас, сэр.

— Это не комплимент, а всего лишь констатация факта. Как вы сами считаете, мистер Додсон, когда будете готовы к производству в звание офицера?

— Трудно сказать, сэр. Думаю, через три или четыре года.

— Мне представляется, что одного года будет достаточно, если вы проявите настойчивость. Сейчас направляю вас в Хэйуорт Холл. На вечернем шаттле для вас забронировано место.

— Слушаюсь, сэр. Позвольте спросить, как здоровье лейтенанта Турлова?

— Он выздоровел и приступил к исполнению своих обязанностей. Вот что еще, мистер Додсон. Я предоставил вам отпуск, но после отпуска составьте справку относительно трудностей, с которыми вам пришлось столкнуться при ремонте «Астарты» и полете на ней. Ваши замечания будут включены в инструкцию по эксплуатации устаревшего снаряжения. Можете идти.

Мэтт вышел из кабинета коммодора с удивительным чувством восторга и душевного подъема. В каюте его ждал Текс.

— Ну, куда тебя направили?

— В Хэйуорт Холл.

— Меня тоже.— Текс выглядел озадаченным.— Не понимаю, что произошло с нами. Я вошел в кабинет начальника Академии с полной уверенностью, что меня произведут в офицеры. Я ошибся, но чувствую себя, тем не менее, на седьмом небе. Почему?

— Ты думаешь, я знаю? Коммодор не сказал обо мне ни единого хвалебного слова, но я тоже испытываю удивительный подъем.

— А вот мне, Мэтт, кажется, что именно поэтому мы с тобой и считаем себя на седьмом небе. Коммодор просто дал понять, будто ничего другого от нас и не ожидал. Ведь мы — Патру́льная Служба! Между прочим, тебе дали отпуск?

— Да.

— И мне тоже. Почему бы нам не отправиться на ранчо Джермэнов? Познакомлю тебя со своей семьей и с дядей Боди.

— С дядей Боди? Текс, это великолепно! Только одна просьба, Текс...

— Какая?

— Обещай, что на завтрак меня не будут кормить блинами.

— Обещаю!

ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ... *

1

На посту было холодно. Я было захлопал в ладоши, чтобы согреться, но тут же остановился, испугавшись потревожить Пророка. В ту ночь я стоял на часах как раз у его личных апартаментов — эту честь я заслужил, выделяясь аккуратностью на поверках и смотрах. Но сейчас мне совсем не хотелось привлекать его внимания.

Был я тогда молод и не очень умен — свежеиспеченный легат из Вест Пойнта, один из ангелов господа, личной охраны Воплощенного Пророка.

При рождении мать посвятили меня Церкви, а когда мне исполнилось восемнадцать, дядя Абсолом, старший мирской цензор, припал к стопам Совета Старейшин, дабы они рекомендовали меня в военное училище.

Вест Пойнт меня вполне устраивал. Конечно, я, так же как и мои однокурсники, ворчал на военную службу, но, уж если говорить честно, мне нравилась монашеская жизнь — подъем в пять, два часа молитв и размышлений, потом лекции и занятия разнообразными военными дисциплинами: стратегией, тактикой, теологией, психологией толпы, основами чудес. После обеда мы практиковались в стрельбе и укрепляли тело упражнениями.

*© перевод на русский язык Ю. Михайловского, 1991

Я не был в числе лучших кадетов и не надеялся стать ангелом господа, хотя и мечтал об этом. Но у меня всегда были отличные отметки за послушание и неплохие по практическим дисциплинам. И меня выбрали. Я был почти греховно горд. Еще бы, попасть в самый святой из всех полков Пророка, в котором даже рядовые были в ранге офицеров и которым командовал Разящий Меч Пророка, маршал войск. В день, когда я получил блестящий щит и копье, положенные ангелу, я поклялся готовиться к принятию сана, как только достигну звания капитана, которое позволяло на это надеяться.

Но в ту ночь, спустя несколько месяцев с того первого дня, несмотря на то, что щит мой блестел, как прежде, в сердце моем появилось тусклое пятнышко. Жизнь в Новом Иерусалиме оказалась не совсем такой, как я представлял ее в Вест Пойнте. Дворец и Храм были пронизаны интригами и политиканством. Священники, дьяконы, государственные министры, дворцовые функционеры — все были заняты борьбой за власть и благорасположение Пророка. Даже офицеры нашего полка не избежали этого. Наш славный девиз «Non Sibi Sed Dei» * приобрел кисловатый привкус.

Я и сам был не без греха. Хоть я и не вмешивался в драку за мирские блага, я совершил нечто такое, что было греховнее: я посмотрел с вожделением на посвященную особу другого пола.

Прошу вас, поймите меня лучше, чем я сам себя тогда понимал. По возрасту я был мужчина, а по опыту — ребенок. Единственная женщина, которую я хорошо знал, была моя мать. Мальчишкой в семинарии, прежде чем попасть в Вест Пойнт, я почти боялся девочек. Мои интересы ограничивались уроками, матерью и военным отрядом нашего прихода. В военном училище я попросту не видел женщин. Мои человеческие чувства были заморожены, а случайные соблазнительные сны я расценивал как искушения дьявола.

Но Новый Иерусалим — не Вест Пойнт, и агнелам не запрещалось жениться, хотя большинство из моих товарищей не стремились к этому, ибо женитьба вела

* Ничего для себя — все богу (лат.)

к переводу в один из обычных полков, а многие из нас лелеяли надежду стать военными священниками.

Не запрещалось выходить замуж и мирским дьяконессам, которые работали во дворце и в храме. Но чаще всего они были старушками, напоминавшими мне моих тетушек и вряд ли способными вызвать романтические чувства. Не увлекался я и более молодыми сестрами, пока не встретил сестру Юдифь.

Я стоял на том же посту месяц назад, впервые охраняя личные апартаменты Пророка, и, разумеется, волновался, ожидая обхода дежурного офицера.

Во внутреннем коридоре напротив моего поста вспыхнул на мгновение свет, и я услышал звуки шагов. Я взглянул на хроно: конечно, это девственницы, обслуживающие Пророка. Каждую ночь, в десять часов, они сменялись. Я никогда не видел этой церемонии и не надеялся увидеть. Я знал только, что девственницы, заступающие на суточное дежурство, тянули жребий — кому выпадет честь лично прислуживать священной особе Воплощенного Пророка.

Я не стал больше прислушиваться и отвернулся. Минут через пятнадцать фигура в темном плаще проскользнула мимо меня, подошла к парапету, остановилась там и стала смотреть на звезды. Я выхватил пистолет, но тут же смущенно сунул обратно в кобуру, потому что понял, что это всего-навсего дьяконесса.

Сначала я решил: она — мирская дьяконесса, могу поклясться, мне и в голову не пришло, что она может быть священной дьяконессой. В уставе не было пункта, запрещавшего им выходить из покоев, но я никогда не слышал, чтобы они это делали.

Не думаю, что она меня заметила прежде, чем я сказал: «Мир тебе, сестра».

Она вздрогнула, подавила крик, но потом собралась все-таки с духом и ответила: «Мир тебе, малый брат».

И только тогда я увидел на лбу ее звезду Соломона, знак семьи Пророка.

— Простите, старшая сестра, — сказал я. — Я не увидел в темноте.

— Я не оскорблена.

Мне показалось, что она завязывает разговор. Я понимал — нам не следовало говорить наедине: ее

смертное тело было посвящено Пророку, так же как душа — господу, но я был молод и одинок, а она — молода и очень хороша собой.

— Вы прислуживаете Его святейшеству этой ночью, старшая сестра?

Она покачала головой.

— Нет, я не удостоилась чести. Жребий пал не на меня.

— Должно быть, это великая честь — лично служить Пророку...

— Разумеется, хотя я не могу судить об этом по своему опыту. Жребий еще ни разу не осчастливил меня.

Она добавила с горячностью:

— Я немного волнуюсь. Поймите, я здесь совсем недавно.

Несмотря на то, что дьяконесса была выше меня по чину, проявление женской слабости тронуло меня.

— Я уверен, вы проявите себя с честью.

— Спасибо.

Мы продолжали беседовать. Выяснилось, что она пробыла в Новом Иерусалиме даже меньше, чем я. Она выросла на ферме в штате Нью-Йорк и была отобрана для Пророка в семинарии Элбени. В свою очередь, я рассказал ей, что родился на Среднем Западе, в пятидесяти милях от стены Истины, где был посвящен Первый Пророк. Я сказал ей, что меня зовут Джон Лайл, а она ответила, что ее зовут сестра Юдифь.

Я совсем забыл и о дежурном офицере, и о его неожиданных проверках и готов был болтать всю ночь, когда вдруг услышал, как мой хроно прозвенел в четверть первого.

— Боже мой, — воскликнула сестра Юдифь, — мне давно пора быть в келье. — Она бросилась бежать, но остановилась...

— Вы на меня не донесете... Джон Лайл?

— Я? Никогда.

Я думал о ней до конца дежурства.

Я так и не смог выкинуть из головы сестру Юдифь. За месяц, прошедший с тех пор, я видел ее раз пять — шесть. Однажды на эскалаторе. Она ехала вниз, а я вверх. Мы не сказали ни слова, но она узнала меня и улыбнулась. Всю ночь после этого мне снился эскала-

тор, но я никак не мог сойти с него, чтобы поговорить с ней. Другие встречи были также мимолетны. Как-то я услышал ее голос: «Здравствуй, Джон Лайл!» — и, обернувшись, заметил только закутанную в плащ фигуру, проскользнувшую к двери. Однажды видел, как она кормила лебедей в крепостном рву. Я не подошел к ней, но, по-моему, она меня заметила.

В «Храмовом вестнике» публиковалось расписание дежурств всех служб. Включая, разумеется, легатов и девственниц. Я выходил на дежурство каждую пятую ночь, девственницы тянули жребий раз в неделю. Отсюда следует, что наши дежурства совпали снова через месяц с небольшим. Когда я увидел ее имя в списке, я поклялся себе, что заслужу честь охранять личные апартаменты Пророка. У меня не было никаких оснований думать, что Юдифь будет в ту ночь искать меня, но мое сердце подсказывало, что я ее увижу. Пожалуй, никогда прежде я не тратил столько ваксы и мела. В мою пряжку можно было глядеться как в зеркало.

Пробило половину одиннадцатого, но Юдифь не появлялась, хотя я слышал, как ровно в десять девственницы строились в коридоре. Единственное, чего я добился,— сомнительной привилегии стоять на часах в самом холодном месте дворца.

— Не исключено,— мрачно размышлял я,— что она выходит пококетничать с часовым каждый раз, когда дежурит. Я с горечью вспомнил о том, что все женщины — сосуды греха, и так было всегда с момента грехопадения. И кто я такой, в конце концов, чтобы именно меня она избрала своим другом? И вообще ночь слишком холодна, чтобы Юдифь выглянула из теплого дворца.

Я услышал шаги, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Но оказалось, что это дежурный офицер, обходящий караулы. Я поднял пистолет и спросил, кто идет. В ответ послышался его голос:

— А какой сегодня пароль?

— Мир на Земле,— ответил я автоматически. И добавил: «Жуткая холодина, старший брат».

— Осень наступает,— согласился офицер.— Даже в храме холодно.

Он прошел близко от меня. Его пистолет и перевязь с парализующими бомбами позвякивали на ходу о его

кирасу. Обычно он всегда останавливался поболтать, но сейчас он, видно, торопился нырнуть в теплоту дежурки. Я же возвратился к своим грустным мыслям.

— Добрый вечер, Джон Лайл.

Я чуть не выскочил из сапог. Сестра Юдифь стояла в темноте, под аркой. Я с трудом выдавил из себя:

— Добрый вечер, сестра Юдифь.

— Шш-ш! — прижала она палец к губам.— Нас могут услышать. Джон... Джон Лайл — это, наконец, произошло. На меня пал жребий.

Я сказал:

— А! — и потом добавил растерянно: «Поздравляю вас, старшая сестра, да прояснит господь лицо Пророка в то время, когда вы будете ему прислуживать».

— Да, да, спасибо,— ответила она быстро.— Джон... мне хотелось выкроить несколько секунд, чтобы поговорить с вами. Но теперь я не могу, мне нужно получить напутствие и помолиться.

— Вы лучше поспешите,— согласился я. Я был разочарован оттого, что она не может побыть со мной, но счастлив — она отмечена высокой честью, горд, что она не забыла меня даже в такой момент.

— Да пребудет с вами господь,— добавил я.

— Мне так хотелось сказать вам, что меня выбрали,— сказала она. Ее глаза блестели, и я решил, что это — радость. Но ее следующие слова поразили меня.

— Я боюсь, Джон Лайл.

— Боитесь? — Я почему-то вспомнил, как дрожал мой голос, когда я впервые командовал взводом.— Не бойтесь. Вы проявите себя достойно.

— О, я надеюсь. Молитесь за меня, Джон Лайл.

И она исчезла в темноте коридора.

Я не молился за нее, а старался представить, где она, что она делает... Но так как я знал о том, что творится внутри дворца Пророка, не больше, чем корова знает о военном трибунале, то вскоре отказался от этого и стал думать просто о Юдифи.

Позже, через час или даже больше, мои размышления были прерваны пронзительным криком внутри дворца. Тут же послышался топот шагов и возбужденные голоса. Я бросился внутрь коридора и натолкнулся на кучку женщин, столпившихся у портала апартамен-

тов Пророка. Они остановились, выйдя в коридор, и опустили свою ношу на пол.

— В чем дело? — спросил я и вытащи из ножен меч.

Пожилая сестра повернулась ко мне.

— Ничего особенного. Возвращайтесь на пост, легат.

— Я слышал крик.

— Это вас не касается. Одна из сестер лишилась чувств, когда Пророк обратился к ней.

— Кто она?

— Да вы, я смотрю, любопытны, младший брат.— Пожилая сестра пожала плечами.— Если это вас так интересует, скажу — сестра Юдифь.

Я не успел подумать, как у меня вырвалось:

— Пустите меня к ней!

Пожилая сестра загородила мне дорогу.

— Вы сошли с ума? Сестры отнесут ее в келью. С каких это пор ангелы приводят в себя нервных девственниц?

Я мог отбросить ее одним пальцем, но уже понял, что она права. Я отступил и вернулся на пост.

С этого дня я не мог не думать о сестре Юдифи. В свободные часы я обшаривал те части дворца, куда я имел право заходить, в надежде ее увидеть. Она могла быть больна, может быть, ей запрещено покидать келью за то, что она нарушила дисциплину. Но я ее так и не увидел.

Мой сосед по комнате Зебадия Джонс заметил мое настроение и пытался развлечь меня. Зеб на три курса старше меня, и в Вест Пойнте я был его подопечным. Теперь он стал моим ближайшим другом и единственным человеком, которому я полностью доверял.

— Джонни, дружище, ты на покойника стал похож. Что тебя грызет?

— А? Ничего особенного. Может быть, несварение желудка.

— Так ли? Пройдемся? Свежий воздух очень помогает.

Я дал ему вывести себя наружу. Он говорил о пустяках, пока мы не вышли на широкую террасу, окружающую южную башню. Здесь мы были вне пределов досягаемости подслушивающих и подглядывающих устройств. Тогда он сказал:

— Давай выкладывай все.

— Кончай, Зеб. Тебе еще моих забот не хватало.

— Почему бы и нет? На то и друзья.

— Ты не поверишь. Ты будешь потрясен.

— Сомневаюсь. Последний раз это со мной случилось, когда я в покере прикупил четырех королей к джокеру. Тогда ко мне вернулась вера в чудеса, и с тех пор ее довольно трудно поколебать. Давай начинай. Мы назовем это задушевной беседой между старшим и младшим товарищами.

Я дал ему себя уговорить. К моему удивлению, Зеб совсем не был шокирован, узнав о святой дьяконессе. Тогда я рассказал ему все по порядку, сознался в сомнениях и тревогах, касающихся не только сестры Юдифи, но и всего, что мне пришлось услышать и увидеть после приезда в Новый Иерусалим.

Зеб кивнул головой и сказал:

— Зная тебя, я могу представить, как ты на все это реагируешь. Послушай, ты на исповеди не повинился?

— Нет,— ответил я в растерянности.

— Ну и не надо. Держи язык за зубами. Майор Багби человек широких взглядов, его этим не удивишь, но он может счесть необходимым доложить по инстанции. Не думаю, что тебе доставит удовольствие встреча с инквизицией, даже если ты трижды невиновен... Каждому порой приходят в голову греховные мысли. Но инквизитор ищет грех, и, если он его не находит, он продолжает копать, пока не найдет.

При мысли, что меня могут вызвать на допрос, у меня подвело кишки. Я старался не показать страха перед Зебом, а он тем временем продолжал:

— Джонни, дружище, я преклоняюсь перед твоей чистотой и наивностью, но я тебе не завидую. Порой избыток набожности скорее недостаток. Тебя поразило, что для управления нашей страной недостаточно распевать псалмы. Для этого надо также заниматься политикой. Я ведь тоже прошел сквозь все это, когда приехал сюда, но, честно говоря, я и не ожидал увидеть ничего другого, так что пережил первое знакомство с действительностью довольно спокойно.

— Но...— начал я и замолчал. Его слова звучали как ересь.

Я переменил тему разговора.

— Зеб, как ты думаешь, что могло так расстроить Юдифь, раз она лишилась чувств в присутствии самого Пророка?

— А я откуда знаю? — он взглянул на меня и отвернулся.

— Ну... я полагал, что ты можешь знать. Ты обычно знаешь все сплетни во дворце.

— Хорошо... впрочем, нет, забудь об этом, старина. Это совсем не важно.

— Значит, ты все-таки знаешь?

— Я этого не сказал. Может быть, я могу догадаться, но ведь тебе мои догадки ни к чему. Так что забудь об этом.

Я остановился, глядя ему в лицо.

— Зеб, все, что ты знаешь... или можешь догадываться... Я хочу услышать сейчас. Это мне очень важно.

— Спокойней. Не забудь, что мы с тобой гуляем по террасе, разговариваем о коллекционировании бабочек и размышляем, будет ли у нас на ужин говядина.

Все еще волнуясь, я двинулся дальше. Он продолжал, понизив голос:

— Джон, господь бог не наградил тебя быстрой сообразительностью... Ты не изучал внутренних мистерий?

— Нет. Офицер по психической классификации не допустил меня. Сам не знаю, почему.

— Мне надо было бы познакомить тебя с некоторыми положениями этого курса. Хотя я не мог этого сделать — ты еще был тогда первокурсником. Жалко. Понимаешь, они умеют объяснять такие вещи куда более деликатным языком, чем я... Джон, в чем, потвоему, заключаются обязанности девственниц?

— Ну, они ему прислуживают, готовят пищу и так далее...

— Ты абсолютно прав. И так далее... А твоя сестра Юдифь, если судить по твоему описанию,— молоденькая невинная девочка из провинции. Очень религиозная и преданная, так?

Я ответил, что ее преданность религии видна с первого взгляда. Это меня к ней и привлекает.

— Понимаешь, она могла лишиться чувств, услышав довольно циничный и откровенный разговор между Воплощенным Пророком и, скажем, одним из его

министров. Разговор о налогах и податях, о том, как лучше выжимать их из крестьян. Вполне вероятно, хотя вряд ли они стали бы говорить на такие темы перед девственницей, впервые вышедшей на дежурство. Нет, наверное, это было «и так далее».

— Я тебя не совсем понимаю.

Зеб вздохнул.

— Ты и в самом деле божий агнец. Я-то думал, что ты все понимаешь, но не хочешь признаться. Знай, что даже ангелы общаются с девственницами после того, как Пророк получил свое... Уж не говоря о священниках и дьяконах дворца. Я помню, как...

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

— Немедленно приди в себя! Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь нас заметил?

Я постарался это сделать, но не мог справиться с ужасными мыслями, мечущимися в голове. Зеб тихо продолжал:

— Я предполагаю, если это для тебя важно, что твой друг Юдифь имеет полное право продолжать считать себя девственницей как в физическом, так и в моральном смысле этого слова. Она может таковой и остаться при условии, что Пророк на нее достаточно зол. Она, очевидно, так же недогадлива, как и ты, и не поняла символических объяснений, преподнесенных ей. А когда уж ей ничего не оставалось, как понять, она подняла шум...

Я снова остановился, бормоча про себя библейские выражения, которые я и не думал, что помню. Зеб тоже остановился и посмотрел на меня с терпеливой циничной улыбкой.

— Зеб,— взмолился я.— Это же ужасно! Не может быть, чтобы ты все это одобрял.

— Одобрял? Послушай, старина, это все часть Плана. Мне очень жаль, что тебя не допустили до высшего изучения. Давай я тебя вкратце просвещу. Господь бог ничему не дает пропасть задаром. Правильно?

— Это аксиома.

— Господь не требует от человека ничего, превышающего его силы. Правильно?

— Да, но...

— Замолчи. Господь требует, чтобы человек приносил плоды. Воплощенный Пророк, будучи отмечен осо-

бой святостью, обязан приносить как можно больше плодов. А если Пророку приходится снизойти до пошлой плоти, чтобы выполнить указание господа, то тебе ли возмущаться по этому поводу? Ответь мне.

Я, разумеется, ответить не смог, и мы продолжали прогулку в молчании. Мне приходилось признать логику слов Зеба. Беда заключалась в том, что мне хотелось забыть о его выводах и отбросить их как нечто ядовитое. Правда, я утешал себя мыслью, что с Юдифью ничего не случилось. Я чувствовал себя несколько лучше и склонялся к тому, что Зеб прав и потому не мне судить Святого Воплощенного Пророка.

Неожиданно Зеб прервал ход моих мыслей.

— Что это? — воскликнул он.

Мы подбежали к парапету террасы и посмотрели вниз. Южная стена проходит близко от города. Толпа из пятидесяти или шестидесяти человек бежала вверх по склону, что вел к стенам дворца. Впереди них, оглядываясь, бежал человек в длинном плаще. Он направлялся к Воротам Убежища.

Зеб сказал сам себе:

— А, вот в чем дело — забрасывают камнями парию. Он, очевидно, был настолько неосторожным, что показался за стенами гетто после пяти.— Он присмотрелся и добавил: «Не думаю, что он добежит.»

Предсказание Зеба оправдалось немедленно. Большой камень попал беглецу между лопаток, и тот упал. Преследователи тут же настигли его. Он пытался встать на колени, но опять несколько камней попало в него, и он снова упал. Он закричал, затем набросил край плаща на темные глаза и прямой римский нос.

Через минуту от него ничего не осталось, крому кучи камней, из-под которой высовывалась нога. Нога дернулась и замерла. Я отвернулся. Зеб заметил выражение моего лица.

— Что ж,— сказал я, обороняясь.— Разве эти парии не упорствуют в своих ересях? Вообще-то они кажутся вполне безвредными созданиями.

Зеб поднял бровь:

— Может быть, для них это не ересь. Ты видел, как этот парень отдал себя в руки их богу?

— Но это же не настоящий бог.

— А он, может быть, думает иначе.

— Должен понимать. Им же об этом столько раз говорили.

Он улыбнулся так ехидно, что я возмутился:

— Я тебя, Зеб, не понимаю. Убей, не понимаю. Десять минут назад ты втолковывал мне установленные доктрины, теперь ты, кажется, защищаешь еретиков. Как это совместить?

Зеб пожал плечами:

— Я могу выступать адвокатом дьявола. Я любил участвовать в дебатах в Вест Пойнте. Когда-нибудь я стану знаменитым теологом, если Великий инквизитор не доберется до меня раньше.

— Так... Послушай, ты думаешь, что это правильно — забрасывать камнями людей? Ты так думаешь в самом деле?

Он резко переменил тему.

— Ты видел, кто первый бросил камень?

Я не видел. Я заметил только, что это был мужчина.

— Снотти Фассет,— губы Зеба сжались.

Я хорошо знал Фассета. Он был на два курса старше меня, и весь первый год я был у него в услужении. Хотел бы я забыть этот первый год.

— Так, значит, вот в чем дело,— ответил я медленно.— Зеб, я не думаю, что мог бы работать в разведке.

— Конечно, и не агентом-провокатором,— согласился он.— И все-таки я полагаю, что Священному совету нужны время от времени такие инциденты. Все эти слухи о Каббале и так далее...

Я услышал его последние слова.

— Зеб, ты думаешь, эта Каббала в самом деле существует? Не могу поверить, что может существовать какое-нибуь организованное сопротивление Пророку.

— Как тебе сказать... На Западном берегу определенно были какие-то беспорядки. Впрочем, забудь об этом. Наша служба — охранять дворец.

2

Но нам не пришлось об этом забыть. Через два дня внутренняя стража была удвоена. Я не понимал, какая может грозить опасность: дворец был неприступнее самой неприступной крепости. Его нижние этажи выдержали бы прямое попадание водородной бомбы. Кроме

того, человек, входящий во дворец даже со стороны храма, был бы проверен и узнан десять раз, прежде чем достиг ангелов внутренней стражи. И все-таки там, наверху, были чем-то взволнованы.

Я очень обрадовался, узнав, что назначен в напарники к Зебу. Поговорить с ним — было единственной компенсацией за необходимость выстаивать двойные смены. Я, наверное, опротивел бедному Зебу, беспрерывно говоря о Юдифи и о моем разочаровании жизнью в Новом Иерусалиме. Наконец он обернулся ко мне:

— Послушай, ты в нее влюбился?

Я постарался уйти от ответа. Я не смел признаться и самому себе, что мой интерес к ней выходит из рамок простой заботы о благополучии знакомой девушки. Он оборвал меня:

— Ты влюблен или ты не влюблен? Решай для себя. Если ты влюблен, мы будем разговаривать о практических вещах. Если нет, тогда не приставай ко мне с глупыми разговорами.

Я глубоко вздохнул и решился:

— Боюсь, что да, Зеб. Это кажется невозможным, я понимаю, что это — смертный грех, но ничего не могу поделать.

— Чепуха. Тебя не перевоспитаешь. Итак, ты влюблен в нее. Что дальше?

— А?

— Что ты хочешь? Жениться на ней?

Я подумал об этом с такой горечью, что даже закрыл лицо руками.

— Конечно, хочу,— признался я наконец.— Но как?

— Именно это я и хотел выяснить. Тебе нельзя жениться, не отказавшись от карьеры. Ее служба тоже не позволяет ей выйти за тебя замуж. Она не может нарушить принятые обеты. Но если вы посмотрите правде в лицо, не краснея при этом, то выяснится, что можно кое-что сделать, особенно если вы перестанете изображать из себя святош.

Неделю назад я бы не понял, на что он намекает. Но теперь я знал. Я даже не смог рассердиться на него толком за такое бесстыдное и грешное предложение. Он хотел, чтобы мне стало лучше. Да и моя душа не была уже так чиста. Я покачал головой:

— Тебе не следовало этого говорить, Зеб. Юдифь не такая.

— Хорошо. Тогда забудем об этом. И о ней. И больше ни слова.

Я устало вздохнул:

— Не сердись, Зеб. Я просто не знаю, что делать.— Я оглянулся и присел на парапет. Мы стояли не у самых апартаментов Пророка, а у восточной стены. Дежурный офицер капитан Питер ван Эйк был слишком толст, чтобы обходить посты чаще, чем раз за смену. Я смертельно устал, потому что последнее время недосыпал.

— Прости.

— Не сердись, Зеб. Твое предложение не для меня и тем более не для Юдифи, не для сестры Юдифи.

Я знал, что хочу для нас с Юдифью: маленькую ферму, вроде той, на которой я родился. Свиньи, цыплята, босые ребятишки с веселыми измазанными физиономиями и улыбка Юдифи при виде меня, возвращающегося с поля. Она вытирает полотенцем пот со лба, чтобы я мог поцеловать ее... И никакой церкви, никаких пророков, кроме, может быть, воскресной службы в соседней деревне.

Но этого быть не могло, никогда не могло быть. Я выкинул видение из головы.

— Зеб,— продолжал я.— Прости мое любопытство. Но ты намекнул, что такие вещи... такие встречи происходят прямо во дворце. Но где? Мы же все живем как под увеличительным стеклом. Это физически невозможно!

Он ухмыльнулся так цинично, что мне захотелось врезать ему по физиономии, но в его голосе не было насмешки.

— Хорошо, возьмем для примера твой случай...

— Об этом и речи быть не может!

— Я сказал «для примера». Сейчас все равно сестра Юдифь недостижима. Она заперта в своей келье.

— Она заперта? Ее арестовали?

В моем сознании пронеслись слова Зеба о допросах и инквизиторах.

— Не бойся. Ее камера даже не заперта. Ей просто приказали не выходить из кельи, посадили на хлеб и воду и велели читать молитвы. А сами они занимаются

тем, что очищают ее сердечко и напоминают о ее духовных обязанностях. Когда она научится правильно смотреть на вещи, ей позволят снова тянуть жребий, и на этот раз она не станет падать в обморок и изображать из себя великовозрастную дурочку.

Я справился с первой реакцией на эти слова и заставил себя размышлять спокойно.

— Нет! Юдифь никогда не пойдет на это. Она предпочтет остаться в келье навсегда.

— Ты уверен? А я бы не стал на твоем месте клясться. Они умеют убеждать. Они будут молиться за ее душу круглые сутки, сменяя друг друга. И давай допустим, что она позволит себя уговорить.

— Нет!

— Допустим! Только допустим! Дай мне закончить рассказ о ее будущем.

— А откуда тебе все это известно?

— Ты забыл, что я трублю здесь уже три года. Ты думаешь — за этот срок я ничего не увидел и не услышал? Ты распсиховался, начал канючить, что они с ней сделают? Так мне ничего не оставалось, как спросить у птичек. А птички мне поведали: после того, как Юдифь позволит себя просветить и станет хорошей девочкой, она сможет совершить свое святое служение Пророку. После этого она продолжит выходить на дежурство каждую неделю и примерно раз в месяц будет вытягивать жребий на личное общение с Пророком. И года не пройдет — если, конечно, Пророк не отыщет в ее душе какой-нибудь особой небесной красоты, — как они перестанут включать ее имя в жребий. Но тебе совсем не надо ждать так долго... Хотя это безопаснее.

— Все это отвратительно и постыдно!

— В самом деле? А я думал, что и царь Соломон прибегал к подобной системе. И в его курятнике было даже больше несушек, чем в гареме Святого Пророка. Итак, если тебе удастся достигнуть взаимного согласия с девственницей, которая тебе понравилась, ваши отношения покатятся по накатанной дорожке. Сначала надо сделать ценный подарок Старшей сестре, и в будущем такие подарки должны поступать к этой уважаемой матроне с завидной регулярностью. Придется подмаслить кое-какие ладошки, и я тебе подскажу, какие

именно. Эта гигантская куча кирпичей, которую мы охраняем, таит немыслимое число темных задних лестниц. Так что, если соблюсти все наши обычаи, я не вижу причины, почему каждую ночь, когда я буду на часах, а ты будешь свободен от дежурства, тебе не согревать постельку тепленьким девичьим тельцем.

Я был готов взорваться и выразить мое возмущение его цинизмом, как вдруг мне в голову пришла мысль:

— Зеб,— сказал я.— Ты с самого начала говорил неправду. В каждой комнате дворца есть Глаз и Ухо. И если я даже найду их и постараюсь обрезать провода, через три минуты в дверь ворвутся офицеры безопасности.

— Ну и что? Правильно, в каждой комнате есть Уши и Глаза. А ты не обращай на них внимания.

У меня отвалилась челюсть.

— Не обращай внимания,— продолжал он.— Пойми, Джон, небольшие грешки не есть угроза Церкви; опасны не они, а измена и ересь. Все будет отмечено и подшито к твоему личному делу. А если ты попадешься когда-нибудь на чем-то более серьезном, то тебе пришьют именно эти грешки вместо настоящего обвинения. Они очень любят вписывать в личные дела именно такие грешки. Это укрепляет безопасность. Я даже думаю, что к тебе они присматриваются с подозрением. Ты слишком безупречен. А такие люди опасны. Может быть, поэтому тебя и не допускают к высшему учению.

Я попытался проанализировать у себя в голове эти аргументы и контраргументы, но сдался.

— Все это не имеет отношения,— сказал я,— ни ко мне, ни к Юдифи. Но я теперь понял, что мне надо делать. Я должен ее отсюда увезти.

— Да... довольно смелое заявление.

— Я должен это сделать.

— Хорошо... Я хотел бы тебе помочь. Я думаю, что смогу передать ей записку.

Я схватил его за руку.

— В самом деле?

Он вздохнул.

— Я хотел бы, чтобы ты не спешил. Но вряд ли это реально, если учесть, какая романтическая каша у тебя в голове. Риск велик именно сейчас, потому что Юдифь

вызвала немилость Пророка. Тебе вряд ли хочется угодить под суд военного трибунала.

— Я готов пойти и на это.

Он не сказал мне, что сам шел на такой же риск, если не на больший. Он просто заметил:

— Хорошо, какое же будет послание?

Я подумал с минуту. Послание должно быть короткое.

— Передай ей, что легат, который говорил с ней в ночь, когда она вытянула жребий, очень беспокоится.

— Еще что-нибудь?

— Да. Скажи, что я — в ее распоряжении.

Сейчас это кажется наивным. Но тогда я чувствовал именно так. Я именно так и думал.

Во время обеда на следующий день я обнаружил в своей салфетке клочок бумаги. Я быстро кончил обед и выскочил наружу, чтобы прочесь записку.

«Мне нужна ваша помощь,— гласила записка,— и я очень вам благодарна. Можете ли вы встретить меня сегодня вечером?»

Записка была без подписи и была напечатана на обычной магнитомашинке, которыми пользовались во дворце. Когда Зеб вернулся в комнату, я показал ему записку, он взглянул на нее и сказал равнодушно:

— Пойдем, подышим свежим воздухом. Я обожрался, спать хочется.

Как только мы вышли на открытую террасу и очутились вне досягаемости Глаз и Ушей, он выругал меня негромко, но зло:

— Из тебя никогда не получится конспиратор. Половина столовой видела, как ты нашел что-то в салфетке. Так какого же черта ты выскочил, словно ошпаренный? Потом, будто нарочно, ты суешь эту записку мне. Я не сомневаюсь, что Глаз зафиксировал ее. Интересно, где ты был, когда господь бог распределял людям мозги?

Я пытался протестовать, но он оборвал меня:

— Забудь об этом. Я понимаю: ты не желал сунуть обе наше шеи в петлю, но учти, что добрые намерения не принимаются во внимание трибуналом; первое условие любой интриги — вести себя естественно. Ты представить не можешь, как много дает опытному психоаналитику малейшее отступление от норм пове-

дения. Надо было сидеть в столовой, как всегда, покрутиться там после обеда и спокойно обождать того момента, когда сможешь прочесть записку в безопасности. Ладно. Где она теперь?

— В кармане мундира,— ответил я виновато.— Не волнуйся, я ее сжую и проглочу.

— Не так сразу. Погоди.— Зеб исчез и вернулся через несколько минут.

— У меня есть кусочек бумаги такого же размера и цвета, как твоя записка. Сейчас я тебе его осторожно передам. Обменяй их и затем съешь настоящую записку, но смотри, чтобы никто этого не заметил.

— Хорошо. А что на твоем кусочке бумаги?

— Заметки, как выигрывать в кости.

— Да, но это ведь тоже запрещено.

— Конечно, дурья твоя башка. Если они тебя застукают на азартной игре, они не подумают, что у тебя есть грехи потяжелее. В худшем случае начальник прочтет тебе нотацию и даст наряд вне очереди. Запомни на будущее, Джон, если тебя в чем-то заподозрили, постарайся сделать так, чтобы факты указывали на меньший проступок. Никогда не пытайся изображать из себя невинного ягненка.

Я думаю, Зеб был прав: мой мундир был обыскан и записка сфотографирована сразу после того, как я переоделся к смотру. Еще через полчаса я был вызван в кабинет к начальнику. Он попросил меня обратить внимание на то, не играют ли младшие офицеры в азартные игры. Это грех, указал он, и ему не хотелось бы, чтобы его подчиненные в этот грех впадали. На прощание он похлопал меня по плечу.

— Ты хороший парень, Джон Лайл,— сказал он.— Прислушайся к доброму совету. Понял?

В ту ночь мы стояли с Зебом у южного портала дворца. Юдифь не появлялась, и я волновался, как кот в незнакомом доме, несмотря на то, что Зеб пытался урезонить меня. Наконец во внутреннем коридоре послышались легкие шаги, и в дверях появилась чья-то тень. Зеб знаком приказал мне остаться на посту, а сам подошел к порталу. Он вернулся почти сразу и поманил меня, прижимая палец к губам. Весь дрожа, я подошел. Это оказалась не Юдифь, а незнакомая мне жен-

щина. Я открыл рот, чтобы сказать об этом, но Зеб прижал мне к лицу ладонь.

Женщина взяла меня за руку и повела по коридору. Я оглянулся и увидел силуэт Зеба, оставшегося на посту, чтобы прикрывать тыл. Женщина остановилась и толкнула меня к темному алькову, затем вынула из складок плаща маленький предмет со светящимся циферблатом. Я решил, что это, очевидно, металлоискатель. Она провела им в воздухе, выключила и спрятала.

— Можете говорить,— сказала она тихо.— Здесь безопасно.

И она растворилась в темноте.

Я почувствовал слабое прикосновение к рукаву.

— Юдифь?— прошептал я.

— Да,— ответила она так тихо, что я с трудом услышал.

Тут же она очутилась в моих объятиях. Она сдавленно вскрикнула, руки ее обвили мою шею, и я ощутил ее дыхание на своем лице. Мы поцеловались неловко, но горячо.

Никого не касается, о чем мы говорили тогда, да я и не смог бы рассказать по порядку, о чем. Называйте наше поведение романтической белибердой, если вам так хочется, называйте это щенячьими нежностями. Но разве щенятам не бывает так же больно, как взрослым собакам? Называйте это, как хотите, но в эти минуты мы были одержимы безумием более драгоценным, чем рубины и золото, более желанным, чем разумная трезвость. И если вы этого никогда в жизни не испытывали и не знаете, о чем я говорю, мне остается вас только пожалеть.

Наконец мы пришли в себя и смогли разговаривать разумно... Она принялась рассказывать мне о той ночи, когда она вытащила жребий, и заплакала. Я сказал ей:

— Не надо, дорогая. Не надо мне говорить об этом. Я все знаю.

— Но ты не знаешь. Ты не можешь знать... Я... Он...

Я обнял ее.

— Прекрати, прекрати сейчас же. Не надо больше слез. Я все знаю. И я знаю, что тебе грозит... в случае, если мы тебя не выведем отсюда. Так что теперь мы не имеем права плакать, мы должны найти выход.

Она молчала. Молчала, как мне показалось, очень долго. И потом медленно сказала:

— Ты хочешь сказать, что я должна убежать? Я думала об этом. Боже милостивый, как я мечтала об этом! Но как убежать?

— Я не знаю. Пока не знаю. Но мы придумаем. Надо придумать.

Мы обсудили все возможности. Канада была всего в трехстах милях от Нового Иерусалима, и местность к северу от Нью-Йорка Юдифи хорошо знакома. По правде говоря, это была единственная область, которая ей была знакома. Но граница там закрыта и охраняется куда строже, чем в других местах: там и патрульные суда, и радарные стены на воде, колючая проволока, пограничники на земле... и служебные собаки. Я проходил тренировку с такими собаками и не пожелал бы злейшему врагу встретиться с ними.

Мексика была безнадежно далека. Если бы Юдифь отправилась на юг, ее бы поймали в двадцать четыре часа. Никто не даст убежища сбежавшей девственнице. По закону общей вины любой такой доброжелатель совершил бы этим то же преступление, как и укрытый им беглец, а потому погиб бы той же смертью, что и человек, которого он спрятал. Путь на север был по крайней мере короче, хотя значил бы те же ночные переходы, поиски укромных убежищ днем и голод. В Элбени жила тетка Юдифи. Юдифь была уверена, что та укроет ее, пока не удастся придумать способа перейти границу.

— Она найдет нам безопасное место. Я уверена в этом,— сказала Юдифь.

— Нам? — должно быть, вопрос мой прозвучал глупо. До тех пор она не сказала этого, мне и в голову не приходило, что нам придется бежать вместе.

— Ты хочешь послать меня одну?

— Ну... я просто не думал о другом варианте.

— Нет!

— Но послушай, Юдифь, самое важное, самое срочное сейчас — это вызволить тебя. Двоих людей, путешествующих вместе, значительно легче заметить и задержать, чем одну девушку. Нет никакого смысла...

— Я не пойду одна!

Я все еще не мог понять, что если ты сказал «а», то должен сказать и «б». И если я уговариваю ее покинуть

службу, то становлюсь таким же дезертиром, как и она. Наконец я сказал:

— Ну, хорошо. Главное, убежать тебе. Ты доберешься до тетки и будешь ждать меня там.

— Без тебя я никуда не пойду.

— Но это же необходимо! Ведь Пророк...

— Лучше это, чем потерять тебя сейчас.

Я тогда не понимал женщин. Я их и сейчас не понимаю. Две минуты назад она спокойно рассуждала о том, что лучше рисковать жизнью, чем отдать свое тело в руки Пророка. Теперь она так же спокойно предпочитает сделать это, нежели решиться на временную разлуку со мной. Я не понимаю женщин. Порой я даже подозреваю, что у них ровным счетом нет никакой логики. Я сказал:

— Послушай, дорогая. Мы еще даже не придумали, как нам выбраться из дворца. Вернее всего, нам будет абсолютно невозможно уйти отсюда вместе. Разве ты не понимаешь?

Она ответила упрямо:

— Может быть, и так. Но мне это не нравится. Ну, хорошо, а как отсюда можно выбраться? И когда?

Я вынужден был признаться снова, что не знаю. Нужно было посоветоваться с Зебом.

Тогда Юдифь предложила:

— Джон, ты знаешь девственницу, которая привела тебя сюда? Нет? Это сестра Магдалина. Ей можно все рассказать, и она, вероятно, захочет нам помочь. Она очень умная.

Я принялся было выражать свои сомнения, но наш разговор прервала сама сестра Магдалина.

— Быстро! — шепнула она мне, заглянув в альков.— Назад, на пост.

Я выскочил и еле успел к обходу. Дежурный офицер обменялся приветствиями со мной и с Зебом и потом — вот старый дурак! — решил поболтать. Он уселся на ступеньках портала и начал хвастливо рассказывать, как на прошлой неделе победил в схватке на мечах. Я беспомощно старался поддерживать беседу.

Наконец он поднялся на ноги.

— Мне уже за сорок,— сказал он.— Я чувствую, что стал тяжелее, чем прежде. И должен признаться, приятно сознавать, что глаз и рука тебя не подводят.

Думаю, надо обойти дворец. Приходится быть бдительным. Говорят, Каббала опять активизировалась.

Он вытащил карманный фонарик.

Я замер. Если он начнет осматривать коридор, то, без всякого сомнения, обнаружит двух девушек в алькове.

Но тут вмешался спокойный Зеб.

— Минутку, старший брат. Вы не могли бы показать мне, каким приемом вы выиграли ту встречу? Я так и не понял.

Офицер схватил наживку.

— С удовольствием.

Он спустился по ступенькам.

— Вытащи меч, сын мой. Встань в позицию. Так. Теперь скрещиваем мечи. Нападай! Стоп. Не так. Я повторю медленно... В тот момент, когда острие приближается к моей груди... (Ничего себе грудь! Капитан ван Эйк обладал объемистым животом и был похож на кенгуру с детенышем в сумке.) Я поднимаю меч и заставлю тебя отступить на шаг. Пока все, как в учебнике. Но я не завершаю движение. Ты парень сильный и мог бы парировать удар. Тогда я вот что делаю.— Он показал, и столкнувшиеся мечи громко звякнули в тишине.— Теперь ты открыт, и я могу поразить тебя от коленок до горла. Ну, попробуй этот прием на мне.

Зеб послушался его. Офицер отступил. Зеб попросил разрешения повторить прием еще раз. Они повторяли его каждый раз все быстрее, и каждый раз капитан успевал парировать удар Зеба в самый последний момент. Разумеется, они нарушали все правила, сражаясь настоящими мечами без масок и кирас, но капитан оказался действительно замечательным фехтовальщиком и был полностью уверен в своем мастерстве. Несмотря на состояние, в котором я находился, я не мог оторвать глаз от дуэли — это была изумительная демонстрация когда-то полезного военного искусства. Они окончили бой ярдах в пятидесяти от портала и на столько же ближе к кордегардии. Мне слышно было, как тяжело пыхтел капитан.

— Это было совсем недурно, Джонс,— прохрипел он.— Ты неплохой ученик.— Он попыхтел еще и добавил: «Мое счастье, что настоящие встречи куда короче. Знаешь что, лучше уж осмотри коридор сам».

Он повернул к кордегардии, добавив весело:

— Господь вас хранит.

— Господь хранит и вас, сэр,— ответил Зеб и поднял меч, салютуя начальнику.

Как только капитан исчез за углом, Зеб снова встал на пост, а я поспешил к алькову. Девушки все еще оставались там, прижавшись к стене.

— Он ушел,— успокоил их я.— Бояться пока нечего.

Юдифь рассказала сестре Магдалине о наших проблемах, и мы вместе обсудили их. Магдалина настойчиво советовала пока ничего не предпринимать.

— Я отвечаю за очищение Юдифи,— сказала она.— Я смогу растянуть очищение еще на неделю, и только после этого она снова будет тянуть жребий.

Я сказал:

— Необходимо что-то сделать до этого.

Юдифь, переложив свои беды на плечи Магдалины, заметно успокоилась.

— Не волнуйся, Джон,— сказала она.— Может быть, жребий и не падет на меня в первый же день. Мы должны слушаться умного совета.

Сестра Магдалина презрительно фыркнула.

— Ты совершенно неправа, Джюди. Как только ты вернешься, жребий падет на тебя немедленно, вне всякой очереди...— она замолчала и прислушалась.— Ш-ш-ш, замрите.— И она бесшумно выскользнула из алькова.

Тонкий луч света вырвал из темноты человека, притаившегося у алькова. Я прыгнул на него раньше, чем он успел выпрямиться. Как ни быстр я был, сестра Магдалина опередила меня. Она повисла у него на плечах, он упал, дернулся и замер.

Подбежал Зеб.

— Джон, Магги,— прошептал он громко.— Что произошло?

— Мы поймали шпиона, Зеб,— сказал я быстро.— Что с ним делать?

Зеб зажег фонарик.

— Вы стукнули его?

— Он не придет в себя,— ответил спокойный голос Магдалины из темноты.— Я вогнала ему виброкинжал между лопаток.

— Ну и ну!

— Зеб, я вынуждена была это сделать. Благодари бога, что я не воспользовалась обычным ножом — а то весь пол был бы в крови.

Зеб тихо выругал ее, но Магдалина не ответила ни слова.

— Переверни его, Джон. Посмотри, кто это.

Я повиновался, и луч фонарика уперся в лицо шпиона.

— Так, да ведь это Снотти Фассет.

Зеб замолчал, и мне показалось, что я слышу его мысли: «Его-то мы оплакивать не будем».

— Ну, Зеб?

— Встань у портала. Если кто- нибудь подойдет — я проверяю коридор. Надо от него отделаться.

Юдифь нарушила тишину:

— Выше этажом есть мусоросжигатель. Я вам помогу.

— Молодец, девочка. Иди, Джон.

Я хотел возразить, что это не женское дело, но понял, что меня никто не будет слушать, и пошел к выходу. Зеб взял труп за плечи, женщины — за ноги и унесли. Они вернулись через несколько минут, которые показались мне вечностью. Без сомнения, тело Снотти превратилось в атомы прежде, чем они вернулись; может быть, нас и не поймают. Правда, мне это не казалось убийством, да и сейчас не кажется. Обстоятельства были сильнее нас.

Зеб был краток:

— С этим покончено. Нас сменят через десять минут. Нам надо обо всем договориться раньше, чем появятся ангелы...

Наши предложения были непрактичны и даже в этой обстановке нелепы, но Зеб выслушал всех, а затем сказал:

— Слушайте. Теперь дело уже не только в том, чтобы помочь Юдифи. Как только обнаружат, что Снотти пропал, все мы — все четверо, окажемся под смертельной опасностью допроса. Понятно?

— Понятно,— сказал я.

— И ни у кого нет плана?

Никто не ответил. Зеб продолжал:

— Тогда нам надо просить помощи. И есть только

одно место, откуда мы можем ее получить. Это Каббала.

3

— Каббала? — повторил я тупо.

Юдифь ахнула от ужаса.

— Как же так... Это значит — продать наши бессмертные души! Они же поклоняются сатане!

Зеб обернулся к ней.

— Я не верю.

Юдифь посмотрела на него со страхом.

— Вы — каббалист?

— Нет.

— Так откуда вы знаете?

— И как, — добавил я, — обратиться к ним за помощью?

Ответила Магдалина.

— Я член подполья. Зебадия об этом знает.

Юдифь отшатнулась от нее, но Магдалина продолжала:

— Послушай, Юдифь. Я понимаю, что ты чувствуешь. И когда-то я тоже была потрясена самой мыслью о том, что кто-то смеет противоречить Церкви. Но потом я узнала — как узнаешь ты, — что на самом деле скрывается за фальшивкой, в которую нас заставляют верить.

Она взяла девушку за руку.

— Мы не поклоняемся дьяволу, моя милая. И мы не воюем против бога. Мы боремся с Пророком, который делает вид, что представляет бога на земле. Иди с нами, помогай нам, борись вместе с нами — и мы тоже поможем тебе. В ином случае мы не можем рисковать.

Юдифь всматривалась в ее лицо при неверном слабом свете, пробивавшемся от портала.

— Ты можешь поклясться, что это — правда? Что Каббала борется против Пророка, а не против бога?

— Я клянусь, Юдифь.

Юдифь глубоко вздохнула.

— Просвети меня, господь, — прошептала она. — Я иду к Каббале.

Магдалина быстро поцеловала ее и затем обернулась к нам.

— Ну?

Я ответил сразу:

— Если Юдифь согласна, то и я согласен.— И про себя подумал: «Боже, прости мне нарушение присяги. Я должен так поступить».

Магдалина смотрела на Зеба. Он неловко помялся и сказал со злостью:

— Я сам это предложил, правда? Но все мы идиоты, и инквизитор поломает нам кости.

На следующее утро я проснулся, проведя ночь в страшных снах, в которых действовал инквизитор, и услышал, как в ванной весело жужжит бритва Зеба. Он вошел в комнату, стянул с меня одеяло, болтая о всякой чепухе. Я ненавижу, когда с меня стаскивают одеяло, даже когда я себя хорошо чувствую, и ненавижу веселье перед завтраком. Я снова натянул одеяло и попытался не обращать внимания на Зеба, но он схватил меня за руку.

— Вставай, старина! Господь выпустил солнце на небеса, а ты его не видишь. День прекрасен! Как насчет того, чтобы пробежаться вокруг дворца, а потом под холодный душ?

Я попытался вырвать у него руку и охарактеризовал его словами, которые, без сомнения, снизили мне отметку за набожность, если Ухо услышало их. Он не отпускал моей руки, и палец его нервно нажимал мне на ладонь. Я забеспокоился, не свихнулся ли Зеб от напряжения вчерашней ночи. И тут понял, что он говорит со мной по азбуке Морзе.

— Будь естественным,— сказали мне точки и тире.— Не удивляйся нас вызовут на проверку во время отдыха после обеда.

Я надеюсь, что не высказал удивления. Я даже умудрился отвечать что-то на поток чепухи, которую он нес, передавая мне послание. Потом я поднялся и с отвращением проделал все процедуры подготовки собственного тела к наступившему дню. Я даже улучил момент, положил руку ему на плечо и отстукал ответ: Хорошо понял.

День оказался тягучим и нервным. Я ошибся на утреннем смотре, что со мной не случалось с училища.

Когда занятия кончились, я вернулся в комнату и обнаружил, что Зеб, положив ноги на кондиционер, трудится над кроссвордом в «Нью-Йорк таймсе».

— Джонни, мой барашек,— сказал он, обернувшись ко мне.— Подскажи мне, что это может значить — «чистый сердцем» из шести букв, начинается с «п»?

— Тебе этого знать не надо,— проворчал я и сел, чтобы снять амуницию.

— Так ты, Джонни, полагаешь, что я не заслужу вечного блаженства?

— Может, и заслужишь, но сначала просидишь тысячу лет в чистилище.

В дверь постучали, и вошел Тимоти Клайс, старший легат. Он чихнул и сказал:

— Ребята, не желаете прогуляться?

Я подумал, что худшего времени он не мог выбрать. От Тима отделаться было нелегко, а кроме того, он был самым исполнительным и преданным человеком в части. Я старался придумать какую-нибудь причину, чтобы отказаться, когда услышал слова Зеба.

— Ничего не имеем против при условии, если мы заглянем в город. Мне надо кое-чего купить.

Я был сбит с толку ответом Зеба, но все же попытался отговориться какими-то срочными делами. Зеб оборвал меня:

— Бросай свою работу! Я тебе помогу вечером. Пошли.

Мы пошли через нижние туннели. Я думал, что, очевидно, Зеб решил дойти до города, а там отделаться от Клайса и вернуться во дворец. Мы завернули в узкий проход. Вдруг Клайс поднял руку, как бы желая подчеркнуть слова, с которыми обращался к Зебу. Его рука прошла близко от моего лица, я почувствовал, что-то брызнуло мне в глаза,— и ослеп.

Раньше, чем я успел крикнуть, он крепко схватил меня выше локтя. В то же время он продолжал говорить как ни в чем не бывало. Он повел меня налево, хотя, насколько я помнил туннель, поворот здесь был только направо. Однако мы не врезались в стену, и через несколько секунд слепота прошла. Казалось, мы продолжаем идти по тому же туннелю. Тим шагал посередине, держа нас под руки.

Он не сказал ни слова. Мы тоже. Наконец он остановился перед дверью, постучал дважды и прислушался.

Я не расслышал, что там сказали, но Клайс ответил:

— Два пилигрима с надежным сопровождением.

Дверь открылась. Он ввел нас внутрь, и мы увидели вооруженного часового в маске с пистолетом, направленным на нас. Он протянул свободную руку назад и постучал во внутреннюю дверь. Оттуда сразу вышел еще один человек в маске. Он по очереди спросил меня и Зеба:

— Желаете ли вы заявить со всей ответственностью, что вы пришли сюда не по просьбе друзей, не по корыстным мотивам, что вы честно и добровольно предлагаете себя в наше распоряжение?

Каждый из нас ответил «да».

— Оденьте и подготовьте их.

На головы нам были надеты кожаные шлемы, которые застегивались под подбородком и оставляли открытыми только рот и нос. Потом нам приказали раздеться. Я быстро терял энтузиазм — ничто так не обезоруживает мужчину, как необходимость снять штаны. Затем я почувствовал укол шприца, и сразу, хоть я и не спал, все вокруг стало казаться мне нереальным. Я ощутил прикосновение чего-то холодного к спине и понял, что это виброкинжал. Достаточно кому-то за моей спиной нажать кнопку, и я буду так же мертв, как Снотти Фассет, но это меня не испугало. Вскоре последовали вопросы, много вопросов, на которые я отвечал автоматически, неспособный ко лжи или увиливанию, даже если бы я хотел этого. Я помню только обрывки из этого разговора.

Затем я долго стоял, дрожа на холодном полу, а вокруг шел горячий спор. Он имел прямое отношение к действительным мотивам моего появления здесь. Затем в дебаты вступил низкий женский голос, и я узнал сестру Магдалину. Она говорила что-то в мою пользу, но что — я не разобрал. Мне просто нравился ее голос, как прикосновение чего-то дружеского. Наконец ощущение холода от прижатого к ребрам виброкинжала исчезло, и я опять почувствовал укол шприца. Он быстро вернул меня к реальности. Шлем был снят с головы.

Нет смысла рассказывать о дальнейших инструкциях и порядке приема в группу нового члена. В процедуре была какая-то торжественная красота, и никакого следа богохульства или поклонения дьяволу, в котором их обвиняли распространяемые сплетни.

Но я должен упомянуть об одной детали, которая меня удивила больше, чем что бы то ни было другое. Когда они сняли с меня шлем, я увидел стоящего передо мной в полной форме с выражением торжественности на круглом лице капитана Питера ван Эйка, нашего толстого офицера. Он был здесь главный!

После заседания мы собрались на военный совет. Мне сказали, что решено не посвящать Юдифь в тайны подполья. Ее переправят в Мексику, и лучше ей не знать секретов, которые ей знать ни к чему. Но Зеб и я, будучи членами дворцовой стражи, могли принести пользу. И нас приняли.

Юдифь уже получила гипнотическое внушение, которое позволит ей забыть то немногое, что она знала, так что, если она даже попадет на допрос, она ничего не скажет. Мне велели ждать и не волноваться. Старшие братья сделают так, что она будет в безопасности раньше, чем придет ее очередь тянуть жребий. Мне пришлось удовлетвориться этим объснением.

Три дня подряд мы с Зебом являлись сюда после обеда за инструкциями, и каждый раз нас провожали новым путем с новыми предосторожностями. Совершенно ясно, что архитектор, проектировавший дворец, был один из них. Громадное здание заключало в себе ловушки, двери и проходы, явно не зарегистрированные ни на одном официальном плане.

Через три дня мы стали полноправными членами подполья. Такая поспешность объяснялась только серьезностью обстановки. Усилия впитать все, что мне говорили, почти полностью истощили мой мозг. Мне пришлось потрудиться больше, чем когда-либо в школе или училище.

Меня тревожило то, что мы не слышали ни слова об исчезновении Снотти Фассета. Это было подозрительно, настораживало больше, чем тщательное расследование. Офицер безопасности не может пропасть незаметно. Конечно, оставалась слабая надежда на то, что Снотти столкнулся с нами, выполняя поручение, о ко-

тором он не должен был каждый день рапортовать своему шефу. Но все-таки, вероятнее всего, он оказался у алькова потому, что следил за кем-нибудь из нас. Если так, то все это значило, что начальник Службы безопасности продолжал следить за нами, в то время как психотехники тщательно анализировали наше поведение. В этом случае наши ежедневные отлучки после обеда, несомненно, были занесены в соответствующую графу.

Я бы никогда над этим не задумался и чувствовал бы только облегчение от того, что за мной не следят, если бы этот факт не обсуждался с тревогой в подполье. Я даже не знал, как зовут блюстителя морали и где находится управление безопасности, да мне и не положено было это знать. Я знал, что он существует и что докладывает непосредственно великому инквизитору или даже самому Пророку, но и только. Я обнаружил, что мои товарищи, несмотря на почти невероятную осведомленность Каббалы о жизни дворца и Храма, знали немногим больше, чем я сам, о работе безопасности — у нас не было ни одного человека среди блюстителей порядка. Причина простая. Подполье было так же осторожно в отборе людей, как и Служба безопасности в отборе своих сотрудников. Блюститель никогда не примет в свои ряды человека, которого могут привлечь идеалы Каббалы. Мои братья никогда не пропустили бы такого человека, как, скажем, Снотти Фассет.

Было решено, что на четвертый день мы не пойдем в туннель, а будем находиться в таких местах, где обязательно нас заметят.

Я сидел в общей комнате, читая журналы, когда вошел Тимоти Клайс. Он взглянул на меня, кивнул и начал не спеша просматривать кипу журналов. Наконец он сказал:

— Эти ископаемые издания, наверное, попали сюда из приемной дантиста. Ребята, никто не видел последнего «Тайма»?

Слова его были обращены ко всем находившимся в комнате. Никто не ответил. Тогда он обернулся ко мне:

— Джек, я думаю, ты сидишь на нем. Поднимись на минутку.

Я ругнулся, но привстал. Он нагнулся ко мне, чтобы взять журнал, и прошептал: «Доложись Мастеру».

Кое-чему я уже научился, так что продолжал некоторое время читать как ни в чем не бывало. Потом отложил журнал, потянулся, зевнул, поднялся и направился в коридор. Через некоторое время я входил в подземное убежище. Зеб был уже там, и кроме него несколько членов группы. Они окружили Питера и Магдалину. В комнате чувствовалось напряжение.

— Вы посылали за мной?

Питер взглянул на меня и кивнул Магдалине. Та сказала:

— Юдифь арестована.

Мои колени ослабли, я с трудом устоял на ногах. Я не очень нежен, но удар по близким и любимым — удар самый жестокий.

— Инквизиция? — с трудом выговорил я.

В глазах Питера я увидел жалость.

— Мы так полагаем. Они забрали ее утром, и с тех пор с ней не удалось связаться.

— Предъявлены обвинения? — спросил Зеб.

— Официально нет.

— Та-ак. Плохо.

— И плохо, и хорошо, — не согласился с ним ван Эйк. — Если это касается того, о чем мы думаем — Фассета, — у них есть все основания полагать, что она виновата не больше вас. И тогда арестовали бы всех четверых. По крайней мере обычно они делают так.

— Но что дальше? — спросил я.

Ван Эйк не ответил. Магдалина сказала, стараясь меня успокоить:

— Сейчас мы ничего сделать не сможем. Нам не пройти всех дверей, которые к ней ведут.

— Но не можем же мы сидеть и ничего не предпринимать?

Питер сказал:

— Спокойно, сынок. Магги единственная из всех нас может проникнуть во внутренние покои дворца. Придется довериться ей.

Я снова к ней повернулся. Она вздохнула и сказала:

— Да, но вряд ли я смогу сделать много.

И она ушла.

Мы ждали. Зеб предложил, чтобы мы с ним верну-

лись и продолжали «быть на виду», но, к моему облегчению, ван Эйк запретил.

— Мы не совсем уверены, что гипнотическая защита сестры Юдифи достаточна и она выдержит испытание. К счастью, она может выдать только вас двоих и сестру Магдалину, и потому я хочу, чтобы вы оставались в безопасности, пока Магдалина не выяснит все, что сможет.

Я почти выкрикнул:

— Юдифь нас никогда не выдаст!

Он печально покачал головой:

— Сынок, любой человек может выдать всех на допросе, если он не подвергся предварительно гипнотической защите.

Я не смотрел на Зеба, погруженный в собственные эгоистические мысли. Он удивил меня, заявив гневно:

— Мастер, вы держите нас здесь, как наседка цыплят, а в то же время послали Магги сунуть голову в мышеловку. А что, если Юдифь сломлена? Они же сразу схватят Магдалину!

Ван Эйк кивнул.

— Разумеется. Но это наш единственный шанс. У нас нет другого лазутчика. Но они ее не арестуют — она раньше покончит с собой.

Его заявление меня не потрясло. Я был слишком погружен в мысли о Юдифи. Но Зеб возмутился:

— Скотина! Вы не смели ее посылать!

Ван Эйк ответил мягко:

— Вспомни о дисциплине, сынок. Возьми себя в руки. Мы на войне, и она — солдат.

Он отвернулся.

Итак, мы ждали... и ждали... и ждали. Трудно понять кому-нибудь, кто не жил под тенью инквизиции, каково нам было ждать. Мы не знали деталей, но нам приходилось видеть людей, которые имели несчастье выжить после допроса. Если даже инквизиторы не требовали аутодафе, разум жертвы был обычно поврежден или даже полностью разрушен.

Наконец Питер приказал одному из офицеров проэкзаменовать нас в том, что мы заучили вчера. Мы с Зебом тупо делали все, что от нас требовали, но только сверхчеловеческие усилия преподавателя заставляли нас сосредоточиться. Так прошло почти два часа.

Наконец в дверь постучали, и Тайлер впустил Магдалину. Я вскочил и бросился к ней.

— Ну? — требовал я.— Ну?

— Спокойствие, Джон,— ответила она устало.— Я ее видела.

— Ну и как она?

— Она себя чувствует лучше, чем можно было ожидать. Разум ее не тронут, и она, очевидно, еще никого не выдала. А что касается остального — может, останется шрам или два. Но она молода и здорова, она оправится.

Я начал было требовать подробностей, но капитан оборвал меня:

— Значит, они уже начали допрос. Если так, то как же тебе удалось ее увидеть?

— Да так,— и Магдалина пожала плечами, будто именно это и не стоило упоминания.— Инквизитор, который ведет следствие, оказался моим знакомым. Мы условились обменяться любезностями.

Зеб хотел вмешаться, но ван Эйк крикнул:

— Молчать! — и затем добавил резко: «Значит, Великий инквизитор препоручил допрос другому и сам им заниматься не стал! В таком случае я полагаю, что арест не связан с Каббалой».

Магги покачала головой:

— Не знаю. Ясно одно: Юдифь лишилась чувств в самом начале допроса. Они даже не успели заняться ею как следует. Я умолила прервать допрос под предлогом, что ей необходимо окрепнуть. Они примутся за нее снова с раннего утра.

Ван Эйк постучал кулаком по ладони.

— Они не должны начать снова — мы не можем этим рисковать. Старший офицер, останьтесь. Остальные все идите. Кроме тебя, Магги.

Я ушел с чувством, будто не сказал чего-то важного. Я хотел сказать Магги, что она может использовать меня в качестве подстилки у двери в любой момент, когда ей этого захочется. Достаточно будет шевельнуть пальцем.

Ужин в тот день казался мне пыткой. Когда капеллан выбрался, наконец, из молитвенных дебрей, я попытался есть и даже присоединиться к общей болтовне, но мне все время казалось, что горло мое перехвачено сталь-

ным кольцом, которое мешает глотать. Рядом со мной сидел Хвала-Богу Биирпе, наполовину шотландец, наполовину индеец. Хвала учился со мной на одном курсе, но никогда не был моим товарищем; мы редко разговаривали, и в этот вечер он был, как всегда, молчалив и тактичен.

Во время ужина он наступил мне на сапог. Я с раздражением отдернул ногу. Но вскоре снова почувствовал прикосновение его сапога. Он принялся выстукивать:

— Голову выше ты был выбран сегодня ночью во время твоего поста детали позже поешь и принимайся разговаривать захвати клейкую ленту с собой на пост шесть дюймов на фут повтори.

Я кое-как выстукал «понимаю», продолжая делать вид, что ем.

4

Мы заступили на пост в полночь. Как только разводящий отошел, я рассказал Зебу все, что узнал от Хвалы, и спросил, знает ли он что-нибудь еще. Он не знал. Я хотел поговорить, но он оборвал меня. Мне казалось, что он нервничает даже больше, чем я.

Так что я встал на пост и постарался выглядеть бдительным и бодрым. Мы стояли на северном конце западного укрепления. Тут же находился один из входов во дворец. Прошел час, и я уловил движение в дверях. Это была женщина. Она была ростом ниже Магдалины, и я так никогда и не узнал, кто была та, что протянула мне клочок бумаги и исчезла снова в коридоре.

Я подошел к Зебу.

— Что делать? Прочесть с фонариком? Это рискованно.

— Разверни ее.

Я развернул записку и обнаружил, что надпись светится в темноте. Я мог прочесть ее, но для Глаза свет ее был слишком слаб, чтобы он мог что-либо различить.

«В середине дежурства, в момент, когда пробьют часы, войдите во дворец через дверь, из которой вы получили эту записку. Через сорок шагов будет лестница налево. Поднимитесь на два пролета. Пройдите еще

пятьдесят шагов по коридору на север. Освещенный коридор направо ведет к кельям девственниц. У дверей будет стоять часовой. Он не станет сопротивляться, но вы должны взорвать парализующую бомбу, чтобы у него было алиби. Келья, которая вам нужна, находится в дальнем конце центрального коридора, идущего с запада на восток. Над дверью горит свет, и у дверей сторожит дежурная девственница. Она не из наших. Вы должны нейтрализовать ее, но ни в коем случае не убивать и не причинять ей вреда. Заклейте ей рот и глаза лентой и свяжите ее же одеждой. Возьмите ключи, войдите в келью и вынесите сестру Юдифь. Она, возможно, будет без сознания. Принесите ее на пост и передайте дежурному офицеру.

Действуйте быстро, особенно с того момента, как парализуете часового, так как Глаз может заметить вас в освещенном коридоре, и тогда начнется тревога.

Не глотайте записку — чернила ядовиты. Бросьте ее в дезинтегратор наверху лестницы.

Желаем успеха».

Зеб прочел записку через мое плечо.

— Все, что тебе понадобится,— мрачно сказал он,— так это способность творить чудеса. Боишься?

— Да.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, думаю, нам лучше выполнять все, как приказано.

— Да, насколько я знаю нашего Мастера. А кроме того, может случиться, что мне придется кого-нибудь срочно пристукнуть, пока тебя не будет. Я прикрываю тыл.

— Правильно.

— Ну, теперь давай помолчим и вернемся на пост.

Как только часы прозвенели середину дежурства, я прислонил к стене копье, снял меч, кирасу и шлем — всю церемониальную чепуху, которую положено было носить, но которая не помогла бы мне в моем деле. Зеб пожал мне руку. И я пошел.

Два, четыре, шесть, сорок шагов. Я пошарил рукой по темной стене и обнаружил вход. Вот и ступеньки! Я уже оказался в той части дворца, в которой до этого не бывал. Я передвигался в абсолютной темноте, надеясь только на правильность инструкции. Один про-

лет, второй... Я чуть не грохнулся, наступив на «верхнюю» ступеньку, которой не было.

Где же теперь дезинтегратор? Он должен находиться, как обычно, на уровне пояса наверху лестницы. Я лихорадочно размышлял, не зажечь ли свет, когда неожиданно нащупал крышку и запор. Со вздохом облегчения я выкинул улику, которая могла подвести стольких людей. Я уже было отошел, как вдруг меня охватила паника. Действительно ли это дезинтегратор? Может быть, грузовой лифт? Я снова нащупал в темноте задвижку и сунул внутрь руку. Руку прожгло даже сквозь перчатку. Я с облегчением выдернул ее и дал себе слово доверяться инструкции. Но через сорок шагов коридор раздвоился, о чем в инструкции не было ни слова. Я присмотрелся. И тут увидел шагах в двадцати слабо освещенный проем и стражника перед ним. Стражник был один из наших, но я решил не рисковать. Я достал парализующую бомбу, поставил указатель на минимум, сорвал кольцо и подождал пять секунд. Потом кинул ее и нырнул за угол.

Подождав еще пять секунд, я высунул голову из-за угла. Охранник лежал на полу, и из царапины на лбу — видно, его задело осколком оболочки бомбы — сочилась кровь. Я бросился вперед, перешагнул через него, стараясь одновременно и бежать, и казаться неспешно идущим. Центральный коридор общежития девственниц был слабо освещен, только синие лампы горели под потолком. Я достиг конца коридора и замер. Сестра, которая должна была ходить у двери дозором, сидела на полу, прислонившись к двери спиной.

Может быть, она задремала, потому что подняла голову не сразу. Но когда она увидела меня, то мне ничего не осталось, как броситься к ней и зажать ей рот перчаткой. Я несильно ударил ее по шее ребром ладони, и она обмякла.

Сначала наложить половину клейкой ленты на рот, потом столько же на глаза, затем сорвать плащ, чтобы связать ее им,— и быстрее, быстрее, быстрее, потому что чиновник Безопасности мог уже получить сигнал от Глаза над лежавшим без чувств часовым. Я нашел ключи на цепочке, обвязанной вокруг ее кисти, и поднялся, мысленно прося у нее прощения. Она казалась похожей на ребенка и была даже беспомощнее, чем Юдифь.

Но долго размышлять об этом я не мог. Я нашел нужный мне ключ, открыл дверь — и моя любимая оказалась у меня на руках.

Она спала глубоким сном и застонала, когда я ее поднял, но не проснулась. Халат ее распахнулся, и я увидел, что они с ней сделали. Я поклялся самой страшной клятвой отплатить за все семикратно, если тот, кто виноват в этом, сможет выдержать.

Стражник лежал там же, где я его оставил. Я уже было решил, что мне удалось провести всю операцию, никого не разбудив и не встревожив, как услышал сдавленный крик из коридора позади. Почему это женщинам не спится по ночам?

Я не мог заставить ее замолчать, я просто побежал. Завернув за угол, я оказался в темноте, пронесся мимо лестницы, и мне пришлось вернуться и нащупывать ее, потом ощупью спускаться по ступенькам. Сзади раздавались крики и женский визг.

В тот момент, когда я добежал до выхода из дворца и, обернувшись, увидел черный портал, всюду зажегся свет и зазвучали сигналы тревоги. Я пробежал еще несколько шагов и почти упал на грудь капитана ван Эйка. Он, не говоря ни слова, взял Юдифь на руки и тут же пропал за углом дворца.

Я стоял и, ничего еще не соображая, смотрел ему вслед, когда Зеб вернул меня к реальности, притащив мою амуницию.

— Одевайся! — прошипел он.— Тревога для нас! Ты обязан охранять дворец.

Он помог мне завязать ножны, надеть кирасу и шлем, а потом сунул в руку копье. Затем мы встали спина к спине у портала, вытащили из кобур пистолеты и спустили предохранители, как и было положено по уставу. В ожидании дальнейших указаний мы не имели права двинуться, так как тревога началась не на нашем посту.

Несколько минут мы стояли как статуи. Слышали звуки шагов, голоса. Кто-то из старших офицеров пробежал мимо нас во дворец, натягивая на ходу кирасу поверх пижамы. Я чуть было не застрелил его, прежде чем он успел ответить пароль. Потом мимо пробежали ангелы из резерва во главе с разводящим.

Мало-помалу суматоха стихла. Свет продолжал го-

реть, но кто-то догадался выключить сирены. Зеб решился прошептать:

— Что случилось, черт возьми? Все в порядке?

— И да и нет,— ответил я и рассказал о беспокойной сестре.

— Да-а-а! Это научит тебя не заигрывать с сестрами, когда находишься при исполнении служебных обязанностей.

— Я не заигрывал. Она просто выскочила из своей кельи.

— Я не имел в виду сегодняшнюю ночь,— сказал Зеб.

Я замолчал.

Через полчаса, задолго до конца смены, мимо нас снова промаршировал резерв. Разводящий остановил его, и нас сменили. Мы зашагали к кордегардии, останавливаясь еще два раза на пути, чтобы сменить другие караулы.

5

Нас построили в зале и продержали по стойке смирно пятьдесят бесконечных минут, тогда как дежурный офицер прогуливался перед строем и рассматривал нас. Один из легатов во втором ряду переступил с ноги на ногу. На это никто бы не обратил внимания на смотре, даже в присутствии самого Пророка, но сейчас командир приказал капитану ван Эйку записать его имя.

Капитан Питер был разгневан точно так же, как и его начальник. Он тоже придирался ко всему и даже остановился передо мной и приказал дать мне наряд вне очереди за то, что сапоги мои плохо блестели. Это была наглая ложь, если, конечно, я не замарал их во время своих похождений. Но я не осмелился опустить глаза и проверить, так ли это, и не отрывал взгляда от холодных глаз капитана.

Его поведение напомнило мне слова Зеба об интриге. Ван Эйк вел себя так, как должен вести офицер, которого подвели подчиненные. Как бы я себя сейчас чувствовал, если бы ничего не знал?

Злым, решил я. Злым и несправедливо обиженным. Сначала заинтересовался бы событиями, а затем разозлился бы за то, что меня заставляют стоять по стойке

смирно, как плебея. Они хотели взять нас измором. А как бы я думал об этом, скажем, два месяца назад? Я бы был уверен в своей чистоте и, естественно, унижен и оскорблен — ждать, как пария в очереди за продовольственной карточкой! Как кадет-мальчишка!

Через час, к тому времени, когда прибыл командующий охраной, я довел себя до белого каления. Довел я себя искусственно, но эмоции были самые настоящие.

Командующего я не любил никогда. Это был низенький человечек с холодными глазами, и он имел привычку смотреть сквозь младших офицеров вместо того, чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в распахнутой сутане, положив руки на рукоять меча.

— Помоги мне, боже. И это ангелы господа! — произнес он мягко в полной тишине и затем выкрикнул: — Ну!

Никто не ответил.

— Молчите? — кричал он. — Кое-кто из вас об этом знает. Отвечайте! Или вас всех на допрос отослать?

По рядам пробежал гул, но никто так и не заговорил. Он снова окинул нас взглядом. Встретился с моими глазами. Я не отвел их.

— Лайл!

— Слушаюсь, высокопочтенный сэр.

— Что ты об этом знаешь?

— Я знаю только, что хотел бы присесть, высокочтимый сэр.

Он зарычал на меня, но потом в зрачках его зажглась холодная ирония.

— Лучше стоять передо мной, сын мой, чем сидеть перед инквизитором.

Он отвернулся от меня и подошел к следующему легату.

Он терзал нас до бесконечности, но ни я, ни Зеб не пользовались его особым вниманием. Наконец он сдался и приказал разойтись. Я понимал, что это — не конец. Несомненно, каждое произнесенное здесь слово было зафиксировано, каждое выражение лица снято на пленку и в то время, как мы возвращаемся в свои комнаты, данные уже изучаются аналитиками.

Зеб меня восхитил. Он болтал о ночных событиях, рассуждая о том, что могло вызвать такой переполох.

Я старался отвечать ему естественно, и всю дорогу ворчал о том, что с нами недостойно обращались.

— В конце концов мы офицеры и джентльмены,— говорил я.— Если они думают, что мы в чем-то виноваты, пусть представят формальные обвинения.

Не переставая ворчать, я добрался до постели, закрыл глаза, но заснуть не мог. Я старался убедить себя, что Юдифь уже в безопасности, а то бы они не темнили так...

Я почувствовал, как кто-то дотронулся до меня, и сразу проснулся. Но тут же успокоился, узнав знакомое условное пожатие.

— Тихо,— прошептал голос, которого я не узнал.— Я должен тебя предохранить.

Я почувствовал укол. Через несколько минут меня охватила апатия. Голос прошептал:

— Ничего особенного ночью ты не видел. До тревоги ты не заметил ничего подозрительного...

Не помню, долго ли звучал голос.

Второй раз я проснулся от того, что кто-то грубо тряс меня. Я зарыл лицо в подушку и проворчал:

— Катись к черту, я лучше опоздаю к завтраку.

Меня ударили между лопаток. Я повернулся и сел, все еще не совсем проснувшись. В комнате находилось четверо вооруженных мужчин. На меня смотрели дула пистолетов.

— Вставай!

Они были в форме ангелов, но без знаков различия. Головы покрыты черными капюшонами с прорезями для глаз. И по этим капюшонам я их узнал: служители Великого инквизитора.

Я, честно говоря, не думал, что это может произойти со мной. Нет, только не со мной, не с Джонни Лайлом, который всегда хорошо себя вел, был лучшим учеником в церковной школе и гордостью своей матери. Нет! Инквизиция — бич, но бич для грешников, не для Джона Лайла.

И в то же время, увидев эти капюшоны, я уже знал, что я — мертвец, если все это не кошмар и я сейчас не проснусь.

Нет, я еще не был мертв. Я даже набрался смелости притвориться оскорбленным.

— Что вы здесь делаете?

— Вставай,— повторил безликий голос.

— Покажите ордер. Вы не имеете права вытащить офицера из постели, если вам пришло в голову...

Главный покачал пистолетом перед моим носом. Двое других схватили меня под руки и стащили на пол, четвертый подталкивал сзади. Но я не мальчик, и силы мне не занимать. Им пришлось со мной повозиться, в то время как я продолжал говорить:

— Вы обязаны дать мне одеться по крайней мере. Какая бы ни была спешка, вы не имеете права тащить меня голым по дворцу. Мое право ходить в форме.

К моему удивлению, речь возымела действие на главного. Он остановил помощника знаком.

— Ладно. Только быстро.

Я тянул время, как мог, стараясь изобразить спешащего человека: сломал молнию на сапоге, не попадал крючками в петли. Как бы оставить знак Зебу? Любой знак, который показал бы, что со мной случилось.

Наконец я понял, что надо сделать. Это был не лучший выход, но другого у меня не было. Я вытащил из шкафа кучу одежды. Заодно вынул и свитер. Выбирая рубашку, я сложил свитер так, что рукава его легли в положение, означающее знак бедствия. Затем я подобрал ненужную одежду и сделал вид, что хочу засунуть ее обратно в шкаф. Главный тут же ткнул мне в ребра пистолет и сказал:

— Нечего. Уже оделся.

Я подчинился, бросив остальную одежду на пол. Свитер остался лежать посреди комнаты как символ, понятный каждому, кто мог прочесть его. Когда меня уводили, я молился, чтобы уборщик не пришел прежде, чем в комнату заглянет Зеб.

Они завязали мне глаза, как только мы вошли во внутренние покои. Мы спустились на шесть пролетов вниз и достигли помещения, наполненного сдавленной тишиной сейфа или бомбоубежища. С глаз сняли повязку. Я зажмурился.

— Садись, сын мой, садись и чувствуй себя как дома.

Я понял, что нахожусь лицом к лицу с самим Великим инквизитором, увидел его добрую улыбку и добрые собачьи глаза.

Мягкий голос продолжал:

— Прости, что тебя так грубо подняли из теплой постельки, но святой церкви нужна срочная информация. Скажи мне, сын мой, боишься ли ты господа? О, разумеется, боишься. Твое благочестие мне известно. Так что ты не откажешься помочь мне разобраться в маленьком деле, прежде чем вернешься к завтраку. И сделаешь это к дальнейшему процветанию господа.

Он обернулся к одетому в длинный черный плащ и маску помощнику и сказал:

— Подготовьте его. Только, ради бога, не причините ему страданий.

Со мной обращались быстро, грубо, но в самом деле не причинили боли. Они вертели меня, как нечто неживое. Они раздели меня до пояса, приладили ко мне электроды и провода, обернули правую руку резиновой полосой, привязали меня к креслу и даже прикрепили миниатюрное зеркальце к горлу. У пульта управления один из них проверил напряжение и работу приборов.

Я отвернулся от пульта и постарался припомнить таблицу логарифмов от одного до десяти.

— Понимаешь ли ты наши методы, сын мой? Эффективность и доброта — вот что их отличает. Теперь скажи мне, милый, куда вы ее дели?

К тому времени я добрался до логарифма восьми.

— Кого?

— Зачем ты это сделал?

— Простите, ваше преосвященство. Я не понимаю, что я должен был сделать?

Кто-то сильно ударил меня сзади. Приборы на пульте дернули стрелками, и инквизитор внимательно присмотрелся к их показаниям. Затем сказал помощнику: «Сделайте укол».

Опять шприц. Они дали мне отдохнуть, пока средство не подействовало. Я провел это время, стараясь вспомнить таблицу логарифмов дальше. Но вскоре это стало трудно делать, меня охватило дремотное равнодушное состояние. Я чувствовал детское любопытство по отношению к моему окружению, но страха не было. Затем в мой мирок ворвался с вопросом голос инквизитора. Я не помню, что он спрашивал, но наверняка я отвечал первыми попавшимися словами.

Не знаю, как долго это продолжалось. В конце кон-

цов они вернули меня к реальности еще одним уколом. Инквизитор внимательно изучал красную точку на моей правой руке. Он посмотрел на меня:

— Откуда у тебя это, мой мальчик!

— Не знаю, ваше преосвященство.

В ту минуту это была правда.

Он сокрушенно покачал головой:

— Не будь наивным, сын мой, и не думай, что я наивен. Разреши, я объясню тебе кое-что. Вы, грешники, не всегда сознаете, что в конце концов господь всегда побеждает. Всегда. Наши методы основаны на любви и доброте, но они действуют с обязательностью падающего камня, и результат нам всегда известен заранее. Сначала мы беседуем с самим грешником и просим его добровольно отдаться в руки господа, рассказать нам все, руководствуясь остатками добра, сохранившимися в его сердце. Когда наш призыв к доброте не находит отклика в ожесточившемся сердце, как это случилось с тобой, мой мальчик, мы пользуемся знаниями, которые вручил нам господь, чтобы проникать в подсознание. Обычно дальше этого допрос не идет, за исключением тех редких случаев, когда слуга сатаны встретился с грешником раньше, чем мы, и вмешался в святая святых — в мозг человека. Итак, сын мой, я сейчас вернулся из прогулки по твоему разуму. Я обнаружил в нем много такого, что наказуется. Но я обнаружил там также стену, воздвигнутую каким-то другим грешником, и вынужден признать, что сведения, необходимые церкви, скрываются за этой стеной.

Возможно, я не уследил за своим лицом, и на нем отразилась радость. Инквизитор улыбнулся печальной и доброй улыбкой и добавил:

— Никакая стена сатаны не остановит господа. Когда мы обнаруживаем такое препятствие, в нашем распоряжении два выхода. Если у меня достаточно времени, я могу убрать стену мягко, безболезненно и безвредно для упорствующего грешника. Я желал бы, чтобы у меня было достаточно времени, я действительно очень жалею, что у меня нет времени, потому что верю, что ты, Джон Лайл, хороший мальчик в сердце своем и не принадлежишь к сознательным грешникам. Но хоть время бесконечно, я им сейчас не располагаю. Есть второй путь. Мы можем презреть дьявольский

барьер и ударить по тем областям мозга, которые владеют сознанием. Да поведут нас вперед знамена господа бога!

Он отвернулся от меня и сказал:

— Подготовьте его.

Безликие палачи надели мне на голову металлический шлем и сделали что-то с приборами на пульте управления.

— Послушай, Джон Лайл,— сказал инквизитор.— Я сам занялся тобой, потому что на этой стадии допроса мои помощники порой заменяют искусство усердием и приводят грешника к гибели. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Ты заблудший ягненок, и моя цель — спасти тебя.

— Спасибо, ваше преосвященство.

— Не благодари меня, благодари господа, которому я служу. Однако,— продолжал он, слегка нахмурившись,— прошу тебя учесть, что наступление на разум, хоть и необходимо, может оказаться болезненным. Простишь ли ты меня?

Я колебался не больше секунды.

— Я прощаю вас, ваше преосвященство.

Он взглянул на стрелки приборов и добавил сухо:

— Ложь. Но я прощаю тебе эту ложь, ибо она была сказана с благими намерениями.

Он кивнул своим молчаливым помощникам:

— Приступайте.

Свет ослепил меня, и нечто громом взорвалось в ушах. Моя правая нога дернулась от боли и скрючилась. Перехватило горло. Я задыхался. Что-то раскаленное уперлось мне в солнечное сплетение...

— Куда ты ее дел?!

Шум, начавшийся с низких нот, поднимался до тех пор, пока не превратился в тысячу тупых пил...

— Кто тебе помогал?!

Невероятный жар душил меня. И я никуда не мог от него деться.

— Зачем ты это сделал?!

Я мечтал сорвать с себя жгучую кожу, но руки не повиновались мне.

— Где она?!

Свет... звук... боль... жар... конвульсии... падение... свет и боль... холод и жар, звук...

— Любишь ли ты господа?..

Жгучая жара и боль, трещотки в голове, заставляющие кричать.

—Куда ты ее дел? Кто был с тобой? Сдайся, спаси свою душу!

Боль и беспомощность перед поглощающей темнотой.

Я думаю, что потерял сознание.

Кто-то с размаху бил открытой ладонью по рту.

— Очнись, Джон Лайл, и сознайся! Тебя выдал Зебадия Джонс.

Я ничего не ответил. Не было необходимости стимулировать оцепенение, которого я не мог стряхнуть с себя. Но слова были страшны, и мозг мой старался осмыслить их. Зеб, бедный Зеб! Старина Зеб! Бедняга Зеб! Неужели наши не успели создать преграду в его мозгу? Мне и в голову не пришло, что Зеб мог сознаться под пыткой. Я решил, что они умудрились вторгнуться в его подсознание. Умер ли он уже? Я понимал, что во все это втянул его я.

Голова моя дернулась от нового удара.

— Очнись! Слышишь меня? Джонс выдал твои грехи.

— Выдал что? — пробормотал я.

Великий инквизитор приказал помощникам отойти и наклонил надо мной обеспокоенное доброе лицо.

— Милый сын мой, сделай это для господа... и для меня. Ты молодец, ты отважно пытался защитить своих товарищей, но они-то тебя предали, и твоя отвага уже никому на свете не нужна. Не надо уходить на тот свет с такой тяжестью. Сознайся, и пусть смерть возьмет тебя, прощенного.

— Вы хотите убить меня?

Он возмутился.

— Я этого не говорил. Я знаю, что смерти ты не боишься . Но тебе следует бояться встречи с создателем, раз душа твоя так отягощена грехами. Открой, наконец, свое сердце и сознайся.

Он отвернулся от меня и мягким нежным голосом приказал:

— Продолжайте. На этот раз механическое воздействие. Пока не стоит выжигать его мозг.

Нет смысла рассказывать, что он имел в виду под

механическим воздействием. Рассказ мой и так утомителен. Методы инквизитора немногим отличались от средневековых пыток, разве что он куда лучше знал человеческую анатомию и расположение нервных центров и, надо сказать, мастерски использовал свои знания... Сам инквизитор и его помощники вели себя так, будто не получали никакого садистского удовольствия от моих страданий. Это придавало их действиям холодную эффективность. Но давайте опустим детали.

Сколько это длилось? Несколько раз я терял сознание, и помню только, как холодный поток воды снова и снова лился мне на лицо, приводя меня в чувство, а затем следовал новый кошмар. Не думаю, что я сказал им что-то важное, пока был в сознании, а когда терял его, меня предохраняла гипнотическая защита. Помню, как я старался выдумать грехи, которых никогда не совершал, но не могу вспомнить, что из этого вышло.

Помню еще голос, сказавший:

— Он еще выдержит. Сердце крепкое.

...Я был мертв. И это было приятно. Но, наконец, очнулся, как будто после очень долгого сна. Я попытался повернуться в постели, но тело меня не слушалось. Я открыл глаза и оглянулся: я лежал на постели в маленькой комнате без окон. Круглолицая молодая женщина в халате медсестры подошла ко мне и пощупала пульс.

— Доброе утро.

— Доброе утро,— ответила она.— Как мы себя чувствуем? Лучше?

— Что случилось?— спросил я.— Все кончилось? Или это только перерыв?

— Тихо,— сказала она.— Вы еще слишком слабы, чтобы разговаривать. Но все кончилось, и вы среди своих.

— Меня спасли?

— Да. Но теперь молчите.

Она подняла мне голову и дала напиться. Я снова заснул.

Прошло несколько дней, пока я оправился и узнал обо всем.

Комната, в которой я очнулся, была частью подва-

лов Ново-Иерусалимского универмага. Эти подвалы были связаны системой ходов с подземельями дворца.

Зеб пришел навестить меня, как только мне разрешили принимать гостей. Я постарался приподняться в постели.

Зеб, дружище, а я думал, что ты мертв.

— Кто? Я? — он наклонился надо мной и похлопал меня по руке. — С чего ты это решил?

Я рассказал ему о словах инквизитора. Он рассмеялся.

— Меня даже не успели арестовать. Спасибо тебе. Никогда в жизни больше не назову тебя дураком. Если бы не твоя гениальная догадка разложить на полу свитер, никто из нас не выпутался бы из этого живым. А так, поняв в чем дело, я прямиком направился в комнату ван Эйка. Он приказал мне спрятаться в подземелье и затем занялся твоим спасением.

Я хотел спросить его, как им это удалось сделать, но мысли мои перескочили на более важную тему.

— Зеб, а как Юдифь? Нельзя ли мне с ней увидеться? А то моя медсестра только улыбается и велит не волноваться.

Он удивился:

— А они тебе не сказали?

— Что? Я никого не видел, кроме сестры и врача, а они обращаются со мной, как с идиотом. Да перестань темнить, Зеб. Что-нибудь случилось? С ней все в порядке? Или нет?

—Все в порядке. Она сейчас в Мексике, мы получили об этом сообщение два дня назад.

Я чуть не расплакался.

— Уехала? Это же нечестно! Почему она не подождала два дня, пока я приду в себя?

Зеб ответил быстро:

— Послушай, дурачок! Нет, извини, я обещал не употреблять этого слова: ты не дурачок. Послушай, старина, у тебя нелады с календарем. Она уехала до того, как тебя спасли, еще когда мы не были уверены, что спасем тебя. Не думаешь ли ты, что ее вернут только для того, чтобы вы могли поворковать?

Я подумал и успокоился. Он говорил дело, хоть я и был глубоко разочарован. Он переменил тему:

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно.

— Они сказали, что завтра снимут гипс с ноги.

— А мне об этом ни слова.

Я постарался устроиться поудобнее.

— Больше всего на свете мечтаю выбраться из этого корсета, а доктор говорит, что придется пожить в нем еще несколько недель.

— Как рука? Можешь согнуть пальцы?

Я попытался.

— Больее или менее. Пока стану писать левой рукой.

— Во всяком случае мне кажется, что ты не собираешься умирать, старина. Кстати, если это послужит тебе некоторым облегчением, могу сообщить, что подручных дел мастеришко, который пытал Юдифь, скончался во время операции по твоему спасению.

— В самом деле? Жалко. Я хотел бы оставить его для себя...

— Не сомневаюсь. Но в таком случае тебе пришлось бы встать в длинную очередь. Таких, как ты, немало. Я в том числе.

— Но я-то придумал для него кое-что оригинальное. Я заставил бы его кусать ногти.

— Кусать ногти?—Зеб явно удивился.

— Пока он не обкусал бы их до локтей. Понимаешь?

— Да,— усмехнулся Зеб.—Нельзя сказать, что ты страдаешь избытком воображения. Но он мертв, и нам до него не добраться.

— Ну тогда ему повезло. А почему ты, Зеб, сам до него не добрался?

— Я? Да я даже не участвовал в твоем спасении. Я к тому времени еще не вернулся во дворец.

— Как так?

— Не думаешь ли ты, что я все еще исполняю обязанности ангела?

— Об этом я как-то не подумал.

— Не мог я вернуться после того, как скрылся от ареста. Теперь мы оба дезертиры из армии Соединенных Штатов — и каждый полицейский, каждый почтальон в стране мечтает получить награду за нашу поимку.

Я тихо присвистнул, когда до меня дошло все значение его слов.

6

Я присоединился к Каббале под влиянием момента. Правда, в тот миг мне было не до долгих рассуждений. Нельзя сказать, что я порвал с церковью в результате трезвого раздумья.

Конечно, я понимал, что присоединиться к подполью значило порвать все старые связи, но тогда я об этом не задумывался.

А что значило для меня навсегда отказаться от офицерского мундира. Я гордился им, я любил идти по улице, заходить в кафе, магазины и сознавать, что все глаза обращены на меня.

Наконец я выбросил эти мысли из головы. Руки мои оперлись уже на плуг, и лемех вонзился в землю. Пути назад не было. Я выбрал себе дорогу и останусь на ней, пока мы не победим или пока меня не сожгут за измену.

Зеб смотрел на меня испытующе:

— Не понравилось?

— Ничего. Я привыкаю. Просто события разворачиваются слишком быстро.

— Понимаю. Нам придется забыть о пенсии, и теперь неважно, какими по счету мы были в Вест Пойнте.

Он снял с пальца кольцо училища, подкинул его в воздух, а потом сунул в карман.

— Надо работать, дружище. Ты, кстати, обнаружишь, что здесь тоже есть военные подразделения. И совсем настоящие. Что касается меня, то мне эта фанаберия надоела, и я рад бы никогда больше не слышать: «Стройся! Равнение на середину!» Но все равно мы будем работать там, где нужно, главное — борьба.

Питер ван Эйк пришел навестить меня дня через два. Он присел на краешек кровати, сложил руки на брюшке и посмотрел на меня.

— Тебе лучше, сынок?

— Я мог бы подняться, но доктор не разрешает.

— Хорошо, а то у нас людей не хватает. И чем меньше образованный офицер пролежит в госпитале, тем лучше.— Он помолчал, пожевал губами и добавил:

— Но, сынок, я и ума не приложу, что с тобой делать.

— Как так?

— Честно говоря, тебя с самого начала не следовало принимать в организацию: мы не имеем права вмешиваться в сердечные дела. Такие дела нарушат привычные связи и могут привести к скоропалительным и неверным решениям. А уж после того, как мы тебя приняли, нам пришлось впутаться в такие авантюры, которых, строго говоря, и быть не должно.

Я ничего не ответил. Нечего было отвечать: капитан был прав. Я почувствовал, что краснею.

— Не вспыхивай, как девушка,— сказал капитан.— Ведь с точки зрения боевого духа нам полезно иногда нападать самим. Но главная проблема — что делать с тобой. Парень ты здоровый, держал себя неплохо, но понимаешь ли ты в самом деле, что мы боремся за свободу и человеческое достоинство? Понимаешь ли вообще, что значат эти слова?

Я ответил, почти не колеблясь:

— Может быть, я и не первый умник, право, и мне никогда не проходилось размышлять о политике, но я твердо знаю, на чьей я стороне.

Он кивнул головой.

— Этого достаточно. Мы не можем ожидать, что каждый из нас станет Томом Пейном *.

— Кем?

— Томасом Пейном. Но ты о нем никогда не слышал, конечно. Когда будет свободное время, почитай о нем, у нас есть библиотека. Очень помогает. Теперь о тебе. Конечно, нетрудно посадить тебя за стол. Твой друг Зеб проводит за ним по шестнадцать часов в день, приводя в порядок наши бумажные дела. Но мне не хочется, чтобы оба вы занимались канцелярщиной. Скажи, что было твоим любимым предметом, твоей специальностью?

— Я еще не специализировался.

— Знаю. Но к чему у тебя были склонности? К прикладным чудесам, к массовой психологии?

---

* Пейн Томас (1737—1809) — прогрессивный американский политический деятель, автор памфлета «Здравый смысл» (1776), в котором он призывал к борьбе за независимость Северной Америки.

— У меня неплохо шли чудеса, но боюсь, что для психодинамики у меня не хватало мозгов. Я любил баллистику.

— К сожалению, у нас нет артиллерии. Мне нужен специалист по пропаганде, но ты не подойдешь.

— Зеб был в нашем выпуске первым по психологии толпы. Начальник училища уговаривал его перевестись в духовную академию.

— Я знаю об этом, и мы постараемся использовать Зеба, но не здесь и не сейчас. Он слишком увлекся сестрой Магдалиной, а я не люблю, когда возлюбленные работают вместе. Влияя друг на друга, партнеры могут исказить объективную картину. Теперь о вас. Как вы думаете, а не получился бы из вас убийца?

Он задал этот вопрос серьезно, но как-то походя. Я с трудом поверил собственным ушам. Меня всегда учили — и я принимал это за аксиому,— что убийство — один из страшных грехов, подобный кровосмешению или клятвопреступлению... Я еле заставил себя произнести:

— А братья прибегают... к убийству?

— А почему нет?— Ван Эйк не спускал с меня взгляда.— Интересно, если тебе представится возможность, ты убьешь Великого инквизитора?

— Разумеется! Но при условии, если это будет честный поединок.

— И ты думаешь, что они когда-нибудь дадут тебе шанс на честный поединок? А теперь давай вернемся в тот день, когда инквизитор арестовал сестру Юдифь. Представь себе, что у тебя была бы единственная возможность выручить ее, убив инквизитора ножом в спину. Что бы ты сделал?

Я ответил не колеблясь.

— Я бы его убил!

— И тебе было бы стыдно, ты бы раскаивался?

— Никогда!

— Видишь, как ты заговорил! А ведь Великий инквизитор не одинок. Есть субъекты и похуже его. Запомни: человек, который жрет мясо, не имеет морального права презирать мясника. Каждый епископ, каждый министр, любой человек, которому выгодна тирания, вплоть до самого Пророка,— прямой соучастник всех преступлений, которые совершает инквизиция. Чело-

век, который покрывает грех, потому что это ему выгодно, такой же грешник, как тот, кто этот грех совершил первым. Осознаешь ли ты эту связь?

Может показаться странным, но я все это понял сразу. В конце концов последние слова Мастера не противоречили тому, что говорилось в Писании.

Мастер Питер продолжал:

— Но учти — мы не приемлем возмездия. Возмездие — прерогатива господа. Я никогда не пошлю тебя убить инквизитора, ибо этим ты возьмешь на себя право творить возмездие. Мы не соблазняем человека грехом как приманкой. Но мы ведем войну. Она уже началась. В этой войне мы проводим различного рода операции. Например, мы знаем, что ликвидация вражеского командира в бою важней, чем разгром целого полка. Так что мы можем отыскать ключевого человека и убрать его. В одной епархии епископ может быть именно такого рода командиром. В соседней он — просто марионетка, которую поддерживает система. Мы убъем первого, но поможем второму сохранить свое место. Мы должны лишить их лучших мозгов. Поэтому я спрашиваю,— тут он склонился совсем близко ко мне. — Хочешь ли ты быть одним из тех, кто охотиться за их командирами? Эти операции для нас крайне важны.

Мне вдруг подумалось, что в последнее время всегда находится кто-то, кто подсовывает мне неприятные факты и заставляет их признавать, тогда как обыкновенные люди всю жизнь занимаются тем, что обходят неприятности, избегают их. По зубам ли мне такое задание? Могу ли я отказаться от него? Как мне показалось, мастер Питер дал понять, что убийц набирают из добровольцев, а если я откажусь, легко ли мне будет сознавать, что кто-то другой должен исполнять самую тяжелую работу, а я хочу остаться чистеньким?

Мастер Питер был прав: человек, который покупает мясо, не имеет права смеяться над мясником — он кровный брат мяснику... Сколько есть людей, которые ратуют за смертную казнь, но они ужаснутся, если им самим предложат ее совершить. А разве мало тех, кто выступает за войну, но сам дезертирует, потому что боится быть убитым.

Левая рука должна знать, что делает правая! А сердце ответственно за действия обеих рук. И я ответил:

— Мастер Питер. Я готово служить... служить в том качестве, в котором братья решат меня использовать.

— Молодец.— Питер чуть расслабился и продолжал.— Между нами, признаюсь тебе, что работу убийцы я предлагаю каждому новому добровольцу, когда я не уверен, понимает ли он, что мы собрались не для того, чтобы играть в пинг-понг, но ради великого дела, которому каждый из нас должен отдать себя целиком без всяких условий — он должен быть готов ради дела расстаться со своим имуществом, своей честью и своей жизнью. У нас нет места для тех, кто умеет отдавать приказания, но отказывается чистить нужники.

Счастливое облегчение овладело мною:

— Значит, вы не всерьез предлагали мне работу убийцы?

— Обычно я не предлагаю серьезно эту работу новобранцам. Уж очень мало на свете людей, пригодных для этого. Но, честно говоря, в твоем случае я был совершенно серьезен, потому что мы уже знаем: ты обладаешь редчайшими качествами.

Я постарался сообразить, что во мне редчайшего и особенного, но не смог.

— Простите?

— В конце концов тебя на этой работе обязательно поймают. Каждый наш убийца успевает выполнить в среднем три с половиной задания. Это неплохой показатель, но нам желательно его повысить, хотя подходящие исполнители встречаются очень редко. В вашем случае мы уже знаем: когда они вас поймают и начнут допрашивать, им от вас ничего не добиться.

Видно, мои чувства отразились на физиономии. Опять допрос? Я до сих пор не слышу на одно ухо.

Мастер Питер сказал мягко:

— Разумеется, вам не придется снова пережить все это. Мы всегда предохраняем убийц. Мы делаем так, что им легко покончить с собой. Так что не волнуйтесь.

Поверьте мне, что после воспоминания о допросе мысль о самоубийстве была для меня облегчением.

— А как это делается? — спросил я.

— Для этого есть дюжина различных способов. Наши врачи могут заминировать вас так, что вы будете способны покончить с собой усилием воли. Конечно,

есть и другие способы — цианистый калий в дырке зуба, например. Но к этому они уже привыкли и обычно сперва затыкают рот тряпкой, так что вам капсулу не надкусить. Но мы и тут нашли способ.— Он широко развел руки, завел их за спину.— Если я заведу руки за спину, чего в нормальных условиях человек никогда не делает, лопнет миниатюрная капсула, вшитая между лопатками. В то же время вы можете стучать меня по спине хоть весь день и ничего со мной не случится.

— А вы сам были... убийцей?

— Нет. Да и как я могу им быть, если у меня совсем другая работа? Но все мы, кто занимает в организации ответственные посты, обязательно заминированы. По крайней мере мы не выдадим то, что знаем. К тому же я ношу бомбу в брюхе,— он похлопал себя по животу.— Если эта бомба взорвется, то погибнут все, кто окажется со мной в комнате.

— Мне бы такую бомбу на том допросе!— воскликнул я.

— Не сглазьте! Тебе же сказочно повезло. Но если понадобится мина, мы ее тебе подложим.

Он поднялся.

— А пока не думайте о моем предложении. Вас еще должна исследовать группа психологов. А они придирчивые ребята.

Несмотря на его последние слова, я немало думал о его предложении. Правда, со временем уже не с таким содроганием.

Вскоре мне разрешили вставать и давали нетрудные поручения. В течение нескольких дней я считывал гранки «Иконоборца» — осторожной, слегка критичной, взывающей к реформам сверху газете. Это была газета типа «Да, но...» — внешне беспредельно преданная Пророку и в то же время призванная вызывать сомнения и заставлять задуматься даже самых нетерпимых и прямолинейных из его приверженцев. Значение ее заключалось не в том, что в ней говорится, а в том, как. Ее номера мне приходилось видеть даже во дворце.

Познакомился я немного также с нашим подземным штабом в Новом Иерусалиме. Сам универмаг принадлежал нашему человеку и был очень важным средством сообщения с внешним миром. Полки магазина кормили и одевали нас, через систему связи уни-

вермага мы не только сообщались с другими частями города, но и могли иногда организовывать международную связь, если нам удавалось зашифровать послание так, чтобы оно не вызвало подозрения у цензуры. Грузовики универмага помогали перевозить людей. Я узнал, что именно так начала свой путь в Мексику Юдифь,— в ящике, на котором было написано «резиновая обувь». Коммерческие операции магазина служили хорошим прикрытием для наших широких связей.

Успешная революция — огромное дело, нельзя забывать об этом. В современном сложном индустриальном обществе кучка заговорщиков, которые шепчутся за углом и собираются при свече на покинутых руинах, не сделает революции. Революции нужны множество людей, запасы современной техники и современного оружия. И чтобы управлять всем этим, необходимы конспирация, преданность делу и тщательно продуманная организация.

Я работал, но, пока не получил назначения, у меня оставалось много свободного времени. Нашлось время и заглянуть в библиотеку; я прочитал и про Томаса Пейна, и про Патрика Генри *, и про Томаса Джефферсона **, и про других. Для меня открылся новый мир. Сначала мне было даже трудно поверить в то, что я прочел. Я думаю: из всего, что полицейское государство делает со своими гражданами, самое пагубное и непростительное — это искажение исторического прошлого.

Например, я узнал: оказывается, перед приходом первого Пророка Соединенные Штаты управлялись не шайкой сатаны. Я не хочу сказать, будто их государство было раем из проповедей, но оно не было и тем, чему меня учили в школе. Впервые в жизни я читал книги, непрошедшие цензуру Пророка, и они потрясли меня. Иногда я даже невольно оборачивался, боясь самого себя, ожидая, что кто-то обязательно должен следить за мной, смотреть мне через плечо.

---

* Генри Патрик (1736—1799) — американский общественный деятель, идеолог и активный участник войны за независимость Северной Америки.

** Джефферсон Томас (1743—1826) — американский просветитель, идеолог войны Северной Америки за независимость, президент США в 1801—1809 гг. Автор Декларации Независимости США.

Голова моя была забита новыми идеями, каждая из которых была интереснее предыдущей. Я узнал, что межпланетные путешествия, почти миф в мое время, прекратились не потому, что Первый Пророк запретил их, как противные господу; они прекратились потому, что правительство Пророка привело страну в упадок и не смогло их финансировать. Я узнал даже, что «безмозглые» (я использовал мысленно привычное слово для определения иностранцев) посылали в космос корабли и люди уже покорили Марс и Венеру.

Я был так этим взволнован, что даже забыл о нашем положении. Если бы меня не выбрали в ангелы господа, я, наверное, стал бы работать в области ракетостроения. Я любил такие вещи, которые требовали быстрых рефлексов, совмещенных со знанием математики и механики. Может быть, со временем Соединенные Штаты снова будут иметь космические корабли. Может быть, я...

Но эта мысль была заглушена сотнями других. Например, иностранными газетами. Я даже и не подозревал раньше, что «безмозглые» умеют читать и писать. Лондонская «Таймс» оказалась увлекательнейшей газетой. До меня понемногу дошло, что англичане не едят человеческого мяса и даже, может быть, никогда и не ели. Оказалось, они очень похожи на нас, если не считать, что им было до безобразия много разрешено; я даже видел письма читателей, в которых они осмеливались критиковать правительство. Больше того, в той же газете было напечатано письмо, в котором местный епископ укорял своих прихожан за то, что они редко ходят в церковь. Я не могу даже сказать, какое из писем потрясло меня больше. Однако не было никакого сомнения: письма эти указывали, что в Англии воцарилась полная анархия.

Мастер Питер сообщил мне, что управление психологии не пропустило меня в убийцы. С одной стороны, я почувствовал громадное облегчение. С другой — глубоко оскорбился. Чем же я им не подошел? Почему мне не доверяют. Я ощутил унижение.

— Не переживай,— сухо сказал ван Эйк.— Они ввели в компьютер твои данные и проиграли на нем ситуацию, в которой ты должен выполнить задание. И обнаружили, что все шансы за то, что тебя поймают в пер-

вый же раз. А мы не хотим, чтобы наши люди погибали так быстро.

— А что же теперь?

— Я тебя отправляю в Главный штаб.

— Главный штаб? А где это?

— Узнаешь, когда попадешь туда. А сейчас направляйся к метаморфисту.

Доктор Мюллер был специалист по пластическим операциям. Я спросил его, что он будет со мной делать.

— Не знаю, пока не выясню, что вы собой представляете.

Он меня всего обмерил вдоль и поперек, записал голос, проанализировал походку и проверил все мои психические данные.

— Теперь отыщем вам брата-близнеца.

Я наблюдал, как мою карточку сравнивали с десятками тысяч других, и принялся уже подозревать, что я — личность совершенно уникальная, не напоминающая никого на свете, когда почти сразу из аппарата выпало две карточки. А прежде чем машина закончила работу, на столе перед доктором лежало уже пять карт.

— Неплохой набор,— произнес доктор Мюллер, разглядывая их.— Один синтетический, два живых, один мертвец и одна женщина. Ну, женщину мы отложим в сторону, но запомним для себя, что на свете есть женщина, которую вы могли бы прилично имитировать.

— А что такое синтетический?— спросил я.

— Это личность, тщательно составленная из поддельных документов и придуманного происхождения. Сделать синтетического — задача сложная и рискованная, приходится вносить изменения в государственные архивы. Я не хотел бы пользоваться придуманной личностью, потому что тут не учтешь мелких деталей, которые могут оказаться жизненно важными. Я предпочел бы дать вам облик и данные живущего человека.

— А почему вы все-таки создаете синтетические личности?

— Иногда приходится. Например, надо срочно вывезти беглеца, и под рукой нет никого, чью личность мы могли бы ему передать. Поэтому у нас постоянно в запасе широкий выбор синтетиков. Посмотрим теперь, кто же эти живые?

— Минутку, доктор,— перебил его я.— А почему вы сохраняете карточки умерших людей?

— А это те, кто формально считается живым. Когда кто-нибудь из наших умирает и представляется возможность скрыть это от властей, мы сохраняем его данные, чтобы ими мог воспользоваться наш агент. Да, вы поете?

— Неважно.

— Тогда этот отпадает. Он — баритон. Я могу многое в вас изменить, но не смогу научить вас профессионально петь. А не хотелось бы вам стать Адамом Ривсом, представителем текстильной компании?

— Вы думаете, я справлюсь?

— Разумеется. После того, как я с вами позанимаюсь.

Через две недели меня не узнала бы и родная мать. Да, думаю, и мать Ривса не отличила бы меня от своего сына. В течение второй недели я каждый день встречался с настоящим Ривсом. Пока мы с ним занимались, я к нему привык, и он мне даже понравился. Он оказался тихим, скромным человеком, который не любил вылезать на передний план, и потому казался мне ниже ростом, хотя он был, конечно, такого же, как и я, роста, сложения и даже немного походил на меня лицом.

Немного — это было вначале. После небольшой операции уши мои несколько оттопырились. Нос Ривса был с горбинкой — кусочек воска, положенный мне под кожу на переносицу, придал горбинку и моему носу. Пришлось поставить коронки на несколько зубов, чтобы одинаковыми стали наши зубы. Это была единственная часть перевоплощения, против которой я возражал. Пришлось также просветлить мне кожу на лице: работа Ривса не давала ему возможности часто бывать на свежем воздухе.

Но самой трудной частью перевоплощения были искусственные отпечатки пальцев. Подушечки моих пальцев покрыли тонким прозрачным слоем, на котором были выдавлены линии пальцев Ривса. Эта работа была настолько тонкая и точная, что доктор Мюллер заставил переделать один из пальцев семь раз, пока не признал, что трюк удался.

Но все это оказалось только началом. Теперь мне надо было научиться ходить, как ходил Ривс, смеяться,

как он смеялся, даже изучить его поведение за столом. Я усомнился, что много зарабатывал бы как актер, и мой тренер полностью со мной согласился.

— Послушайте, Лайл,— повторял он.— Когда вы, наконец, усвоите, что жизнь ваша зависит от того, насколько хорошо вы будете имитировать Ривса? Вы обязаны научиться!

— А мне казалось, что я веду себя, как Ривс,— робко возражал я.

— Ведете! В этом-то и беда, что только ведете. И разница между вами и Ривсом, как между настоящей ногой и протезом. Вы обязаны стать настоящим Ривсом. Попытайтесь. Беспокойтесь, как и он, о распространении тканей, думайте о вашей последней деловой поездке, о налогах и расцветке... Давайте. Попытайтесь.

Каждую свободную минуту я изучал дела Ривса так, чтобы полностью заменить его как специалист по текстилю. Я изучал способы торговли и понял: мало только развозить образцы и предлагать их розничным торговцам. Еще до окончания работы я научился уважать своего двойника. Раньше я полагал, что продавать и покупать — просто. Оказывается, я и здесь ошибался. Я плохо спал и просыпался по утрам с разламывающейся головой, и уши мои, еще не зажившие после операции, зудели до безобразия.

И вот все кончено. За две недели я стал Адамом Ривсом, путешественником по торговым делам.

7

— Лайл,— сказал мне Питер ван Эйк.— Ривс должен вылететь сегодня на «Комете» в Цинциннати. Ты готов?

— Да, сэр.

— Хорошо. Повтори приказ.

— Сначала я должен проехать до побережья. Явлюсь в Сан-Францисское отделение фирмы и отчитаюсь там в своих сделках. Потом возьму отпуск и поеду отдыхать. В Аризоне, в городе Фениксе, я должен посетить церковную службу. После службы я останусь и поблагодарю священника за вдохновенную пропо-

ведь. Затем я скажу ему пароль. Он поможет мне добраться до Главного штаба.

— Правильно. Ты попадешь к месту работы, и, кроме того, я использую тебя как курьера. Зайди сейчас в психодинамическую лабораторию, и главный техник даст тебе указания.

— Слушаюсь.

Питер встал из-за стола и, обойдя его, подошел ко мне.

— До свидания, Джон. Береги себя.

— Спасибо, сэр. А послание, которое я должен доставить, важное?

— Очень важное.

Он больше ничего не сказал и оставил меня в недоумении. Почему не сказать сразу, если я все равно через несколько минут все узнаю? Но я ошибался. В лаборатории меня попросили сесть и подготовиться к сеансу гипноза.

— Вот и все,—сказали мне после окончания сеанса.—Выполняйте приказание.

— А как насчет послания, которое я должен доставить в Главный штаб?

— Оно уже в вас.

— Гипнотически? Но если меня арестуют?

— Вы в безопасности. Ключ к посланию в двух условных словах. У того, кто будет вас допрашивать, если вы попадетесь, практически нет шансов произнести оба слова в определенном порядке. Поэтому вы не сможете выдать послание ни во сне, ни наяву.

Сначала я думал, что мне дадут какое-нибудь средство покончить жизнь самоубийством, если я попадусь. Но когда узнал, что послание будет в безопасности, то не стал даже просить. Кстати, я не склонен к самоубийству: когда дьявол придет по мою душу, ему придется тащить меня на тот свет силой.

Ракетодром Нового Иерусалима связан с городом подземкой. Станция находится прямо напротив универмага, так что я вышел из его дверей, перешел улицу, разыскал тоннель с надписью «Ракетодром», подождал, пока подъехала пустая повозка, положил туда багаж, сел сам. Служитель закрыл колпак, включил ток, и почти мгновенно я оказался в порту.

Я купил билет и встал в хвост очереди к портовому

полицейскому участку. Должен признаться, что я нервничал. За документы Адама Ривса я не боялся, но знал, что полицейские наверняка имеют приказ задерживать всякого, кто напоминает бежавшего преступника Джона Лайла. Но они всегда кого-нибудь да разыскивают, и я надеялся, что список разыскиваемых лиц слишком длинен для того, чтобы на некоего Джона Лайла обратили особое внимание.

Очередь продвигалась медленно. Я принял это за неблагоприятный знак, особенно когда заметил, что нескольких человек вывели из нее и поставили у стены. Но само ожидание позволило мне собраться с силой. Я протянул сержанту свои документы, посмотрел на хроно, потом поднял глаза к станционным часам и снова посмотрел на свой хроно.

Сержант проверял бумаги не спеша. Он взглянул на меня и сказал:

— Не волнуйтесь, не опоздаете. Пока мы всех не проверим, они не полетят.

Он пододвинул ко мне блестящую дощечку:

— Отпечатки пальцев, попрошу.

Я без слов протянул руки. Он сверил эти отпечатки с отпечатками в моем разрешении на передвижение по стране, потом с отпечатками пальцев, которые Ривс оставил, когда прилетел сюда неделю назад.

— Все в порядке, мистер Ривс. Приятного пути.

Я поблагодарил его и пошел дальше.

Народу в «Комете» было немного. Я выбрал место у окна, в передней части салона, и только успел развернуть свежий номер «Святого города», как почувствовал прикосновение к плечу.

Это был полицейский.

— Прошу вас выйти.

Меня вывели из ракеты вместе с другими четырьмя пассажирами. Сержант был вежлив.

— Придется попросить всех вас вернуться в участок для дальнейшей проверки. Багаж будет выгружен. Билеты действительны на следующий рейс.

Я возмутился:

— Я обязан быть сегодня вечером в Цинциннати!

— Прошу прощения.— Тут он обернулся ко мне.— А, вы — Ривс! Вроде все сходится. И рост и лицо. Дай-

те-ка я еще разок посмотрю ваш пропуск. Вы же прилетели в город неделю назад?

— Совершенно правильно.

Он снова внимательно изучил мои документы.

— Ну, конечно, теперь я припоминаю. Вы прилетели утром во вторник на «Пилигриме». И вы не могли быть в двух местах одновременно. Так что, я думаю, против вас мы ничего не имеем. Быстро возвращайтесь в ракету. Остальные следуйте за мной.

Я вернулся в салон и снова развернул газету. Через несколько минут ракета взлетела и взяла курс на запад. Я продолжаю читать газету, чтобы успокоиться, но вскоре заинтересовался. Только что утром, в подполье, я читал свежую канадскую газету. Контраст был поразителен. Я снова оказался в мире, для которого не существовало других стран, «иностранные новости» состояли из гордых отчетов наших иностранных представительств и миссий и нескольких сообщений о зверствах «безмозглых». Я подумал, куда деваются все деньги, которые ежегодно выделяются на миссионерскую деятельность. Остальной мир, если верить «их» газетам, и не подозревал, что наши миссионеры существуют.

Потом я начал выбирать из сообщений те, что были явно лживыми. К тому времени, когда я кончил их подсчитывать, мы спустились в ионосферу и приближались к Цинциннати. Мы обогнали солнце и из ночи прилетели в вечер.

Очевидно, в моем роду был бродячий торговец. Я не только посетил все пункты, намеченные Ривсом, но даже добился кое-каких успехов. Даже обнаружил, что получаю больше удовлетворения, уговорив несговорчивого торговца, чем от военной службы. Я перестал думать о надежности моего нового лица, а полностью углубился в мир текстиля.

В Канзас-сити я улетел точно по графику и не встретил никаких препятствий в полиции, когда обратился за очередной визой на переезд. Я решил было, что Новый Иерусалим охраняется особо. А здесь уже никто и не разыскивает некоего Джона Лайла, бывшего офицера.

Ракета на Канзас-сити была переполнена. Мне пришлось сесть рядом с другим пассажиром, крепким мужчиной лет за тридцать. Мы поглядели друг на дру-

га, а потом каждый занялся своим делом. Я выдвинул столик и принялся приводить в порядок заказы и другие бумаги, накопившиеся за дни, проведенные в Цинциннати. Сосед откинулся на сидении и смотрел телефильм на экране в передней части салона.

Он толкнул меня в бок и, когда я обернулся, показал пальцем на экран. Там была видна площадь, заполненная народом. Люди бежали к ступеням массивного храма, над которым развевались знамя Пророка и вымпел епископства. Первая волна людей разбилась о нижние ступени храма.

Взвод храмовой охраны выбежал из боковой двери и быстро установил наверху лестницы треножники огнеметов. Дальше сцена снималась другой камерой, очевидно, установленной на крыше храма, потому что мы видели лица нападающих, устремленные в нашу сторону.

То, что последовало за этим, заставило меня устыдиться формы, которую я еще недавно носил. Чтобы продлить мучения людей, стражники целились огнеметами по ногам. Люди падали и катались в страшных мучениях по площади. Я увидел, как лучи ударили по ногам парня и девушки, которые бежали, взявшись за руки. Они упали, истекая кровью, но парень нашел в себе силы доползти до девушки и дотянуться рукой до ее лица. Камера покинула их и перешла на общий план.

Я схватил наушники, висевшие на спинке кресла, и услышал: «... аполис, Миннесота. Город находится под контролем местных властей, и присылки подкреплений не понадобится. Епископ Дженнинг объявил военное положение. Агенты сатаны окружены. Проводятся аресты. Порядок восстановлен. Город переводится на пост и молитву. Миннесотские гетто будут закрыты, и все парни переводятся в резервации Вайоминга и Монтаны для предотвращения дальнейших вспышек. Да пусть послужит это предупреждением каждому, кто осмелится подняться против божественной власти Пророка.

Передачу вела телестанция «Крылья ласточки» на средства Ассоциации Торговцев, производящих элегантнейшие в мире предметы женского туалета. Покупайте наши товары! Спешите! Новинка. Статуя Проро-

ка, чудесным образом светящаяся в темноте! Высылайте один доллар наложенным платежом...»

Я снял наушники и повесил их на место. Я молчал, ожидая, что скажет мой сосед,— и он заговорил с откровенным возмущением.

— Так им и надо, этим идиотам! Штурмовать укрепленные позиции без всякого оружия.— Он говорил очень тихо, склонившись к моему уху.

— Интересно, почему они взбунтовались?

— Да разве предугадаешь действия еретика. Они же все ненормальные.

— Вы могли бы повторить это и в церкви,— согласился я.— Кроме того, даже нормальный еретик — если такие бывают — должен понимать, что правительство очень толково управляет страной. Бизнес процветает.— Я со счастливой улыбкой похлопал по черному портфелю.— По крайней мере, мой бизнес, хвала господу.

Мы немного поговорили о состоянии дел в стране. Я присматривался к нему. На вид он был обычный преуспевающий горожанин, консерватор, но что-то в его облике заставило меня насторожиться. Может, просто нервы не в порядке? Или это шестое чувство человека, за которым охотятся?

Взгляд мой упал на его руки, и меня охватило чувство, что я должен что-то увидеть. Но ничего особенного не было. Я пригляделся и заметил все-таки весьма мелкую деталь — на пальце левой руки след от кольца. Такой же след был на моем пальце, когда я снял тяжелое кольцо, которое я носил много лет в Вест Пойнте и после него. Конечно, это ничего еще не значило — многие носили тяжелые кольца. На моем пальце, например, было кольцо с печаткой, принадлежавшее Ривсу.

Но почему он вдруг снял кольцо? Пустяк, конечно, но этот пустяк меня насторожил. В Вест Пойнте я никогда не считался хорошим психологом, но сейчас стоило вспомнить то немногое, чему меня все-таки научили. Я перебирал в памяти все, что знал о соседе.

Первое, что он заметил, первое, о чем он сказал, увидев сцену подавления восстания,— это то, что нападающие шли невооруженными на укрепленные позиции. Это могло указывать на военную ориентацию его

мыслей. Но это еще не доказывало, что он военный. Наоборот, выпускники академии никогда не снимают кольца и уносят его с собой в могилу. Единственное объяснение в таком случае: он не хочет, чтобы его узнали.

Мы продолжали вежливую беседу, и я размышлял о том, чем бы мне подкрепить свои рассуждения, когда стюардесса принесла чай. Ракета как раз начала спускаться, ее тряхнуло, и стюардесса пролила немного горячего чая на брюки моему соседу. Он вскрикнул и почти неслышно выругался. Сомневаюсь, что стюардесса поняла, что он сказал, но я разобрал.

Это ругательство было типично для Вест Пойнта, и я никогда не слышал, чтобы его употреблял кто-нибудь, кроме выпускников академии.

Отсутствие кольца было не случайно. Он — офицер, переодетый в штатское. Вывод: почти несомненно, он выполняет секретное задание.

Но даже если он охотился за мной, он совершил минимум две грубые для секретного агента ошибки. Даже самый неопытный новичок (я, к примеру) никогда не сделает таких ошибок, а ведь секретная служба состояла не из дураков, у них работали и лучше головы страны. Хорошо, что же из этого следует? Ошибки были не случайны. Предполагалось, что я их замечу и буду думать, что они случайны. Почему?

Вряд ли потому, что он сомневался, что я — тот человек, который ему нужен. В таком случае на основании проверенного тезиса о том, что каждый человек виновен, пока не доказано, что он невинен, он просто арестовал бы меня и подверг допросу.

Тогда почему же?

Вероятнее всего, они хотели испугать меня, заставить бросить все и помчаться в укрытие — и навести их таким образом на след моих товарищей. Конечно, все это были мои предположения, но они не противоречили фактами.

Когда я понял, что мой сосед — секретный агент, меня охватил холодный страх, схожий с морской болезнью. Но когда я решил, что раскусил его, я успокоился. Что бы сделал на моем месте Зеб? «Первый принцип интриги — не предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать подозрение...». Сиди на месте

и изображай идиота. Если он захочет следить за мной, пусть следит, я проведу его сквозь все отделения универмага в Канзас-сити — и пускай поглядит, как я всучиваю свои тряпки.

И все-таки меня бил озноб, когда мы сошли в Канзас-сити. Я все время ждал мягкого прикосновения к плечу — прикосновения куда более страшного, чем удар в лицо. Но ничего не произошло. Он бросил мне обычное «хранит ас господь», обогнал меня и направился к лифту, ведущему к стоянке такси, пока я ставил печати на моем пропуске. Правда, это меня не очень успокоило — он мог десять раз передать меня другому агенту. И все-таки я отправился к универмагу весьма неспешно.

Я провел деловую неделю в Канзас-сити, выполнил все, что от меня ожидалось, и даже неожиданно заключил выгодную непредусмотренную планом сделку. Я старался узнать, следят ли за мной, но по сей день так и не знаю, был ли у меня «хвост». Если следили, то кто-то провел очень скучную неделю. Но как бы то ни было, я с большим удовольствием сел в ракету, улетающую в Денвер.

Мы приземлились на аэродроме в нескольких милях от Денвера. Полиция проверила документы, и я уже собирался сунуть бумажник обратно в карман, когда сержант сказал:

— Оголите левую руку, мистер Ривс.

Я закатал рукав, пытаясь выказать при этом должную степень возмущения. Чиновник в белом халате взял кровь на анализ.

— Нормальная процедура.— заметил сержант.— Департамент здравоохранения опасается эпидемии лихорадки.

Это было весьма неправдоподобное объяснение. Но для Ривса оно могло показаться достаточным. Объяснение стало еще более неправдоподобным. когда мне велели подождать результатов анализа в комнате полицейского участка. Я сидел там, ломая голову, какой вред могли причинить мне десять кубиков собственной крови.

Времени подумать у меня было достаточно. Положение не из приятных. Но предлог, под которым меня задержали, был настолько тривиальным, что у меня не

хватало решимости попытаться убежать. Может быть, они и в самом деле боялись лихорадки. Я сидел и ждал.

Здание было временное, и стенка между комнатой, где я сидел, и помещением дежурного была из тонкого пластика. Я слышал голос, но не мог разобрать слов. Я не осмеливался приложить ухо к стене, опасаясь, вдруг кто-нибудь войдет, но в то же время понимал, что это может оказаться полезным. Я подвинул стул к стене и качнулся на нем назад, так что стул держался на двух ножках, а мои плечи и затылок оказались прижаты к стене. Потом загородился развернутой газетой и приблизил ухо к стене.

Теперь я мог разобрать каждое слово. Сержант рассказывал клерку историю, которая могла стоить ему месячного покаяния, если блюститель морали услышал бы ее, но так как я слышал ее во время службы во дворце, то она меня не шокировала, да и что мне до чужой морали. О Ривсе ни слова.

Напротив было открытое окно, выходившее на ракетодром. Небольшая ракета спустилась к земле, притормозила и замерла в четверти мили от меня... Пилот выпустил шасси, подогнал ракету к административному зданию и оставил ярдах в двадцати от окна. Я хорошо знал этот тип ракет (я водил такую же, играя за армию в воздушное поло; в тот год мы обыграли и флот, и Принстонский колледж).

Пилот вышел из ракеты и скрылся в здании. Если зажигание не выключено, почему бы не попробовать? Я посмотрел на открытое окно. Возможно, оно снабжено виброзащитой, и тогда я даже не успею узнать, отчего я погиб. Но я не видел накакой проводки, а тонкие стенки вряд ли могли скрыть в себе провода. Может быть, окно было оборудовано только контактной сигнализацией?

Пока я размышлял, до меня снова донеслись голоса из соседней комнаты.

— Какая группа крови?

— Первая, сержант.

— Совпадает?

— Нет, у Ривса третья.

— Ого! Позвони в главную лабораторию. Мы возьмем его в город на анализ сетчатки.

Я попался и знал это. Они уже наверняка поняли,

что я не Ривс. Как только они сфотографируют рисунок сосудов на сетчатке глаза, они тут же узнают, кто я на самом деле.

И я выпрыгнул в окно.

Я опустился на руки, перекатился через голову и, как пружина, вскочил на ноги. Дверь в ракету была раскрыта, и зажигание не отключено — дуракам везет!

Я не стал выводить ракету на главное поле, а дал полный газ. Мы с ней, с моей милой, подпрыгнули, пронеслись над землей и взмыли вверх, взяв курс на запад.

8

Я набрал высоту, чтобы включить главный двигатель. Настроение было отличное: в руках у меня чудесный корабль, а полицейские остались с носом. Но как только я отлетел на некоторое расстояние от аэропорта, мой глупый оптимизм испарился.

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через минуту поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого — два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения казалось не таким уж и чудом? Или, может быть, слишком чудом? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют пленника без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение — рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запугать меня? Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам.

Конечно, оставалась вероятность, что мне в самом деле повезло. В любом случае я не хотел попадаться им снова, как и не хотел привести их к моим товарищам.

Я нес важное послание и не мог доставить врагам такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту полицейских ракет. Услышал разговор, касающийся каких-то грузовых ракет, но не больше. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил карами земными и небесными. Может, это начнется позже. Я отключился.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Данвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Баки были почти полные — у меня горючего на десять часов, или на шесть тысяч миль. Но, правда, на такой скорости они меня могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невозможен, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я взял курс на Гавайскую республику. Затем я заложил программу в автопилот: дальность полета 3100 миль, скорость 800 миль в час. Только-только.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, анализаторы принялись вычислять и пришли быстро к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут. Перехватить меня нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Перехватчики поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался... Я хотел, чтобы они уничтожили мою ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Вторая задача. Как из этой штуки выбраться? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, которая катапультирует вас с креслом. Об этом позаботились конструкторы. Потом раскроется парашют, и вы комфортабельно опуститесь на божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть один недостаток: и корабль и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигналы бедствия. Все просто и непритязательно; как корова в церкви.

Я смотрел перед собой и ломал голову. Каждую минуту я пролетал тридцать миль, и каждую минуту у меня становилось минутой меньше. Конечно, рядом со мной был люк. Я мог бы надеть парашют и выйти наружу, но нельзя открыть люк в ракете, летящей на высоте шести миль. Стоит учесть и скорость — меня просто разрежет дверью, как масло.

Все зависело от того, сколь надежен у этой штуки автопилот. Хорошие автопилоты могут все сделать. Те, что подешевле и попроще, поддерживают скорость, высоту и направление полета, но этим таланты их исчерпываются.

Мой опыт полетов на такой ракете ничему не научил по той простой причине, что пользоваться парашютом при игре в воздушное поло не приходится. Поверьте мне на слово. Я поискал инструкцию, но не нашел ее. Без сомнения, я мог отвинтить панель автопилота и поработать над ним с отверткой в руках, но для этого понадобился бы целый день; в этих автопилотах до черта транзисторов и проволочной лапши.

Так что я вытащил парашют и принялся его надевать, напевая:

Друг, надеюсь, у тебя
Есть мне нужное устройство.

Автопилот не ответил ни слова, и надо признаться, я бы очень удивился, если бы он ответил. Потом я снова сел в кресло и принялся орудовать с автопилотом. Я был уже над пустыней и видел, как солнце отражалось в водах Соленого озера.

Сперва я немного снизился. На высоте шести миль слишком холодно и неуютно. Да и кислорода мало. Я перевел ракету на планирующий спуск. Мне хотелось, чтобы она в определенной точке начала опускаться вертикально. Затем я собирался выключить двигатели и выпрыгнуть наружу. Автопилот включит двигатели снова, и я надеялся, что это случится, когда я успею отлететь от ракеты.

Двигатели я намеревался выключить в тридцати тысячах футах от земли, так, чтобы автопилот успел включить тормозные устройства и ракета не врезалась бы в землю, что меня никак не устраивало.

Я выключил двигатели. Дверь не открылась. А когда открылась, это было так неожиданно, что я буквально вывалился наружу. С секунду и я, и ракета свободно падали рядом, потом расстояние стало увеличиваться. Я медленно вращался вокруг своей оси.

Понемногу ракета обогнала меня, и тут заработали ее двигатели — автопилот принялся за работу, стараясь вернуть ее на заданный курс. Так мы расстались.

Следя за тем, как она удаляется, я почувствовал, что глаза обжигает страшный холод. Я закрыл глаза руками, чтобы не отморозить. Но с закрытыми глазами мне показалось, что я вот-вот врежусь в землю. На секунду я приоткрыл глаза и обнаружил, что земля еще далеко — милях в двух-трех. Расчеты мои могли быть и неточны, потому что внизу уже стемнело. Далеко поблескивали выхлопы ракеты. Корабль набирал высоту и продолжал путь к океану. Я пожелал ракете счастливого пути и благородной кончины в океане, а не от выстрелов перехватчика.

Продолжая падать, я смотрел на удаляющийся огонек ее выхлопа.

Триумф моего кораблика заставил меня позабыть о том, как я перепуган. Вываливаясь из него, я помнил, что должен совершить затяжной прыжок. Расставаясь с кораблем, тело наверняка оставит второй огонек на экране радара. Чтобы исчезнуть с экрана, я должен как можно скорее выпасть из их поля зрения, а парашют можно будет раскрыть только у самой земли.

Мне никогда еще не приходилось совершать затяжных прыжков. Я всего-то прыгал два раза, оба прыжка были учебными под надзором инструктора, что только и требовалось от кадетов перед сдачей выпускных экзаменов.

Пока я падал, зажмурив глаза, я чувствовал себя вполне пристойно, если не считать непреодолимого желания дернуть за кольцо. Рука сама отыскала кольцо, и пальцы вцепились в него. Я приказал пальцам отпустить кольцо, но они почему-то не подчинились. Но открывать парашют нельзя ни в коем случае — я

был еще слишком высоко: ведь как только парашют раскроется, я стану медленно передвигающейся целью, которую может сбить каждый желающий.

Я намеревался открыть парашют где-то в пятистах футах над землей, но мои нервы не выдержали, и я не дождался. Почти прямо подо мной был большой город штата Юта-Прово, и я смог уговорить себя, что, если не потерплю еще хоть секунду, опущусь посреди этого города.

Я дернул кольцо и в течение двух страшных секунд был уверен, что мне достался негодный парашют. Но тут парашют весьма чувствительно для меня раскрылся. Я глубоко вздохнул — легкие стосковались по густому воздуху.

Я не видел земли, но чувствовал, что она близко. Я подогнул, как положено, колени, и тут же земля стукнула меня по ногам, и парашют потащил за собой, ударяя о кусты и волоча сквозь колючки.

Следующее, что я помню: я сижу на поле, засеянном сахарной свеклой, и потираю ушибленную коленку.

Шпионы во всех книжках зарывают свои парашюты, так что мне тоже, очевидно, положено было закопать свой. Но, во-первых, я устал, во-вторых, у меня не было с собой лопаты, а в-третьих, мне не хотелось копать землю. Я затолкал его в трубу под дорогой и пошел по обочине к огням Прово.

Из носа и левого уха шла кровь и засыхала на лице. Я был покрыт грязью, разорвал брюки, шляпа моя осталась бог знает где, коленка болела. Чувствовал я себя хуже некуда.

И все-таки я с трудом удерживался, чтобы не засвистеть. Да, они за мной гонятся, но они гонятся за пустой ракетой. Я надеялся, что мне на этот раз удалось их провести,— и тогда я свободен и сравнительно легко отделался... Если уж скрываться где-нибудь, то лучшего места, чем штат Юта, не придумаешь. Это всегдашний центр ересей с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь, еще во времена Первого Пророка. Если я не попадусь на глаза полицейским, можно надеяться, что местные жители меня не выдадут.

И все-таки я покорно бросался в пыльную канаву каждый раз, когда мимо проносились огни машин, и прежде чем достиг города, я покинул дорогу и пошел

напрямик полями. Я вошел в город узкой, слабо освещенной улицей. Оставалось два часа до комендантского часа, и мне надо было выполнить первую часть плана, пока на улицах не появились ночные патрули.

Больше часа бродил я по жилым районам, прежде чем нашел то, что нужно,—аэрокар, который я мог украсть. Это был форд, припаркованный у неосвещенного дома.

Укрываясь в тени, я подкрался к нему и сломал перочинный нож, стараясь открыть дверь, но все-таки открыл ее. Зажигание было выключено, но я и не надеялся на повторную удачу. Устройство двигателей входило в программу обучения в училище. Спешить было некуда. Через двадцать минуть я замкнул цепь.

Не спеша выехал я на улицу, завернул за угол и включил фары. Затем открыто проехал через весь город, как фермер, возвращающийся с городского богослужения. Мне не хотелось встречаться с полицейским кордоном у выезда из города, поэтому, как только дома стали мельчать и расстояния между ними увеличиваться, я свернул в поле. Неожиданно переднее колесо провалилось в канаву. Мне ничего не оставалось, как взлететь.

Двигатель кашлянул и заурчал. С треском распахнулись крылья аэрокара.

Земля ушла вниз.

9

Машина, которую я украл, оказалась старой и плохо ухоженной. В двигателе что-то постукивало, и ротор вибрировал так сильно, что мне это не нравилось. Но она летела, и горючего должно было хватить до Феникса.

Хуже было полное отсутствие навигационных приспособлений, если не считать нескольких старых карт, которые раздаются нефтяными компаниями. Радио в аэрокаре не работало.

Ну, что ж, у Колумба и этого не было. Я знал, что Феникс лежит на юге и до него пятьсот миль. Я держал высоту пятьсот футов.

Никаких следов погони. Очевидно, мою последнюю кражу не обнаружили. Мне пришло в голову, что за

мной тянется хвост преступлений, слишком длинный для маменькиного сыночка: соучастие в убийстве, ложь Великому инквизитору, измена присяге, присвоение чужих документов и дважды — кража. Конечно, оставались еще поджог и изнасилование. Я решил было, что обойдусь без изнасилования, но тут же подумал, что женитьба на святой дьяконессе может быть расценена именно так. Что ж, терять мне больше нечего.

Я не стал передавать управление автопилоту, потому что старался обходить города на почтительном расстоянии. Лишь отлетев на сто миль к югу от Прово, я решил, что могу позволить себе поспать.

В тех краях, за Великим Каньоном, люди попадаются очень редко. Так что я, приказав автопилоту поддерживать высоту в восемьсот футов от поверхности земли, перебрался на скамейку для пассажиров и тотчас же заснул.

Мне снилось, что Великий инквизитор старается сломить мой дух, пожирая в моем присутствии сочный бифштекс.

— Признавайся! — кричал он, откусывая кусок от бифштекса и смачно пережевывал его.— Признавайся, и сразу станет легче. Тебе кусочек от серединки или поджаристый краешек?

Я был готов уже во всем признаться, но, на мое счастье, проснулся.

Ярко светила луна. Мы как раз подлетали к Великому Каньону. Я метнулся к рычагам и взял управление на себя, испугавшись, что простоватый автопилот сойдет с ума, стараясь удержать нас на высоте восьмисот футов от поверхности гигантских ступеней каньона.

Открывшийся передо мной вид поразил меня настолько, что я на время забыл о голоде. Если вам не приходилось видеть Великий Каньон, то не стоит тратить времени, рассказывая вам об этом. Но я могу порекомендовать вам поглядеть на него ночью при свете луны с высоты птичьего полета.

Через двадцать минут мы пересекли Великий Каньон; я снова передал управление автопилоту и принялся обшаривать аэрокар, не пропуская ни одного ящика, ни одного шкафа, ни одного укромного местечка в поиках пищи. В результате я раздобыл дольку шоколада и несколько орешков арахиса. Таким образом

я устроил пышный пир. Я считаю, что мне сказочно повезло, потому что я был уже готов обсасывать кожу с сидений. Я устроил себе пышный пир — ведь у меня во рту не было ни крошки с самого Канзас-сити. Проглотив трофеи, я снова уснул.

Я не помню, чтобы включал будильник, но звон разбудил меня перед самым рассветом. Рассвет над пустыней — не менее потрясающее развлечение для туриста, но, к сожалению, мне пришлось заняться штурманскими обязанностями, и я мало что увидел. После нескольких минут упорных подсчетов, я пришел к выводу, что,если мои поправки на ветер были правильными, через полчаса я должен увидеть Феникс.

Приземлился я в сухом овраге, ведущем к каньону Соленой реки. Приземление было неудачно — я сорвал колесо и разбил ротор. Но это меня не очень расстроило: здесь машину с моими (вернее, Ривса) отпечатками пальцев найдут не скоро.

Я выбрался на шоссе и побрел вперед. Идти было далеко, нога совсем разболелась, но я не хотел рисковать и проситься на попутную машину. Машин встречалось мало, и я успевал каждый раз сойти с дороги и спрятаться. И тут неожиданно грузовик догнал меня на открытой местности. Мне ничего не оставалось, как помахать водителю рукой, приветствуя его. Грузовик затормозил около меня.

— Подвезти, парень?

Водитель выкинул лесенку, и я забрался в кабину. Он поглядел на меня:

— Дружище! — сказал он в восторге.— Это был горный лев или только медведь?

Я совсем забыл, как я выгляжу. Я осмотрел себя и сказал торжественно:

— Оба. И обоих я задушил голыми руками.

— Я верю.

— В самом же деле,— добавил я,— я ехал на велосипеде и слетел с дороги.

— На велосипеде? По этой дороге? Уж не от самой ли долины?

— Правда, мне приходилось иногда слезать и подталкивать его в горку.

Он покачал головой.

— Давай-ка лучше вернемся к львино-медвежьему варианту. Мне он больше нравится.

Он не стал меня ни о чем расспрашивать, и это меня устраивало. Я подумал, что версии, придуманные на ходу, ведут к неожиданным осложнениям. Никогда в жизни я не видел этой дороги и не знал, каково пришлось бы на ней велосипедисту.

Когда мы выехали из каньона, дорога пошла под уклон. Наконец мой хозяин остановился у придорожного ресторана.

— Все наверх,— сказал он.— Пора завтракать.

— Хорошая идея,— ответил я.

Мы уплели по яичнице с беконом и по большому сладкому аризонскому грейпфруту. Он не позволил мне заплатить за него и даже сам пытался оплатить мой счет. Когда мы вернулись к грузовику, он остановился на лесенке и сказал:

— Через три четверти мили полицейский кордон. Думаю, для кордона они выбрали неплохое место.

Он отвернулся.

— Да...— сказал я.— Полагаю, что мне лучше пройтись пешком. После завтрака очень полезны пешеходные прогулки. Спасибо, что подвезли.

— Не стоит благодарности. Да, кстати, ярдах в двухстах отсюда, если пройтись назад, начинается проселочная дорога. Она ведет на юг, но потом поворачивает на запад, к городу. Лучше гулять по ней — машин меньше.

— Еще раз спасибо.

Я повернул к проселочной дороге, раздумывая, действительно ли мое криминальное прошлое так очевидно первому же встречному. В любом случае, прежде чем я войду в город, мне надо привести себя в порядок. Проселочная дорога вела мимо ферм, и я миновал несколько, прежде чем решился зайти в маленький дом, в котором обитала испано-индейская семья с обычным набором детей и собак. Я решил рискнуть. Многие испанцы в глубине души остались католиками. И, возможно, ненавидели блюстителей морали не меньше, чем я.

Сеньора была дома. Это была толстая, добрая, похожая на индианку женщина. Мы не смогли о многом поговорить из-за моего слабого знакомства с испан-

ским языком, но я попросил «агуа» и получил «агуа» и для того, чтобы напиться, и для того, чтобы вымыться. Сеньора заштопала мне брюки, в то время как я глупо маячил перед ней в трусах, и многочисленные дети весело комментировали это событие. Она даже дала мне бритву мужа, чтобы я побрился. Она долго отказывалась взять деньги, но тут я был непреклонен. Я покинул ферму, выглядя почти прилично.

Дорога повернула к городу, и мне не встретилось ни одного полицейского. Я нашел на окраине магазин и маленькую портняжную мастерскую. Там я подождал, пока мое возвращение к респектабельности не завершилось вполне благополучно. В свежевыглаженном костюме, в новой рубашке и шляпе я мог смело гулять по улицам и благословлять полицейских, глядя им в глаза. В телефонной книге я нашел адрес нужной мне церкви. Карта на стене портняжной мастерской позволила мне добраться до места, не задавая вопросов прохожим.

Я успел к началу службы. Вздохнув облегченно, я уселся в заднем ряду и с удовольствием прослушал начало службы, как любил слушать ее еще мальчишкой, пока не понял, что в самом деле за ней скрывалось. Я наслаждался чувством безопасности. Несмотря ни на что, я добрался до цели. Сказать по правде, я вскоре заснул, но проснулся вовремя, и вряд ли кто-нибудь заметил мой проступок. Потом я некоторое время слонялся вокруг, пока не дождался удобного момента, чтобы поговорить со священником и поблагодарить его за редкое удовольствие, которое доставила мне его проповедь. Я пожал ему руку и условным образом надавил пальцем на ладонь.

Но он не ответил. Я был так удивлен и ошеломлен, что даже не сразу понял, что он говорит:

— Спасибо, молодой человек. Всегда приятно новому пастору услышать добрые отзывы о своем труде.

Наверное, меня выдало выражение лица. Он спросил:

— Что-нибудь случилось?

— О нет, сэр,— пробормотал я.— Я здесь сам впервые. Так вы не Бэрд?

Я был в панике. Бэрд — единственный мой контакт в этой части страны. Если я его не найду, меня пой-

мают за несколько часов. В голове уже вертелись несбыточные планы украсть еще одну ракету и направиться ночью к мексиканской границе.

Голос священника донесся как бы издалека:

— К сожалению, меня зовут иначе. Вы хотели бы видеть господина Бэрда?

— Как вам сказать, сэр. Это не так уж и важно. Он старый друг моего дяди. И дядя просил зайти к нему и передать привет.

Может быть, та индианка спрячет меня до темноты?

— Ну, его увидеть нетрудно. Он здесь же, в городе. Я заменяю его, пока он занемог.

Сердце мое забилось с двенадцатикратным ускорением. Я постарался не выдать волнения.

— Может быть, если он болен, его лучше не беспокоить?

— Нет, напротив. Он сломал ногу — и с удовольствием примет гостя.

Священник задрал сутану, достал из кармана обрывок бумаги и карандаш и написал адрес.

— Отсюда два квартала, потом поверните налево. Вы не заблудитесь.

Разумеется, я заблудился, но все-таки нашел в конце концов нужный дом. Дом был окружен большим неухоженным садом, где росли в живописном беспорядке эвкалипты, пальмы, кусты и цветы. Я нажал сигнал, в динамике что-то скрипнуло, и голос спросил:

— Да?

— Посетитель к достопочтенному Бэрду.

Последовало короткое молчание, потом тот же голос сказал:

— Вам придется самому войти. Моя служанка ушла на рынок. Обойдите дом и найдете меня в саду.

Дверь щелкнула и открылась. Я прошел в сад.

На качалке, положив забинтованную ногу на подушку, полулежал старик. Он опустил книгу, которую читал, и поглядел на меня поверх очков.

— Что нужно тебе, сын мой?

— Мне нужен совет.

Через час я запивал вкусный завтрак свежим молоком. К тому времени, как я добрался до вазы с мускатным виноградом, отец Бэрд кончил меня инструктировать.

— Итак, ничего не предпринимайте до темноты. Есть вопросы?

— Нет. Санчес вывезет меня из города и доставит туда, откуда меня проводят в Главный штаб. Все ясно.

Я покинул Феникс в двойном дне фруктового грузовика. Нос мой упирался в доски. Мы остановились у полицейского кордона на краю города. Я слышал отрывистые голоса полицейских и невозмутимо спокойный испанский ответ Санчеса. Кто-то прошагал по моей голове, и между досками верхнего дна появились светлые щели.

Наконец тот же отрывистый голос сказал:

— В порядке, Эзра. Это хозяйство отца Бэрда. Каждый вечер Санчес ездит к нему на ферму.

— Так чего ж он сразу не сказал?

— Когда он волнуется, забывает английский. О кэй, пошел, чико.

— Gracias, senores. Buenas noches. *

На ферме отца Бэрда меня посадили в геликоптер, бесшумный и хорошо оборудованный. Оба пилота обменялись со мной приветствием, но больше не сказали ни слова. Мы поднялись в воздух, как только я устроился в кабине.

Иллюминаторы пассажирской кабины были закрыты. Не знаю, ни в каком направлении мы летели, ни сколь далеко. Поездка была не из комфортабельных, потому что пилоты все время летели над самой землей, чтобы их не засек радар.

Первое, что я увидел, выйдя из приземлившейся машины, было дуло пулемета, за которым возвышались два неулыбчивых человека.

Но пилоты сказали пароль, мы обменялись тайными знаками.

Мне показалось, что часовые были чуть-чуть разочарованы, что я оказался своим и они не смогли отличиться. Удовлетворившись нашими ответами, они завязали мне глаза и повели. Мы миновали дверь, прошли еще ярдов пятьдесят и забрались в какое-то тесное помещение. Пол ушел из-под ног. Я выругался про себя — они могли предупредить, что мы в лифте. Покинув лифт, мы перешли на какую-то платформу, и мне

* Спасибо, сеньоры. Спокойной ночи (исп.).

велели держаться покрепче. Платформа двинулась вперед с громадной скоростью. Потом мы еще раз опустились на лифте, прошли несколько сот шагов, и с меня сняли повязку. И тут я впервые увидел Главный штаб.

Я не ожидал ничего подобного и потому громко ахнул. Один из стражей широко улыбнулся.

— Все вы так,— сказал он.

Это была известняковая пещера, настолько большая, что в ней вы чувствовали себя, как на улице. Она заставляла вспомнить сказки, дворец короля гномов.

Я помню фотографии пещер в Карловых Варах. Главный штаб напоминал их, хотя, конечно, карлововарварские пещеры уступали штабу и в размере, и в роскоши. С первого взгляда я даже не смог оценить истинных масштабов пещеры: не было привычных наземных ориентиров.

Мы стояли несколько выше ее пола, и пещера была залита ровным светом. Я чуть не вывернул шею, вертя головой, потом посмотрел вниз и увидел там игрушечную деревню. Домики были высотой в фут.

Потом я заметил, как маленькие человечки ходят между зданиями, и тут же все стало на свои места, приобрело истинные размеры. Игрушечная деревня находилась по крайней мере в четверти мили от нас, а вся пещера была не менее мили длиной и несколько сот футов от пола до потолка. И вместо чувства, присущего людям, запертым в помещении, я был охвачен страхом перед огромным открытым пространством. Мне даже захотелось, словно перепуганной мышке, прижаться к стене.

Страж тронул меня за рукав.

— У вас будет достаточно времени оглядеться. Пойдемте.

Они повели меня по тропинке, которая вилась между сталагмитами размером от детского мизинца до египетской пирамиды, между озерцами черной воды с гипсовыми лилиями в них, мимо влажных куполов, которые были стары уже тогда, когда человека еще не стоял на земле. Со сводов опускались разноцветные сталактиты. Моя способность удивляться была явно перенасыщена.

Наконец мы вышли на ровную долину и быстро добрались до городка. Строения в нем не были строе-

ниями в принятом смысле этого слова — они оказались просто системами перегородок из пластика, чтобы не пропускать шума. Большинство зданий стояло без крыш.

Мы остановились перед самым большим. Вывеска над дверью гласила:

АДМИНИСТРАЦИЯ

Мы вошли внутрь, и меня провели в отдел кадров. Вид комнаты вызвал во мне сентиментальные чувства, настолько она была знакомая, военная и скучная. Здесь даже оказался пожилой клерк, который поминутно сморкался. Такие клерки — неизбежная принадлежность этих комнат со времен Цезаря. Табличка на его столе гласила, что пред нами — младший лейтенант Р. И. Джайлс, и он, судя по всему, вернулся в отдел, отработав уже положенные часы, специально для того, чтобы зарегистрировать меня.

— Рад встретиться с вами, мистер Лайл,— сказал он, пожимая мне руку.

Он почесал нос и чихнул.

— Вы прибыли на неделю раньше, чем мы ожидали, и предназначенное вам помещение еще не готово. Вы не будете возражать, если мы уложим вас на сегодняшнюю ночь в приемной?

Я ответил, что полностью удовлетворен, и это, по-моему, его порадовало.

10

Честно говоря, в глубине души я ожидал, что меня встретят, как великого героя, и представлял себе, что мои новые товарищи будут, открыв рты, ловить каждое слово в моем скромном рассказе о приключениях и чудесных побегах, о том, как мне удалось все-таки принести в Главный штаб важное сообщение.

Я ошибался. Начальник отдела кадров вызвал меня к себе на следующий день, как только я кончил завтракать, но я его самого не увидел: принял меня старый знакомый мистер Джайлс. Я был несколько задет таким отношением ко мне и сухо спросил его, когда мне будет удобнее нанести официальный визит командующему.

Он чихнул и сказал:

— О, да. Разумеется, мистер Лайл, я совсем забыл сказать, что командующий поздравляет вас с прибытием и просит вас считать, что визит вежливости был уже нанесен не только ему, но и начальникам отделов. Мы сейчас все очень заняты, и он просил передать, что пригласит вас к себе специально в первую же свободную минуту.

Я отлично понимал, что генерал не посылал мне никакого такого послания и клерк просто следует установившемуся порядку. Но лучше мне от этого не стало.

Ничего не поделаешь. Я уже приступал к службе. К полудню я был официально зарегистрирован и поставлен на довольствие. Меня осмотрел врач, послушал сердце и взял анализы. Потом я получил шанс рассказать о своих похождениях, к сожалению, только магнитофону. Живые люди прокрутят запись, но я не получу такого удовольствия, как от живых слушателей. Потом меня загипнотизировали, и они получили послание, которое я нес в себе.

Это было уже слишком. Я спросил психотехника, который надо мной трудился, что за послание принес я в Главный штаб. Он ответил коротко:

— Мы не говорим курьерам содержания посланий.

Его тон указывал, что вопрос мой был нетактичен.

Тут меня прорвало. Не знаю, старше ли он меня по рангу (знаки различия на костюме отсутствовали), но мне было плевать.

— Что же получается, черт возьми! Мне что, не доверяют? Я тут рискую головой...

Он прервал меня и заговорил мягче, чем раньше:

— Дело вовсе не в том. Это делается для вашего же блага.

— Как так?

— Мы считаем, что чем меньше вы знаете того, что знать не обязательно, тем меньше вы сможете рассказать, если попадетесь в руки полиции,—это лучше и для вас, и для наших товарищей. Например, знаете ли вы, где сейчас находитесь? Могли бы указать это место на карте?

— Нет.

— Я тоже. Мне никто не рассказал об этом, потому

что это знание мне в данный момент не нужно. Однако,— продолжал он,— я думаю, вам можно сказать в общих чертах: вы несли в себе обычные сводки и доклады, подтверждающие те данные, что мы получили другими путями. Раз уж вы все равно ехали к нам, то они нагрузили вас всякой всячиной. Я с вас три пленки списал.

— Обычные сводки? Почему же Питер ван Эйк сказал мне, будто я несу послание особой важности. Что же, он шутил?

Техник улыбнулся.

— Я знаю, что он имел в виду. Вы содержали в себе одно важное сообщение, касающееся, в первую очередь, вас самого. Вы несли в себе гипнотически собственное удостоверение личности...

Мои путешествия по врачам, психотехникам, отделам снабжения и так далее дали мне почувствовать размеры помещения. «Игрушечный городок» был административным центром. Энергетическая станция и склад находились в другом зале и отделялись от нас десятками метров скалы. Женатые пары устраивались, где им было удобнее. Примерно треть живущих там составляли женщины, и они чаще предпочитали строить свои «курятники» подальше от центра. Арсенал и склад боеприпасов находились в боковом туннеле, на безопасной дистанции от жилых помещений. Свежей воды было достаточно, хотя она была довольно жесткая, и в некоторых проходах текли подземные ручьи — источник, кстати, дополнительной вентиляции. Воздух всегда оставался свежим. Температура была постоянно 20°, а относительная влажность 32% зимой и летом, днем и ночью.

К обеду я был уже на работе и трудился в арсенале, проверяя и налаживая оружие. Я мог бы и оскорбиться, потому что обычно это работа сержантов, но я понимал, что тут никто не заботился о чинопочитании (например, каждый сам мыл за собой посуду после еды). Да и разве плохо было после всех переживаний сидеть в прохладном арсенале и заниматься спокойным делом?

В тот же день перед ужином я вошел в гостиную и хотел присесть. И тут услышал знакомый баритон:

— Джонни! Джон Лайл!

Я подпрыгнул на месте от неожиданности и увидел бегущего ко мне Зеба Джонса, здорового старика Зеба, весьма некрасивое лицо которого украшала улыбка до ушей.

Мы долго хлопали друг друга по спине и плечам и ругались последними словами.

— Когда ты сюда попал? — спросил я наконец.

— Недели две назад.

— Как так? Ты же был еще в Новом Иерусалиме, когда я уезжал?

— Меня перевезли в виде трупа, в глубоком трансе. Запаковали в гроб и написали «заразно».

Я рассказал ему о своем путешествии, и мой рассказ явно произвел впечатление на Зеба; это очень поддержало мой дух. Затем я спросил, что он здесь делает.

— Я в бюро пропаганды, — сказал он. — У полковника Новака. Сейчас, например, пишу серию в высшей степени уважительных статей о жизни Пророка и его аколитов, о том, сколько у них слуг, сколько стоит содержать дворец, сколько стоят церемонии, ритуалы и так далее. Все это, разумеется, абсолютная правда, и пишу я с большим одобрением. Правда, я довольно сильно нажимаю на действительную стоимость драгоценностей и несколько раз упоминаю о том, какая великая честь для народа — содержать наместников бога на земле.

— Не понимаю я тебя, Зеб, — сказал я, нахмурившись. — Ведь люди любят глядеть на эти штуки. Вспомни, как туристы в Новом Иерусалиме бьются за билеты на храмовый праздник.

— Правильно. Но мы не собираемся распространять мои творения среди сытых туристов в Новом Иерусалиме, мы отдадим их в маленькие газеты долины Миссисипи и Юга — мы распространим их среди самых бедных слоев населения Штатов, среди людей, которые твердо убеждены: благочестие не должно быть роскошным, что бедность и добродетель — не синонимы. Пусть они начнут сомневаться.

— Вы серьезно думаете, что можно поднять восстание таким способом?

— Это тоже входит в подготовку к нему.

После обеда мы с Зебом отправились в его комнатку. Мне было спокойно и уютно. В тот момент меня

мало волновало, что мы с ним участвуем в движении, которое имеет мало шансов на победу, и вернее всего мы или погибнем вскоре в бою или будем сожжены как бунтовщики. Кроме Зеба, у меня никого не осталось, и я себя чувствовал, как в детстве, когда мать сажала меня на стул в кухне и кормила пирогами.

Мы болтали о том о сем, и постепенно я многое узнал о нашей организации, в частности, обнаружил и был этим весьма удивлен, что не все наши товарищи были братьями. Я имею в виду братьев по Ложе.

— Разве это не опасно? — спросил я.

— А что ты, старина, ожидал? Некоторые из самых ценных наших товарищей не могут по религиозным соображениям присоединиться к Ложе. Но нам никто не давал монополии на ненависть к тирании и на любовь к свободе. В нашей борьбе нам нужна поддержка как можно большего числа людей. Любой идущий с нами по одной дороге — наш попутчик и товарищ. Любой.

Я подумал, что эта идея логична, хотя чем-то она мне не понравилась. И я решил смириться с действительностью.

— Наверное, ты прав. Можно допустить, что, когда дело дойдет до сражений, мы используем даже парий, хотя, конечно же, их нельзя принимать в братство.

Зеб уставился на меня уже знакомым мне взглядом:

— Ради бога, Джон! Когда же, наконец, ты снимешь шоры?

— А что?

— Неужели тебе до сих пор не пришло в голову, что само существование парий является частью пропагандистского трюка тирании, которая всегда ищет козла отпущения?

— Но какое это имеет отношение?..

— Заткнись! И слушай старших! Отберите у людей секс, запретите его, объявите греховным, замените ритуальным размножением. Затолкайте человеческие инстинкты вглубь, превратите их в подспудное стремление к садизму. А потом представьте толпе козла отпущения, дозвольте порабощенным людям время от времени убивать этого козла отпущения и в этом находить выход темным эмоциям... Этот механизм отработан тиранами за многие столетия. Тираны использовали

его задолго до того, как было придумано слово «психология». И этот механизм по-прежнему эффективен. Не веришь — погляди на себя.

— Ты меня не так понял, Зеб! Я ничего не имею против парий.

— Вот и молодец! Продолжай в том же духе. Тем более, что у тебя есть все шансы встретиться с ними в Высшем совете Ложи. Кстати, забудь это слово — «пария». В нем заключается, как мы говорим, высокий негативный индекс.

Он замолчал. Молчал и я. Мне нужно было время, чтобы разобраться в собственных мыслях. Поймите меня правильно: легко быть свободным, когда тебя воспитали свободным. А если ты воспитан рабом? Тигр, взращенный в зверинце, убежав, вновь возвращается в темноту и безопасность клетки. А если клетку убрать, он будет ходить вдоль несуществующей решетки, не смея перейти невидимую линию, отделяющую его от свободы. Подозреваю, что я был таким тигром и не мог перейти границу.

Мозг человека невероятно сложен. В нем есть отделения, о которых сам его владелец не подозревает. Мне казалось, что я уже устроил в собственном мозгу уборку и выкинул оттуда все суеверия, которые мне положено было в себе таскать. Но, оказывается, моя «уборка» — не более, как заметание сора под ковры. Настоящая же уборка завершится не раньше, чем через годы. Только тогда чистый воздух заполнит все комнаты моего разума.

— Хорошо,— сказал я себе,— если я встречу одного из этих пар... нет, одного из этих «товарищей», я буду с ним вежлив до тех пор, пока он сам вежлив со мной!

И в тот момент я не чувствовал ханжества в таком мысленном условии.

Зеб лежал на койке и курил. Я знал и раньше, что он курит, и он знал, что я не одобряю этой греховной привычки. Но это был не очень крупный грех, и мне даже в голову не приходило донести на Зеба, когда мы жили с ним во дворце. Я даже знал, что его обеспечивал контрабандными сигаретами один из сержантов.

— А кто тебе здесь достает сигареты? — спросил я.

— Зачем просить других, когда можно купить их в лавке?

Он покрутил в пальцах эту отвратительную штуку и сказал:

— Мексиканские сигареты крепче тех, которыми я пользовался раньше. Я подозреваю, что в них кладут настоящий табак вместо заменителей, к которым я привык. Хочешь закурить?

— Нет уж, спасибо.

Он сухо усмехнулся.

— Давай, прочти мне обычную лекцию. Тебе самому станет легче.

— Послушай, Зеб, я тебя не критикую. Может быть, я и здесь заблуждался.

— Ну уж нет. Это гадкая привычка, которая разрушает мне зубы, портит дыхание и в конце концов убьет меня, породив во мне рак легких.— Он глубоко затянулся, выпустил клуб дыма и был, по-видимому, вполне доволен жизнью.— Но я не могу устоять против этой гадкой привычки. К кому же господь бог не обращает на это никакого внимания.

— Не богохульствуй.

— А я и не богохульствую.

— Да? Ты нападаешь на одно из основных положений религии. Господь всегда следит за нами.

— Кто тебе сказал?

На секунду я лишился дара речи.

— Это же... это же аксиома. Это...

— Я повторяю вопрос: «Кто тебе сказал об этом?» Допустим, что за мной следит сам господь бог и накажет меня вечными муками ада за то, что я курю. Но кто тебе сказал об этом? Джонни, ты уже достиг в своем воспитании момента, когда ты понимаешь, что Пророка стоит скинуть и повесить на высоком-высоком дереве. И в то же время ты пытаешься навязать мне собственные религиозные убеждения. Поэтому я еще раз спрашиваю: «Кто тебе сказал?» На каком холме ты стоял, когда с неба упала молния и просветила тебя? Какой архангел принес тебе эту новость?

Я не смог ничего ответить.

— Я знал разных людей,— продолжал Зеб.— И хороших, и скромных, и преданных. Но как ты назовешь

человека, который уверяет, будто знает, о чем думает сам господь бог? Человека, уверяющего, что он — его поверенный? И это помогает ему чувствовать себя всемогущим и править мной и тобой. Итак, появляется человек с громким голосом и средними умственными способностями. Он слишком ленив, чтобы стать фермером, слишком глуп, чтобы работать инженером, ненадежен, чтобы быть банкиром, но, братишка, он может молиться! Он собирает вокруг себя других таких же. И вот родился Первый Пророк.

Я готов был согласиться с Зебом, пока он не назвал Первого Пророка. Я уже пришел к внутреннему заключению, что наш теперешний пророк плох, но это еще не поколебало основы моей веры, впитанной с молоком матери. Я хотел реформировать церковь, но не хотел ее ломать.

— Что-то не так? — спросил Зеб, разглядывая с интересом мое лицо.— Я опять тебя чем-то обидел?

— Нисколько,— ответил я тихо и принялся объяснять ему, что если власть в стране держит в своих руках дьявольская банда, это еще не значит, что неверна сама вера.

Зеб вздохнул, будто устал от нашего разговора.

— Повторяю, Джонни, что совсем не собираюсь спорить с тобой о религии. По натуре я не агрессор — вспомни, что даже в подполье меня пришлось тащить чуть ли не силой...— Он помолчал.— Ты полагаешь, что доктрины — дело логики?

— Конечно, это завершенное логическое построение.

— Тогда фигура бога очень удобна. Ты можешь с его помощью доказать все, что тебе хочется. Ты просто подбираешь выгодные тебе постулаты, а затем уверяешь, что они тебе внушены свыше. И никто не может доказать, что ты врешь.

— Ты хочешь сказать, что Первый Пророк не был назначен свыше?

— Я ничего не хочу сказать. Насколько я знаю, я сам и есть Первый Пророк, прибывший вновь на землю для того, чтобы изгнать торгующих из храма.

— Не смей...— начал я, но тут раздался стук в дверь. Я осекся и сказал: «Войдите!»

Вошла сестра Магдалина.

Она кивнула Зебу, улыбнулась, глядя на мою глупую физиономию, и сказала:

— Привет, Джон Лайл. Добро пожаловать.

Я впервые увидел ее без сутаны и капюшона. Она показалась мне удивительно хорошенькой и совсем молоденькой.

— Сестра Магдалина!

— Нет. Сержант Эндрюс. Для друзей — Магги.

— Но почему вы здесь?

— Сейчас потому, что узнала за ужином о вашем приезде. Не найдя вас нигде, я решила искать у Зеба. А вообще-то, я не могла вернуться во дворец, а так как наш тамошний подпольный центр переполнен, меня перевели сюда.

— Очень приятно видеть вас здесь!

— И мне тоже, Джон.

Она потрепала меня по щеке и снова улыбнулась. Потом села на кровать к Зебу. Зеб зажег еще одну сигарету и протянул ей. Она взяла ее, затянулась и выпустила дым так естественно, будто курила всю жизнь.

Никогда в жизни я не видел, чтобы женщина курила. Никогда. Я понимал, что Зеб следит за мной, и тщательно делал вид, что меня это совсем не шокирует. Вместо того, чтобы продолжать спор, я сказал:

— Как хорошо, что мы снова все встретились. Вот если бы еще...

— Знаю,— сказала Магги,— если бы Юдифь была с нами. Вы не получили от нее писем?

— Разве это возможно?

— Я не помню номер почтового ящика, но вы можете заглянуть ко мне в комнату. Будете писать, не запечатывайте. Мы проверяем письма, чтобы вы не написали лишнего. Я сама написала ей на прошлой неделе, но еще не получила ответа.

Я подумал, что надо извиниться и убежать писать письмо, но не сделал этого. Уж очень было в самом деле приятно сидеть с ними обоими, и мне не хотелось, чтобы этот вечер кончался. Я решил, что напишу перед сном, и тут же, к собственному удивлению, подумал, что не удосужился вспомнить о Юдифи с самого... самого Денвера, по крайней мере.

Но я не написла письма в тот вечер. Было уже больше

одиннадцати, Магги сказала, что завтра рано вставать, и тут вошел ординарец.

— Командующий просит легата Лайла немедленно прибыть к нему.

Я быстро причесался и поспешил к генералу, жалея, что одет не в форму, а в гражданский костюм.

Дом Администрации был темен, и даже мистер Джайлс отсутствовал в этот поздний час. Я нашел дверь в кабинет, постучал, вошел и, щелкнув каблуками, сказал:

— Легат Лайл прибыл по вашему приказанию, сэр.

Пожилой человек, сидевший спиной ко мне за столом, обернулся, и у меня дух перехватило от удивления.

— А, Джон Лайл,— сказал он, встал из-за стола и подошел ко мне, протягивая руку.— Давно не виделись, не так ли?

Это был полковник Хаксли, начальник отдела прикладных чудес в Вест Пойнте и единственный мой друг среди офицеров. Не раз по воскресеньям я отсиживался у него дома, отдыхая от гнета мертвой дисциплины.

— Полковник... Я хотел сказать, генерал, сэр. Я думал, что вы умерли.

— Мертвый полковник становится живым генералом. Неплохо звучит. Нет, Лайл, я только считаюсь мертвым. На самом деле я ушел в подполье. Они всегда так объявляют, если пропал офицер. Так лучше для общественного мнения. Ты тоже мертв, разве ты не знаешь?

— Нет, не знаю. Впрочем, это не играет роли. Как хорошо, что вы с нами, сэр.

— Хорошо.

— А как вы...

— Как я попал сюда и стал большим начальником? Я состою в движении много лет, Лайл. Но я не переходил на нелегальное положение, пока мне не пришлось это сделать,— никто из нас не скрывается в подполье по своей воле. Они хотели, чтобы я постригся в монахи. Им не нравилось, что мирской офицер знает слишком много о том, как организуются чудеса. Я взял отпуск и умер. Очень печально.— Он улыбнулся и продолжал.— Но ты садись, садись. Я ведь собирался тебя

позвать, да очень был занят. Только сейчас выбрал время, чтобы прослушать запись твоего доклада.

Мы поболтали немного. Я уважал Хаксли больше, чем любого другого офицера. И его присутствие здесь развеяло бы любые сомнения в правоте нашего дела, если бы они у меня еще оставались. Раз уж полковник здесь, значит здесь и мое место.

В конце беседы Хаксли сказал:

— Как ты понимаешь, Лайл, я тебя вызвал в этот поздний час не только для того, чтобы просто поболтать. У меня есть для тебя работа.

— Да, сэр?

— Без сомнения, ты уже обратил внимание, что среди нас мало профессиональных военных. Не думай, что я недоволен моими товарищами,— каждый из них посвятил нашему делу жизнь. Все они сознательно отдали себя под власть военной дисциплины, что не всегда легко сделать, если ты уже не мальчик. Но все-таки нам остро не хватает настоящих кадровых солдат. У меня уходит масса лишних усилий на то, чтобы превратить Главный штаб в успешно функционирующий организм. Я буквально завален административными делами. Не поможешь ли ты мне?

Я поднялся.

— Я сочту за честь служить с вами.

— Отлично! Назовем тебя пока моим личным адьютантом. На сегодня все. Увидимся утром, капитан.

Я уже был на полпути к двери, когда до меня дошли его последние слова. Но я решил, что генерал оговорился.

Оказалось, нет. На следующее утро я отыскал свой кабинет по табличке: «Капитан Лайл», приколотой к двери. С точки зрения профессионального военного, революция имеет большое преимущество — она дает возможность быстро расти по службе... Даже если жалованье получаешь нерегулярно.

Мой кабинет примыкал к кабинету генерала Хаксли, и теперь я практически жил в кабинете — даже поставил раскладушку в углу, за письменным столом. В первый же день, стараясь разобрать груду входящих бумаг, я поклялся себе, что как только разделаюсь с бумагами, первым делом напишу длинное письмо Юдифи.

Но мне пришлось довольствоваться короткой запиской, потому что на самом дне груды я обнаружил меморандум, адресованный не генералу, а лично мне.

На меморандуме было написано: «Легату Лайлу», затем кто-то вычеркнул слово «легат» и написал сверху «капитану». Далее следовал текст:

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ ВНОВЬ ЗАЧИСЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА:

1. От Вас требуется составление подробного доклада, включающего с возможной полнотой все события, мысли, соображения, инциденты, приведшие Вас к решению присоединиться к борьбе за свободу. Доклад должен быть подробным и максимально субъективным. Доклад, составленный в спешке, слишком коротко или поверхностно, будет возвращен Вам на предмет корректировки и дополнений, а в случае невозможности это сделать, Вам будет предложено пройти гипноэкзамен.

2. Ваш доклад будет рассматриваться как строго конфиденциальный, и Вы можете объявить секретной любую его часть. При желании Вы можете заменить буквами или цифрами имена собственные лиц, о которых идет речь, если это поможет Вам высказываться с полной откровенностью.

3. Доклад должен быть написан в свободное от работы время, однако без промедления. Черновик Вашего доклада должен быть представлен (далее чьей-то рукой была написана дата — сорок семь часов от той минуты, когда я закончил чтение. Можете представить, какими нецензурными выражениями я мысленно охарактеризовал автора этой приписки!)

По распоряжению Командующего
полковник М. Новак,
Начальник департамента
психологии

Я был крайне возмущен этими требованиями и решил, что все же сначала я напишу Юдифи. Но письмо не получалось: как вы прикажете писать любовное послание, когда вы знаете, что его обязательно увидят чужие глаза и будут подозрительно вдумываться в смысл самых ваших нежных слов.

Пока я писал Юдифи, мои мысли вновь вернулись к той ночи у парапета дворца Пророка, когда я впервые

ее увидел. И я подумал, что перемены во мне начались именно с этого момента, хотя кое-какие сомнения у меня возникали и раньше. Так что настырный полковник Новак с его анализами был совершенно ни при чем. Закончив короткое письмо, я решил не ложиться спать, а взяться сначала за проклятый доклад.

Через какое-то время я обнаружил, что уже второй час ночи, а я все еще не добрался до момента, когда был принят в Братство. С сожалением я прекратил исповедь (хоть уже начал получать от ее создания определенное удовольствие) и запер рукопись в стол.

На следующее утро за завтраком я отвел Зеба в сторону, показал ему меморандум и спросил:

— Зачем этот допрос? Неужели они нас все еще в чем-то подозревают?

Зеб не удостоил меморандум внимательного взгляда.

— Ничего подобного,— сказал он.— Хотя, конечно же, любой шпион попадется на таком докладе, стоит его подвергнуть семантическому анализу.

— Но зачем же тогда этот доклад?

— Не все ли равно? Напиши его как следует и сдай куда надо.

Мне его реакция не понравилась.

— Сомневаюсь, что буду его дописывать. Лучше сначала поговорю об этом с генералом.

— Пожалуйста, если хочешь выглядеть дураком. Но, поверь, психоматематикам, которые будут анализировать доклад, твоя персона неинтересна. Им даже неважно, как тебя зовут. Перед началом анализа девица пройдется по всему докладу и заменит все имена, включая твое собственное. Ты для них — источник информации, не больше. Наш шеф замыслил какой-то грандиозный проект; я сам не знаю, какой, и ему надо набрать для него ворох статистических данных.

Я несколько успокоился.

— Чего ж они прямо об этом не скажут? А то я решил, что этот меморандум — приказ. И, естественно, разозлился.

Зеб пожал плечами:

— Все произошло оттого, что меморандум готовил отдел семантики. Если бы над ним поработали пропагандисты, ты бы вскочил с кровати на рассвете и до зав-

трака закончил бы работу — так тебе не терпелось бы отличиться.

Он добавил:

— Между прочим, до меня донеслись слухи, что тебя повысили в чине. Прими мои поздравления.

— Спасибо,— неожиданно для самого себя я смутился.— Каково тебе теперь чувствовать себя подчиненным?

— Как? Неужели ты взлетел так высоко? Я-то решил, что ты все-навсего капитан?

— Я и есть капитан.

— Извини меня, что я лезу к тебе со всякой чепухой, но я уже майор.

— Ничего себе! Поздравляю.

— Не стоит благодарности. Здесь надо быть по крайнем мере полковником, чтобы не застилать по утрам свою койку.

По правде сказать я был слишком занят, чтобы каждый день убирать свою койку. Спал я в основном на раскладушке в моем кабинете, и как-то раз мне пришлось неделю обойтись без душа.

Мне стало ясно, что организация была куда больше и сложнее, чем я предполагал раньше. Более того, она все время росла. Я стоял слишком близко к деревьям, чтобы увидеть лес, несмотря на то, что все бумаги, кроме сверхсекретных, проходили через мои руки.

Я заботился о том, чтобы генерал Хаксли не утонул в ворохах бумаг, и в результате утонул в них сам. Моя задача была решить, что он стал бы делать с той или иной бумагой, если бы у него была свободная минута. Потом делать это самому. Попервоначалу я совершил положенное число ошибок, но, очевидно, их было не столь много, чтобы генерал меня уволил, и месяца через три я уже стал майором с приятным для слуха званием: «Помощник начальника Генерального штаба». Зеб обогнал меня снова и уже исполнял обязанности начальника отдела пропаганды, так как его шефа перевели в региональный штаб под кодовым названием «Иерихон».

Но я забегаю вперед. Я получил письмо от Юдифи недели через две после приезда. Это было приятное письмо, но сильно сокращенное в процессе пересылки. Я собирался ей ответить немедленно, но протянул с от-

ветом неделю. Мне нечего было ей написать, кроме того, что я здоров и чертовски занят. Если я напишу три раза подряд, что я ее люблю, то какой-нибудь идиот шифровальщик обязательно это выкинет.

Почта достигла Мексики через длинный подземный туннель, большей частью естественный, в некоторых местах пробитый в известняке. Маленькая электрическая дорога перевозила не только документы и переписку, но также продовольствие и припасы, необходимые для нашего городка. Подземелье, известное под названием Главный штаб, использовалось нашими уже лет двадцать. Никто не знал всех переходов и залов подземного мира. Мы просто-напросто освещали и использовали столько места, сколько нам было нужно. Любимым развлечениями трогов (нас, постоянных жителей подземелья, называли троглодитами или трогами, а посетители назывались летучими мышами, потому что появлялись по ночам) были прогулки и пикники в не известных никому коридорах и залах, что требовало некоторого знания спелеологии.

Такие путешествия никогда не запрещались, но начальство требовало, чтобы мы принимали тщательные меры предосторожности и не ломали ног и рук. Генерал лично одобрял эти прогулки, потому что они были одним из очень немногих средств размяться и не терять формы — многие работали здесь месяцами и годами, не видя дневного света.

Мы с Зебом и Магги несколько раз выбирались в дальние пещеры. Магги всегда приглашала с собой какую-нибудь девушку. Сначала я протестовал, но она убедила меня, ибо это необходимо, чтобы избежать сплетен: девушки как бы оберегали друг дружку. Магги говорила мне, что Юдифь не стала бы возражать против таких пикников, потому что они совершенно невинны. Каждый раз спутницы Магги менялись, и так получалось, что Зеб куда больше обращал внимания на этих девушек, оставляя Магги на мое попечение. Одно время мне казалось, что Магги и Зеб поженятся, но теперь я начал в этом сомневаться. Вроде бы они подходили друг к другу как сыр к маслу, но Магги, совершенно очевидно, не питала к Зебу ревности, хотя, с моей точки зрения, он вел себя совершенно бесстыдно. Значит, и он знал, что Магги это не волнует.

Утром в субботу Зеб сунул голову в мою келью и сказал:

— Выход в два часа. Захвати с собой полотенце.

Я поднял взор от кипы бумаг.

— Вряд ли я успею. А почему полотенце?

Но он уже исчез.

Через некоторое время ко мне в кабинет зашла Магги, чтобы забрать недельную разведсводку для Старика, но я и не пытался ее ни о чем спрашивать — на службе она идеальный штабной сержант. Днем я попытался перекусить, не поднимаясь из-за стола, все еще надеясь разделаться с делами и понимая, что не успеваю. Без четверти два я отправился к генералу Хаксли, чтобы он наложил резолюцию на послание, которое должно уйти вечером с гипнокурьером. Послание следовало немедленно отправить психиатру, который подготовит его для внушения курьеру. Генерал проглядел послание, завизировал его и произнес:

— Сержант Энди сказала мне, что у вас свидание.

— Сержант Энди ошибается,— ответил я официальным голосом.— Я еще не обработал недельные доклады из Иерихона, Нода и Египта.

— Оставь их на моем столе и выметайся. Это приказ. Не в моих интересах, чтобы вы свихнулись от переутомления.

Я не стал напоминать генералу, что, по моим расчетам, он уже месяц не видел солнца. Я подчинился и вышел.

Я поспешил к нашему обычному месту встречи у женского общежития. Магги уже ждала там. С ней рядом стояла блондинка по имени Мариам Бус, которая служила клерком на интендантских складах. Я знал ее в лицо, но не был знаком. Девушки принесли с собой корзину с продуктами. Тут же подошел и Зеб. Он принес одеяло, на котором мы обычно сидели. Оно же служило и скатертью. В другой руке он нес переносной прожектор.

— Где твое полотенце? — спросил он.

— Я решил, что ты шутишь.

— Беги за ним. Мы пойдем Аппиановой дорогой, а ты нас догонишь. Пошли, девочки.

Они отправились в путь, а мне ничего не оставалось, как подчиниться. Схватив в моей комнате полотенце,

я поспешил за ними и, только завидев их вдали, перешел с бега на шаг. Я с трудом отдышался — сидячая работа сказалась на мне катастрофически. Они услышали, как я топаю, и остановились, поджидая меня.

Мы все были одеты одинаково: в штаны, подпоясанные ремнями, с прикрепленными к ним фонарями, и куртки, обмотанные тросом. Хоть мне и не очень нравилось, что женщины в пещерах ходят в мужской одежде, я понимал, что пробираться по пещерам в юбках непрактично.

Мы покинули освещенный туннель, повернув, казалось бы, к сплошной стене. Тут же оказались в трудно различимом, но вполне проходимом коридоре. Зеб привязал к входу в коридор конец лабиринтного шнура и начал стравливать его, как требовалось по инструкции. Зеб всегда серьезно относится к серьезным вещам.

Мы прошли по коридору с полмили, встречая следы тех, кто бывал здесь до нас. Затем мы покинули исхоженную тропу и вскоре уперлись в глухую стену.

— Здесь мы должны перебраться через стенку,— сказал Зеб.

— А куда мы направляемся? — спросил я.

— Мариам там бывала. Она нам покажет.

Перебраться через стену не стоило особого труда. На всякий случай мы страховали девушек тросами. По ту сторону перемычки туннель продолжался. Если не знать о его существовании, можно тысячу лет ходить в метре от него и не догадаться о его существовании. Мы шли быстро, светя вперед фонарями, и останавливались лишь однажды, когда Зеб привязал к лабиринтному шнуру новый клубок. Вскоре Мариам сказала:

— Теперь не спешите. Мне кажется, что мы уже пришли.

Зеб обвел вокруг себя фонарем и присвистнул:

— Вот это да!

Магги медленно произнесла:

— Как здесь красиво.

Мариан лишь торжественно улыбнулась.

Я был с ними согласен. Мы оказались в небольшой высокой пещере шириной около восьмидесяти футов, которая протянулась в неизвестность, полого заворачивая направо. Главной достопримечательностью этой

пещеры было спокойное, будто налитое тушью озерцо, перед которым расстилался маленький песчаный пляж.

Наши голоса звучали гулко, но негромко, потому что звуковым волнам мешали распространяться сталактиты, свисавшие с потолка пещеры. Зеб подошел к краю озера, присел и попробовал воду пальцами.

— Не очень холодная,— сообщил он. И тут же добавил.— Кто нырнет последним, тому глаз вон!

В последний раз я слышал такое выражение, когда был мальчишкой. Зеб уже расстегивал куртку. Я подошел к нему и приглушенным голосом заявил:

— Зеб! Что ты делаешь? Мы же не можем купаться вместе!.. Ты пошутил, да?

— И не собирался шутить,— сказал он, глядя мне в глаза.— А почему нельзя? Что с тобой, мой дружок? Ты боишься, что тебя накажут? Не бойся, они не увидят. С наказаниями у нас покончено.

— Но...

— Что «но»?

Я не смог найти ответа. Пользуясь терминами и понятиями, которыми меня обучили, я мог бы объяснить ему всю греховность его намерений. Но я понимал, что Зеб рассмеется мне в лицо — и девушки услышат, что он смеется. А может быть, и они будут смеяться, поскольку они с самого начала знали, что мы будем купаться вместе, а меня никто не предупредил.

— Зеб, послушай,— не сдавался я.— Я не могу... я не знал... у меня даже плавок с собой нет.

— Я тоже их не захватил,— сказал Зеб.— Скажи, а тебе мальчишкой не приходилось купаться нагишом?

Он не стал ждать моего ответа, а повернулся к девушкам и спросил:— А вы чего ждете, хрупкие сосуды греха?

— Мы ждем, пока вы кончите спорить,— ответила Магги, подходя ближе.— Зеб, не возражаешь, если мы с Мариам разденемся по ту сторону большого камня?

— Отлично. Но учти: не нырять, не отвязывать страховочного конца. и на берегу все время дежурит один из нас.

— Глупости!— возмутилась Мариам.— В прошлый раз я здесь ныряла.

— Тогда меня с тобой не было,— ответил Зеб.— Так что я повторяю: не нырять, а то отшлепаю.

Мариам пожала плечами:

— Будь по-твоему, полковник Зануда. Пошли, Маг.

Она зашли за камень размером с дом. На полпути Мариам остановилась, посмотрела на меня и погрозила мне пальцем:

— Чтобы не подглядывать!

Девушки исчезли за камнем, и до нас донеслось их хихиканье. Я быстро сказал:

— Ты делай, как хочешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Но я останусь здесь, на берегу. Я буду вас охранять.

— Как тебе удобнее. Я готов был дежурить с тобой поровну, но никто не может помешать тебе быть упрямым ослом. Без нужды не суетись — обе девушки отлично плавают.

В отчаянии я прошептал:

— Зеб, я уверен, что генерал категорически запрещает купание в подземных озерах.

— Поэтому мы ему и не будем докладывать,— ответил Зеб.— Никогда не беспокойте командующего без нужды — цитирую по уставу армии царя Иосифа, тысяча четырехсотый год до нашей эры.

И он продолжал раздеваться.

Я не знаю, почему Мариам именно меня предупредила, чтобы не подглядывал, я и не собирался! Когда она разделась, то вышла из-за камня и направилась прямо к воде, но свет переносного прожектора ярко осветил ее. Мариам закричала:

— Выходи, Магги! Если ты поспешишь, то Зеб будет последним, и ему глаз вон!

Я не хотел смотреть на Мариам, но не мог отвести от нее глаз. Я в жизни не видел ничего похожего на зрелище, представшее моим глазам. Только раз мне удалось взглянуть на картинку, которую мне показал мальчик в нашей приходской школе. Но я успел лишь взглянуть и тут же на него донес.

Я сгорал от стыда, но смотрел на Мариам не отрываясь.

Зеб вошел в воду раньше Магги; правда, я думаю, что ей было все равно. Он почти нырнул — таким образом чуть не нарушил собственный запрет. Он прыгнул в воду, но не скрылся под ее поверхностью, а сразу по-

плыл и вскоре уже догнал Мариам, которая плыла к дальнему берегу.

Затем из-за камня вышла Магги и тоже вошла в воду. Она не преподнесла свое появление как торжественное событие, подобно Мариам; быстро и грациозно она скользнула в воду. Войдя в озеро по пояс, Магги легко скользнула вперед и сильными гребками поплыла в темноту. Вскоре она догнала остальных — мне было слышно, как они переговариваются, хотя я не видел их в темноте.

Пока она не скрылась из глаз, я был бессилен оторвать от нее взгляд, даже если бы от этого зависело бессмертие моей души. Что же такое заключено в теле женщины, превращающее его в самое соблазнительное и манящее зрелище на свете? Истинно ли утверждение некоторых людей, что все дело лишь в инстинкте, который заставляет нас покоряться воле господа, дабы плодиться и размножаться? А может быть, за этим скрывается нечто более загадочное и чудесное?

Я поймал себя на том, что губы мои шепчут:

«Как ты прекрасна, как привлекательна,
возлюбленная, твоей миловидностью!
Этот стан твой похож на пальму,
а груди твои на виноградные грозди...» *

В смятении и ужасе я заставил себя замолчать, ибо вспомнил, что Песнь Песней Соломона не более, как чистая и священная аллегория, не имеющая ничего общего с подобным зрелищем.

Я уселся на песок и постарался успокоить свою смятенную душу. Через некоторое время я почувствовал себя лучше, и мое сердце перестало столь часто биться. И когда они возникли из темноты, подплывая к берегу, мне удалось даже выдавить из себя улыбку. Происходящее уже не казалось мне столь ужасным, и до тех пор, пока тела девушек были скрыты под водой, ничего страшного я не видел. Не исключено, что зло таилось не в телах девушек, а в моем извращенном греховном зрении.

— Тебя подменить? — спросил Зеб.

---

* Библия. Книги Ветхого Завета. Книга Песни Песней Соломона. Глава 7. Стих 7,8.

— Нет,— твердо ответил я.— Продолжайте купаться и веселиться.

— Хорошо,— согласился Зеб, перевернулся в воде, подобно дельфину, и поплыл назад. Мариам за ним. Магги подплыла на мелкое место и замерла там, касаясь дна кончиками пальцев, и глядела на меня. Ее голова и плечи, будто выточенные из слоновой кости, поднимались над черной водой, а длинные густые волосы окружали ее, струились по воде как водоросли.

— Бедный Джон,— мягко произнесла она.— Хочешь, я выйду и побуду с тобой?

— Нет, спасибо, не стоит.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Как хочешь,— она тоже повернулась и поплыла прочь.

Пока она разворачивалась, на какое-то чудесное мгновение моим глазам предстало все ее прекрасное тело.

Минут десять спустя Магги снова появилась на моей стороне озера.

— Я замерзла,— сказала она, вылезла из воды и прошла под прикрытие камня. Я подумал, что она не кажется голой — просто она не покрыта одеждой, подобно нашей праматери Еве. В этом заключалось различие между ней и Мариам — та была голой.

Когда Магги вылезла из воды и мы с ней оба молчали, я понял, что в пещере не раздается ни звука. Нет на свете ничего более безмолвного, чем безмолвие пещеры. На поверхности земли вы всегда можете уловить какой-нибудь шум, но совершенно особенная тишина достижима лишь под землей. Если под землей ты затаишь дыхание, то ощутишь бесконечную совершенную тишину.

Я понял, что не слышу звуков от плывущих Зеба и Мариам. А эти звуки обязательно должны были до меня донестись. Я поднялся и сделал два шага по берегу озера, но остановился, потому что на моем пути находилась «костюмерная» Магги.

Я в самом деле был обеспокоен и не знал, что предпринять. Кинуть им веревку? Но куда? Прыгнуть в воду и искать их в глубине? Я тихо позвал:

— Магги!

— Что случилось, Джон?

— Магги, я волнуюсь.

Она сразу же вышла из-за камня. Она успела надеть брюки и прижимала к груди полотенце. Мне показалось, что она только что сушили полотенцем волосы.

— Почему ты волнуешься?

— Молчи и слушай.

Она замолчала. Через некоторое время она сказала:

— Я ничего не слышу.

— Вот именно. А ты должна слышать. Я слышал, как вы плыли, даже когда вы были у дальнего берега озера. А сейчас ни звука, ни всплеска. Не может быть, что они одновременно нырнули и ударились головами о камни?

— Не беспокойся, с ними все в порядке.

— Но я, честное слово, обеспокоен.

— Я уверена, что они просто отдыхают. На той стороне тоже есть маленький пляж, даже меньше этого. Там они и лежат. Я с ними там была, но замерзла и потому вернулась.

Но я уже принял решение. Я понял, что моя проклятая стеснительность мешает мне выполнить свой долг.

— Отвернись. Нет, уйди за камень. Мне нужно раздеться.

— Зачем? Я же сказала, что в этом нет нужды.

Я открыл рот, чтобы закричать, но не успел издать ни звука, потому что Магги закрыла мне рот ладонью. От этого движения полотенце упало, что заставило нас обоих смутиться.

— Боже мой! — воскликнула она.— Пожалуйста, не кричи.

Она отвернулась от меня, нагнулась, подняла полотенце. А когда она обернулась вновь, полотенце было надежно обмотано вокруг ее груди.

— Джон Лайл,— произнесла она,— подойди сюда и сядь. Сядь рядом со мной.

Она села и хлопнула ладонью по песку — и в голосе ее звучала такая уверенность, что я послушно уселся рядом с ней.

— Подвинься ближе ко мне,— сказала она.— Я не хочу кричать.

Я осторожно подвинулся к ней так, что мой рукав касался ее обнаженной руки.

— Так-то лучше,— сказала она совсем тихо, стараясь, чтобы ее голос не разносился по пещере.— А теперь слушай внимательно: там находятся два человека, которые хотят побыть вдвоем. Они находятся в полной безопасности — я их видела. К тому же оба — отличные пловцы. Ты же, Джон Лайл, должен умерить свой пыл и научиться не вмешиваться в чужие дела.

— Боюсь, что я тебя не понял,— искренне сказал я. Но, по правде сказать, я уже подозревал, что начинаю ее понимать.

— Ну что ты за человек! Скажи мне, Мариам что-нибудь для тебя значит?

— Значит? Нет, пожалуй, не значит.

— Мне тоже так казалось. По крайней мере, за все время ты и двух слов ей не сказал. Значит, у тебя нет оснований ее ревновать. А если так, то оставь ее в покое и не суй нос в чужие дела. Теперь ты меня понял?

— Наверное, да...

— Вот и помолчи.

Я замолчал. Она не двигалась. Я остро ощущал ее обнаженность. Потому что она была обнаженной, хоть и была закрыта и казалась не обнаженной; и я так надеялся: она не предполагает, что я догадался о том, что она обнаженная... К тому же я остро ощущал себя участником... участником, не знаю чего. Я мысленно заявил себе: у меня нет оснований подозревать самое худшее, тем более что я не инспектор по морали.

Наконец я выговорил:

— Магги...

— Что, Джон...

— Я тебя не понимаю.

— Почему, Джон? Впрочем, а так ли надо все понимать?

— Мне кажется, что тебя совершенно не тревожит, что Мариам осталась совсем наедине с Зебом...

— А что я должна по этому поводу предпринять? Ну что ты будешь делать с этой женщиной! Она нарочно делала вид, что меня не понимает.

— Ну как тебе сказать... понимаешь, у меня создалось впечатление, что ты с Зебом... я хотел сказать, что вы собираетесь пожениться, когда можно будет...

Она засмеялась низким голосом.

— Полагаю, что у тебя и в самом деле могло сложиться такое впечатление. Но, поверь мне, эта проблема решена и забыта ко всеобщему удовлетворению

— Да?

— Пойми меня правильно. Мне очень нравится Зебадия, и я знаю, что тоже ему нравлюсь. Но психологически мы с ним оба доминантные типы — ты можешь проверить по нашим психологическим таблицам. Такие люди, как мы, не имеют права жениться друг на друге. Подобные браки совершаются не на Небесах, поверь мне. К счастью, мы поняли это вовремя.

— Ага.

— Вот именно, ага.

А вот как случилось то, что случилось в следующую минуту, я не понимаю. Я подумал было, что она такая одинокая... и оказалось, что я ее целую. Она прижалась ко мне, откинулась назад и ответила на поцелуй с таким жаром, какого я в ней и не подозревал. Что же касается меня, то в голове у меня гудело, глаза, кажется, вылезли из орбит, и я никак не мог сообразить, то ли я провалился на тысячу футов под землю, то ли я шагаю на параде.

Потом я пришел в себя. Она заглянула мне в глаза и прошептала:

— Дорогой мой Джон...

Затем она неожиданно вскочила на ноги, склонилась надо мной, забыв о том, что полотенце может упасть, и похлопала меня по щеке.

— Юдифи сказочно повезло,— сказала она,— интересно, она об этом догадывается?

— Магги! — взмолился я.

Она отвернулась от меня и сказала, глядя перед собой:

— Пойду кончу одеваться. А то простужусь. Я совсем закоченела.

А мне она совсем не показалось закоченевшей.

Вскоре она вернулась. Она была одета и яростно вытирала полотенцем свою пышную гриву. Я взял мое сухое полотенце и помог ей вытирать волосы. Я не думаю, что я предложил ей помощь: просто подошел и помог. У нее были такие густые и пышные волосы, что даже дотронуться до них — наслаждение. По мне мурашки бегали.

За этим занятием нас и застали Зеб и Мариам, когда они медленно подплыли к берегу. Мы слышали их смех и голоса задолго до того, как увидели их. Мариам вылезла из воды обнаженная и бесстыжая, как какая-нибудь шлюха из Гоморры, но я на нее почти не обратил внимания.

Зеб поглядел мне в глаза и спросил:

— Ты готов купаться, старик?

Я хотел было ответить, что и не собираюсь купаться, и намеревался в качестве оправдания заявить, что мое полотенце уже мокрое и мне нечем будет вытираться,— и тут я понял, что Магги наблюдает за мной. Она и слова не произнесла, просто смотрела на меня.

— Конечно, я выкупаюсь! — заявил я.— Я вас заждался.

Затем я крикнул:

— Мариам, скорей вылезай из-за камня! Мне негде раздеться.

Мариам захихикала и выскочила из-за камня, на ходу оправляя одежду. Я торжественно проследовал в раздевалку.

Я надеюсь, что когда покинул это убежище, я сохранил остатки торжественности. Во всяком случае я стиснул зубы и зашагал к воде. В первый момент вода обожгла меня холодом, но я чувствовал холод лишь в первые секунды. Я никогда не был хорошим пловцом, но выступал за мой класс и как-то даже купался в Гудзоне на Новый год. В общем, купаться в черном озере мне понравилось.

Я переплыл озеро. На той его стороне тоже был маленький песчаный пляж. Я не стал на него вылезать.

На обратном пути я нырнул и постарался достичь дна, но мне это не удалось. Видно, озеро было глубже двадцати футов. В глубине было совершенно темно и абсолютно тихо. Если бы у меня были жабры, то, наверное, стоило бы остаться в нем навсегда, подальше от Пророков, от Каббалы, от бесконечных входящих и исходящих бумаг, от забот и проблем, слишком сложных и тонких для меня.

Я вынырнул и с трудом восстановил дыхание. И быстро поплыл к нашему пляжу. Девушки уже разложили на одеяле обед, и Зеб закричал мне, чтобы я поторопился. Зеб и Магги не отвернулись, когда я вылез из во-

ды, но я заметил, что Мариам беззастенчиво разглядывает меня. Не думаю, что я покраснел. Кстати, я никогда не любил блондинок. Я убежден, что Лилит была блондинкой.

11

Высший Совет, состоявший из начальников отделов, генерала Хаксли и еще нескольких человек, собирался примерно раз в неделю. Прошло около месяца после нашего разговора с Магги, я сидел в комнате заседания и стенографировал выступления. У нас остро не хватало людей. Моим номинальным начальником был генерал Пеннойер, носивший звание начальника Генштаба. Но я видел его только два раза, потому что еще он числился начальником снабжения и большую часть времени уделял второй специальности. Поэтому Хаксли приходилось самому выполнять все обязанности начальника Генштаба, а я стал при нем идеальным адъютантом. Я даже умудрялся следить, принимает ли он вовремя желудочные таблетки.

Совещание было шире обычного. На него прибыли руководители местных организаций. Я чувствовал напряжение приближающихся важных событий, хотя Хаксли ничего не говорил мне заранее. Зал заседаний охранялся так, что и мышь не могла бы в него проникнуть.

Сначала мы выслушали обычные доклады. Было отмечено, что в организации состоят восемь тысяч семьсот девять членов. Кроме них, мы насчитывали примерно вдесятеро больше сочувствовавших, но не зачисленных официально, на которых мы могли наверняка рассчитывать во время восстания.

Эти цифры не очень обнадеживали. Мы оказались в тисках дилеммы: сто тысяч человек — жалкая кучка для того, чтобы поднять восстание в громадной стране, но каждый принятый человек увеличивал опасность разоблачения. Мы опирались на старинную систему ячеек, при которой каждый знал не больше, чем ему положено было знать, и не мог выдать на допросе многих людей, даже если он оказывался провокатором. Но и при такой системе в такой многочисленной организации мы еженедельно теряли людей и целые груп-

пы. Четыре дня назад вся организация в Сиэтле была застигнута во время заседания и арестована. Это был тяжелый удар, но, к счастью, только трое из арестованных знали важные секреты, и все они успели покончить с собой.

Начальник связи доложил, что его люди могут вывести из строя девяносто процентов радио- и телевизионных станций в стране и что с помощью штурмовых групп мы можем надеяться обезвредить и остальные, за исключением станции «Голос бога» в Новом Иерусалиме.

Начальник инженерной службы заявил, что он готов прекратить доступ энергии в сорок шесть крупнейших городов, опять же за исключением Нового Иерусалима.

Доклады продолжались — газеты, студенческие группы, захват ракетодромов, водоснабжение, контрразведка, долгосрочные метеопрогнозы, распределение оружия. Война по сравнению с революцией проста. Война — прикладная наука с четко определенными, испытанными историей принципами и методам. Но каждая революция — непредвиденная мутация, она никогда не будет повторена, и проводят ее не кадровые военные, а в первую очередь, народные массы, неимеющие опыта.

Магги приводила в порядок записи докладов, и я передавал их программистам, которые вводили данные в «мозг». Когда сообщения кончились, наступила пауза. Мы ждали решений «мозга». Перфорированная лента выползла из «мозга», и Хаксли, наклонившись, взял ее.

Он посмотрел ее, откашлялся и подождал, пока наступит тишина.

— Братья! — начал он. — Товарищи, мы давно уже договорились: когда сумма всех необходимых факторов с учетом возможных ошибок покажет, что ситуация сложилась с балансом риска два — один в нашу пользу, мы начнем восстание. Сегодня этот день наступил. Я предлагаю назначить время восстания.

Никто не сказал ни слова — так поражены были присутствующие. Надежда, затянувшаяся на долгие годы, превращает реальность в нечто, чему трудно поверить.

А все эти люди ждали годами, некоторые большую часть своей жизни.

Пауза завершилась взрывом. Они вскочили, смеясь, плача, крича, ругаясь, хлопая друг друга по плечам, обнимались...

Хаксли сидел, не двигаясь, пока остальные не успокоились. Затем поднялся и сказал тихо:

— Я думаю, голосовать не нужно. Час я назначу после того, как...

— Генерал, одну минуту. Я не согласен,— это был начальник Зеба, генерал Новак, начальник управления психологической войны.

Хаксли замолчал. Наступила гробовая тишина. Я был поражен, как и все.

Затем Хаксли сказал, не повышая голоса:

— Наш совет обычно принимает решения по общему согласию. Мы давно уже договорились, каким образом и когда мы установим день восстания... Но я знаю, что вы не стали бы возражать, если бы у вас не было к тому веских оснований. Мы вас слушаем, генерал Новак.

Новак медленно вышел вперед и повернулся к совету.

— Братья,— сказал он, оглядывая удивленные и даже сердитые лица.— Вы знаете меня. Семнадцать лет я отдаю все, что у меня есть, нашему общему делу. Я потерял семью, дом... Но я не могу позволить принять решение, прежде чем не скажу вам, что знаю с математической точностью: время для революции еще не наступило.

Он был вынужден переждать несколько минут и поднять руки, призывая к тишине.

— Да выслушайте меня, в конце концов! Я согласен, что с военной точки зрения все готово. Я даже склоняюсь к тому: если мы ударим сегодня же, то у нас есть возможность захватить страну. И все-таки мы не готовы...

— Почему?

— Потому что большинство населения все еще верит в установленную религию, верит в божественный приоритет Пророка. Мы можем захватить власть, но мы не сможем ее удержать.

— Еще как сможем!

— Послушайте. Никакой народ не может быть под-

чинен долгое время без его молчаливого признания власти. В течение трех поколений американский народ воспитывается от колыбели до могилы самыми умными и хитрыми психотехниками в мире. И люди верят!

— ...Мы выиграем революцию, но за ней последует длинная и кровавая гражданская война, которую мы проиграем!

Он замолчал, провел трясущейся рукой по глазам и произнес:

— Это все.

Несколько человек сразу попросили слова. Хаксли постучал по столу, призывая к порядку, потом предоставил слово генералу Пеннойеру.

— Я хотел бы задать Новаку несколько вопросов,— сказал он.

— Задавайте.

— Может ли ваше управление определить, какой процент населения, по вашим расчетам, искренне верит в Пророка?

Зеб поднял голову. Новак кивнул ему, и Зеб сказал:

— Шестьдесят два процента, плюс-минус три процента.

— А какой процент тех, кто тайно противостоит правительству, независимо от того, знаем мы об их существовании или нет?

— Двадцать один процент, с соответствующей поправкой. Остальных нельзя считать верующими, но они довольны сложившимся порядком.

— Как вы получили эти данные?

— Выборочным опросом и гипноприборами. Правительство потеряло много сторонников в первые годы современной депрессии, но постепенно ему удалось выровнять положение. Закон о церковной десятине и декреты против бродяжничества опять же уронили престиж церкви. В настоящее время под влиянием нашей пропаганды правительство постепенно продолжает терять авторитет.

— Так сколько же нам понадобится времени...

Начальник психологического управления ответил твердо:

— По нашим расчетам, понадобится три года и восемь месяцев, прежде чем мы можем рискнуть.

Пеннойер повернулся к Хаксли.

— Думаю, что, несмотря на мое уважение к генералу Новаку, я должен сказать: побеждай, когда можешь победить. Не исключено, у нас больше не будет такого шанса.

Почти все присутствующие поддержали его.

— Пеннойер прав! Если мы будем ждать, нас кто-нибудь выдаст!

— Мы не сможем столько времени хранить в тайне такую организацию.

— Я уже десять лет в подполье. Я не хочу, чтобы меня здесь похоронили!

— Давайте победим, а потом уж будем думать, как найти сторонников.

— Да здравствует восстание!

Хаксли молчал, давая остальным выпустить пар. Я сам помалкивал хотя бы потому, что мое положение не позволяло мне вмешиваться в дискуссию, но я был согласен с Пеннойером: невозможно ждать еще почти четыре года.

Я увидел, что Зеб что-то горячо обсуждает с Новаком. Они настолько углубились в спор, что не обращали внимания на то, что творилось вокруг. Но когда Хаксли, наконец, поднял руку, требуя тишины, Новак покинул свое место и поспешил к нему. Генерал выслушал Новака, и мне показалось, что он сдерживает раздражение, которое вскоре сменилось неуверенностью. Новак поманил к себе пальцем Зеба, который поспешил к своему шефу. Вся эта троица шепталась несколько минут, а совет покорно ждал, пока они придут к решению.

Наконец Хаксли вновь обратился к залу:

— Генерал Новак предложил схему, которая может изменить всю ситуацию. Совет прервет заседание до следующего дня.

План Новака (или Зеба, хотя он никогда и не признавался в авторстве) требовал передышки по крайней мере на два месяца, до Дня Ежегодного Чуда. Идея заключалась в том, чтобы вмешаться в проведение праздника. Ведь власть Пророка над людьми заключалась не только в пулеметах, но и в той вере, которую питали люди.

Будущие поколения вряд ли смогут поверить в важность, в исключительную важность как с точки зрения

религиозной веры, так и с точки зрения политической власти Чуда Воплощения. Чтобы осознать это, надо понять: массы одураченных людей верили в то, что ежегодно Первый Пророк возвращается с небес, чтобы проверить, как живет его земное царство и насколько хорошо его преемники справляются с обязанностями. Люди в это верили, а меньшинство сомневающихся не смело и рта раскрыть.

Я сам в это верил, мне и в голову не приходило ставить под сомнение эту основу основ веры, а меня можно было назвать образованным человеком, человеком, посвященным в секреты производства меньших по рангу чудес.

Последующие два месяца прошли в бесконечном напряжении — мы были так заняты, что не хватало ни дней, ни часов. В дополнение к этому шли приготовления к празднику Воплощения и соответствующие изменения первоначальных планов. Генерал Новак почти немедленно после совещания выехал в «Бьюлалэнд» для проведения операции «Бедрок». Так было написано в приказе. Я сам вручал ему этот приказ, но, хоть убейте, не знаю, где и на какой карте искать этот «Бьюлалэнд».

Хаксли сам отсутствовал почти неделю, перепоручив дела генералу Пеннойеру. Он мне не говорил, куда направляется, но я мог догадываться. Операция «Бедрок» была психологическим маневром, а не забудьте, что мой шеф был в свое время преподавателем прикладных чудес и неплохой физик. Я вполне допускаю, что в эти дни его можно было бы увидеть и с паяльником в руках, и с отверткой или электронным микрометром: генерал никогда не боялся испачкать руки.

Я скучал без генерала Хаксли. Пеннойер иногда был склонен отменять мои мелкие приказания, совать нос в детали и тратить как свое, так и чужое время по пустякам, которыми ему и не следовало бы заниматься. Но его тоже не было большую часть времени. Вообще трудно было поймать на месте хоть кого-нибудь из руководства.

В эти же дни произошло еще одно событие, которое не имело прямого отношения к судьбе народа Соединенных Штатов и его борьбе за свободу, но мои личные дела к тому времени настолько перепутались с общественными, что я позволю себе отвлечься. Может быть,

личная сторона тоже важна. Я типичный представитель большинства людей, я человек, которого сначала надо ткнуть носом, и только потом уже он разберет, что к чему, тогда как Магги, Зеб и Хаксли из того меньшинства, которому даны свободные души,— они мыслители и вожди.

Я сидел за столом, стараясь разбирать бумаги скорее, чем они прибывали, когда получил приглашение заглянуть в удобное для меня время к шефу Зеба. Не теряя времени, я поспешил к генералу.

Новак не стал выслушивать формальных приветствий.

— Майор, у меня для вас письмо, которое я только что получил от шифровальщиков. Я не знаю, что с ним делать, но по совету одного из начальников моих отделов я решил вручить его вам. Вам придется его прочитать здесь.

— Слушаюсь, сэр,— сказал я несколько растерянно.

Письмо оказалось довольно длинным, и я не помню большей его части. Помню только ту, что произвела на меня наибольшее впечатление. Письмо было от Юдифи.

«Мой дорогой Джон... я всегда буду вспоминать о тебе с теплотой и благодарностью и никогда не забуду всего, что ты для меня сделал... мы не предназначены друг для друга... Сеньор Мендоза все отлично понимает... я надеюсь, что ты простишь меня... он во мне так нуждается: должно быть, нас свела сама судьба... если ты когда-нибудь будешь в Мехико, считай наш дом своим... я всегда буду думать о тебе, как о моем сильном старшем брате, и останусь твоей сестрой...» Там еще много всего было такого же. Я думаю, что все эти письма подходят под категорию «мягкого расставания».

Новак протянул руку и взял у меня письмо.

— Я дал его вам не для того, чтобы вы заучивали его наизусть,— сказал он сухо и выбросил письмо в дезинтегратор. Затем посмотрел на меня.

— Может, вам лучше присесть, майор. Вы курите?

Я не присел, но голова у меня кружилась, и я взял предложенную сигарету и даже позволил ему зажечь ее. Потом я закашлялся от сигаретного дыма, и противное

ощущение в горле вернуло меня к действительности. Я сдержанно поблагодарил генерала, вышел из комнаты, прошел к себе и позвонил заместителю, сказав, где меня найти, если я срочно понадоблюсь. Я объяснил, что неожиданно заболел и прошу по возможности меня не беспокоить.

Я провел в одиночестве больше часа, лежа на койке лицом вниз, не двигаясь и даже не думая ни о чем. Раздался тихий стук в дверь. Дверь открылась. Это был Зеб.

— Ну как ты? — спросил он.

— Ничего,— ответил я. В то время мне не пришло в голову, что начальник отдела, который попросил Новака показать мне письмо, был Зеб.

Он сел на стул и посмотрел на меня. Я перевернулся на кровати, лег на бок.

— Не давай выбить себя из колеи, Джонни,— сказал он.— люди умирали неоднократно, но очень редко от любви.

— Ты ничего не понимаешь!

— Нет, не понимаю,— согласился он.— Каждый человек — свой собственный пленник, в одиночном заключении до самой смерти. Знаешь что, сделай мне одолжение, постарайся мысленно представить себе Юдифь. Постарайся увидеть ее лицо, услышать ее голос.

— Зачем?

— Постарайся.

Я старался. Я в самом деле старался и, вы знаете, не смог. Я никогда в жизни не видел ее фотографии, и теперь лицо ее от меня ускользало.

Зеб наблюдал за мной.

— Ты выздоровеешь,— сказал он уверенно.— Теперь послушай, Джонни. Мне надо было сказать тебе раньше. Юдифь очень милая женщина и, оказавшись на свободе, она неизбежно должна была встретить подходящего человека. Но нет, зачем объяснять все это влюбленному человеку?

Он поднялся.

— Джонни, мне надо идти. Мне очень не хочется оставлять тебя одного в таком состоянии, но генерал Новак ждет меня, мы уезжаем. Он меня живьем съест

за то, что я заставил себя ждать. И разреши дать тебе еще один совет...

Я ждал.

— Я советую,— сказал он,— поговори с Магги. Она тебе поможет.

Он уже выходил из комнаты, когда я остановил его вопросом.

— Зеб, а что случилось между тобой и Магги? Что-то похожее?

Он оглянулся и сказал резко:

— Нет. Совсем не то. Это не было... не было то же самое.

— Я тебя не понимаю, я просто не понимаю людей. Ты советуешь мне поговорить с Магги... А ты не будешь ревновать?

Он посмотрел на меня, захохотал и ответил:

— Она — свободный гражданин, поверь мне, Джонни. Если бы ты когда-нибудь сделал ей что-то плохое, я собственными руками оторвал бы тебе голову. Но, думаю, ты ничего плохого не сделаешь. А ревновать? Нет. Я считаю, что она самый лучший парень из моих друзей, но женюсь я лучше на горной львице.

Он ушел, оставив меня опять в полном недоумении. Но все же я последовал его совету. Или, может быть, Магги последовала. Магги все знала — оказалось, что Юдифь написала ей тоже. Мне не пришлось ее разыскивать. Она сама пришла ко мне после ужина. Мы поговорили с ней обо всем, и я почувствовал себя куда лучше, настолько, что вернулся в кабинет и полночи работал, наверстывал упущенное днем время.

Мы с Магги часто гуляли после обеда, но не заходили так далеко, как с Зебом. Иногда я мог уделить на прогулку минут двадцать, не больше — надо было возвращаться к работе, но это были лучшие минуты дня, и я ждал их.

Неподалеку от городка у нас было одно особенно любимое место. Тропинка вилась среди громадных каменных грибов, колонн, куполов и других пещерных чудес, которым трудно придумать название и которые можно с одинаковым успехом называть мечущимися душами и экзотическими цветами — в зависимости от настроения. На этой тропинке стояла каменная скамья. Тропинка здесь поднималась футов на

сто над городком, так что мы могли сидеть и смотреть на наш мир сверху и молчать, и Магги могла не спеша покурить. Я привык зажигать ей сигареты, как в свое время Зеб. Она любила, когда я оказывал этот маленький знак внимания, а я уже научился не задыхаться от дыма.

Месяца через полтора после того, как Зеб уехал, и за несколько дней до восстания мы сидели там и рассуждали, что будет с нами, если революция победит. Я сказал, что, наверное, останусь в армии, если армия сохранится.

— А что будешь делать ты, Магги?

Она медленно затянулась.

— Так далеко в будущее я не заглядывала. У меня нет никакой специальности. Другими словами, мы же с тобой боремся за то, чтобы профессия, к которой я принадлежала, исчезла навсегда.— Она сухо усмехнулась и продолжала: «Меня не учили ничему полезному. Правда, я могу готовить, шить и следить за домом. Постараюсь найти работу экономки или служанки— ведь хорошие служанки очень редко попадаются, на них большой спрос.»

Мысль о том, что отважный и умный сержант Эндрюс, умеющая обращаться, если нужно, с виброкинжалом, будет ходить в бюро найма и искать работу, чтобы прокормить себя, была для меня совершенно неприемлема. Магги, Магги, которая спасла мою не такую уж ценную жизнь, по крайней мере, дважды и никогда не задумывалась, чего это может ей стоить. Нет, только не Магги!

Я выпалил:

— Послушай, тебе этого делать не придется.

— Другого пути я не знаю.

— Ну тогда... тогда, как ты отнесешься к тому, чтобы готовить обед мне? Я надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы нас обоих прокормить, даже если меня после революции понизят до моего прежнего чина. Это будет не очень жирно, но все-таки...

Она взглянула на меня.

— Ну что ж, Джонни, ты очень любезен.— Она раздавила сигарету и кинула ее вниз.— Я очень тебе благодарна, но ничего из этого не выйдет. Твое начальство может не одобрить такого выбора.

Я покраснел и почти прокричал:

— Я совсем не то имел в виду!

Я знал, что хотел сказать, но никак не мог подобрать слов...

— Я имел в виду... Послушай, Магги, мы с тобой друг друга хорошо знаем, я тебе не противен... и нам неплохо вместе... Поэтому почему бы нам...

Она поднялась на ноги и обернулась ко мне:

— Джон, ты хочешь жениться? На мне?

Я сказал смущенно:

— Ну, в общем... в этом и была моя мысль...

Мне было неудобно, что она стоит передо мной, и я тоже встал.

Она внимательно посмотрела на меня, как будто увидела впервые, и потом сказал печально:

— Что ж, я очень благодарна, в самом деле благодарна... и очень тронута... Но нет, Джонни, нет!

Из глаз ее покатились слезы, и она всхлипнула. Но тут же взяла себя в руки, вытерла глаза рукавом и закончила:

— Ну вот, ты заставил меня разреветься. Я не ревела несколько лет.

Я хотел обнять ее, но она оттолкнула мои руки и отступила на шаг.

— Нет, Джонни! Сначала выслушай меня. Я готова работать у тебя экономкой, служанкой, но замуж за тебя я не выйду.

— Почему нет?

— Почему нет? Дорогой мой, очень дорогой мой мальчик, потому что я старая, усталая женщина, вот почему.

— Старая? Ты старше меня не больше, чем на год или два. Ну три, самое большее. И это не играет роли.

— Я старше тебя на тысячу лет. Подумай, кем я была, где я была, что я знаю. Сначала я была «невестой» Пророка.

— Ты не виновата.

— Может быть. Но затем я была любовницей твоего друга Зеба. Ты знал об этом?

— Ну... в общем, я в этом не сомневался.

— Но это не все. У меня были другие мужчины. Одни по необходимости — я покупала их милости, другие от одиночества и тоски. Потом, когда Пророку надое-

дает очередная невеста, она теряет во дворце всякую цену даже для себя самой.

— Мне все равно! Мне все равно! Мне плевать! Это не имеет никакого значения!

— Ты это сейчас так говоришь. А потом это будет иметь для тебя значение. Я думаю, что знаю тебя, милый.

— Значит, ты меня не знаешь. Мы начнем жизнь снова.

Она глубоко вздохнула.

— Ты думаешь, что любишь меня, Джон?

— Думаю, да.

— Ты любил Юдифь. Теперь, когда ты обижен ею, тебе кажется, что ты любишь меня.

— Но... но откуда мне знать, что такое любовь? Я знаю одно: я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы мы всегда были вместе.

— И я не знаю,— сказала она так тихо, что я еле услышал ее слова. Она подошла ко мне, и я обнял ее так естественно и просто, будто мы всю жизнь только и делали, что обнимались.

Мы поцеловались, и я спросил:

— Ну, теперь ты согласна выйти за меня замуж?

Она откинула голову и посмотрела на меня почти испуганно:

— О, нет!

— А я думал...

— Нет, дорогой, нет! Я буду содержать твой дом, вести хозяйство, стирать белье, спать с тобой, если ты того захочешь, но не надо тебе жениться на мне.

— Черт возьми! На такое я не согласен.

— Нет? Посмотрим.— Она вырвалась из моих рук.

— Магги! — крикнул я.

Но она уже бежала по тропинке, будто летела по воздуху. Я хотел догнать ее, споткнулся о сталактит и упал. Когда я поднялся, ее уже не было видно.

И — удивительное дело. Я всегда считал Магги высокой, статной, почти с меня ростом. Но когда я обнимал ее, оказалось, она совсем маленькая. Мне пришлось наклоняться, чтобы ее поцеловать.

12

В ночь Чуда все, кто оставался в Главном штабе, собрались в комнате связи перед экранами телевизоров. Наш городок совсем опустел, все разъехались по боевым постам. Нам, оставшимся, надо было поддерживать связь между группами. Стратегия была оговорена, и час восстания приурочен к часу Чуда. Тактические планы для всей страны не могли быть разработаны в Главном штабе, и Хаксли был достаточно хороший генерал, чтобы и не пытаться сделать это. Войска стояли на исходных позициях, и их командиры должны были сами принимать решения. Все, что нам оставалось, ждать.

На главном экране светилось объемное цветное изображение помещений дворца. Служба шла уже весь день. Процессии, гимны, жертвоприношения, песнопения — бесконечная монотонность красочного ритуала. Мой старый полк стоял окаменевшими рядами; блестели шлемы, и копья казались зубьями гребенки. Я разглядел Питера ван Эйка, живот которого был закован в сверкающие латы, стоявшего впереди взвода. Я знал из донесений, что ван Эйк выкрал копию нужного нам кинофильма, и его присутствие на церемонии было хорошим знаком: значит, его не подозревают.

На трех остальных стенах комнаты связи находились многочисленные экраны поменьше. Они показывали толпы людей на улицах различных городов, забитые молящимися местные храмы. И на каждом экране люди не отрывали глаз от телевизоров, показывающих ту же суету, что и наш главный экран,— в комнатах дворца Пророка.

По всей Америке люди ждали Чуда. Чуда Воплощения.

За нашей спиной психооператор склонился над телепаткой, находившейся под гипнозом. Телепатка, девушка лет двадцати, что-то пробормотала. Психооператор обернулся к генералу Хаксли:

— Станция «Голос бога» в наших руках, сэр.

Хаксли кивнул головой. От этого зависело все. У меня задрожали колени. Взять станцию в свои руки мы могли только перед самым началом Чуда. Не раньше... Изображение передается по кабелю с этой стан-

ции, и единственная возможность внести коррективы в передачу — захватить хотя бы на несколько минут передающую станцию. Я был несказанно горд успехом моих товарищей, но гордость сменилась горем, потому что я знал, что ни один из них не доживет до вечера.

Но если они продержатся еще несколько минут, смерть их будет не напрасна, и души их найдут успокоение. На такие подвиги обычно шли те братья, жены которых побывали в руках инквизитора.

Начальник связи дотронулся до рукава генерала Хаксли.

— Начинается, сэр,— сказал он.

Камеры направлены на дальний конец зала храма. Мы увидели алтарь, и затем все взоры устремились к арке из слоновой кости над алтарем — над входом в святая святых. Вход был закрыт тяжелыми золотыми занавесями.

Я не мог оторвать глаз от экрана. После бесконечного, как мне показалось, ожидания, занавеси дрогнули и медленно раздвинулись, и перед нашими глазами предстал реальный, будто могущий в любой момент сойти с экрана, сам воплощенный Пророк.

Он повернул голову, окидывая всех горящим взглядом, и мне казалось, что он заглядывает мне в глаза. Мне захотелось спрятаться. Я с удивлением услышал собственный голос:

— И вы хотите сказать, что можете воспроизвести это?

Начальник связи кивнул:

— С точностью до миллиметра. Наш лучший имперсонатор, подготовленный лучшими хирургами. Может быть, идет уже наш фильм.

— Но ведь это реально!

Хаксли взглянул на меня:

— Поменьше разговоров, Лайл,— сказал он. Никогда еще он не был так сердит на меня.

Я замолчал и обернулся к экрану. Это могучее лицо и горящий взгляд, это — актер? Нет! Я знал это лицо и видел его столько раз на церемониях. Что-то испортилось, и наш план провалился.

Хаксли спросил почти грозно:

— Есть связь с Новым Иерусалимом?

— Простите, нет, сэр.

Пророк начал говорить.

Его покоряющий, могучий голос гремел, как иерихонская труба. Он ниспрашивал благословения господа на грядущий год. Потом замолчал, взглянул снова на меня, поднял очи горе и обратился к Первому Пророку, моля того явиться народу во плоти и предлагая свое тело посредником в этом.

Началось перевоплощение — у меня волосы стали дыбом. Я уже знал, что мы проиграли. Пророк вытянулся на несколько сантиметров, его одежды потемнели, и вот перед нами в старинной тоге стоял сам Негемия Скаддер. Первый Пророк и основатель Нового Крестового похода. Я чувствовал, как внутренности мои сковал страх, чувствовал себя снова маленьким мальчиком, впервые увидевшим это Чудо по телевизору в приходской церкви.

Он начал с добрых пожеланий народу и выражения своей любви к людям. Понемногу он разогрел себя, на лице появились капли пота, и пальцы переплелись так же, как и в те дни, когда он призывал бога на ранних собраниях крестоносцев в долине Миссисипи. Он клеймил грех во всех его проявлениях, грех плоти, духа и денег. В самый разгар речи он перешел на другую тему, чем весьма удивил меня.

— Но я вернулся сегодня не для того, чтобы говорить о малых грехах народа,— сказал он.— Нет! Я пришел к вам призвать вас к оружию. Поднимитесь и восстаньте! Сатана пришел к вам! Он здесь! Он среди вас! С гибкостью змея он проник сюда и принял форму вашего наставника! Да! Он принял личину Пророка!

Уничтожьте Пророка! Во имя господа уничтожьте его и его приспешников!

13

— Докладывает Брюлер со станции «Голос бога»,— сказал связист.— Станция отключена и будет взорвана через тридцать секунд. Группа попытается отступить до взрыва. Всего хорошего. Конец сообщения.

Хаксли пробормотал что-то и отошел от погасшего экрана. Малые экраны, передававшие сцены в различных городах страны, показывали полную сумятицу и растерянность. Но в то же время они вселяли в меня

надежду. Повсюду начались бунты и столкновения. В шоке я смотрел на экраны, не в силах понять, кто друг, а кто враг. В открытом театре в Голливуде толпа затопила сцену и буквально поглотила чиновников и священников, сидевших в президиуме. Наверху, над последним рядом, стояло немало охранников, и поэтому я ожидал, что они сверху скосят бунтовщиков огнем из автоматов. Но прозвучал лишь один выстрел, и он был направлен не вниз, а в сторону. Один из охранников упал.

Дерзкий выпад против Пророка удался сверх ожиданий. И если правительственные войска по всей стране дезорганизованы так же, как в Голливуде, нам предстоят не бои, а удержать завоеванное.

Монитор из Голливуда погас, и я обернулся к другому экрану, передававшему картинку из Портланда, штат Орегон. Там тоже кипела схватка. Я увидел людей с белыми нарукавными повязками — это был единственный знак различия, который мы позволили в тот день. Но сражались не только наши братья. Я собственными глазами видел, как офицер безопасности упал, сбитый с ног кулаками невооруженных людей.

Сообщения и доклады из городов все накапливались, и теперь мы могли уже без опаски использовать собственные радиостанции. Я оторвался от экранов и поднялся к шефу, чтобы помочь ему разобраться в ситуации. Я все еще был растерян и не мог осознать всего, что произошло у меня на глазах. Перед моим мысленным взором все еще стояли лица обоих Пророков. Если даже я получил от этой сцены такой эмоциональный шок, каково было простым верующим?

Первый доклад пришел от Лукаса из Нового Орлеана:

Центр города захвачен. Энергостанция и связь в наших руках. Группы захвата занимают полицейские участки. Федеральные стражники деморализованы стереопоказом. Спорадическая перестрелка произошла между самими охранниками. Организованного сопротивления нет. Устанавливаем комендантский час. Да здравствует свобода! Лукас.

Затем доклады начали сыпаться как из бочки горох: Канзас-сити, Детройт, Денвер, Бостон, Миннеаполис — все крупные города Америки сообщали о нашей

победе. С некоторыми вариациями они поведали одну и ту же историю: призыв к оружию нашего синтетического Пророка и последовавший перерыв в связи превратили правительственные войска в тело без головы, которое без всякого смысла махало мечами и било по себе самому. Могущество Пророка основывалось на суевериях и жульничестве; мы же обернули это оружие против самого Пророка.

Заседание Ложи в тот вечер было самым грандиозным из тех, на которых мне приходилось присутствовать. Мы расположились в Центре связи. Начальник службы связи исполнял функции секретаря заседания, получая и тут же передавая генералу Хаксли как Мастеру Востока доклады и телеграммы с разных концов страны, по мере того как они поступали. Мне тоже предложили занять почетное место, произведя меня в младшие подмастерья. Генералу пришлось позаимствовать у кого-то шляпу каменщика, которая оказалась ему мала, но никто не обращал на это внимания. Мы произносили древние слова от всего сердца так, словно мы говорили их впервые в жизни. И если церемонию приходилось прервать, поскольку поступила телеграмма, что Луисвилл наш, такой перерыв никого не раздражал. Мы строили здание нашего государства. Долгие годы трудилось лишь наше воображение, теперь мы принялись за этот труд наяву.

14

Временная столица была перенесена в Сан-Луис. Я сам отвез туда Хаксли. Мы обосновались на военной базе Пророка, вернув ей старое название казарм Джефферсона. Заняли мы также помещения университета и восстановили его название — Университет имени Вашингтона. Если еще многие не понимали истинного значения этих переименований, скоро они поймут и это. Я тоже совсем недавно узнал, что Вашингтон боролся за свободу.

Хаксли называл себя военным губернатором и упорно отказывался от звания временного президента.

Положение было серьезное, более серьезное, чем могло показаться. Несмотря на то, что революция охватила всю страну и правительственные войска были

практически разгромлены, мы не могли захватить сердце страны — Новый Иерусалим. Более половины населения еще не с нами, многие находились просто в растерянности. До тех пор, пока Пророк был жив и Храм оставался центром, вокруг которого могли собираться его сторонники, у него оставалась надежда победить нас.

Чудо дало только временный эффект. Пророк и его помощники были не дураки. Они уже начали организовывать сопротивление тех, может, и немногочисленных, но преданных приверженцев, которые отхватывали самые жирные куски при церковном режиме. Понемногу всем становилось понятно, что это мы подделали Пророка. Казалось бы, что вывод из этого ясен: если мы могли подделать Чудо, то значит и все предыдущие чудеса были подстроены — телевизионные трюки и ничего больше. Я сказал об этом Зебу, но он только посмеялся над моей наивностью. Верующие не подчиняются законам логики, сказал он. Трудно отказаться сразу от религии, которая обволакивает тебя с детства.

В любом случае Новый Иерусалим должен пасть, и время не было нашим союзником.

В ту пору в университете собралось Временное конституционное собрание. Его открыл Хаксли, который отказался снова от президентского кресла, затем объявил, что все законы, принятые со дня вступления на пост Пророка Негемии Скаддера, теряют силу. Нашей единственной целью, заявил он, является выработать пути возрождения демократии и подготовиться к свободным выборам.

Тут он передал слово Новаку и покинул собрание.

Времени на политику у меня не оставалось, но както раз я оторвался от работы, чтобы посидеть на вечерней сессии Ассамблеи, потому что Зебадия намекнул мне, что надо ждать внушительных фейерверков. Я пробрался в задний ряд и смотрел, как один из молодых гениев Новака демонстрирует фильм. Я застал только вторую его часть. Сначала он показался мне обыкновенным учебным фильмом по истории. В нем рассказывалось, что такое гражданские свободы, каковы обязанности гражданина свободного демократического государства. Разумеется, фильм категорически противоречил всему, что было положено учить в школе

Пророка, но при том создатели фильма использовали все те же приемы и методы изготовления учебных фильмов, что и их коллеги в стане Пророка. Фильм закончился, и молодой гений (не помню его имени, может, потому, что он мне с первого взгляда не понравился) Стоукс — назовем его Стоуксом, не все ли равно! Стоукс — начал говорить:

— Вы просмотрели переориентировочную ленту. Такой фильм совершенно не годится для того, чтобы перевоспитать взрослого человека. Его привычки и рефлексы укоренились в нем так глубоко, что таким простым фильмом его не убедишь.

— Зачем же тогда вы тратите наше время, заставляя смотреть его? — выкрикнул кто-то из зала.

— Погодите, пожалуйста. Я хочу сказать, что несмотря на эти недостатки, мы предназначали фильм именно для взрослых. Разумеется, при условии, что данный взрослый готов предварительно принять пищу духовную, которую мы ему предлагаем.

Экран вспыхнул вновь. На нем возникла прелестная пасторальная сцена, сопровождаемая медленной музыкой. Я не догадывался, к чему этот Стоукс ведет, но зрелище было умиротворяющим. Почему-то я вспомнил, что недосыпаю уже четвертую ночь подряд, да и вообще не помню, когда я выспался. Я откинулся в кресле и расслабился.

Я не заметил перехода от пейзажа к абстрактным фигурам. Мне казалось, что звучит та же музыка и на нее накладывается голос — монотонный, теплый, успокаивающий... Фигуры на экране однообразно поворачивались, и я начал растворяться в этих узорах...

Тут Новак вскочил со своего стула и с проклятием выключил проектор. Я выпрямился с острым чувством протеста, почти боли, вызывающей слезы на глазах. Новак быстро, упорно, хоть и негромко выговаривал Стоуксу, затем обернулся к нам.

— Встать! — приказал он. — Начинаем разминку! Глубоко вдохните, пожмите руку вашему соседу справа, постучите его ладонью по спине... крепче, не ленитесь!

Мы подчинились, но я чувствовал себя дураком. И при том раздраженным дураком. Мне было так хорошо всего минуту назад, а теперь я вспомнил о горах

бумаг, которые мне никогда не разобрать, и потому не приходится надеяться, что я выкрою вечером хотя бы десять минут для встречи с Магги.

Молодой гений Новака заговорил:

— Как мне сейчас указал доктор Новак,— в голосе его не было раскаяния, он был по-прежнему уверен в себе.— Нет нужды подвергать нашу аудиторию действию пролога, так как вас не нужно переориентировать. Однако сам фильм, усиленный предварительным внушением, а если представится возможность, и добавлением небольшой дозы гипнотического вещества, в 83 процентах случаев поднимает в аудитории политическое чувство, направленное в нужном направлении. Это было проверено на группе добровольцев. Сам же фильм является плодом нескольких лет работы аналитиков, основанной на изучении докладов каждого из членов нашего Братства о том, как они разочаровались в Пророке и присоединились к революции. Лишнее отбрасывалось, нужное суммировалось, и то, что в результате получалось, должно отвратить от Пророка самого верного его последователя. Разумеется, при условии, что он получит порцию воздействия в момент, когда к этому подготовлен.

Вот зачем им понадобилось, чтобы каждый из нас обнажал перед ними свою душу! Что ж, это кажется логичным. Не могли же мы себе позволить дожидаться того сладостного момента, когда все легаты охраны Пророка втюрятся в прекрасных дьяконесс и потому у них раскроются глаза.

В дальнем конце зала поднялся пожилой мужчина, похожий на сердитого Марка Твена.

— Господин Председатель!

— Я вас слушаю, товарищ. Назовите свое имя и округ.

— Вы знаете, Новак, как меня зовут.— Я — Уинтерс из Вермонта. Вы одобрили эту схему?

— Нет.

— Но он — один из ваших мальчиков.

— Он свободный гражданин. Я контролировал производство фильма и исследований, на основе которых он создан. План использования фильма был предложен его группой, я не одобрил это предложение, но согласился на демонстрацию фильма в вашей аудито-

рии. И я повторяю — он свободный гражданин, такой же, как и вы все.

— Можно тогда я выскажу свою точку зрения?

— Разумеется.

Пожилой мужчина приосанился и словно наполнился воздухом.

— Джентельмены..., леди.., товарищи! Я в этом движении состою уже сорок лет, куда дольше, чем большинство из молодого поколения прожили на свете. У меня есть брат, такой же хороший человек, как и я, но мы с ним не разговаривали много лет, потому что он искренне предан установленной вере и подозревает меня в ереси. И вот теперь этот щенок включает свои лампочки, чтобы обработать моего брата и сделать его «политически благонадежным».

Он перевел дыхание и продолжал:

— Свободного человека не надо обрабатывать. Свободные люди свободны потому, что они предпочитают приходить к собственным умозаключениям и предрассудкам своим собственным путем, без чужой помощи, и не желают, чтобы их кормили с чайной ложечки самозванные промыватели мозгов. Мы сражались, а наши братья истекали кровью и умирали совсем не для того, чтобы сменить хозяев, какими бы замечательными не были мотивы и побуждения новых господ. И я должен сказать, что мы с вами попали в яму, в которой сидим, именно усердием этих умоломов. Годами они учились тому, как оседлать человека и скакать на нем верхом. Они начали с пропаганды и подобных ей вещей и дошли до того момента, когда честное жульничество, к которому прибегает коммивояжер или бродячий торговец, превратилось в высокую математику, где нормальному человеку никогда не разобраться.— Он указал пальцем на Стоукса: «Я уверяю вас, что американский гражданин не нуждается в защите от чего бы то ни было, за исключением таких типов, как этот!»

— Это глупо,— раздраженно воскликнул Стоукс.— Нельзя давать детям играть со взрывчаткой. А мы имеем дело именно со взрывчатыми ингредиентами.

— Американцы — не дети!

— Они дети! По крайней мере большинство.

Уинтерс окинул взором аудиторию.

— Вы видите, что я имел в виду, друзья? Он уже готов взять на себя роль господа, точно как наш Пророк. А я на это говорю: дайте народу свободу, верните нам права свободных людей и детей. И если мы снова отдадим права в недостойные руки, то сами и будем распутываться — ни у кого нет права влезать руками в их мозги.

Стоукс смотрел на него, не скрывая презрительной усмешки.

— Мы еще не можем сделать этот мир свободным и безопасным ни для себя, ни для наших детей,— закончил Уинтерс,— но господь и не уполномачивал нас на это.

Новак тихо спросил:

— Вы кончили, мистер Уинтерс?

— Да, у меня все.

— Вы тоже уже высказались, Стоукс. Садитесь.

Мне пора было убегать, так что я выскользнул из зала и не увидел драматического финала этого спора: я не успел отойти от зала и ста шагов, как Уинтерс упал и испустил дух.

Но даже это прискорбное событие не прервало собрания. Оно приняло две резолюции: ни один гражданин не может быть подвергнут гипнозу либо иному психологическому воздействию без его письменного на то согласия, и ни один политический или религиозный текст не может быть применен во время первых выборов.

Я так и не знаю, кто был прав в том споре. В последующие несколько недель мы бы чувствовали себя куда спокойней и уверенней, если бы знали, что народ твердо нас поддерживает. Но пока мы были лишь временными правителями страны и по ночам появлялись на улице как минимум вшестером, не осмеливаясь выходить в меньшем составе.

Правда, теперь у нас появилась униформа. Ее сшили из самой дешевой ткани в средних армейских размерах, мне мой мундир был мал. По мере того как мундиры поступали через канадскую границу, мы спешили одеть в них армию — белые повязки уже никого не удовлетворяли.

Помимо наших серо-голубых комбинезонов, вокруг появились и другие униформы; их носили как бригады добровольцев, прибывшие в Америку из-за рубежа, так

и некоторые национальные части из Африки. Мормонские батальоны надели тоги и отрастили бороды. Они шли в бой, распевая давным-давно запрещенный гимн: «Вперед, вперед, святые люди!» С тех пор как мормоны получили обратно чтимый ими храм, штат Юта, центр мормонов, стал самым надежным штатом среди тех, в которых мы установили контроль. Была своя униформа и у католического Легиона, и это было полезно, потому что мало кто из них говорил по-английски. Солдаты Христианского Движения также носили совсем иные мундиры, и это понятно, потому что они оказались соперниками нашего Братства уже в подполье и не одобряли нашего выступления, полагая, что следовало еще подождать. Наконец армия Иеговы, набранная в резервациях парий на северо-западе и усиленная добровольцами со всего мира, носила мундиры, которые можно описать лишь как иностранные.

Хаксли осуществлял тактическое командование над всеми этими частями. Но их нельзя было еще назвать армией, скорее это был многочисленный сброд.

Единственное утешение заключалось в том, что армия Пророка была невелика. В ней было меньше двухсот тысяч человек — точнее это внутренняя полиция, чем армия, и из этого числа лишь немногие смогли пробиться в Новый Иерусалим и укрепить таким образом гарнизон Дворца. К тому же раз США уже сто лет не вели войн, Пророк не мог набрать добровольцев из числа ветеранов.

Правда, и мы были лишены возможности это сделать. Большая часть боеспособных солдат и офицеров была разбросана по всей стране и охраняла узлы связи и прочие ключевые пункты больших городов, и нам нелегко было найти людей даже для этой работы. Штурм Нового Иерусалима заставит, как все понимали, подскрести со дна последние силы.

Это мы и старались сделать.

Дни, проведенные в штабе до начала восстания, уже казались мне спокойными и патриархальными. У меня теперь было тридцать помощников, и я не подозревал, чем занимался каждый второй из них. К тому же массу времени отнимали попытки удержать ОЧЕНЬ Знатных граждан, желающих помочь Революции, от немедленной встречи с генералом Хаксли.

В эти дни случился один инцидент, который оказался важным для меня лично. Как-то моя секретарша вошла ко мне и сказала:

— Вас хочет видеть ваш близнец.

— Что? У меня нет братьев, тем более близнецов.

— Сержант Ривс,— пояснила она.

Он вошел, мы пожали друг другу руки и обменялись приветствиями. Я действительно был очень рад его видеть и сказал ему, что выполнил большую часть его работы.

— Да, кстати, я не успел никому сказать, что нашел вам нового клиента в Канзас-сити. Магазин Эмери, Бэрда и Тейера. Можете воспользоваться.

— Я постараюсь, спасибо.

— Я не знал, что вы — солдат.

— Да я и не солдат. Но я стал им, когда мой пропуск потерял... силу...

— Простите меня за это.

— Не стоит извиняться. Я научился обращаться с оружием и буду участвовать в операции «Удар».

— Ой-ой, это условное обозначение совершенно секретно.

— В самом деле? Надо будет сказать нашим ребятам. А то они, по-моему, этого не понимают.

Я переменил тему.

— Собираетесь остаться в армии?

— Нет, вряд ли. Да, я хотел спросить вас, полковник. Вы полковник, не так ли?

— Да.

— Вы что, останетесь в армии? А то займемся текстилем!

Я удивился, но все-таки ответил:

— Что же, мне понравилось быть коммивояжером.

— Ну и хорошо, а то я остался без работы и подыскиваю партнера.

— Не знаю,— ответил я.— Я не заглядываю в будущее дальше, чем операция «Удар». Может быть, я останусь в армии, хотя не могу сказать, что военная служба нравится мне так же, как нравилась когда-то. Не знаю. Мне хотелось бы сидеть в винограднике под фиговым деревом.

— И никого не бояться,— закончил он за меня.— Хорошая мысль. Но почему бы вам, сидя под этим де-

ревом, не развернуть несколько штук ситца? Ведь урожай с виноградника может подвести. Подумайте.

— Обязательно подумаю.

15

Мы с Магги поженились за день до штурма Нового Иерусалима. Медовый месяц продолжался ровно двадцать минут, пока мы стояли, держась за руки, на пожарной лестнице возле моего кабинета,— единственное место, куда не заходили посетители и начальники. Потом я вылетел на ракете, везя Хаксли на исходные позиции.

Я попросил разрешения сесть за штурвал истребителя во время штурма, но Хаксли отказал мне в просьбе.

— Зачем, Джон? — сказал он.— Войну мы не выиграем в воздухе. Она решится на земле.

И он, как всегда, был прав. У нас было очень мало ракет и еще меньше надежных пилотов. Большая часть ВВС была выведена из строя, а некоторые летчики улетели в Канаду и были там интернированы. С теми машинами, что у нас были, мы могли только периодически бомбить дворец, чтобы заставить неприятеля не высовываться наружу.

Кроме того, мы не могли серьезно повредить его, и это было известно и нам, и им. Дворец, такой роскошный снаружи, был под землей самым недоступным бомбоубежищем в мире. Он рассчитан на прямое попадение ядерной бомбы — глубинные туннели выдержат. А Пророк и его отборные войска находились именно в этих туннелях. Даже та часть, что поднималась над землей, была относительно неуязвима для обычных бомб, которыми снабжены наши самолеты.

Мы не прибегали к атомному оружию по трем причинам: во-первых, у нас не было ни одной атомной бомбы. Насколько мне известно, в США не изготовлено ни одной атомной бомбы после окончания III-й мировой войны и подписания договора в Иоганнесбурге. Во-вторых, мы не смогли бы добыть ни одной бомбы. Конечно, можно было попытаться выторговать две-три бомбы у Федерации, ежели бы нас призна-

ли законным правительством США. Но если Канада нас уже признала, то Великобритания с признанием не спешила, также не было признания и со стороны Североафриканской федерации. Бразилия колебалась. По крайней мере она послала в Сан-Луи своего поверенного в делах. Но даже если бы нас признали все члены Федерации и приняли в нее, она бы никогда не согласилась выделить атомную бомбу для сведения счетов в гражданской войне. И, в-третьих, должен вас уверить, что мы бы не стали прибегать к атомному оружию, даже если бы готовая бомба лежала у меня на коленях. И не потому, что были боязливы. Дело в том, что бомба, сброшенная на дворец, убила бы не менее ста тысяч наших сограждан в городе и почти наверняка Пророк остался бы жив.

Приходилось выкапывать Пророка из норы, как барсука.

В 00 часов 01 минуту мы двинулись ко дворцу со стороны реки Делавар. В нашем распоряжении было тридцать четыре наземных крейсера, тринадцать из них — настоящие тяжелые машины, остальные либо устаревшие, либо легковооруженные. Это все, что оставалось от бывших бронечастей Пророка. Остальные крейсеры были уничтожены верными ему офицерами. Тяжелыми машинами мы хотели взломать стены. Легкие должны были сопровождать транспорты, везущие пятитысячный штурмовой отряд.

Мы слышали, как шла бомбежка дворца,— глухие взрывы и содрогание воздуха доносились даже сюда. Бомбежка продолжалась уже тридцать шесть часов, и мы надеялись, что никому во дворце не удалось выспаться за это время, тогда как все наши солдаты по приказу спали по двенадцати часов подряд.

Ни один из наших крейсеров не был рассчитан на то, чтобы быть флагманом, поэтому в конической башне одного из них мы устроили командный пункт, выбросив телевизор дальнего действия и освободив место для нужных нам приборов управления боем. За моей спиной скорчились в тесноте психооператор и его команда телепатов, состоявшая из восьми женщин и невротического четырнадцатилетнего мальчика. Теоретически каждый из них мог контролировать четыре ка-

нала связи, но я сомневался, чтобы на практике у них это получилось.

Вперед мы двинулись зигзагами. Хаксли выхаживал по рубке спокойный, как улитка, посматривая мне через плечо и читая полученные сводки и донесения. Успевал он следить и за экранами телевизоров. Пеннойер командовал левым крылом и своим крейсером, Хаксли — правым крылом.

В 12.32 телевизоры погасли. Противник расшифровал нашу частоту и вывел из строя все телевизоры. Это было теоретически невозможно, но он это сделал. В 12.37 вышло из строя радио.

К этой неудаче Хаксли отнесся равнодушно.

— Переключитесь на светофонную связь,— сказал он.

Связисты уже предупредили его приказ: наши приемники и передатчики работали теперь на инфракрасных лучах — от корабля к кораблю. Прошел еще час. Хаксли так же неторопливо бродил по рубке, посматривая иногда на схему расположения движущихся крейсеров. Наконец он сказл:

— Пора перестраиваться в штурмовые порядки.

Я передал приказание крейсерам, и через девятнадцать минут последний крейсер доложил о готовности.

Я был доволен — некоторые водители еще четыре дня назад были шоферами грузовиков.

В 15.30 мы передали предварительный сигнал: «Выходим на боевые позиции». И я услышал, как наша орудийная башня содрогнулась, — заряжали орудие.

В 15.31 Хаксли приказал открыть огонь.

Наша пушка выплюнула гигантский снаряд. От выстрела поднялась пыль и застлала мне глаза. Машина от отдачи рванулась назад, и я чуть не упал. Мне никогда раньше не приходилось находиться рядом с тяжелым самоходным орудием, и я не ожидал, что отдача так сильна. Но после второго выстрела я уже был готов к этому.

Между выстрелами Хаксли смотрел в перископ, стараясь определить эффективность артиллерийского огня. Новый Иерусалим отвечал на наш огонь, но мы еще не вошли в зону действия его орудий. У нас было преимущество стрельбы по неподвижному объекту, расстояние до которого нам известно с точностью

до метра. Но, с другой стороны, даже снаряды такого орудия не могли разрушить стен дворца.

Хаксли повернулся от перископа и приказал мне:

— Дымовая завеса, Джон!

Я, в свою очередь, крикнул офицеру связи:

— Всем телепатам готовность номер один!

Офицер связи доложил, что связи с другими крейсерами нет, зато психооператор с помощью телепатов уже восстанавливал связь. Через минуту заговорил подросток. Он передал нам ответ генерала Пеннойера: «Ослеплены дымом. Перемещаемся влево». Вскоре мы наладили связь через телепатов с кораблями второй линии и с самолетами-корректировщиками. Корректировщик доложил, что видимость у него нулевая и радар ему ничем не помогает. Я приказал ему оставаться в прежнем квадрате в расчете на то, что утренний ветер разгонит дым.

Впрочем, мы могли обойтись и без корректировщика, потому что наше расположение отлично известно. Дым также нас не беспокоил, он не влиял на точность наводки и стрельбы. Противнику было хуже. Выпустив дымовую завесу, начальник обороны дворца отныне полностью зависел от своего радара.

Радар во дворце был в полном порядке. Вокруг нас рвались снаряды. Прямых попаданий в наш крейсер еще не было, но мы чувствовали, как он вздрагивал, когда снаряды взрывались совсем рядом. Сообщения от других крейсеров были невеселыми: Пеннойер сообщил, что «Мученик» получил прямое попадание — снаряд разворотил переднее машинное отделение. Капитан «Мученика» старался обойтись одним двигателем и вдвое сбросил скорость, но от «Мученика» было мало толку. Орудие «Архангела» перегрелось, и ценность машины упала до нуля.

Хаксли приказал перестроиться по плану «Е». Он был рассчитан на то, чтобы снизить эффективность вражеского огня.

В 16.11 Хаксли приказал бомбардировщикам вернуться на базу. Мы стояли в пределах города, и стены дворца были так близко, что мы могли пострадать от собственных бомб.

В 16.17 в наш корабль попал снаряд. Боевую башню заклинило, орудие потеряло способность двигаться.

Водитель был убит. Я помог психооператору надеть противогазы на телепатов. Хаксли поднялся с пола, надел шлем. Он посмотрел на боевую схему.

— Мимо нас через три минуты пройдет «Благословение». Передай, чтобы они снизили скорость до минимума и подобрали нас. Передай Пеннойеру, что я переношу флаг на «Благословение».

Мы перешли на другой крейсер без потерь, всей командой — Хаксли, я, психооператор и его телепаты. Лишь один из телепатов был убит и остался в крейсере — в него попал осколок снаряда. Еще одна телепатка вошла в глубокий транс, и мы были вынуждены оставить ее в замершей машине, что было куда безопасней, чем эвакуировать ее в пекло боя.

Хаксли изучал карты с моими пометками о движении крейсеров.

— Мне нужна связь, Лайл, — сказал генерал. — Пора начинать решительный штурм.

Я помог психооператору задействовать телепатов. Отказавшись от связи с «Мучеником» и забыв на время о резерве Пеннойера, мы смогли обойтись без двух потерянных телепатов. Но оставшимся пришлось трудиться с полной отдачей силы. Четырнадцатилетний подросток поддерживал даже пять линий связи. Психооператор беспокоился, выдержат ли его подопечные, но ничего не мог поделать.

Закончив передавать приказания крейсерам, я обернулся к генералу. Хаксли сидел в кресле, и сначала мне показалось, что он глубоко задумался, потом я понял, что он потерял сознание. Только подбежав к нему, я заметил, что по ножке кресла стекает кровь. Я положил его на пол и, расстегнув куртку, увидел торчащий между ребер осколок.

Я услышал голос связиста:

— Генерал Пеннойер докладывает, что он заканчивает маневр через четыре минуты.

Хаксли вышел из строя. Живой или мертвый, он в этом бою уже не будет участвовать. По всем правилам, командование переходило к Пеннойеру. Но каждая секунда была на счету, и передача командования займет именно эти ценнейшие секунды. Что делать? Передать командование командиру «Благословения»? Я знал его — он был честный офицер, но без инициати-

вы. Он даже не заглядывал в рубку, а управлял артиллерийским огнем из орудийной башни. Если я позову его, пройдет несколько минут, прежде чем он поймет, как поступать дальше.

Что бы делал Хаксли, если бы он оказался на моем месте?

Мне казалось, что я размышляю целый час. В действительности хронометр показал, что прошло всего тринадцать секунд между сообщением Пеннойера и моим ответом.

— Через шесть минут начинаем последний этап штурма. Приступайте к перестройке крыла соответственно плану.

Передав приказ, я вызвал к генералу санитаров.

Я перестроил свой фланг и отдал приказ «Колеснице»:

— Подплан «Д». Покиньте строй и приступайте к исполнению приказа.

Подплан «Д» предусматривал высадку транспортом «Колесница» десанта возле универмага, который был соединен туннелем с дворцом. Из подземелья, где я впервые встретился с подпольщиками, десантники должны были маленькими штурмовыми группами рассредоточиться по дворцу. Эти пятьсот человек были знакомы с расположением дворцовых помещений. Многие из них погибнут, но они создадут так нужную нам в момент атаки панику в стане противника. Отрядом этим командовал Зеб.

Мы готовы.

«Всем крейсерам. Начинаем атаку. Правый фланг — правый бастион. Левый фланг — левый бастион. Полная штурмовая скорость с соблюдением боевой дистанции. Беглый огонь. Повторить приказ».

С крейсеров поступали подтверждения.

Вдруг пришло неожиданное сообщение через подростка:

— Говорит капитан ван Эйк. Ударьте по центральным воротам. Мы ударим по ним же с другой стороны.

— Почему по центральным воротам? — спросил я.

— Они разбиты.

Если это правда, то это может решить все дело. Но я имел основание не доверять. Если они выследили ван

Эйка, то это ловушка. Не представляю, как он в разгар битвы смог со мной связаться.

— Скажите пароль! — сказал я.

— Нет уж, сами скажите!

— Не скажу.

— Я назову первые две буквы.

— Хорошо.

Он не ошибся. Я успокоился.

«В отмену прежнего приказа. Тяжелым крейсерам с обоих флангов штурмовать центральный бастион. Легким крейсерам перенести отвлекающий огонь на правый и левый бастионы. Повторите приказ».

Через девятнадцать секунд я отдал приказ приступить к штурму, и мы пошли вперед. Мне казалось, что мы летим на реактивном самолете, у которого прогорело сопло. Мы пробивались сквозь кирпичные стены, наклонялись на поворотах, чуть не перевернулись, свалившись в подвал разрушенного здания, и с трудом выбрались наверх. Я практически не управлял крейсером, как, впрочем, и все остальные командиры.

Когда мы замедлили движение, готовясь к новому выстрелу, я увидел, что психооператор приподнимает веко подростка.

— Боюсь, что он погиб, — сказал психооператор глухо. — Я слишком перегрузил его в последние минуты. Еще две телепатки потеряли сознание.

Наше большое орудие выстрелило — мы отсчитали десять секунд и двинулись дальше, набирая скорость. «Бенисон» ударил по стене дворца с такой силой, что я думал — дворец сплющен от удара. Стена выдержала. Водитель выпустил гидравлические ноги, и нос крейсера стал медленно задираться. Крейсер встал почти вертикально, и мне показалось, что он вот-вот опрокинется; но тут стена поддалась, и мы вывалились через пролом в следующий двор.

Наше орудие заговорило вновь — оно стреляло в упор по внутреннему дворцу. Я подождал, пока последний из крейсеров войдет во внутренний двор, и затем приказал:

— Транспорты с десантом, вперед.

После этого я связался с Пеннойером и сообщил ему, что Хаксли ранен и командование переходит к нему.

Для меня бой кончился. Он шел еще вокруг меня, но я не принимал в нем участия — я, который всего несколько минут назад узупировал верховное командование.

Я закурил сигарету и подумал, что же мне теперь с собой делать? Глубоко затянувшись, я вылез через контрольный люк в орудийную башню и выглянул в бойницу. Дым рассеивался. Я увидел, как откинулись борта транспорта «Лестница Иакова» и солдаты, держа оружие наготове, посыпались во все стороны, разбегаясь в укрытия. Их встретил редкий неорганизованный огонь. «Лестница Иакова» уступил место «Ковчегу».

Командир десанта на «Ковчеге» имел приказ захватить Пророка живым. Я выскочил из башни, спустился в машинное отделение и отыскал запасной люк. Откинув крышку, я вывалился на землю и бросился за десантниками.

Мы вместе ворвались во внутренние покои.

Бой кончался. Мы почти не встречали сопротивления. Мы спускались с этажа на этаж все глубже под землю и наконец нашли бомбоубежище Пророка. Дверь распахнута настежь, и Пророк находился там, где мы его искали.

Но мы его не арестовали. Девственницы добрались до него раньше, и он уже не был властительным и грозным. От него осталось ровно столько, чтобы можно было его опознать.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ *

— Всем пилотам-факельщикам! Внимание! Всем пилотам-факельщикам немедленно собраться у командующего флотом! — Приказ разнесся по всем помещениям огромной станции-спутника, вращающейся вокруг Земли.

Джо Эпплеби высунулся из душа, чтобы услышать приказ. «Ну, ко мне это не относится, — пробормотал он со счастливой улыбкой. — Я в отпуске, но все-таки лучше убраться поскорее, пока начальство не передумало.»

Он поспешно оделся и вышел в коридор. Каюта, в которой размещался Эпплеби, находилась на внешнем кольце станции; ее медленное вращение, напоминающее вращение огромного колеса, повисшего в космическом пространстве, создавало искусственную силу тяжести, которая позволяла ему передвигаться, как на Земле. Эпплеби еще не успел подойти к своей каюте, как громкоговорители еще раз передали приказ командующего флотом: «Всем пилотам-факельщикам немедленно явиться к коммодору.» Голос диктора стих, затем из громкоговорителей донеслось: «Лейтенант Эпплеби, немедленно к коммодору!» Джо остановился и прошептал грубое ругательство.

*© перевод на русский язык И. Почиталина

Кабинет командующего флотом был переполнен. У всех присутствующих на левом рукаве была эмблема факела, за исключением главного врача и самого коммодора, рукав которого был украшен эмблемой пилота-ракетчика.

Коммодор Беррио взглянул на вошедшего Эпплеби и продолжал: «...ситуация. Если мы хотим спасти станцию Прозерпина, нужно срочно, не теряя времени, выслать корабль к Плутону. Вопросы?»

Все молчали. Эпплеби хотелось задать вопрос, но он опасался напомнить коммодору о своем опоздании.

— Отлично, — кивнул Беррио. — Это задание могут выполнить лишь пилоты-факельщики. Мне нужны добровольцы.

— Великолепно! — подумал Эпплеби. — Пусть желающие отличиться выходят вперед, а я помолчу. Может быть, мне еще удастся успеть к следующему шаттлу, отправляющемуся на Землю.

— Прошу добровольцев остаться, — продолжал коммодор. — Остальные свободны.

— Лучше не придумаешь, — решил Эпплеби. Только не надо сразу кидаться к выходу. Лучше всего сохранить достоинство и выскользнуть между двумя уходящими пилотами, спрятавшись за их спины.

Никто не шелохнулся. Джо Эпплеби почувствовал себя обманутым, однако не осмелился уйти.

— Спасибо, джентльмены, — произнес коммодор Беррио спокойным голосом. — Прошу вас подождать в кают-компании.

Бормоча под нос, Эпплеби вышел вместе с остальными. Говоря по правде, ему хотелось слетать к Плутону, но не сейчас, когда в кармане уже лежали отпускные документы.

Его не пугало колоссальное расстояние — скорее наоборот, будучи пилотом-факельщиком он испытывал к нему чувство презрения. Пилоты старшего поколения думали о межпланетных перелетах с опаской ракетчиков, настроенных на полеты, рассчитанные на несколько лет. Корабли, оборудованные факельным конвертором и совершающие полет с постоянным ускорением, покрывали эти расстояния за несколько дней. Космические корабли с ракетными двигателями, двигаясь по баллистическим траекториям, совершали полет до

Юпитера и обратно за пять лет; чтобы достичь Сатурна и вернуться, требовалось в два раза больше времени; для путешествия на Уран — еще в два раза больше; Нептун находился намного дальше. Ни один космический корабль с реактивной установкой даже и не пытался достичь Плутона: полет к самой отдаленной планете Солнечной системы продолжался бы девяносто лет. Однако корабли с факельными конверторами решили и эту проблему: станция Прозерпина с криологической лабораторией, отделом исследования космической радиации, обсерваторией, измеряющей параллаксы светил, физической лабораторией размещалась в гигантском пятикупольном строении, предохраняющем ее обитателей от неслыханного холода открытого космоса.

— До станции Прозерпина на Плутоне почти четыре миллиарда миль, — думал Эпплеби, шагая по коридору вслед за одним из пилотов, вместе с которым они кончали Академию космоплавания.

— Послушай, Джери, — окликнул его Эпплеби, — объясни меня, для выполнения какого задания я вызвался добровольцем?

— А, это покойный Джо Эпплеби, — обернулся Джерри. — Угости меня стаканчиком в баре, и я все расскажу.

Когда они разместились в баре кают-компании, Джери рассказал, что со станции Прозерпина прибыла радиограмма, взывающая о помощи. Там разразилась эпидемия болезни Ларкина. Услышав это, Эпплеби свистнул. Болезнь Ларкина вызывалась вирусом-мутантом и, по мнению ученых, была марсианского происхождения. У больных начинало резко падать количество красных кровяных телец, и вскоре наступала смерть. Единственным методом лечения было массивное переливание крови, которое должно продолжаться в течение всей болезни.

— Как видишь, Джо, мой мальчик, кому-то из нас придется прогуляться к Плутону с запасом крови на борту.

Эпплеби нахмурился. — Мой отец предостерегал меня. Он говорил: «Джо, молчи и никуда не высовывайся», — мрачно пробормотал он.

— Никто из нас и не высовывался, — ухмыльнулся Джерри.

— А на сколько рассчитан полет? Дней на восемнадцать? У меня на Земле есть кое-какие обязательства.

— Восемнадцать суток при ускорении в одну «джи» — одном ускорении силы тяжести. Но этот полет будет проходить при повышенной тяге. На Прозерпине кончаются запасы плазмы для переливания и осталось мало доноров.

— Повышенной? Полтора «джи»?

Джерри Прайс покачал головой. — Думаю, лететь придется при двойном ускорении силы тяжести.

— Две «джи»!

— А что в этом необычного? Людям удавалось выдерживать и десять.

— Разумеется, в течение короткого времени. А сейчас речь идет о многих днях. При двойном «джи» сердце может не выдержать, особенно, если понадобится вставать.

— Перестань стонать, тебя не выберут. Скорее уж меня, я больше подхожу на роль героя. Ты уж, пожалуйста, не забывай меня. Пусть мой образ вдохновляет тебя, пока ты находишься в отпуске, на заброшенных пространствах Земли. Давай выпьем еще.

Эпплеби пришел к выводу, что Джерри прав: поскольку для предстоящего полета требуется всего два человека, у него отличные шансы отправиться на Землю уже следующим шаттлом. Он достал из кармана маленькую записную книжку и принялся изучать номера телефонов. Через несколько минут в кают-компании появился рассыльный.

— Лейтенант Эпплеби, сэр?

Джо кивнул.

— Коммодор просит вас немедленно явиться к нему, сэр.

— Ясно, сейчас иду. — Джо заметил заинтересованный взгляд Джерри. — Так кто больше подходит на роль героя?

— Ты, разумеется, — улыбнулся Джерри. — Хочешь, я займусь твоими обязательствами на Земле?

— Обойдусь как-нибудь.

— Я так и думал. Ну, счастливого тебе полета, дружище.

В каюте коммодора Беррио сидели главный врач станции и еще один лейтенант, но постарше Эпплеби.

— Садитесь, Эпплеби, — кивнул Беррио. — Вы знакомы с лейтенантом Клюгером? Он будет командиром вашего корабля. Вы полетите вторым пилотом.

— Так точно, сэр.

— Эпплеби, лейтенант Клюгер — самый опытный пилот-факельщик, находящийся сейчас на станции. Вы полетите вместе с ним, потому что из медицинских данных следует, что у вас исключительная способность переносить длительные перегрузки. Этот полет будет проходить при высоком постоянном ускорении.

— Насколько высоком, сэр?

Берри заколебался. — Три с половиной силы земного тяготения, — произнес он наконец.

— Три с половиной «джи»! Это не ускорение, — подумал Джо, — а испытание на разрыв. Он услышал, как запротестовал врач: «Извините меня, сэр, но я могу дать разрешение только на три силы земного тяготения».

— С юридической точки зрения, — нахмурился коммодор, — окончательное решение принимает командир корабля. Но от скорейшего прибытия корабля с запасом крови зависит жизнь трехсот человек.

— Доктор, давайте снова взглянем на эту диаграмму, — сказал Клюгер. Врач подтолкнул в его сторону лист бумаги. Клюгер развернул его так, что Джо мог хорошо видеть изображенную на нем диаграмму.

— Вот смотрите, Эпплеби... — произнес он.

Кривая на диаграмме начиналась сверху, медленно опускалась, затем резко падала вниз. Врач положил указательный палец на то место, где начиналось резкое падение.

— Вот в этом месте, — произнес он с мрачным выражением на лице, — доноры страдают от недостатка крови не меньше, чем пациенты. Позднее ситуация становится безнадежной, если не прибудет партия плазмы для переливания.

— Как выведена эта кривая? — спросил Джо.

— Так выглядит эмпирическое уравнение болезни Ларкина, рассчитанное для двухсот восьмидесяти девяти человек.

Эпплеби заметил вертикальные линии, пересекаю-

щие диаграмму. Возле каждой из них стояли цифры, указывающие время и ускорение. В дальнем правом углу было написано: «одна "джи" — восемнадцать дней». Такова продолжительность обычного полета до Плутона при ускорении силы тяжести, равном единице; корабль прибудет на Прозерпину, когда эпидемия уже закончится и спасать будет некого. При двойном ускорении полет продлится двенадцать дней и семнадцать часов, но даже в этом случае половина обитателей станции на Плутоне умрет. Тройное ускорение заметно улучшит ситуацию, однако количество умерших от эпидемии будет все еще велико. Глядя на диаграмму, Джо понял, почему коммодор выбрал три с половиной «джи» несмотря на огромный риск для пилотов — вертикальная линия касалась того места кривой, где она резко поворачивала вниз, — при продолжительности полета в девять суток и пятнадцать часов. Спасены будут почти все, но какие трудности выпадут на долю пилотов!

Время, необходимое для спасения колонистов, уменьшалось обратно пропорционально квадрату ускорения. При одной «джи» достигнуть Плутона можно было за восемнадцать суток, поэтому для девяти суток полета требовалось четырехкратное ускорение силы тяжести, тогда как для четырех с половиной суток нужно было лететь с непрерывным фантастическим ускорением в шестнадцать «джи». Но кто-то подчеркнул эти две цифры — «16» «джи» — 4,5 суток».

— Что это? Посмотрите! Эти цифры рассчитаны для робота-пилота! Да это же выход из положения! А в нашем распоряжении есть робот-факельщик!

— Да, есть, — тихо ответил Беррио. — Но каковы его шансы?

Джо замолчал. Даже при полетах между внутренними планетами Солнечной системы роботы часто не справлялись с управлением. На расстоянии в четыре миллиарда миль вероятность того, что робот-пилот сумеет привести свой корабль в сферу действия радиоконтроля, была очень мала.

— Разумеется, мы попытаемся сделать это, — продолжал коммодор. — Если корабль с роботом-пилотом прибудет к месту назначения, я сразу сообщу

вам. — Он повернулся к Клюгеру. — Капитан, у нас мало времени. Жду вашего ответа.

Клюгер посмотрел на врача. — Доктор, почему вы возражаете против этой половины «джи»? Я читал о шимпанзе, которая выдержала очень высокую перегрузку в течение удивительно длительного времени.

— Да, но это шимпанзе, а не человек.

— Какую нагрузку выдержала эта шимпанзе, доктор? — выпалил Джо.

— Три с половиной «джи» в течение двадцати семи суток.

— Вот это да! А в каком она была состоянии после окончания испытаний?

— Она умерла,— пробормотал врач.

Клюгер взглянул на диаграмму, посмотрел на Джо, затем повернулся к коммодору.

— Мы готовы на ускорение в три с половиной «джи», сэр, — сказал он.

— Тогда за работу. Быстро в медчасть. У вас очень мало времени, — кивнул командующий.

Через сорок семь минут их укладывали в антигравитационные ванны разведывательного космического корабля «Саламандра». Он был пристыкован к станции, Крюгер и Эпплеби со своими сопровождающими прошли по стыковочному туннелю внутрь корабля. Джо чувствовал себя слабым после тщательной обработки обеззараживающими растворами, а также десятка различных инъекций. «Хорошо, — подумал он,— что старт корабля будет произведен автоматически, без участия пилотов».

Разведывательный корабль был постороен для полетов при очень высоких ускорениях, и ручки управления, а также контрольные приборы находились прямо над антигравитационными ваннами, так что «Саламандрой» можно будет управлять одними пальцами, не поднимая рук из жидкости, в которую будут погружены тела пилотов. Врач со своим ассистентом укладывал в ванную Клюгера, а два других медицинских специалиста занимались Джо. Один из них спросил: «Костюм хорошо облегает тело? Нигде нет складок?»

— По-моему, все в порядке.

— Я все-таки проверю. — Он провел рукой по телу Эпплеби, затем закрепил его растяжками, как и подо-

бает быть закрепленным человеку, который будет находиться в одном положении на протяжении нескольких дней.

— Левый сосок рядом с вашим ртом содержит воду, а два справа соответственно глюкозу и бульон.

— Только жидкая пища?

Врач, паривший в воздухе в состоянии невесомости, повернулся к нему и заметил: «Твердая пища вам не понадобится, это, во-первых, во-вторых, вы сами ее не захотите, и, в третьих, ее нельзя принимать в полете с таким ускорением. И глотайте как можно осторожнее».

— Мне уже приходилось летать, хотя и не с такими высокими «джи».

— Да, я знаю. И все-таки будьте поосторожнее.

Каждая антигравитационная ванна была наполнена жидкостью, более плотной, чем вода. Они были затянуты резиновыми полотнищами, пристегнутыми к краям ванн. Во время полета с постоянным ускорением оба пилота будут плавать в этой жидкости, что будет снижать влияние непомерной силы тяжести. Поскольку сейчас «Саламандра» неподвижно висела в космическом пространстве, в ней господствовало состояние невесомости, так что полотнища выполняли дополнительную функцию — они не позволяли жидкости покинуть ванны. Техники закрепили тело Джо, затем поместили его шею и затылок в специальный воротник, подогнанный по его индивидуальным размерам.

Врач наклонился над Джо и внимательно осмотрел его.

— Все в порядке?

— Да.

— Еще раз напоминаю о том, что глотать нужно осторожно и не торопясь. — Врач повернулся к Клюгеру. — Мы закончили, капитан. Разрешите покинуть корабль?

— Да. Спасибо, доктор.

— Ну, счастливо. — Доктор со своими помощниками исчез в стыковочном коридоре, тщательно задраив за собой люк.

В центре управления отсутствовали иллюминаторы, да в них и не было необходимости. Приборная панель, расположенная перед лицом Эпплеби, состояла из множества дисплеев, экранов и указателей. У его лба на-

ходился окуляр коелостата — инструмента, состоящего из зеркала, непрерывно двигающегося с помощью часового механизма на оси, параллельной оси их корабля, и второго зеркала, направленного на то небесное тело, которое было программой полета введенно в бортовой компьютер. На панели вспыхнул зеленый свет — стыковочный туннель отделился от «Саламандры». Клюгер взглянул в зеркало над их головами — там отражалось лицо Джо.

— Какова готовность, второй?

— До старта семь минут. Механизмы в исправности. Факельный конвертор разогрет. Корабль готов к старту.

— Проверим систему ориентации. — Окуляр коелостата Клюгера опустился к его глазам. — Проверьте меня, Джо, — сказал он через несколько секунд.

— Слушаюсь, сэр. — Палец Эпплеби нажал на кнопку, и теперь его окуляр придвинулся к глазам. Точно на перекрестии звездного прицела находились совмещенные изображения трех звезд. — Все идеально, капитан.

— Запросите разрешение на старт.

— «Саламандра» — центр управления. Прошу разрешения на вылет к Прозерпине. Автоматический взлет по программе компьютера. Система проверена, всюду зеленые огни.

— Центр управления — «Саламандра». Взлет разрешаю. Счастливо!

— Разрешение получено, капитан. Еще три минуты. — Джо мрачно подумал, что к этому времени он мог бы находиться на середине пути к Земле. Черт побери, почему все эти спасательные экспедиции поручают военным?

Когда на экране указатель времени миновал последние тридцать секунд, мысли о несостоявшемся отпуске покинули его. Джо овладела какая-то непередаваемая, ликующая радость — он снова мчался в звездные дали! Он летел, неважно куда, но летел! В то мгновение, когда из дюз корабля вылетел ослепительный пучок факела, он продолжал улыбаться.

И тут на него обрушилась сила тяжести.

При трех с половиной «джи» его тело весило шестьсот тридцать футов — ровно в три с половиной раза

больше своего нормального веса. Джо казалось, что на него навалили мешки с песком; он не мог дышать, чувствовал себя совершенно беспомощным. Сила тяжести прижала шею к защитному воротнику, было трудно открыть глаза. Он попытался расслабить мышцы, позволить жидкости, в которой плавало его тело, поддерживать его. Обычно, когда сила тяжести многократно увеличивалась в считанные минуты и секунды старта, пилоты напрягали мышцы, сопротивляясь резко возросшему весу, но при длительном полете необходимо расслабиться. Джо дышал неглубоко и часто; атмосфера в кабине состояла из чистого кислорода, и такого дыхания было достаточно для снабжения тела живительным газом. К тому же он просто не мог заставить себя дышать глубже. Джо чувствовал, как сердце с трудом гонит заметно потяжелевшую кровь по кровеносным сосудам, сузившимся от непомерной нагрузки. «Я и не предполагал, что полет при непрерывном ускорении в три с половиной силы земного притяжения окажется таким мучительным, — подумал он, — я не выдержу». Однажды ему пришлось испытать четырехкратное ускорение в течение девяти минут, но Джо уже позабыл, насколько ужасно оно было.

— Джо! Джо!

Эпплеби с трудом поднял свинцовые веки и попытался тряхнуть головой.

— Слушаю, капитан.

Джо посмотрел в зеркало на командира. Кожные ткани на лице Клюгера сползли вниз, и оно напоминало улыбающийся череп — так выглядят лица пилотов при высоком ускорении.

— Проверьте ориентацию кораблю!

Джо поднял руки к поверхности жидкости, заполнявшей ванну, и пальцами, которые отказывались повиноваться, коснулся ручек прибора.

— Прямо по курсу, капитан.

— Отлично. Свяжитесь с Луна-сити.

Земная станция, которую они покинули совсем недавно, была закрыта ослепительным факелом, вырывавшимся из дюз корабля, но Луна виднелась недалеко от направления их полета. Эпплеби вызвал Центр слежения, расположенный на ее поверхности, и получил информацию о траектории полета, а также данные,

переданные с земной станции в Центр слежения. Джо повторял цифры вслух, а Клюгер вводил их в бортовой компьютер. К своему удивлению, Джо заметил, что за время работы он даже почти забыл о навалившейся на него тяжести, но как только выключил систему связи, невыносимый груз снова сдавил его тело, Джо почувствовал себя еще хуже, чем раньше. У него отчаянно болела шея, и начало казаться, что на икре левой ноги образовалась складка. Джо попытался пошевелить ногой и разгладить ее, но стало еще хуже.

— Что дальше, капитан?

— Отдыхайте, Джо. Я принимаю первую вахту.

— Слушаюсь, сэр.

Джо попытался забыться — насколько это возможно для человека, погребенного под горой песчаных мешков. Все тело кричало от боли, а складка, образовавшаяся на костюме, вызывала невыносимые страдания. Шея болела все сильнее; судя по всему, она была повреждена во время старта. Он попытался повернуть голову, и тут же понял, что существует всего два ее положения — плохое и очень плохое. Закрыв глаза, Джо попытался уснуть. Десять минут спустя он понял, что это бесполезно, потому что тело страдало от боли в шее и левой ноге, а также от невыносимой тяжести.

— Слушай, приятель, — сказал Джо себе. — Расслабься, черт побери, иначе за время продолжительного полета с непрерывным ускорением тебе угрожает адреналиновое истощение, и ты умрешь. Как там говорится в уставе? «Идеальный пилот должен быть спокойным и ни о чем не тревожиться. Жизнерадостный по своему темпераменту, он должен быть настроен оптимистически».

— Хватит думать о плохом, дружище! — приказал сам себе Джо и обратился к своему любимому предмету для размышлений — девушкам. Такой самогипноз всегда помогал ему во время бесчисленных миллионов миль полетов через холод и пустоту космического пространства. Наконец он был вынужден признать, что и воображаемый гарем отказался ему помочь. Ему не удалось сконцентрировать на воображаемых гуриях свои мысли. Оставалось одно — стараться переносить свои вполне реальные страдания.

Он проснулся весь в поту. Ему приснилось, что он

на корабле, летящем к Плутону с небывало высоким ускорением.

Боже мой! Он действительно на этом корабле!

Тяжесть, казалось, еще более возросла. Когда Джо поворачивал голову, где-то в боку отдавалась острая боль. Он тяжело дышал, и по лицу катились струйки пота. Они скатывались в глаза; Джо попытался вытереть их, но когда попробовал поднять руку, то заметил, что рука отказывается повиноваться и кончики пальцев онемели. Напрягая всю волю, он заставил себя поднять руку вдоль груди и провести пальцами по глазнице; это, однако, ничуть не помогло.

Открыв глаза, Джо уставился на указатель времени, прошедшего с момента старта, стараясь вспомнить, когда заступать на вахту. Не сразу он понял, что уже прошло шесть с половиной часов полета. Боже мой, ведь уже давно пора заступать на вахту! Лицо Клюгера, отражающееся в зеркале, было обезображено страшной улыбкой; глаза его закрыты.

— Капитан! — крикнул Джо. Клюгер не шевельнулся. Джо протянул руку к кнопке сигнала тревоги и тут же отдернул ее. Пусть спит, решил он.

Но кому-то нужно заниматься делами — надо как можно быстрее прийти в себя. Акселерометр показывал ускорение в три с половиной «джи»; приборы, контролирующие действие факела, были в пределах нормы; указатель радиации подрагивал где-то около десяти процентов от опасного уровня.

На экране интегрированного акселерографа виднелись три цифры: время, прошедшее с момента старта, скорость корабля и расстояние, оставшееся позади. Под ними было еще три окошечка; там были те же самые цифры, показывающие данные расчетной траектории. Сравнивая их, Джо убедился, что фактические данные соответствовали расчетам. На третьем дисплее демонстрировалась поправка за счет притяжения Солнца, но Джо не обратил на нее внимания — на околоземной орбите сила тяготения Солнца равняется всего лишь одной двухтысячной земного тяготения. Джо всего лишь хотел убедиться, что корабль продолжает полет по заранее рассчитанной траектории с заданной скоростью.

Теперь уже и Земля и Луна были закрыты конусом

факела, искажающего как видимость, так и радиосигналы. Джо повернул ручки и направил луч радарного маяка на Марс. Один за другим в пустоту космоса уходили его запросы: «Где я нахожусь?» Джо решил не дожидаться ответа — сигнал достигнет станции слежения на Марсе только через восемнадцать минут. Вместо этого он повернулся к коелостату и заглянул в окуляр. Три звезды немного сместились с перекрестия прицела, но ошибка была слишком незначительной и не нуждалась в корректировке.

Джо продиктовал в микрофон бортового журнала все, что он проделал. Затем закрыл глаза и снова почувствовал себя намного хуже. У него болели ребра, воздух при дыхании вырывался из груди с хрипом, как у больного плевритом. Руки и ноги немели от плохого кровоснабжения — кровь с трудом прорывалась сквозь суженные сосуды. Он принялся шевелить руками и ногами, но быстро устал. Тогда Джо неподвижно замер и лишь поглядывал на прибор, показывающий стремительное нарастание скорости корабля. Она увеличивалась на семьдесят миль в час за каждую прошедшую секунду, что соответствовало более четверти миллиона миль в час за истекший час. Как он завидовал теперь пилотам-ракетчикам! Им требовалась целая вечность, чтобы добраться до цели, но летели-то они в полном комфорте по сравнению с ним.

До изобретения факельного конвертора люди не рисковали забираться в космическое пространство дальше Марса. $E = мс^2$, масса — это энергия, и полный распад одного фунта песка дает пятнадцать миллиардов киловатт-часов. Корабли с атомными установками потребляют всего лишь долю процента этой энергии, тогда как новые факельные конверторы — более восьмидесяти процентов. Камера факельного преобразователя представляет собой крошечное солнце; частицы, выбрасываемые из нее, двигаются со скоростью, приближающейся к скорости света.

Эпплеби гордился своей профессией пилота-факельщика, но не в данный момент. Боль в шее все росла и росла, пока не охватила всю голову; ему хотелось согнуть колени, но он не мог сделать этого. Его тошнило от навалившейся на живот силы тяжести. Черт бы побрал этого Клюгера — он безмятежно спит, пока

Джо так мучается. Неужели человек в состоянии переносить такие страдания в течение нескольких дней? Прошло всего восемь часов, но Джо был на грани полного изнеможения, а ведь осталось еще девять суток!

Потом — время протекало смутно, как в тумане,— через какой-то бесконечный отрезок времени он услышал, что кто-то зовет его.

— Джо! Джо!

Ну почему не позволить ему умереть спокойно? Его глаза приоткрылись, взгляд нашел зеркало над головой.

— Джо! Тебе придется сменить меня — я теряю сознание.

— Слушаюсь, сэр.

— Проверьте ориентацию и действие механизмов. Мне это не удалось.

— Я уже сделал это, сэр.

— Сделал? Когда?

Взгляд Джо медленно передвинулся на экран с цифрами фактически прошедшего времени. Ему пришлось закрыть один глаз, чтобы разобрать цифры.

— Часов шесть назад.

— Что? Сколько сейчас времени?

Джо не ответил. Ему страстно хотелось, чтобы Клюгер оставил его в покое.

— Должно быть, я потерял сознание, мой мальчик,— пробормотал Клюгер.— Доложите мне обстановку.

— Обстановку? О, в полном порядке — точно по курсу. Капитан, взгляните на мою левую ногу. Мне кажется, она вывихнута.

— Наплевать на ногу. Сообщите данные.

— Какие данные?

— Немедленно проснитесь, мистер! Вы на вахте!

— И ты еще говоришь мне об этом,— подумал Джо.— Если он будет так вести себя, закрою глаза и перестану обращать на него внимание.

— Жду от вас данные, мистер,— повторил Клюгер.

— Что? Если уж вам так хочется, прослушайте бортовой журнал.— Джо ожидал, что на него обрушится буря негодования, однако ничего не последовало. Когда он снова открыл глаза, то увидел в зеркале лицо капитана, потерявшего сознание. Джо так и не понял,

прослушал ли капитан бортовой журнал с данными, которые внес туда он, или Джо вообще забыл занести в журнал эти данные. Он пришел к выводу, что настало время для очередной проверки места корабля относительно других небесных светил, но ему ужасно хотелось пить; он решил сначала напиться. Джо повернул рот в сторону левого соска и прижался к нему губами; он старался пить как можно осторожнее, но жажду удовлетворил, и драгоценная влага потекла по горлу. Тут же его охватил приступ кашля, и ему стало так больно, что пришлось передохнуть.

Оправившись от приступа кашля, Джо почувствовал себя очень слабым. Тем не менее работа есть работа, и он взглянул на приборную панель. Двенадцать часов полета и — нет, одну минуту! Одни сутки и двенадцать часов? Наверно, он ошибается. Но цифры на экране не могли лгать. Скорость корабля превышала десять миллионов миль в час, и они находились уже на расстоянии девяноста миллионов миль от Земли, покинув, таким образом, орбиту Марса.

— Капитан! Эй, капитан Клюгер!

В зеркале на него смотрело оскалившееся лицо командира. Охваченый паникой, Джо попытался узнать свои координаты. Он заглянул в окуляр коелостата. Перекрестие нитей находилось точно на трех совмещенных звездах. Значит, или корабль сам слегка сместил ось и вернулся на правильный курс, или Клюгер ввел необходимую коррекцию. А может, направление полета откорректировал сам Джо? Он решил прослушать бортовой журнал и выяснить обстоятельства коррекции. Отыскав нужную кнопку, Джо нажал на нее неповинующимся пальцем.

Поскольку Джо не пришло в голову остановить ленту в нужном месте, она перемоталась до самого начала — момента старта — и лишь затем внесенные в нее данные зазвучали в динамике. Магнитная лента автоматически проскальзывала через периоды тишины и проигрывала лишь те свои места, где находились записи, сделанные человеческим голосом. Джо выслушал запись данных первой проверки координат, сделанную его голосом, затем выяснил, что Центр слежения на Фобосе, спутнике Марса, передал координаты, точно соответствующие траектории полета корабля, рассчи-

танной перед стартом. Сообщение с Фобоса заканчивалось удивленным вопросом: «Куда вы так мчитесь? Где пожар?»

Действительно, Клюгер ввел коррекцию несколькими часами раньше. Лента продолжала разматываться — Клюгер продиктовал кому-то письмо; оно осталось незаконченным и было почти неразборчивым — голос Клюгера то и дело исчезал. Один раз Клюгер прервал диктовку и закричал: «Джо! Джо!» — и в ответ послышался голос Джо: «О, ради Бога, заткнись!»

Джо знал, ему нужно сделать что-то, но он никак не мог припомнить, что именно. Он слишком устал, чтобы думать; тело сгорало в невыносимой боли, вот только ноги перестали болеть — он не чувствовал их. Джо закрыл глаза и попытался забыться. Когда он снова открыл их, цифры на экране показывали, что с момента старта прошло трое суток; Джо закрыл глаза, и по его щекам потекли слезы.

Его привел в чувство звон сигнала тревоги; Джо знал, что это сигнал тревоги, но не проявил к нему никакого интереса. Ему хотелось только одного — чтобы он замолчал. Было трудно найти кнопку, выключающую звонок, пальцами, которые отказывались повиноваться. Наконец ему удалось это, и он только приготовился отдохнуть после невероятных усилий, как раздался голос Клюгера.

— Джо!

— Ну, что еще?

— Джо, не пытайся заснуть, иначе я снова включу сигнал тревоги. Ты слышишь меня?

— Да... — Клюгеру удалось разбудить его. Зачем?

— Джо, мне нужно поговорить с тобой. Я больше не могу.

— Что — не могу?

— Выдерживать такую силу тяжести. Это выше моих сил — я умираю.

Мерзавец! Значит, он включил сигнал тревоги из-за этого?

— Я умираю, Джо. Я ослеп. Джо, я должен выключить двигатель. Должен.

— Что вам мешает? — раздраженно пробормотал Джо.

— Разве ты не понимаешь, Джо? Ты должен под-

держать меня. Все наши разговоры записываются на пленку. Нам нужно заявить, что мы пытались, сделали все, зависящее от нас, но это выше человеческих сил. Мы оба с тобой должны заявить это. Тогда все будет в порядке.

— Заявить о чем?

— Черт побери, Джо! Приди в себя, ради Бога! Мне трудно говорить. Ты должен сказать,.. сказать, что напряжение стало невыносимым и, по твоему мнению, нужно выключить двигатель. Я соглашусь с тобой, и все будет хорошо.— Джо едва разбирал хриплый шепот своего командира.

Он никак не мог понять, что хочет Клюгер от него. Джо даже не мог вспомнить, зачем Клюгеру понадобилось такое фантастическое ускорение.

— Быстрее, Джо.

Как он надоел со своими причитаниями! Разбудил его, принялся жаловаться — ну его к черту.

— Отстань от меня и усни! — пробормотал Джо и заснул. Его снова разбудил сигнал тревоги. На этот раз ему удалось нажать на кнопку выключения сигнала с первого же раза. Клюгер снова включил сигнал, Джо сразу же отключил его. После этого Клюгер прекратил попытки разбудить Джо.

Он пришел в себя от состояния невесомости. Джо все еще испытывал дикий экстаз — боль, тяжесть, напряжение исчезли, когда вспомнил, что находится на борту «Саламандры», летящей к Плутону. Неужели они уже достигли цели? Нет, цифры на экране показывали, что всего четверо суток и несколько часов миновало с момента старта. Может быть, порвалась лента? Автопилот вышел из строя? И тут он вспомнил слова Клюгера, которые командир произнес в прошлый раз.

Клюгер выключил факел!

Улыбка смерти исчезла с лица Клюгера, он выглядел сейчас просто старым и измученным.

— Капитан! Капитан Клюгер! — позвал его Джо. Веки Клюгера затрепетали и поднялись, но глаза смотрели прямо перед собой невидящим взглядом. Губы командира зашевелились, но Джо ничего не услышал. Он выскользнул из антигравитационной ванны, повис в воздухе над Клюгером.

— Капитан, вы слышите меня?

— Так надо, мой мальчик,— прошептали губы командира.— Я спас наши жизни — твою и мою. Скажи, ты сумеешь вернуть корабль на Землю?— Его глаза смотрели куда-то мимо Джо мертвым взглядом.

— Послушайте, капитан. Я должен снова включить факел.

— Что? Нет, Джо, нет!

— Но я должен, капитан.

— Я запрещаю! Это приказ, мистер!

Эпплеби посмотрел на умирающего, затем резко ударил его в угол челюсти. Глаза Клюгера закрылись, и тело беспомощно заколыхалось в ванне. Джо схватил скобу, прикрепленную к переборке, подтянулся и отыскал переключатель «Первый пилот, второй пилот», контролирующий работу факельного конвертора. Он резко повернул вправо, в положение, обозначенное надписью «Только второй пилот». Теперь Клюгер, даже если и придет в себя, не сможет отключить факел. Джо посмотрел на командира, увидел, что его голова сдвинулась из антигравитационного воротника, поправил ее, закрепил и вернулся в свою ванну. Он аккуратно уложил голову в свой воротник и протянул руку к автопилоту, который снова поведет их к цели. По какой-то причине им обязательно нужно было долететь до Плутона — но как Джо ни старался, он не мог вспомнить, что это за причина. Он включил зажигание факела, и тяжесть придавила его.

Он снова выбрался из сумерек полусна, полусмерти, почувствовав что-то необычное. Его тошнило. Когда движение корабля остановилось, Джо поглядел на приборы. «Саламандра» только что достигла середины рассчетной траектории и повернулась кормой к Плутону. Теперь они находились на расстоянии тысячи восьмисот миллионов миль от Земли, и вторая половина полета будет проходить в состоянии торможения, с тем же ускорением силы тяжести — три с половиной «джи». Сейчас их скорость равнялась трем миллионам миль в час и будет отныне непрерывно снижаться. Джо знал, что должен сообщить об этом командиру корабля — он уже забыл, что между ними произошла ссора.

— Капитан! Капитан Клюгер! — крикнул он. Клюгер молчал, и палец Джо опустился на кнопку сигнала тревоги.

Резкий звон колокола громкого боя не разбудил Клюгера, но пробудил воспоминания у Джо. Он выключил сигнал тревоги, испытывая чувство глубокого раскаяния. К его физическому недомоганию прибавился стыд, чувство утраты и паника. Он знал, что должен занести это в журнал, но не мог найти нужные слова. Измученный до предела, глубоко расстроенный, он потерял сознание.

Его разбудило чувство чего-то недоделанного, будто он упустил что-то... он должен что-то сделать для командира... что-то, связанное с пилотом-роботом...

Ну, конечно! Если корабль, управляемый роботом, достиг Плутона, они с командиром могут вернуться обратно! Посмотрим — прошло более пяти суток с момента старта. Да, если тот корабль...

Он перемотал ленту бортового журнала назад и включил воспроизведение. Да, вот это сообщение: «Земная станция — «Саламандра». Очень жаль, но робот не достиг Плутона. Надежда только на вас. Коммодор Беррио».

Слезы усталости и разочарования потекли по щекам, подгоняемые тройной силой тяжести.

На восьмые сутки Джо понял, что Клюгер мертв. Он понял это не из-за ужасного запаха разлагающейся плоти. От него самого пахло так, что он не смог бы различить иного запаха. В равной степени Джо понял, что командир мертв не потому, что Клюгер не проснулся во время разворота и короткой невесомости; ощущение времени было таким туманным, что Джо не понимал этого. Но ему снилось, что Клюгер кричит и старается разбудить его, требует, чтобы Джо встал — «Быстрее, Джо!» А сила тяжести прижимала его к ванне.

Сон оказался настолько правдоподобным, что Джо, проснувшись, попытался ответить командиру. И тогда посмотрел в зеркало над головой. Лицо Клюгера не изменилось, но Джо сразу понял с чувством болезненного ужаса, что командир мертв. Тем не менее Джо попытался разбудить его сигналом тревоги. В конце концов, сдался; его пальцы были багровыми, и он не чувствовал своего тела ниже поясницы. Джо пришел к выводу, что умирает, и приветствовал наступающий конец чуть ли не с радостью. Через несколько мгновений он снова

впал в летаргическое забытье, ставшее его нормальным состояние.

Джо не пришел в сознание даже тогда, когда автопилот выключил факел после девяти с лишним суток полета. Он очнулся лишь в тот момент, когда почувствовал, что плавает в середине рубки, каким-то образом выбравшись из антигравитационной ванны. Джо испытывал чудесную лень и волчий голод; именно это чувство и разбудило его.

Джо оглянулся вокруг и вспомнил, что произошло с ним после старта. В панике он вернулся в ванну и посмотрел на указатели приборов. Боже мой! Прошло уже два часа после того, как автопилот выключил факел, и корабль летел вперед в состоянии свободного падения. В соответствии с планом подлет к Плутону должен быть рассчитан еще до того, как в автопилоте подойдет к концу лента с записью элементов траектории полета к Плутону, до начала свободного падения, и новая лента с исправленными элементами вторичной траектории должна быть немедленно введена в бортовой компьютер. После этого автопилот возьмет на себя полет на основании откорректированных данных. А он упустил это из вида и потерял два драгоценных часа!

Джо выскользнул между ванной и приборной панелью и почувствовал, что у него парализованы ноги. Впрочем, сейчас это не важно — в невесомости ноги не нужны, да и в антигравитационной ванне они без особой надобности. Правда, его руки тоже плохо повиновались, но он все-таки мог пользоваться ими. Зрелище мертвого тела в соседней ванне потрясло его, но Джо заставил себя взяться за работу. Он не имел представления, где находится в данный момент; Плутон мог быть на расстоянии миллионов миль, а мог быть и совсем рядом — не исключено, что его уже заметили и послали расчетные данные траектории подлета. Он решил проверить записи рекордера.

И сразу наткнулся на радиограммы с Прозерпины: «Прозерпина — «Саламандре». Слава Богу, вы уже рядом. Вот элементы подлетной траектории». Дальше следовали цифры времени включения и выключения факела, расстояния, пеленгов и допплеровского смещения.

Новая радиограмма: «Передаем новые, откорректированные данные, «Саламандра», спешите!»

Наконец, радиограмма, поступившая всего несколько минут назад: «Саламандра», почему не включаете факел? В порядке ли ваш компьютер? Можем дать уже рассчитанные данные подлетной траектории.»

Нехватало еще, чтобы ему, пилоту-факельщику, кто-то посылал данные траектории! Джо попытался работать как можно быстрее, но руки не повиновались ему — то и дело он нажимал не на ту кнопку и был вынужден сбрасывать цифры и приниматься за работу сначала. Лишь через полчаса он понял, что дело не только в его онемевших пальцах. Баллистические расчеты, с которыми он справлялся раньше безо всякого труда, не давались ему.

«Саламандара» — Прозерпине. Высылайте данные баллистической траектории для подлета и выхода на околопланетную орбиту.»

Ответ прибыл настолько быстро, что Джо понял — на Прозерпине элементы траектории были рассчитаны заранее. С трудом он вставил ленту в автопилот и лишь тогда заметил величину силы тяжести на траектории подлета — 4.04 «джи».

Четыре земных притяжения.

Джо полагал, что оставшаяся часть полета будет проходить при небольшем уровне тяжести. Возможно, так бы и произошло, но он потерял три часа.

Это несправедливо! От него требуют слишком много. Рыдая, как ребенок, Джо влез в антигравитационную ванну, устроился поудобнее, положил голову внутрь воротника и нажал на кнопку, передавая управление автопилоту. До старта оставалось еще несколько минут. Он потратил их на бесплодные жалобы. Его всегда посылают в самые трудные места! Всякой бочке затычка — это он, Джо Эпплеби. А этот Клюгер лежит в своей ванне и улыбается. Еще бы, ведь работать-то приходится одному Джо. Если бы Клюгер не проявил такой охоты...

Вспыхнул факел, и огромное ускорение упало на Джо чудовищным грузом. Он потерял сознание.

Когда с Прозерпины прибыл шаттл и прилетевшие на нем вошли внутрь корабля, они обнаружили один

труп, одного почти мертвого пилота и груз бесценной крови.

Транспортный корабль доставил на Плутон новую смену пилотов для «Саламандры» и захватил на Землю Джо Эпплеби. Он оставался в госпитале до тех пор, пока его не перевезли в лунную больницу. Перед отлетом на Луну он явился к коммодору Беррио. Эпплеби сопровождал врач. Коммодор коротко сообщил Джо, что очень доволен мастерством, с которым лейтенант Эпплеби выполнил свое задание.

Беседа закончилась, и врач помог лейтенанту встать. Но вместо того, чтобы выйти из кабинета командующего флотом, Джо повернулся к нему и спросил:

— Вы, э-э, позволите поинтересоваться, э-э, коммодор?

— Да, сынок, я слушаю тебя.

— Я не понимаю, э-э, одного. Не понимаю, э-э, вот чего: почему меня, э-э, посылают в лунный госпиталь для, э-э, престарелых? Это ведь, э-э, гериатрическая, э-э, больница, э-э, для стариков. Вот это я, э-э, не понимаю, сэр!

— Я ведь уже сказал тебе, Джо,— ласково вмешался врач.— На Луне низкая сила тяжести и отличное физиотерапевтическое оборудование. Нам пришлось обратиться за специальным разрешением.

— Вот как, сэр?— Джо выглядел озадаченным.— Мне кажется, э-э, странным, что меня, э-э, посылают в госпиталь для стариков.

— Так будет лучше, сынок.

— Ну, если вы так считаете, э-э, сэр.— Джо смущенно улыбнулся и пошел к двери.

— Доктор, подождите минутку! Рассыльный, помогите лейтенанту Эпплеби.

— Скажите мне честно, доктор,— спросил коммодор.— Есть надежда, что Джо поправится?

— Мы рассчитываем на улучшение, сэр. Сила тяжести на Луне значительно ниже земной, и ему будет там легче.

— Но вы думаете, он восстановит умственные функции?

Врач заколебался.— Видите ли, сэр, лейтенант Эпплеби подвергся воздействию силы тяжести, намного

превышающей нормальную, в течение длительного времени. Это резко ускорило процесс старения. Мозговые ткани разрушились, капилляры лопнули, сердце работало под неслыханной нагрузкой. Разумеется, на него сильно повлияла гипоксия — в мозг поступало недостаточно крови.

Коммодор ударил кулаком по столу.

— Не надо так расстраиваться, сэр,— мягко заметил врач.— Вы пожертвовали жизнью одного человека, но зато спасли двести семьдесят.

— Но посмотрите на него, доктор! До вылета он был почти юношей, а теперь превратился в глубокого старика. И что значит — пожертвовал одним человеком? Если вы имеете в виду Клюгера, он посмертно награжден высшим орденом. Его семья получит пенсию. Но он уже видел жизнь. Я не имел в виду Клюгера!

— Я тоже,— тихо ответил врач.

ИСПЫТАНИЕ ВЫСОТОЙ *

Может быть, нам не следовало проникать в космос. У человеческой расы два крупных врожденных страха: мы боимся шума и высоты. Эта ужасная высота — зачем человеку, если он не сошел с ума, забираться туда, откуда он может упасть... упасть... упасть... Впрочем, все космонавты ненормальные — это общеизвестно.

По его мнению, врачи проявили к нему доброту и внимание.

— Вам очень повезло, старина. Вы все еще молоды, и пенсия избавит вас от тревог по поводу будущего. Руки и ноги у вас на месте, да и здоровье отличное.

— Так уж и отличное! — Его голос был полон бессознательного презрения.

— Уверяю вас, это именно так,— мягко, но уверенно произнес главный психиатр.— Ваш крохотный недостаток не причинит вам никакого вреда, если только вы снова не отправитесь в космос. Будем говорить честно, я даже не уверен, что акрофобию можно назвать нервным заболеванием: страх высоты и боязнь упасть являются нормальными и разумными свойствами человеческой природы. Просто у вас это выражено сильнее, чем у остальных. Но нельзя считать такой страх ненормальным явлением, особенно принимая во внимание случившееся с вами.

Невольное напоминание заставило его задрожать.

*© перевод на русский язык И. Почиталина

Он закрыл глаза и увидел зведы под ногами. Он падал... падал, и этому не было конца. Голос психиатра вернул его к действительности.

— Да успокойтесь же, старина! Оглянитесь вокруг!

— Извините меня.

— За что? Вы ни в чем не виноваты. Итак, чем вы собираетесь заниматься?

— Не знаю. Подыщу себе работу.

— Вы же знаете, что Компания может устроить вас на работу.

Он покачал головой.— Я не хочу слоняться по космопорту.— Носить на рубашке значок, подтверждающий, что когда-то он был мужчиной, выслушивать вежливое обращение «капитан», пользоваться привилегиями комнаты отдыха пилотов на основании своих прошлых заслуг, замечать, как при его приближении смолкают разговоры на профессиональные темы, думать о том, что говорят у него за спиной — нет уж, спасибо!

— Пожалуй, это правильное решение. Лучше всего сразу порвать со всем — по крайней мере, на время — до тех пор, пока не почувствуете себя лучше.

— Вы считаете, я вылечусь?

Психиатр поджал губы.— Я не исключаю такую возможность. Ваше расстройство чисто функциональное, понимаете ли. Это не травма.

— Но вы все-таки сомневаетесь, что мне станет лучше?

— Нет, я не могу утверждать этого. Честно говоря, я просто не знаю. Мы так мало знакомы с глубинными особеностями человеческого организма.

— Понятно. Ну что ж, мне пора идти.

Психиатр встал и протянул руку.

— Если вам что-нибудь потребуется, не стесняйтесь снова обратиться ко мне. И навещайте нас — в любом случае.

— Спасибо.

— Не расстраивайтесь, все будет в порядке. Я уверен.

Но когда за спиной пациента захлопнулась дверь, врач покачал головой. «Даже походкой он уже не походит на космонавта,— подумал врач,— это больше не плавные, уверенные движения человека, привыкшего к космосу».

В то время еще не весь Большой Нью-Йорк находился под крышей; он старался идти по подземным коридорам, пока не оказался в своем районе. Там он пошел медленнее, глядя по сторонам, разыскивая свободную комнату для холостяка. Он бросил монету в прорезь первой попавшейся ему свободной комнаты, оставил внутри свой рюкзак и вышел. Информационное табло на перекрестке выдало адрес ближайшего бюро по трудоустройству. Он зашел туда, сел за стол, положил ладони на контактную панель, чтобы передать для опознания отпечатки пальцев, и принялся затем заполнять анкеты. При этом он испытывал какое-то странное чувство, будто вся его жизнь начинается сначала — ему не приходилось искать работу с момента поступления в космическое училище.

Он никак не мог решить, каким именем подписаться. Ему до смерти надоела всемирная известность; он не хотел, чтобы о нем знали по месту новой работы. Одна мысль о том, что к нему проявят жалость, выводила его из себя. И уже он тем более не стремился к тому, чтобы его считали героем. Наконец он написал в анкете — «Уилльям Саундерс», — бросил документы в прорезь, предназначенную для анкет.

Он докуривал третью сигарету и был уже готов достать четвертую, как включился экран перед его столом. С экрана на него смотрела привлекательная брюнетка.

— Мистер Саундерс, — сказала она, улыбнувшись, — прошу вас зайти в комнату семнадцать.

Сидевшая в комнате семнадцать брюнетка предложила ему сигарету и пригласила сесть.

— Располагайтесь поудобнее, мистер Саундерс. Меня зовут мисс Джойс. Мне хотелось поговорить с вами относительно вашей работы.

Он опустился на стул и молча ждал.

Когда девушка поняла, что он не собирается рассказывать о себе, она заговорила сама.

— Возьмем, например, ваше имя — «Уилльям Саундерс», — упомянутое в анкете. Мы знаем, разумеется, кто вы на самом деле — по отпечаткам ваших пальцев.

— Да, конечно.

— Я знаю о вас столько же, сколько знают все ос-

тальные, но мне непонятно, почему вы решили называть себя Уилльямом Саундерсом, мистер...

— Саундерс.

— Как вам угодно. Итак, мистер Саундерс, я решила запросить о вас всю информацию.— Она показала ему катушку микрофильма, и на ярлыке он прочел свое имя.— Теперь я знаю о вас очень много — гораздо больше, чем известно широкой общественности и уж куда больше, чем вы решили написать в своей анкете. У вас отличная биография, мистер Саундерс.

— Спасибо.

— Но я не могу воспользоваться ею при устройстве вас на работу. Не могу даже сослаться на нее, если вы будете продолжать звать себя «Саундерсом».

— Мое имя Саундерс,— ответил он бесстрастным голосом.

— Думаю, это поспешное решение, мистер Саундерс. Существует немало должностей, где вполне законно и оправданно использование вашего престижа. И заработная плата будет намного выше.

— Это меня не интересует.

Девушка посмотрела на него и решила не настаивать.— Как вам угодно. Пройдите в приемную «Б». Там вам предстоят тесты для определения уровня вашей квалификации.

— Спасибо.

— И если вы позднее измените свое решение, мистер Саундерс, мы будем рады пересмотреть ваше дело. Вот сюда проходите, пожалуйста.

Через три дня он уже работал в небольшой фирме, специальностью которой было изготовление нестандартных средств связи. Сам он занимался калибровкой электронного оборудования. Это была спокойная, не требующая напряжения работа, заставлявшая его сосредоточиваться, но сравнительно легкая для человека с его подготовкой и опытом. После завершения трехмесячного испытательного срока ему присвоили высокую квалификацию.

Он жил и работал по раз навсегда созданному распорядку дня, ел, спал, ходил на завод, время от времени проводил вечер в общественной библиотеке или занимался с молодежью в Ассоциации молодых христиан. Никогда, ни при каких обстоятельствах он не

выходил под открытое небо или на какую-нибудь высоту, даже на театральный балкон.

Он старался забыть о своем прошлом, захлопнуть дверь, связывающею его с прежней жизнью, однако воспоминания были слишком еще свежи в его памяти; иногда он забывался, и в голове начинали проноситься картины ледяного марсианского неба с ярко сияющими звездами или ночной жизни Венеробурга. Его воображение рисовало распухшую, красноватую громаду Юпитера, висящего над космопортом Ганимеда, настолько невероятно огромную, что она закрывала половину неба.

Или он вспоминал — против своей воли — блаженную тишину длинных вахт во время перелетов между планетами. Но такие воспоминания были опасными; они нарушали устойчивость заново построенного им внутренного мира. Он рисковал вернуться в прошлое и увидеть, что он изо всех сил пытается удержаться за скобу на стальном корпусе «Валкирии» замерзшими, онемевшими от усталости руками — а внизу ничего, кроме бездонной пустоты космоса.

В это мгновение он приходил в себя и возвращался на Землю, дрожа всем телом и сжимая ручки кресла, на котором сидел, или верстак, за которым работал.

Когда такой приступ случился с ним впервые, он заметил, как один из техников, работавших рядом с ним, Джо Талли, смотрит на него удивленным взглядом.

— Что случилось, Билл,— спросил Талли.— Похмелье?

— Ничего страшного,— с трудом выдавил он.— Простыл, наверно.

— Тогда проглоти пару таблеток. Ладно, пошли в столовую.

Талли встал, и они направились к эскалатору. Вместе с толпой других рабочих они встали на движущуюся лестницу и начали спуск. Большинство сотрудников фирмы, включая женщин, предпочитали спускаться в антигравитационном лифте, но Талли всегда пользовался эскалатором. Саундерс тоже, разумеется, не мог спускаться в лифте, и поэтому у них вошло в привычку обедать вместе. Конечно, он знал, что спуск в антигравитационном лифте совершенно безопасен, и даже в том случае, если будет отключено электричество,

на каждом этаже из стен мгновенно выдвинутся сетки безопасности, но он просто был не в силах заставить себя ступить в пустоту.

Талли, напротив, утверждал во всеуслышанье, что после приземления у него болят ступни ног, но втайне признался Саундерсу, что не особенно верит всей этой автоматике. Саундерс кивнул с пониманием, но промолчал. Впервые после начала своей новой жизни он испытывал теплые чувства к другому человеку. Раньше Саундерс инстинктивно сторонился людей, не решался сближаться с ними, но к Талли он начал относиться по-другому. Ему хотелось рассказать Талли всю правду о себе. Если бы только он был уверен, что Талли не начнет смотреть на него как на героя! Впрочем, если уж быть совсем откровенным, Саундерс не возражал против того, чтобы играть роль героя. Еще мальчишкой он постоянно слонялся вокруг космопортов, умоляя космонавтов, чтобы ему разрешили побывать внутри их кораблей, пропускал занятия и наблюдал за взлетом межпланетных гигантов. Он мечтал стать героем космических трасс и вернуться когда-нибудь на Землю после невероятных приключений и опасностей, завершив исследование отдаленной планеты. И все-таки он не решился поделиться своей тайной с Талли: у него по-прежнему было свое установившееся представление о героях-космонавтах, в котором не было места человеку, боящемуся подойти к открытому окну, перейти площадь и теряющему самообладание при одной мысли о безбрежных просторах космоса.

Однажды Талли пригласил его к себе домой на ужин. Саундерсу хотелось побывать дома у человека, который нравится ему, но сначала он решил выяснить, где тот живет. «В Шелтон Хаус»,— ответил Талли, назвав одно из гигантских, похожих на пчелиные соты строений, возвышавшихся на равнинах Джерси подобно безобразным, уходящим в небо пирамидам.

— Знаешь, Джо, слишком уж далеко потом ехать домой,— заколебался Саундерс, думая о маршруте, который ему придется выбрать, чтобы избежать мест, которых он боялся.

— А тебе и не понадобится возвращаться,— заверил его Талли.— У нас есть комната для гостей.

Прошу тебя, поехали. Моя старуха отлично готовит; именно поэтому я и женился на ней.

— Ну что ж,— согласился Саундерс.— Спасибо, Джо. Я с удовольствием навещу тебя.— Станция подземки «Ла Гардия», подумал он, находится всего в четверти мили от дома Талли; если не удастся отыскать крытую улицу, он просто наймет такси и задвинет шторки на окнах.

Талли встретил его в холле своей квартиры и прошептал на ухо: «Ты уж извини меня, Билл. Я собирался пригласить какую-нибудь девушку, чтобы она составила тебе компанию, а вместо этого приехал мой зять. Он такой кретин! Еще раз прошу извинения».

— О чем ты говоришь, Джо. Я рад, что приехал.— Саундерс говорил правду. Сначала, когда он узнал, что квартира Билла находится на тридцать пятом этаже, Саундерс пришел в ужас, однако быстро понял, что на этот раз высота его не пугает. В квартире горел яркий свет; окна закрыты шторами, а пол под его ногами был твердым, как скала; Билл чувствовал себя в безопасности, наслаждался теплом домашнего очага. Супруга Талли оказалась и вправду отличным поваром — это удивило его, потому что, подобно большинству холостяков, он испытывал недоверие к домашней стряпне. Ему было так хорошо, что он даже не обращал внимание на резкие и самоуверенные замечания зятя Талли.

После великолепного ужина он устроился в удобном кресле перед видеоэкраном со стаканом пива в руке. Сначала передавали музыкальную комедию, и Билл не помнил, когда он смеялся так искренне за последние месяцы. Комедию сменила религиозная программа — выступал Национальный кафедральный хор. Он решил не переключать программу и слушал пение краем уха, одновременно принимая участие в разговоре.

Хор уже заканчивал «Молитву путешественника», когда Билл впервые различил слова гимна:

Выслушай нас, возносящих Тебе молитву
За тех, кому угрожает опасность в морских просторах.
О Ты, всемогущий повелитель,
Всевластный над великим и малым.
О Ты, направляющий звезды твердой рукой,
Вселяющий благоговение во все Свои создания;

Защити и оборони
Бесстрашных космических странников.

Его рука непроизвольно протянулась к выключателю, но что-то заставило его выслушать гимн до конца, хотя каждое слово вонзалось ему в сердце невыразимой тоской человека, отлученного от очарования того, что он утратил навсегда. Когда он еще был курсантом космического училища, слова этого гимна наполняли его душу страданиями и страстью проникнуть в неизведанные глубины Вселенной, на глазах наворачивались слезы. И вот теперь ему пришлось отвернуться, чтобы скрыть влагу, переполнявшую глаза и стекающую по щекам.

Когда стихли последние звуки гимна и прозвучало «аминь» ведущего, он сразу переключил видеофон на другую программу и склонился над пультом управления системы, стараясь скрыть свои чувства. Через несколько минут он повернулся и взглянул на присутствующих безмятежно и спокойно, хотя душа у него разрывалась от страданий.

Зять Талли продолжал излагать свою точку зрения.

— Нам нужно подчинить их своей власти,— говорил он.— Договор Трех Планет — это просто несусветная глупость! Какое они имеют право диктовать нам, что можно и что нельзя делать на Марсе?

— И все-таки, Эд,— мягко заметил Талли,— это их планета, они поселились там первыми.

— А разве мы спрашивали индейцев, хотят они или нет, чтобы мы поселились в Северной Америке? — небрежно бросил Эд.— Никто не вправе владеть тем, чем он не умеет пользоваться. Если начать осваивать планету должным образом...

— Ты что, Эд, начал спекулировать участками?

— А? Ну, никто не считал бы это занятие спекуляцией, если бы наше правительство не состояло из старых баб. Видите ли, они ссылаются на «Права местных Жителей»! Какие права могут быть у кучки дегенератов?

Глядя на Эда Шульца, Саундерс мысленно сравнивал его с Кнатом Сутом — единственным марсианином, с которым он был хорошо знаком. Мягкий спокойный Кнат, успевший состариться задолго до того, как на свет появился Эд Шульц, и считающийся среди

своих соплеменников молодым. Кнат сидел часами с другом или близким знакомым — сидел и молчал, потому что они не нуждались в разговоре. У них это называлось «сближением», и представители марсианской расы настолько сблизились друг с другом, что до прихода Землян не нуждались в правительстве.

Саундерс однажды спросил своего марсианского друга, почему он ни к чему не стремится, почему удовлетворяется малым. Прошло больше часа, и Саундерс начал уже сожалеть о своем любопытстве, когда Кнат ответил: «Мои предки трудились всю жизнь, и потому я устал».

Саундерс выпрямился в кресле и посмотрел на зятя Талли.

— Ошибаетесь, это совсем не дегенераты.

— А вы что, считаете себя экспертом?

— Марсиане — не дегенераты, они просто устали,— заметил Саундерс.

Талли ухмыльнулся. Его зять заметил это и огрызнулся:

— А по какому праву вы беретесь защищать их? Вы были на Марсе?

Саундерс мгновенно проклял свою неосторожность.

— А вы? — спросил он.

— Это не имеет значения. Лучшие умы признают... — Саундерс больше не мешал ему распространяться на эту тему и с облегчением вздохнул, когда Талли напомнил, что завтра всем нужно рано вставать. Разговор прервался, Саундерс встал, поблагодарил миссис Талли за вкусный ужин и великолепный вечер и последовал за Джо в комнату для гостей.

— Ты уж извини меня, Билл, но это единственный способ избавиться от нашего семейного бича.— Джо посмотрел на него со смущенной улыбкой.— Ты — наш гость и можешь оставаться здесь сколько тебе угодно.— Он подошел к окну, растворил его, высунулся наружу и вздохнул полной грудью.— Уверен, тебе у нас понравится. Мы так высоко, что в окна дует свежий ветер. Я сам в душе деревенский парень. Что с тобой, Билл?

— Ничего. Совсем ничего.

— Господи, мне показалось, что ты выглядишь ка-

ким-то бледным. Ну, спокойной ночи. Я уже поставил часовой механизм твоей кровати на семь часов. Утром выпьем кофе и не спеша поедем на работу.

— Спасибо, Джо. Спокойной ночи.— Как только дверь закрылась за спиной Талли, Саундерс заставил себя подойти к окну и закрыть его. Он повернулся, вытер холодный пот с лица и снова включил вентиляцию. После этого он опустился на край кровати.

Саундерс долго сидел и думал, раскуривая одну сигарету за другой. Он понимал, что обретенное им спокойствие эфемерно. Кроме стыда и боли, у него ничего не оставалось. Подумать только, он дожил до того, что был вынужден сдаться такому ничтожеству, как Эд Шульц! Пожалуй, было бы куда лучше, если бы он вообще не спасся после трагедии на «Валкирии».

Наконец Саундерс достал из кармана капсулу снотворного, проглотил таблетку, содержащую пять гранов «Флай-Райт», и разделся. Перед тем, как лечь спать, он заставил себя подойти к окну, приоткрыл его, лег на кровать, снова вскочил и нажал на кнопку механизма кровати. Теперь, когда он уснет, свет будет гореть.

Он заснул и тут же погрузился в поразительно длинный сон. Он снова в космосе, мало того, никогда не покидал его. Он был счастлив, подобно человеку, который проснулся и увидел, что ужасный кошмар, мучивший его, был всего лишь сном.

Жалобные звуки разбудили его. Сначала Саундерс решил, что это всего лишь продолжение сна, затем понял, что действительность. Кто-то плачет, и ему нужно что-то предпринять. Переход от сна с действительности вызвал у него смутное чувство бесконечного падения, и он ощутил панику. Он пытался удержаться, руки соскальзывали, он падал, и внизу не было ничего, кроме непроницаемой темноты космоса...

Саундерс открыл глаза: он лежал на кровати в квартире Джо Талли, и в комнате горел свет.

Однако жалобные звуки отчетливо доносились до него.

Он потряс головой, затем прислушался. Да, это не было сном. Теперь он опознал звуки — мяукала кошка или, скорее всего, котенок.

Он сбросил одеяло и сел. Даже если бы Саундерс не испытывал традиционной нежности к кошкам, свой-

ственной космонавтам, он все равно решил бы выяснить, в чем дело. Тем более, что он действительно любил кошек, их способность приспосабливаться к жизни на борту космических кораблей, аккуратность и чистоту, готовность переносить чудовищные ускорения и пользу, которую они приносили: кошки не пускали на борт корабля тех существ, что традиционно следовали за человеком, куда бы он ни переселялся. Саундерс встал и принялся искать источник жалобных стонов.

Он огляделся вокруг и понял, что котенок где-то за пределами комнаты. Саундерс прислушался и сразу обнаружил, откуда доносится мяуканье,— из-за слегка приоткрытого окна. Он заколебался, но заставил себя подойти ближе.

Остановившись недалеко от окна, он задумался. Мяуканье доносилось снаружи — значит, котенок где-то рядом, в соседней квартире. Но Саундерс тут же понял, что обманывает себя — жалобные стоны были слишком близко. По какой-то невероятной причине котенок оказался прямо под его окном, на высоте тридцати пяти этажей.

Он сел на кровать и попытался закурить, но сигарета сломалась у него в руках. Он встал и сделал несколько шагов к окну, повинуясь неведомой силе. У самого окна он не выдержал, опустился на колени, закрыл глаза и распахнул окно, держась одной рукой за подоконник.

Через некоторое время, когда Саундерс пришел в себя, он открыл глаза, стараясь не смотреть на звезды или вниз. Он ожидал, что котенок может оказаться под окном на балконе,— это было единственным разумным объяснением. Но он сразу понял, что за окном нет никакого балкона.

Несмотря на это, мяуканье доносилось заметно громче. Саундерс чувствовал, что котенок находится прямо под окном. Медленно, собрав все силы, он заставил себя выглянуть наружу, судорожно вцепившись руками в подоконник. И сразу увидел, что на карнизе, в четырех футах под окном, сидит жалкий, находящийся в отчаянном положении котенок. Крошечный шарик посмотрел на него и мяукнул.

«Может быть, мне удастся?» — подумал он.— Держась одной рукой за подоконник и вытянув другую

наружу, он сможет дотянуться до котенка, не вылезая из окна. Если у него хватит силы воли. Саундерс решил было позвать на помощь Талли и тут же передумал. Талли был заметно меньше его ростом и не смог бы достать до котенка. А спасать этого пушистого маленького дурачка нужно немедленно, пока он не сорвался с карниза.

Он сделал все, что мог,— высунулся в окно, судорожно держась левой рукой за подоконник, и протянул правую руку. Его пальцы ощутили пустоту. Саундерс осторожно открыл глаза и увидел, что до котенка остается около фута — сантиметров тридцать или даже меньше. Котенок с любопытством посмотрел на протянутую руку и обнюхал ее.

Саундерс тянул руку, пока не почувствовал, что суставы могут не выдержать. Котенок тут же отскочил назад от пальцев, которые старались схватить его, на добрых шесть футов. Там он остановился и начал умываться.

Саундерс осторожно вернулся в комнату и рухнул на пол, рыдая от отчаяния.

— Это выше моих сил,— шептал он.— Я не могу. Опять...

Ракетный корабль «Валкирия» находился в двухстах сорока девяти днях полета от космопорта Луны и приближался к месту назначения — космопорту на Деймосе, спутнику Марса. Уилльям Коул, старший офицер связи и второй пилот, безмятежно спал в своей каюте, когда его разбудил помощник.

— Эй, Билл, проснись! У нас крупные неприятности.

— Что? Кто это?— Однако опытный космонавт уже проснулся и начал одеваться.— В чем дело, Том?

Через пятнадцать минут он понял, что его помощник ничуть не преувеличивает,— главный навигационный радиолокатор вышел из строя. Он доложил об этом командиру корабля. По счастью, помощник старшего офицера связи заметил неисправность в тот момент, когда проводил регулярную проверку аппаратуры и корабль все еще находился на максимальном расстоянии от Марса,— радиолокатор едва достигал его поверхности.

— Исправьте его, мистер,— пожал плечами коман-

дир,— и побыстрее. Он понадобится нам для выхода на орбиту.

Билл Коул нетерпеливо покачал головой.

— Вы не понимаете, капитан. Радиолокатор в полном порядке, он внутри корабля. Судя по всему, вышла из строя антенна.

— Это исключено. Система антиметеорной защиты дала бы нам знать.

— Причиной может быть не только столкновение с метеором, капитан. Наверное, это просто усталость металла. Дело не в этом. Нам нужно заменить антенну, а для этого придется остановить вращение корабля. Я выйду наружу и поставлю новую антенну. Вам даже не придется ждать полной остановки вращения — я начну работу, как только обороты снизятся.

«Валкирия» была самым современным и роскошным лайнером. Ее собрали на околоземной орбите задолго до того, как людям пришла в голову мысль относительно создания искусственной силы тяжести. И тем не менее «Валкирия» была в состоянии обеспечить тяготение, что позволяло ее пассажирам совершать полет с определенными удобствами. Гигантский корабль вращался вокруг своей продольной оси — вроде снаряда, вылетевшего из орудия; результатом этого вращения было угловое ускорение, которое ошибочно называли «центробежной силой». Это ускорение позволяло пассажирам оставаться в своих постелях и прекращалось лишь тогда, когда корабль заходил на посадку. Эта искусственная сила тяжести создавалась не какой-то магической силой, а всего лишь вращением массивного маховика, расположенного в центральной части корабля.

— Я уже отключил маховик,— раздраженно пробурчал капитан,— но я не могу ждать столько времени. Разве нельзя как-нибудь приспособить астрогационный радиолокатор?

Коул принялся было объяснять, почему астрогационный локатор нельзя использовать для сближения на малых расстояниях, но тут же передумал.

— Поверьте мне, сэр, это невозможно. Я хочу сказать, невозможно с технической точки зрения.

— Когда я был таким же молодым, как вы, мистер,— раздраженно проворчал капитан,— я мог при-

способить, что угодно. Впрочем, это неважно. Для посадки мне нужен радиолокатор. Я не могу посадить корабль вслепую, даже ради медали Гарримана.

Билл Коул на мгновение заколебался.— Тогда придется выйти наружу, не ожидая, когда кончится вращение корабля вокруг оси, и заменить антенну. Другого выхода нет.

Капитан отвернулся и сжал зубы.

— Подготовьте запасную антенну. И не теряйте времени.

Когда старший офицер связи прибыл с запасными деталями, он, к своему изумлению, увидел, что капитан надел космический скафандр и готов к выходу в космос.

— Объясните мне, что нужно делать с антенной,— скомандовал капитан.

— Вы собираетесь выйти из корабля, сэр?

Капитан кивнул.

Билл посмотрел на талию капитана — или вернее на то место, где раньше находилась талия. «Боже мой,— подумал старший офицер связи,— ведь старику уже за тридцать пять!»

— Боюсь, сэр, что мне трудно объяснить это неспециалисту,— заметил он осторожно.— Я думал, что сам заменю антенну.

— Не в моих правилах посылать подчиненного выполнить работу, которую я могу сделать сам. Итак, что мне нужно делать?

— Извините меня, сэр, но вы в состоянии подтянуться на одной руке?

— Разве это имеет какое-нибудь отношение к делу?— проворчал капитан.

— У нас на борту сорок восемь пассажиров, сэр, и я думал...

— Молчать!

После этого он с Сэндбергом — оба в космических скафандрах — помогли старику выйти через наружную дверь шлюза, как только закрылась внутренняя дверь. За пределами корабля простиралась бесконечная, усеянная звездами пустота. Поскольку корабль все же вращался вокруг продольной оси, любое направление «от корабля» было направлением вниз — туда, где виднелась бездонная глубина космоса, уходящая на бесчи-

сленные миллионы миль. Разумеется, капитан был пристегнут страховочным тросом — и тем не менее, когда голова капитана исчезла в темноте космического пространства, Билла охватил страх.

Они травили страховочный трос, но через несколько футов натяжение прекратилось. Прошло две минуты, затем три, четыре — трос перестал тянуться. Билл подождал еще, затем прижал шлем своего скафандра к шлему Сэндберга: «Держи меня за ноги, я посмотрю».

Он высунулся из шлюза и оглянулся вокруг. Капитан оказался совсем рядом и висел, держась обеими руками за скобу, приваренную к поверхности корабля. До антенны было еще очень далеко.

Билл поспешно вернулся в шлюз и сообщил Сэндбергу: «Капитан в опасности и нуждается в помощи. Я выхожу в космос.»

«Валкирия» была космическим кораблем, собранным на орбите, и совершала полеты от одного космопорта до другого, поэтому она резко отличалась от ракетных кораблей обтекаемой формы, которые мы видим в земных космопортах. Ее поверхность была усеяна скобами, приваренными для удобства ремонтников. Без особого труда Билл добрался до капитана, перебираясь от одной скобы к другой. После этого было уже совсем просто, ухватившись за ту же скобу, что и капитан, помочь ему переместиться к соседней. Через пять минут Сэндберг втягивал капитана через наружное отверстие шлюза, и Билл влез вслед за ним.

Не теряя времени, он принялся снимать запасные детали и инструменты, пристегнутые к скафандру капитана, и закреплять их на своем поясе. Затем Билл закрепил страховочный трос, выбрался из шлюза и начал пробираться от скобы к скобе, не ожидая, пока капитан придет в себя и начнет протестовать.

Ловко перехватывая одну скобу за другой, Билл пробирался к месту, где находилась поврежденная антенна. Это было не слишком уж трудно, хотя под ногами, висящими в пространстве, простиралась бездонная глубина космоса. Скафандр несколько затруднял его движения — особенно неуклюжими были перчатки, однако Билл привык работать в космических скафанд-

рах. Он немного устал, помогая капитану вернуться к шлюзу, но у него не оставалось времени на отдых. Возросшая центробежная сила изрядно мешала — шлюз был расположен ближе к оси корабля, чем место, где находилась антенна, так что ему приходилось прилагать больше усилий, чтобы удержаться у поверхности космического лайнера и не дать возросшей тяжести разжать пальцы, сжимающие скобы.

А вот замена антенны причинила ему немало хлопот. Запасная антенна радиолокатора, которую Билл подтянул к себе на тросе, не была большой или тяжелой, но он никак не мог закрепить ее анкерными болтами. Одной рукой он держался за скобу, другой устанавливал антенну, и ему требовалась еще одна рука, чтобы работать гаечным ключом. Как он ни старался, ему не хватало одной руки.

Наконец Билл дернул за страховочный трос, давая сигнал, чтобы Сэндберг отпустил побольше слабины. Затем он отстегнул трос от своего пояса, пропустил конец через соседнюю скобу и привязал его; теперь футов шесть троса осталось свободных. Он пристегнул серьгу на его конце к другой скобе, и теперь в распоряжении Билла оказалась импровизированная люлька верхолаза. Он удовлетворенно кивнул, сел в образовавшуюся петлю и принялся за работу, которя пошла намного быстрее.

Оставалось закрепить всего лишь один болт. Билл затянул уже два и присоединил многожильный провод к контактной вилке на корпусе. Решив, что закончит работу одной рукой, Билл вылез из люльки и схватился одной рукой за скобу, а другой продолжал затягивать последний болт.

В то самое мгновение, когда он повернул болт на последние пол-оборота, гаечный ключ выскользнул из руки и улетел в космос. Билл наблюдал, как серебряная искорка исчезает вдали, освещенная солнечными лучами. У него закружилась голова. До этого момента он был настолько поглощен работой, что у него не оставалось времени, чтобы оглянуться вокруг.

По телу Билла пробежала дрожь.

— Хорошо, что работа закончена,— сказал он про себя.— Было бы нелегко поймать теперь гаечный ключ.

Он начал возвращаться к шлюзу и сразу увидел, что это невозможно.

Чтобы ему было удобнее работать ключом, Билл переместился на противоположную от шлюза сторону антенны, оттолкнувшись от страховочного троса, превращенного им в люльку верхолаза. Теперь петля троса висела так далеко, что он не мог уже достать ее рукой. Путь назад был отрезан.

Билл ухватился за скобу обеими руками и попытался убедить себя, что еще не все потеряно, надо лишь не поддаваться панике. Он обязательно придумает что-то. Может быть, перебраться по другой стороне? Нет, там стальная поверхность «Валкирии» была совершенно гладкой — до ближайшей скобы оставалось больше шести футов. Даже если бы он не испытывал усталость — а Билл не мог не признать, что устал и изрядно замерз,— перемахнуть на дальнюю скобу под силу лишь обезьяне.

Он посмотрел вниз, и сразу пожалел об этом.

Под его ногами не было ничего, кроме пустоты, усеянной бесчисленными искорками звезд, исчезающей в бесконечной дали. Звезд, проносящихся мимо, поскольку корабль с Биллом, судорожно вцепившимся в скобу, вращался вокруг оси. Остановившееся время, пустота, мрак и холод.

Билл попытался подтянуться к скобе и быстро понял, что это выше его сил. Он подавил панику, расслабил тело и повис.

Висеть с закрытыми глазами было намного спокойнее, но время от времени что-то заставляло его смотреть по сторонам. В поле зрения проносилась Большая Медведица, затем сверкающий Орион. Он попытался рассчитать, сколько времени уже прошло, на основании количества оборотов корабля, но мозг отказывался функционировать. Ему снова пришлось закрыть глаза.

Руки начали неметь от холода. Билл попытался держаться одной рукой и дать второй отдохнуть. Он опустил ее к своему боку и принялся хлопать ею по бедру, стараясь восстановить кровообращение. Когда свободная рука отдохнула, он решил схватиться ею за скобу и предоставить отдых другой.

Билл никак не мог достать рукой до скобы. У него не

осталось сил, чтобы подтянуться к поверхности корабля и схватить скобу левой рукой.

Его правая рука совершенно онемела, и он не чувствовал ее.

Билл понял, что рука соскальзывает со скобы. Соскальзывает и он...

Тут он заметил, что напряжение в его теле ослабло и он падает... падает... Корабль исчезал вдали...

Билл пришел в себя. Обеспокоенное лицо капитана склонилось над ним.

— Не волнуйся, Билл, все в порядке.

— Где я...

— Тебя спасли. Патрульный корабль с Деймоса уже вылетел навстречу. Когда у тебя разжалась рука и ты начал падать, они заметили тебя на экране радиолокатора, уравняли свою скорость с твоей и подобрали тебя. Впервые в истории космоплавания. А теперь лежи молча. У тебя упадок сил — ты провисел больше двух часов, Билл.

Мяуканье возобновилось, уже громче. Он перегнулся через подоконник, осторожно наклонил голову, постоянно напоминая себе, что нельзя смотреть вниз, и взглянул на карниз и сидящего на нем котенка.

— Кыс-кыс,— позвал он.— Кыс-кыс! Ну, иди сюда, котик!

Котенок перестал умываться и посмотрел на Билла озадаченным взглядом.

— Давай сюда, киса! — прошептал Билл. Он снял правую руку с подоконника и сделал ею приглашающий жест. Котенок приблизился дюйма на три и снова остановился.

— Иди же сюда, киса,— умоляющим тоном произнес Билл и протянул руку как можно дальше. Котенок тут же отпрыгнул назад.

Билл оперся о подоконник обеими руками и задумался. Да, так ему котенка не спасти, решил он. А если перелезть через подоконник, встать на карниз — он сможет держаться одной рукой и будет в полной безопасности. Билл знал это — лишь бы не смотреть вниз!

Он повернулся, высунул ноги в окно, лег животом на подоконник и с максимальной осторожностью, дер-

жась обеими руками, опустил ноги вдоль отвесной стены здания. Все это время его глаза смотрели, не отрываясь, на угол кровати.

Ему показалось, что карниз сдвинулся. Он не мог нащупать его ногами и решил было, что опустился ниже, в это мгновение пальцы ног коснулись карниза. Через мгновение он стоял, твердо опираясь о карниз обеими ногами. Карниз, показалось Биллу, не меньше шести дюймов шириной. Он сделал глубокий вдох.

Держась левой рукой, Билл отпустил правую и посмотрел на котенка. Маленький пушистый шарик с интересом следил за его маневрами, но не решался приблизиться. Если Билл продвинется вдоль карниза, осторожно переступая ногами, ему удастся наклониться от края окна...

Медленно переставляя одну ногу за другой, он начал двигаться вперед, пройдя до самого края; теперь левая рука, которой он держался за подоконник, вытянулась до предела; Билл согнул колени и наклонился. Котенок обнюхал протянушиеся к нему пальцы и снова отпрыгнул. Одна маленькая лапка соскользнула с карниза, котенок судорожно вцепился в карниз передними лапами и вскарабкался обратно.

— Ну какой же ты дурачок! — с возмущением воскликнул Билл.— Ты что, хочешь свалиться вниз и выбить себе мозги, если только они у тебя есть?

Положение казалось безнадежным; котенок сидел слишком далеко, и как Билл не тянулся к нему, держась одной рукой за край окна, он не мог достать котенка.

— Киса-киса,— поманил он малыша, в отчаянии махнул рукой и задумался.

Придется отказаться от спасения несчастного котенка.

Билл мог оставаться на карнизе всю ночь, надеясь, что котенок захочет подойти поближе. Или нужно отпустить левую руку, продвинуться вперед и схватить его.

В общем-то, решил он, карниз достаточно широк. Если прижаться к стене всем телом и поднять левую руку... да, он может сохранять равновесие, и не держась за подоконник. Билл начал медленно продвигаться вперед, не отнимая левой руки от края окна до самого последнего момента. Когда пришло время отпустить ру-

ку, он прижал ее ладонь к гладкой стене и случайно посмотрел вниз. Там, далеко-далеко, виднелась мостовая.

Билл перевел глаза на точку прямо перед собой, в нескольких футах впереди на стене. Он по-прежнему стоял на карнизе!

И котенок тоже. Билл передвинул правую ногу вперед и согнул колени. Правая рука скользнула вдоль стены и вытянулась до тех пор, пока не оказалась позади котенка.

Быстрым движением он опустил ладонь, будто прихлопывая муху, и ощутил пригоршню царапающегося, кусающегося меха.

Он замер на месте, не обращая внимания на боль, которую причиняли ему острые зубы и когти. Вытянув руки вдоль стены, Билл двинулся обратно. Он не мог повернуть голову, чтобы увидеть, сколько еще осталось до окна. Казалось, расстояние на обратном пути было куда больше, чем при движении вперед. Наконец левая рука скользнула в открытое окно.

Остальную часть пути он проделал за несколько секунд, схватился за подоконник обеими руками, перекинул через него колено и сел в открытом окне.

— Да-а-а! — прошептал он.— Я и не предполагал, что придется так трудно. Знаешь, котенок, ты представляешь собой немалую угрозу.

Билл наклонил голову и посмотрел вниз, на мостовую. Действительно, очень высоко, и, судя по всему, она достаточно твердая.

Он перевел взгляд на небо. Какие красивые эти сверкающие звезды. Он оперся плечом о край окна и посмотрел на них. Котенок поудобнее устроился на коленях и замурлыкал. Билл рассеянно погладил его и закурил сигарету. «Утром я отправлюсь в космопорт и пройду медицинский осмотр»,— решил Билл. Он почесал котенка за ушами.

— Как ты думаешь, маленький котик? — спросил он.— Ты не будешь возражать, если я возьму тебя в длинное-предлинное путешествие?

ЛИНИЯ ЖИЗНИ *

Председатель громко застучал, требуя тишины. Мало-помалу насмешливые выкрики и свист стихли — несколько самоназначенных блюстителей порядка сумели убедить слишком пылких субъектов сесть и успокоиться. Докладчик на трибуне рядом с председателем словно ничего не заметил. Его непроницаемое, чуть высокомерное лицо хранило полную невозмутимость. Председатель повернулся к нему и сказал, еле сдерживая раздражение:

— Доктор Пинеро («доктор» было сказано с некоторым нажимом), я должен извиниться перед вами за неприличные выкрики. Меня удивляет, что мои коллеги настолько забыли достоинство, подобающее ученым, что прервали докладчика, как ни велик,— он помолчал, плотно сжав губы,— был повод для возмущения.

Пинеро улыбнулся ему улыбкой, в которой было что-то на редкость оскорбительное. Председатель с трудом взял себя в руки и продолжал:

— Я хочу, чтобы заседание завершилось подобающим образом. Прошу вас кончить ваше сообщение. Однако прошу вас воздержаться и больше не оскорблять нас, высказывая идеи, которые любой образованный человек не может не признать ошибочными. Будьте так добры, говорите только о вашем открытии... если вы что-то открыли.

---

*© перевод на русский язык И. Гуровой

Пинеро развел пухлыми белыми руками, повернув ладони вниз.

— Но как я могу предложить вам новые идеи, если сперва не рассею ваше заблуждение?

По аудитории прошло движение, раздался ропот. Кто-то крикнул из глубины зала:

— Выбросьте вон этого шарлатана! Довольно и того, что слышали.

Председатель постучал молоточком.

— Господа! Прошу вас! — Затем он повернулся к Пинеро. — Должен ли я напомнить вам, что вы не член этого общества и что мы вас не приглашали?

— Ах так? — Пинеро поднял брови. — Помнится, я получил приглашение с грифом Академии.

Председатель пожевал нижнюю губу, а потом ответил:

— Да, верно. Это приглашение написал я сам. Но лишь по просьбе одного из попечителей — превосходного джентльмена, радеющего об интересах человечества, однако не ученого и не члена Академии.

— Ах так? Я мог бы и догадаться. Старик Бидуэлл, верно? Из «Объединенного страхования жизни»? И он хотел, чтобы его дрессированные тюлени разоблачили меня как шарлатана, да? Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не пойдет к нему страховаться даже на самых выгодных условиях. Но каким образом вы меня разоблачите, если сначала не выслушаете? Даже если допустить, что у вас хватит ума меня понять? П-ф! Натравить шакалов на льва! — Он подчеркнуто повернулся к ним спиной.

Ропот в зале стал громче, в нем звучала злоба. Тщетно председатель требовал тишины. В первом ряду кто-то вскочил на ноги.

— Господин председатель!

Председатель не упустил удобного случая и крикнул:

— Господа! Слово предоставляется доктору ван Рейну Смиту.

Шум затих. Доктор Смит откашлялся, пригладил великолепную седую шевелюру и сунул руку в боковой карман своих элегантных брюк. Он принял позу, какая бывала у него, когда он читал лекции в дамских клубах.

— Господин председатель! Уважаемые сочлены

Академии Наук, будем терпимы. Даже убийца имеет право на последнее слово перед тем, как суд вынесет приговор. Так будем ли мы строже? Пусть даже приговор и предопределен интеллектуально. Я признаю за доктором Пинеро право на ту любезность, которую это ученое собрание должно оказывать любому коллеге, несостоящему в нем, даже если (он слегка поклонился в сторону Пинеро) нам неизвестен университет, присвоивший ему степень. Пусть то, что он намерен сказать, не отвечает истине, на нас это тени бросить не может. Если то, что он намерен сказать, верно, нам следует это знать.— Его красивый, хорошо поставленный голос успокаивал, завораживал.— Если манеры почтенного доктора кажутся нам несколько резковатыми, следует помнить, что возможно там, откуда он приехал, или в той среде, где он вращается, таким вещам придается меньше значения, а наш добрый друг и благодетель просил вас выслушать этого человека и тщательно оценить его утверждения. Так сделаем же это с достоинством и декорумом.

Он сел под треск аплодисментов, с удовольствием сознавая, что снова поддержал свою репутацию интеллектуального лидера. Завтра газеты вновь упомянут разумность и обаятельность «Самого красивого ректора во всех американских университетах». Кто знает, может быть, теперь старик Бидуэлл раскошелится и субсидирует постройку плавательного бассейна.

Когда аплодисменты стихли, председатель повернулся туда, где виновник всей этой бури сидел с безмятежным лицом, скрестив руки на круглом брюшке.

— Вы не продолжите, доктор Пинеро?

— А зачем?

— Вы же пришли сюда ради этого?— председатель пожал плечами.

Пинеро встал.

— Справедливо, совершенно справедливо. Но стоило ли мне приходить? Есть ли здесь хоть один человек, способный воспринимать новое, способный взглянуть в лицо голым фактам и не покраснеть? Помоему, таких здесь нет. Даже этот столь красивый господин, который попросил вас выслушать меня, уже успел вынести мне обвинительный приговор. Его интересует декорум, а не истина. А что, если истина проти-

воречит декоруму? Признает ли он ее? И вы все? По-моему, нет. Тем не менее, если я не продолжу, вы расцените это как доказательство вашей правоты. Любой тупица с улицы решит, что вы, тупицы, изобличили меня, Пинеро, как шарлатана и самозванца. Я еще раз объясню вам суть моего открытия. Короче говоря, я изобрел способ определить, сколько остается жить человеку. Я могу заранее представить вам расписание Ангела Смерти. Я могу сказать вам, когда Черный Верблюд преклонит колени у вашей двери. Поработав с моим аппаратом пять минут, я могу сказать любому из вас, сколько песчинок еще остается в ваших песочных часах.— Он умолк и скрестил руки на груди. На мгновение воцарилась тишина. Потом по залу прокатился шумок. Наконец председатель сказал:

— Но вы же не кончили, доктор Пинеро?

— А что еще можно к этому добавить?

— Вы нам не объяснили механизм вашего открытия.

Брови Пинеро взлетели вверх.

— Вы хотите, чтобы я отдал плоды моих трудов на забаву детям? Это опасное знание, друг мой, и я берегу его для человека, который понимает самую суть. Для себя.— Он постучал себя по груди.

— Но откуда нам знать, что это не пустые претензии?

— Очень просто. Вы пришлете комиссию, перед которой я продемонстрирую работу своего аппарата. Если все подтвердится, очень хорошо, вы это признаете и оповестите об этом весь мир. Если не подтвердится, я буду изобличен и принесу извинения. Да, я, Пинеро, принесу извинения.

В глубине зала поднялся худой сутулый мужчина. Председатель дал ему слово, и он заговорил:

— Господин председатель! Как может почтенный доктор серьезно предлагать такую проверку? Или он хочет, чтобы мы двадцать, а то и тридцать лет ждали, чтобы кто-нибудь скончался и тем доказал его правоту?

Пинеро ответил, не дожидаясь разрешения председателя.

— П-ф! Какой вздор! Неужели вы так мало знакомы со статистикой и не знаете, что в любой большой

группе обязательно найдется хотя бы один человек, который должен умереть в ближайшем будущем? Вот что я вам предложу. Разрешите мне обследовать всех, кто находится в зале, и я назову человека, который умрет в ближайшие две недели, да-да, а также и день и час его смерти.— Он обвел зал яростным взглядом.— Вы согласны!

На этот раз поднялся дородный человек, размеренно ронявший слова.

— Я, со своей стороны, решительно против такого эксперимента. Как врач, я с прискорбием замечал явные симптомы серьезных сердечных заболеваний у многих наших пожилых коллег. Если эти симптомы известны доктору Пинеро, что вполне вероятно, и если в качестве своей жертвы он изберет кого-нибудь из них, выбранный им человек, вполне возможно, скончается в указанный срок независимо от того, работает ли кухонный таймер почтенного докладчика или нет.

Его тут же поддержали.

— Доктор Шепард абсолютно прав. Зачем мы будем тратить время на шаманские фокусы? Я убежден, что субъект, именующий себя д о к т о р о м Пинеро, хочет воспользоваться авторитетом нашего собрания, чтобы придать правдоподобие своим утверждениям. Если мы примем участие в этом фарсе, то сыграем ему на руку. Не знаю, что он, собственно, добивается, но, бьюсь об заклад, он придумал какой-то способ использовать нас для рекламы его афер. Господин председатель, предлагаю вернуться к повестке дня.

Это предложение было встречено аплодисментами, однако Пинеро не сел. Под вопли «К порядку! К порядку!» он мотнул своей растрепанной головой и высказал все, что хотел.

— Варвары! Идиоты! Болваны! Такие, как вы, мешали признанию всех до единого великих открытий с начала времен. От такого подлого невежества Галилей перевернется в могиле. Жирный дурак, который вон там теребит эмблему своего тайного общества, называет себя врачом. Знахарь — было бы куда точнее! А тот лысый коротышка вон там... да-да, вы! Именуете себя философом и болтаете всякую чушь о жизни и времени, укладывая их в свои аккуратненькие категории. Да что вы о них знаете? И как можете хоть что-нибудь

узнать, если не хотите познать истину, когда вам предоставляется такая возможность. П-ф! — Он сплюнул.— Вы называете это Академией Наук. А по-моему, это съезд гробовщиков, которые думают только о том, как бы лучше забальзамировать идеи своих великих предшественников.

Он умолк, переводя дух. Его подхватили под руку два члена президиума и вытащили из зала. Из-за стола прессы вскочили репортеры и кинулись за ним. Председатель объявил заседание закрытым.

Репортеры нагнали Пинеро, когда он выходил через служебный вход. Шел он пружинистой походкой и что-то насвистывал. От недавней воинственности не осталось и следа. Они столпились вокруг него.

— Как насчет интервью, доктор?

— Что вы думаете о современной системе образования?

— Вы им ловко врезали. Ваша точка зрения на жизнь после смерти?

— Снимите шляпу, доктор, и поглядите, как вылетит птичка.

Он ухмыльнулся им.

— По очереди, по очереди, ребята. И не так быстро. Я сам когда-то был репортером. Может, заглянем ко мне?

Несколько минут спустя они попытались разместиться в единственной комнате Пинеро, где царил страшный беспорядок, и закуривали его сигары. Пинеро обвел всех взглядом, сияя улыбкой.

— Что пьем, ребята? Шотландское виски? Или кукурузное?— Когда и это было улажено, он перешел к делу.— Ну, а теперь, ребята, что вы хотите узнать?

— Выкладывайте, доктор. Есть ли у вас что-нибудь дельное или нет?

— Безусловно, есть, мой юный друг.

— Ну, так объясните нам, как он работает, ваш аппарат. И мы вам не профессора, от нас так просто не отделаетесь.

— Прошу прощения, мой дорогой. Это мое изобретение. Я надеюсь на нем подзаработать. Не потребуете же вы, чтобы я подарил его первому встречному?

— Послушайте, доктор, вы должны нам что-

нибудь дать, если хотите попасть в утренние газеты. Чем вы пользуетесь, магическим кристаллом?

— Ну, не совсем. Хотите посмотреть мой аппарат?

— Еще бы! Это уже дело.

Он провел их в примыкавшую к комнате мастерскую и взмахнул рукой.

— Вот он, ребята.

Они увидели что-то вроде массивной рентгеновской установки. Но, если не считать очевидного факта, что работала она на электричестве, догадаться о том, как она действует, было невозможно, хотя некоторые шкалы были размечены привычным образом.

— Принцип его работы, доктор.

Пинеро вытянул губы и задумался.

— Без сомнения, вам всем знаком трюизм, что жизнь — это электричество. Ну, разумеется, это пустые слова, но они помогут вам уловить суть искомого принципа. Кроме того, вам говорили, что время — это четвертое измерение. Может быть, вы верите этому, может быть, нет. От частых повторений смысл полностью исчез. Осталось клише, с помощью которого краснобаи внушают почтение дуракам. Попробуйте сейчас представить себе, что, собственно, это значит, прочувствуйте это.

Он подошел к одному из репортеров.

— Возьмем, к примеру, вас. Ваша фамилия Роджерс, верно? Отлично, Роджерс. Вы феномен пространства — времени и имеете четыре измерения. Высотой вы чуть меньше шести футов, шириной около двадцати дюймов, а толщиной дюймов десять. Во времени позади вас этот феномен пространства — времени достигает примерно одна тысяча девятьсот пятого года, срез которого мы видим вот здесь под прямым углом к оси времени с той же глубиной, как и в данный момент. В дальнем конце находится младенец, попахивающий кислым молоком и срыгивающий свой завтрак на слюнявчик. На другом конце находится, быть может, старик. Где-то в восьмидесятых годах. Представьте себе этот феномен пространства — времени, который мы называем Роджерсом, как длинного розового червяка, растянувшегося через годы. Вот здесь, в тысяча девятьсот дридцать девятом году, он минует нас и тянется дальше. И срез, который мы видим, выглядит одиночным

дискретным телом. Но это иллюзия. Этот розовый червяк физически тянется через все эти годы. Собственно говоря, существует физическая непрерывность всего человечества, поскольку эти розовые червяки ответвляются от других розовых червяков. В этом смысле человечество напоминает лозу, ветки которой переплетаются и дают новые отростки. И только глядя на лозу в разрезе, мы можем впасть в заблуждение, будто эти побеги — дискретные индивиды.

Он помолчал и обвел всех взглядом. Один из них, с угрюмой скептической физиономией, сказал:

— Все это очень мило, Пинеро, но, даже если это правда, так толку что?

Пинеро удостоил его безмятежной улыбкой.

— Терпение, друг мой. Я попросил вас считать жизнь электрической. А теперь сочтите наших длинных розовых червей проводниками электричества. Вы, вероятно, слышали о том, как инженеры с помощью некоторых измерений могут определить точное место разрыва в трансатлантическом кабеле, все время оставаясь на берегу. Я проделываю то же с нашими розовыми червями. Приложив свои инструменты к срезу вот здесь, в этой комнате, я могу определить, где происходит разрыв. Иными словами, когда наступает смерть. Или, если хотите, я могу произвести обратное исчисление и назвать вам дату вашего рождения. Но это не интересно: вы ведь ее уже знаете.

Угрюмый репортер презрительно хмыкнул.

— Вот и попались, доктор: если ваше определение человечества как лозы или розовых червей правильно, то определять дни рождения вы не сможете, поскольку связь с человечеством непрерывна и ваш электрический проводник ведет через мать до самых отдаленных предков.

— Совершенно верно и очень умно, друг мой,— улыбнулся Пинеро.— Но вы слишком увлеклись аналогией. Речь ведь идет не об измерении какого-то проводника электричества. В некоторых отношениях это больше походит на измерение длины очень длинного коридора с помощью звука, отражаемого от дальнего его конца. Момент рождения представляет своего рода изгиб в коридоре, и при правильной настройке я могу уловить эхо от этого изгиба.

— А ну-ка, докажите.

— С удовольствием, мой дорогой друг. Испробуем на вас?

— Попался, Люк,— сказал кто-то из репортеров.— Соглашайся или заткнись.

— Я согласен. Что мне надо сделать?

— Во-первых, напишите на листке день и час вашего рождения и отдайте листок кому-нибудь из ваших коллег.

— Ну, а теперь что?— спросил Люк, отдавая листок.

— Снимите верхнюю одежду и станьте на эти весы. А теперь скажите, вы когда-нибудь были много толще или много худее, чем сейчас? Нет? А сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Великолепный, здоровый младенец. Теперь такие крупные рождаются редко.

— Ну и что значит весь этот треп?

— Я пытаюсь примерно определить средний срез нашего длинного розового проводника, мой милый Люк. А теперь, пожалуйста, сядьте вот туда. А теперь зажмите в зубах этот электрод. Нет-нет, вас не дернет. Напряжение очень низкое. Меньше микровольта. Но мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от него, скрылся за аппаратом, опустил над головой козырек и только тогда стал вертеть ручками. Зрители увидели, как некоторые из циферблатов ожили, аппарат глухо загудел. Затем он умолк, и Пинеро выбрался из своего тайничка.

— Я получил февраль тысяча девятьсот второго года. У кого листок с датой?

Хранитель листка развернул его и прочел:

— Двадцать второго февраля девятьсот второго года.

Воцарилась глубокая тишина, которую прервал чей-то голос:

- - Доктор, можно выпить еще рюмку?

Напряжение рассеялось, и они заговорили наперебой:

— Проверьте меня, доктор!

— Нет, меня, доктор! Я сирота, и мне просто нужно это узнать.

— Давайте еще, доктор! Мы все хотим.

Он с улыбкой подчинился и то исчезал под козырь-

ком, то снова возникал, словно суслик из норки. Когда у всех оказались листки, доказывающие искусство доктора, наступившее долгое молчание нарушил Люк:

— А не покажете ли, как вы предсказываете смерть, Пинеро?

Его никто не поддержал, а двое-трое вытолкнули Люка вперед.

— Вот ты и давай, умник. Сам напросился.

Он позволил усадить себя в кресло. Пинеро пощелкал выключателями и снова скрылся под козырьком. Когда гудение смолкло, он вышел, энергично потирая ладони.

— Ну, ребята, смотреть больше нечего. Материала достаточно?

— Э-эй! А как же предсказание? Когда Люк откинет копыта?

— Вот именно, доктор, когда? — требовательно спросил Люк.

— Господа,— страдальчески сказал Пинеро.— Вы меня удивляете. Эти сведения я выдаю за гонорар. И, кроме того, это профессиональная тайна. Ответ получает только клиент, консультирующийся у меня.

— А мне все равно, валяйте, говорите.

— Мне очень жаль, но я должен отказаться. Я же согласился только показать вам, как работает аппарат, а не оглашать результаты.

Люк бросил окурок на пол и растер его подошвой.

— Сплошное надувательство, ребята. Наверное, он записал возраст всех репортеров в городе специально, чтобы проделать такую штуку. Номер не пройдет, Пинеро.

Тот грустно посмотрел на него.

— Вы женаты, мой друг?

— Нет.

— Вы кому-нибудь помогаете? У вас есть близкие родственники?

— Нет. А что? Хотите меня усыновить?

Пинеро покачал головой.

— Мне вас очень жаль, мой юный друг. Вы умрете еще до завтра.

СМЕРТЬ ЖМЕТ НА ТАБЕЛЬНЫЕ ЧАСЫ

...через двадцать минут после странного предсказа-

ния Пинеро, когда Таймонс шел по Бродвею в сторону редакции «Дейли геральд», где он работал, он был убит свалившейся не него вывеской.

Доктор Пинеро отказался высказать свое мнение, но подтвердил, что он предсказал смерть Таймонса при помощи своего, так называемого хроновитаметра. Начальник полиции Рой...

Вас беспокоит БУДУЩЕЕ?????
Не тратьте денег на гадалок!
Обратитесь
К доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту.
Он поможет вам спланировать ваше будущее
с помощью точных
НАУЧНЫХ МЕТОДОВ.
Никаких посланий от «духов».
Верность наших предсказаний гарантирована
Залогом в 10000 долларов.
Дополнительные сведения по требованию
«ПЕСКИ ВРЕМЕН»
«Маджестик» номер 700

Уведомление

Всем, всем, всем! Я, Джон Кэбот Уинтроп III, член фирмы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмарс и Уинтроп», нотариус, подтверждаю, что Хьюго Пинеро, проживающий в этом городе, вручил мне десять тысяч американских долларов и поручил мне поместить их на хранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями:

Залог будет незамедлительно и целиком выплачен первому клиенту Хьюго Пинеро и (или) «Песков Времени», который проживет на один процент дольше, чем было предсказано Хьюго Пинеро, или же душеприказчикам первого клиента, который не доживет до указанного срока на один же процент, в зависимости от того, что произойдет во времени первым.

Подписано и заверено
Джон Кэбот Уинтроп III.

Подписано и заверено в моем присутствии
второго апреля 1939.
Альберт М. Суонсон,

нотариус с правом практиковать
в этом штате до
июня 17, 1939.

«Добрый вечер, дорогие радиослушатели и радиослушательницы! Внимание! Молния! Хьюго Пинеро, ЧУДОТВОРЕЦ НИОТКУДА, уже в тысячный раз прогнозировал смерть, и еще никто не потребовал премии, которую он предложил первому человеку, поймавшему его на ошибке. Тринадцать его клиентов уже скончались, так что нет сомнений, что он имеет прямую связь с конторой СТАРУХИ С КОСОЙ. Это единственная новость, о которой я ничего не хочу знать заранее. Ваш обозреватель не будет клиентом пророка Пинеро...»

В душном воздухе зала продребезжал жиденький баритон судьи:

— Будьте добры, мистер Уимс, вернемся к теме. Суд удовлетворил ваше ходатайство о временном запрещении, а теперь вы обратились с ходатайством изменить его на постоянное. Доктор Пинеро, оспаривая ваш иск, указывает, что вы не представили никаких веских причин для запрещения, и просит об его отмене. А также чтобы я предписал вашему клиенту прекратить вмешательство в деятельность фирмы, вполне законную во всех отношениях, как утверждает Пинеро. Поскольку вы выступаете не перед присяжными, прошу вас обойтись без риторики и просто объяснить, почему я должен отказать ему в иске.

Мистер Уимс нервно дернул подбородком, так что дряблая землистая складка кожи скользнула по его жесткому воротничку, и возобновил свою речь:

— С разрешения досточтимого суда я представляю интересы общества...

— Минуточку. Мне казалось, что вы представляете «Объединенное страхование жизни».

— Формально говоря, именно так, ваша милость. Но в более широком смысле я представляю несколько других важнеших страховых, кредитных и финансовых институтов, а также их акционеров и держателей страховых полисов, каковые составляют подавляющее большинство граждан этой страны. Кроме того, мы считаем себя обязанными защитить интересы всего на-

селения страны, неорганизованного, не имеющего представителей и не защищенного во многих других отношениях.

— Мне казалось, что народ представляю я,— сухо заметил судья.— Боюсь, я обязан считать вас представителем интересов только вашего клиента, как указано в иске. Но продолжайте. Каковы ваши доводы?

Старик-адвокат попытался проглотить свой кадык, а потом начал снова:

— Ваша милость! Мы утверждаем, что имеются две отдельные причины, почему этот запрет следует сделать постоянным, и, далее, что достаточно одной из этих причин.

Во-первых, этот человек занимается предсказательством, что запрещено как гражданским, так и уголовным законодательством. Он обыкновенный гадальщик, бродячий шарлатан, который эксплуатирует доверчивость широкой публики. Он более ловок, чем обычная цыганка-хиромантка, астролог или медиум, и поэтому более опасен. Он ложно ссылается на современные научные методы, чтобы придать внешнюю убедительность практикованию черной магии. Мы пригласили в суд именитых представителей Академии Наук, которые как эксперты могут разоблачить нелепость его претензий.

— Во-вторых, даже если претензии этого человека обоснованы — допустим на мгновение такую нелепость...— Мистер Уимс позволил себе холодную улыбочку,— мы утверждаем, что его деятельность противоречит интересам общества в целом и наносит противозаконный ущерб интересам моего клиента, в частности. Мы готовы предъявить многочисленные материалы, доказывающие, что этот человек публиковал сам или поощрял публиковать заявления, призывающие общество отказаться от бесценных благ страхования жизни к большому вреду для благосостояния и финансового положения моего клиента.

Пинеро встал.

— Ваша милость, могу ли я сказать несколько слов?

— Что именно?

— Мне кажется, я смогу упростить ситуацию, если мне будет разрешено коротко ее проанализировать.

— Ваша милость,— прервал Уимс,— это против правил.

— Терпение, мистер Уимс, ваши интересы будут ограждены. Мне кажется, в этом деле нам требуется больше света и меньше шума. Если доктор Пинеро, высказавшись в этот момент, тем самым сократит разбирательство, я склонен дать ему это разрешение. Продолжайте, доктор Пинеро.

— Благодарю вас, ваша милость. Обратившись сначала к последнему из обвинений мистера Уимса, я готов признать, что я действительно публиковал заявления, о которых он говорит...

— Погодите, доктор. Вы решили обойтись без адвоката. Но вы уверены, что способны защищать свои интересы?

— Я готов рискнуть, ваша милость. То, что я намерен признать, наши друзья могут доказать без всяких затруднений.

— Очень хорошо. Продолжайте.

— Я готов признать, что в результате этого многие люди аннулировали свои страховые полисы, но пусть они докажут, что кто-либо из поступивших так потерпел в итоге какой-нибудь ущерб или понес убытки. Совершенно верно, что «Объединенное страхование» в результате моей деятельности теряет клиентов, но это естественное следствие моего открытия, которое превратило их полис в такой же анахронизм, как лук со стрелами. Если иск будет удовлетворен на этом основании, я налажу производство керосиновых ламп, а затем потребую, чтобы «Эдисону» и «Дженерал электрик» было запрещено производство электролампочек.

— Я готов признать, что поставил предсказания смерти на деловую основу. Но я отрицаю, что я занимаюсь магией, будь она черная, белая или радужная. Если делать предсказания, опираясь на научные методы, противозаконно, статистики «Объединенного страхования» много лет нарушают закон, предсказывая на каждый год точный процент смертей в данной большой группе населения. Я предсказываю смерть в розницу, а «Объединенное страхование» предсказывает ее оптом. Если действия «Объединенного страхования»

законны, каким образом мои могут быть противозаконны?

— Я признаю важность вопроса о том, действительно ли я способен давать точные предсказания или нет. И я готов признать, что так называемые эксперты Академии Наук покажут, что я этого не могу. Но им мой метод неизвестен, и они не могут вынести о нем весомого заключения.

— Погодите, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией и методом доктора Пинеро?

На лице мистера Уимса мелькнула тревога. Он побарабанил пальцами по столу и, наконец, ответил:

— Могу ли я попросить суд ненадолго прервать заседание?

— Разумеется.

Мистер Уимс несколько минут торопливым шепотом совещался со своими помощниками, затем повернулся к судье:

— Ваша милость, мы хотели бы предложить следующее: пусть доктор Пинеро объяснит теоретическую основу и практическое применение своего так называемого метода, а тогда эти именитые ученые смогут высказать суду свое мнение об обоснованнности его претензий.

Судья вопросительно посмотрел на Пинеро, который ответил:

— Дать свое согласие на это я не могу. Независимо от того, верен ли мой метод или нет, было бы опасно допустить, чтобы он попал в руки глупцов и шарлатанов...— он махнул рукой на группу профессоров, сидевших в первом ряду, помолчал и ядовито улыбнулся,— ...как прекрасно известно этим господам. Кроме того, для доказательства действенности метода вовсе необязательно открывать принципы, на которых он построен. Нужно ли мне для доказательства верности моих предсказаний обучать азам все это общество, самоназначенных хранителей мудрости, излечивать их от укоренившихся в их сознании суеверий? В науке для того, чтобы прийти к выводу, есть только два пути. Один — научный метод, другой — схоластический. Можно либо исходить из результатов экспериментов, или слепо следовать авторитетам. Для настоящего ученого

критически важны экспериментальные доказательства, а теория — просто удобное пособие, которое можно отбросить, если оно уже не отвечает своему назначению. Для ученого-педанта авторитет — это все, и если факты не укладываются в теорию, предписанную авторитетами, их отбрасывают. Именно такая точка зрения — точка зрения педантов, цепляющихся за устарелые теории, преграждала путь новым знаниям на протяжении всей истории. Я готов доказать мой метод с помощью эксперимента и как Галилей в суде сказать: «И все-таки она вертится!». Я раньше уже предлагал такое доказательство этому обществу самозванных экспертов, но они его отвергли. Я возвращаюсь к моему предложению: я измерю протяженность жизни членов Академии Наук, а они пусть назначат комиссию для проверки результатов. Я запечатаю мои прогнозы в две серии конвертов. В первой серии снаружи будет проставлена фамилия, внутри — записка с датой смерти. В другой серии фамилии я запечатаю внутри, а снаружи напишу даты. Пусть комиссия запрет конверты в сейф, а затем время от времени собирается и вскрывает соответствующие конверты. В такой большой организации вероятность чьих-то близких смертей очень велика — если верить статистикам «Объединенного страхования», примерно по одной каждую неделю или по две. Таким способом они быстро получат достаточно данных, доказывающих, будто Пинеро лжец или наоборот.

Он умолк и выпятил грудь так, что она почти сравнялась с его брюшком. Устремив свирепый взгляд на потеющих ученых, он спросил:

— Ну?

Судья поднял брови и перехватил взгляд мистера Уимса.

— Вы согласны?

— Ваша милость, я считаю, что это предложение противоречит всем...

— Предупреждаю, — перебил его судья, — я откажу вам в иске, если вы не примете этот способ выяснения истины или не предложите другой, столь же практичный.

Уимс открыл было рот, передумал, скользнул взглядом по лицам ученых экспертов и посмотрел на судью.

— Мы согласны, ваша милость.

— Очень хорошо. О частностях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, и никаких помех доктору Пинеро в его деловой деятельности чиниться не должно. Решение по иску о наложении постоянного запрещения будет рассматриваться после получения достаточных данных. Но прежде, чем мы кончим, я хотел бы высказать некоторые соображения о теории, которую вы, мистер Уимс, подразумевали, требуя возмещения ущерба, нанесенного вашему клиенту. В последнее время у некоторых групп в нашей стране сложилось мнение, что человек или корпорация, получая прибыль на протяжении ряда лет, тем самым приобретает на нее особое право, а правительство и суды обязаны гарантировать им эту прибыль в будущем, даже когда обстоятельства меняются, и вопреки интересам общества. Эта странная доктрина не имеет никакой опоры ни в гражданском, ни в уголовном законодательстве. Ни отдельные лица, ни корпорации не имеют ни малейшего права являться в суд и просить, чтобы часы истории были остановлены или стрелки их переведены назад.

— Уимс,— раздраженно пробурчал Бидуэлл,— если вы не способны придумать ничего лучше, «Объединенному страхованию» придется поискать нового юрисконсульта. Прошло уже два с половиной месяца с тех пор, как вы сели на суде в лужу, и этот чертов коротышка гребет деньги лопатой. А все страховые общества в стране разоряются. Хостонс, какие мы несем убытки?

— Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Положение с каждым днем ухудшается. На этой неделе мы выплатили тринадцать больших страховых сумм — и все полисы были взяты уже после того, как Пинеро начал делать свои предсказания.

В разговор вступил невысокий сухопарый человек.

— Послушайте, Бидуэлл, мы в «Юнайтеде» страхуем только после того, как удостоверяемся, что новый клиент не обращался к Пинеро. Неужели мы не можем подождать, пока ученые его не изобличат?

— Чертов оптимист! — проскрипел Бидуэлл.— Они его не изобличат. Неужели вы не можете посмотреть правде в глаза? Этот жирненький мерзавец нашел что-то настоящее. Я не знаю, что и как, но это бой до побед-

ного конца. Если мы будем медлить, то уже проиграли.— Он швырнул сигару в пепельницу и злобно зажевал новую.— Убирайтесь отсюда, все убирайтесь! Я возьмусь за это по-своему. И вы тоже, Олдридж. «Юнайтед» может подождать, но мы не станем.

Уимс тревожно кашлянул.

— Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем что-нибудь кардинально менять?

Бидуэлл буркнул что-то невнятное. Они потянулись гуськом вон из комнаты. Когда дверь за ними закрылась, Бидуэлл нажал кнопку селектора:

— Давайте его сюда.

Дверь окрылась. На пороге возник щуплый щеголеватый человек. Маленькие темные глаза быстро скользнули по комнате, и только тогда он закрыл за собой дверь. Быстрой бесшумной походкой он подошел к Бидуэллу. Лицо его оставалось неподвижным — на нем жили только глаза, глаза настороженного зверя. Он сказал ровным, ничего не выражающим голосом:

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да.

— Что вы предлагаете?

— Садитесь, и мы поговорим.

Пинеро встретил молодую пару в дверях кабинета.

— Входите, милые мои, входите. Садитесь. Располагайтесь, как дома. А теперь объясните мне, зачем вам понадобился Пинеро? Ведь вряд ли таких молодых людей тревожит последняя поверка?

На приятном лице молодого человека появилось смущение.

— Видите ли, доктор Пинеро, я Эд Хартли, а это Бетти, моя жена. У нас будет... то есть Бетти ожидает... ну и вот...

Пинеро ласково улыбнулся.

— Понимаю, понимаю. Вы хотите узнать срок своей жизни, чтобы как можно лучше обеспечить своего ребенка. Очень разумно. Вам нужен прогноз для обоих или только для вас?

— Лучше бы для обоих,— ответила молодая женщина.

Пинеро просиял еще более ласковой улыбкой.

— Вот и хорошо. Я вполне с вами согласен. Правда, в подобное время наш прогноз сопряжен с некоторыми трудностями, но кое-что я вам смогу сказать и сейчас. А теперь, дорогие мои, пойдемте в лабораторию и начнем.

Он позвонил, чтобы принесли карты, затем проводил их к себе в мастерскую.

— Первой, пожалуйста, миссис Хартли. Будьте так добры, пройдите за ширму, снимите туфли и платье.

Он отвернулся к аппарату и поиграл ручками настройки. Эд кивнул жене, она зашла за ширму и почти тотчас появилась из-за нее в одной комбинации. Пинеро поднял глаза.

— Вот сюда, моя милая. Сначала нам надо взвеситься. Ну, вот так. А теперь сядьте вот сюда, зажмите электрод в зубах. Нет-нет, вы не должны к нему прикасаться, пока он под током. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под козырек, и стрелки на циферблатах запрыгали. Очень быстро он выпрямился с встревоженным видом.

— Эд, вы брали ее за руку?

— Нет, доктор.

Пинеро снова нырнул под козырек и оставался там заметно дольше. Затем велел молодой женщине одеться и повернулся к ее мужу.

— Эд, раздевайтесь.

— А что вы установили для Бетти, доктор?

— Кое-что неясно. Я хочу сначала проверить вас.

Когда он вышел из-за аппарата на этот раз, лицо его стало еще более тревожным. Эд спросил, в чем дело. Пинеро пожал плечами и раздвинул губы в улыбке.

— Ничего, что имело бы отношение к вам, дорогой. Легкие неполадки, но сегодня я не смогу дать вам ваши прогнозы. Мне нужно проверить аппарат. Вы не могли бы прийти завтра?

— Да, конечно. Послушайте, а что с аппаратом? Надеюсь, ничего серьезного?

— Я уверен, что пустяки. Пойдемте назад в кабинет, посидим, поболтаем.

— Спасибо, доктор, вы очень любезны.

— Но, Эд, меня ведь ждет Эллен.

Пинеро повернулся к ней, вкладывая в свои слова всю силу своей личности.

— Но, может, вы подарите мне несколько минут, дорогая моя? Я стар и очень люблю общество молодых людей. А мне так редко выпадает такое удовольствие. Ну, пожалуйста.

С мягкой настойчивостью он повел их в кабинет и усадил. После чего распорядился, чтобы принесли лимонад и пирожные, предложил им сигареты и закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд все еще слушал его как завороженный, но Бетти явно нервничала и посматривала на дверь. Когда доктор на мгновение прервал историю о своих приключениях в молодости на Огненной Земле и закурил сигару, она вскочила на ноги.

— Доктор, нам, правда, пора. Остальное вы нам расскажете завтра, хорошо?

— Завтра? Завтра на это не будет времени.

— Но у вас же и сегодня на это времени нет. Ваша секретарша звонила уже пять раз.

— Ну, уделите мне еще хоть несколько минут.

— Сегодня я правда не могу, доктор. Я договорилась. Меня ждут.

— И вас никак нельзя переубедить?

— Боюсь, что нет. Идем, Эд.

Когда они скрылись за дверью, доктор подошел к окну, глядя на расстилающийся внизу город. Вскоре он увидел, как из дверей здания появились две крохотные фигурки. Он следил, как они торопливо пошли к углу, подождали зеленого света и начали переходить улицу. Внезапно раздался вой сирены, фигурки заколебались, пошли было назад, остановились, повернулись. И тут на них налетела машина. Когда машина с визгом затормозила, между ее колес виднелись уже не две человеческие фигуры, а словно беспорядочный ворох одежды.

Через минуту доктор отошел от окна, взял телефонную трубку и сказал секретарше:

— Отмените сегодняшний прием... Нет... Никого... Мне все равно. Отмените.

Потом он опустился в кресло. Сигара погасла. Уже давно стемнело, а он все еще сжимал ее в зубах. Погасшую.

Пинеро сел за стол и оглядел роскошный обед. Он заказал его с особой тщательностью и вернулся домой пораньше, чтобы сполна им насладиться.

Некоторое время спустя он проглотил глоток «фиори д'Альпини»: густой душистый ликер наполнил его рот теплотой, и ему вспомнились маленькие горные цветы, давшие название этому напитку. Он вздохнул. Обед был отличный, изысканный и стоил того, чтобы запить его таким редким ликером.

В прихожей послышался какой-то шум. Его пожилая служанка что-то настойчиво говорила. Ее перебил хриплый бас. Шум приближался, дверь столовой распахнулась.

— Mia Madona! Non si puo entrare! * Хозяин кушает.

— Ничего, Анжела. У меня есть время поговорить с этими джентльменами. А вы идите.

Пинеро повернулся к стоящему впереди угрюмому детине.

— У вас ко мне дело, так?

— А вы что думали? Приличные люди не хотят больше терпеть ваши чертовы враки.

— Итак?

Детина не ответил. Из-за его спины появился щуплый щеголеватый субъект и встал перед Пинеро.

— Ну, что же, начнем.— Председатель комиссии вставил ключ в замок и открыл сейф.— Уэнзел, вы не поможете мне отобрать сегодняшние конверты?

Его тронули за плечо.

— Доктор Бэрд, вас просят к телефону.

— Хорошо, принесите телефонный аппарат сюда.

Он взял трубку.

— Слушаю... Да, я... Что?.. Нет, мы ничего не слышали. Вы говорите, аппарат Пинеро уничтожен?.. Мертв!? Каким образом?.. Нет! Ничего по этому поводу я сказать не могу. Абсолютно ничего... Позвоните мне позже.

Он бросил трубку на рычаг и оттолкнул телефон.

— Что случилось?

— А теперь кто умер?

Бэрд поднял руку, требуя тишины.

— Успокойтесь, пожалуйста. Несколько минут назад Пинеро был убит у себя дома.

---

* Пресвятая Дева! Сюда нельзя! (итал.).

— Убит!

— Это еще не все. Примерно тогда же в его приемную ворвались хулиганы и разбили его аппарат вдребезги.

Некоторое время все молчали. Члены комиссии тревожно переглядывались. Никому не хотелось заговорить первым. Наконец кто-то пробормотал:

— Достаньте его.

— Что-что?

— Конверт Пинеро. Он там, я его видел.

Бэрд нашел конверт, медленно вскрыл его, развернул листок и прочел.

— Ну, да говорите же!

— Тринадцать часов тринадцать минут... сегодня.

Никто ничего не сказал.

Член комиссии, сидевший за столом напротив Бэрда, вдруг потянулся к сейфу, разряжая напряжение. Бэрд остановил его.

— Что вы хотите?

— Мой прогноз. Он там... Мы все там.

— Да-да.

— Мы все там.

— Раздайте их.

Бэрд положил обе ладони на сейф и молча посмотрел в глаза человека напротив. Он облизнул губы, уголок его рта задергался, по рукам пробежала дрожь. Но он молчал. Человек напротив опустился в свое кресло.

— Конечно, вы правы,— сказал он.

— Дайте-ка мне мусорную корзинку.— Бэрд говорил тихо, напряженно, но твердо.

Он взял жестяную корзинку, мусор высыпал на ковер, а корзинку поставил перед собой на столе. Потом разорвал с полдесяток конвертов, поджег их спичкой и бросил в корзину. Он рвал конверт за конвертом и бросал обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз у него побежали слезы. Кто-то встал и открыл окно. Когда Бэрд кончил, он оттолкнул корзинку, посмотрел на стол и сказал:

— Боюсь, я испортил этот стол.

ЛОГИКА ИМПЕРИИ *

— Не будь таким сентиментальным болваном, Сэм!

— Сентиментальный я или нет,— упорствовал Сэм,— но, когда я вижу рабство, я понимаю, что это — рабство. А на Венере царит самое настоящее рабство!

Хэмпфри Уингейт фыркнул.

— Просто смешно! Клиенты Компании — служащие, работающие по законным, добровольно заключенным контрактам.

Джонс удивленно поднял брови.

— В самом деле? Что же это за контракт, на основании которого человека бросают в тюрьму, если он уходит с работы?

— Неверно! Каждый рабочий имеет право уволиться после обычного двухнедельного предупреждения — уж мне ли не знать! Я...

— Да, да,— устало согласился Джонс.— Ты юрист. Тебе все известно насчет контрактов. Но дело в том, глупый ты человек, что все это — только юридическая видимость. Свободный контракт — великолепно! А то, о чем говорю я,— факты, а не казуистика. Мне безразлично, что написано в контракте, но фактически люди там — рабы!

Уингейт осушил свой бокал и поставил его на стол.

*© перевод на русский язык И. Ермашовой

— Так что я, по-твоему, круглый дурак? Ну, что же, я скажу тебе, Сэм Хоустон Джонс, кто ты такой: обыкновенный салонный болтун! Тебе никогда в жизни не приходилось зарабатывать на хлеб, и ты находишь просто ужасным, что другому приходится это делать. Нет, погоди минутку,— продолжал он, увидев, что Джонс порывается что-то сказать,— послушай меня. Клиенты Компании на Венере гораздо лучше устроены, чем большинство людей их класса здесь, на Земле. Им обеспечены работа, питание, жилье. Если они заболевают, им оказывается медицинская помощь. Но беда в том, что эти люди не хотят работать...

— А кто хочет работать?

— Не будь смешным. Если бы они не были связаны довольно жестким контрактом, ничто не помешало бы им бросить хорошую работу, как только она им надоест, и потребовать от Компании бесплатного проезда обратно на Землю. Так вот, хоть это и не приходит тебе в голову, в твою благородную, свободолюбивую, милосердную голову, но Компания имеет обязательства по отношению к своим акционерам — к тебе, в частности! — и не может позволить себе гонять туда и обратно межпланетный транспорт для людей, считающих, что мир обязан их содержать.

— Ты убил меня своим сарказмом, дружище,— проговорил Джонс, сделав грамасу.— Я стыжусь того, что я акционер.

— Тогда почему же ты не продашь свои акции?

На лице Джонса отразилось негодование.

— Какое же это разрешение вопроса? Ты думаешь, что, спустив свои акции, я могу снять с себя ответственность за то, что мне известно о Венере?

— Да ну их к черту! — воскликнул Уингейт.— Пей!

— Ладно,— согласился Джонс. Это был его первый вечер после возвращения из учебного полета в качестве офицера запаса; теперь надо было наверстывать упущенное.— Скверно,— подумал Уингейт,— что этот полет привел его именно на Венеру...

«Вставайте! Вставайте! Поднимайтесь! Поднимайтесь, бездельники! Выкатывайтесь отсюда! Пошевеливайтесь!»

Уингейту показалось, что этот хриплый голос пропиливает насквозь его больную голову. Едва он открыл

глаза, как его ослепил резкий свет, и он тут же зажмурился, но голос не собирался оставлять его в покое: «Десять минут до завтрака,— дребезжал он.— Идите, получайте свой завтрак, не то мы его выкинем!»

Уингейт опять открыл глаза и, напрягая всю силу воли, заставил себя поглядеть вокруг. На уровне его глаз двигались ноги, большей частью в обмотках, хотя некоторые босые — то была отталкивающая, обросшая волосами нагота. Неразбериха мужских голосов, в которой он мог уловить отдельные слова, но не фразы, сопровождалась неотвязным аккомпанементом металлических звуков, приглушенных, но проникающих повсюду: шррг, шррг, бомм! Шррг, шррг, бом! Каждое такое «бом» ударяло по его трещавшей от боли голове. Но еще сильнее бил по нервам другой шум — беззвучное жужжание и шипение; он не мог определить, откуда идет этот шум.

Воздух был насыщен запахом человеческих тел, скученных на слишком тесном пространстве. Запах не был настолько отчетлив, чтобы назвать его зловонием, и в воздухе было достаточно кислорода. В помещении ощущался теплый, слегка отдающий мускусом запах тел, все еще согретых постелью,— не грязных, но и не свежевымытых. Это было угнетающе и неаппетитно, а в его нынешнем состоянии почти тошнотворно.

Уингейт мало-помалу начал осматриваться: он находился в каком-то помещении, тесно уставленном койками. Оно было полно народу — мужчин, которые вставали, шлепали ногами по полу, одевались. Уингейт лежал на нижней, первой из четырех узких коек, громоздившихся у стены. Сквозь просветы между ног, двигавшихся мимо его лица, он мог видеть такие же этажи коек вдоль стен, от пола до потолка. Кто-то присел на край койки и, натягивая носки, прижался широкой спиной к его ногам. Уингейт подтянул ноги. Незнакомец повернул к нему лицо.

— Я толкнул вас, голубок? Извините.— Затем добродушно добавил: «Лучше выматывайтесь отсюда. Жандарм будет орать, чтобы все койки были подняты.» Он широко зевнул и встал, уже позабыв об Уингейте и его делах.

— Погодите минутку! — быстро окликнул его Уингейт.

— А?

— Где я? В тюрьме?

Незнакомец с беззлобным интересом пристально посмотрел на залитые кровью глаза Уингейта, на его отекшее, неумытое лицо.

— Эх, парень-парень, вы, видно, здорово влопались, пропив свои подъемные!

— Подъемные? О чем вы, черт возьми, толкуете?

— Вот еще, господи! Вы что, не знаете, где находитесь?

— Нет.

— Да ведь...— у него, казалось, не было большой охоты говорить о вещах, само собой разумеющихся, однако по лицу Уингейта видно было, что тот действительно ничего не знает.— Что ж, вы на «Вечерней Звезде» летите на Венеру.

Несколько минут спустя незнакомец тронул его за рукав.

— Не огорчайтесь так, голубок. Право же, не стоит так волноваться.

Уингейт отнял руки от лица и прижал их к вискам.

— Не может быть,— сказал он, обращаясь больше к себе, чем к кому-либо другому,— не может быть...

— Да бросьте! Пойдемте, возьмете свой завтрак.

— Я не хочу есть.

— Пустяки. Я понимаю, что с вами происходит... Со мной тоже так бывало. Все же поесть надо.

Подошедший жандарм разрешил спор, ткнув Уингейта дубинкой в бок.

— Что здесь, по-вашему, лазарет или салон первого класса? Поднимите-ка койки на крюки!

— Потише, начальник,— примирительно сказал новый знакомый Уингейта,— нашему приятелю сегодня не по себе.

Он одной рукой стащил Уингейта с койки и поставил на ноги, а другой поднял койку вверх, плотно прижав ее к стене; крюки щелкнули, и койка закрепилась вдоль стены.

— Ему будет еще больше не по себе, если он вздумает нарушать заведенный порядок,— предупредил унтер-офицер и прошел дальше.

Уингейт неподвижно стоял босиком на плитах холодного пола; его охватило ощущение беспомощности

и нерешительности, которое усиливалось оттого, что он был в одном нижнем белье. Его покровитель внимательно разглядывал эту жалкую фигуру.

— Вы забыли свой мешок. Вот...— Он просунул руку в углубление между нижней койкой и стеной и вытащил оттуда плоский пакет из прозрачной пластмассы. Сломав печать, он вынул содержимое — рабочий комбинезон из грубой бумажной ткани. Благодарный Уингейт надел его.— После завтрака добейтесь у надсмотрщика пары башмаков,— добавил его новый друг.— А сейчас нам надо поесть.

Когда они подходили к камбузу, последний из очереди как раз отошел от окошка, и оно захлопнулось. Товарищ Уингейта застучал в него кулаком:

— Откройте!

Окошко с шумом распахнулось.

— Добавок нет! — изрекла появившаяся в просвете физиономия.

Незнакомец просунул в окошко руку, чтобы оно снова не захлопнулось.

— Мы не хотим добавки, друг,— сказал он,— мы еще не начинали.

— Почему же вы, черт подери, не можете являться вовремя? — заворчал человек в камбузе. Все же он кинул на широкий подоконник два порционных пакета. Рослый товарищ Уингейта передал ему пакет и присел прямо на полу, прислоняясь спиной к переборке камбуза.

— Как вас зовут, голубок? — спросил он, раскрывая свой картонный пакет.— Меня — Хартли, Сэтчел Хартли.

— А меня Хэмпфри Уингейт.

— Ладно, Хэмп. Рад с вами познакомиться. Так вот, что это за спектакль вы мне тут устроили? — Он подхватил ложкой огромный кусок яичницы и отпил глоток сладкого кофе из уголка бумажного пакетика.

— Да меня, наверно, напоили и втащили на корабль,— сказал Уингейт, и лицо его исказилось от тревоги. Он попытался выпить кофе, подражая Хартли, но коричневая жидкость вылилась ему на лицо.

— Эй, это не дело! — воскликнул Хартли.— Суньте уголок в рот и не нажимайте, а только сосите. Вот так! — Он продемонстрировал свой метод.— Ваша теория

звучит для меня не очень убедительно. Компании не приходится вербовать людей обманным путем, когда целые толпы ждут очереди, чтобы завербоваться. Что же случилось? Вы не можете вспомнить?

Уингейт попытался это сделать.

— Последнее, что я помню,— проговорил он,— это инцидент с пилотом из-за проездной платы.

Хартли кивнул.

— Они всегда мошенничают. Вы полагаете, он вас оглушил?

— Ну, нет... вряд ли. Я как будто чувствую себя недурно, если бы не проклятое похмелье...

— Пройдет. Можете быть довольны, что «Вечерняя Звезда» — корабль с большой силой тяжести, а не траекторная штука. А то бы вы были по-настоящему больны, уж поверьте мне.

— Что это значит?

— А то, что на этом корабле регулируют скорость полета. Им приходится это делать, потому что это пассажирский корабль. Если бы нас послали на транспортном, было бы совсем другое дело. Вами просто-напросто выстреливают, и вы летите по траектории без тяжести весь остальной путь. Вот там новичкам достается! — Он ухмыльнулся.

Уингейт был не в состоянии распространяться насчет каких-нибудь других тяжких испытаний, кроме тех, что выпали на его долю в данный момент.

— Совершенно не могу себе представить, как я сюда попал,— повторил он.— Вы не думаете, что они могли втащить меня на борт по ошибке, принимая за кого-то другого?

— Не могу сказать. Послушайте, вы не собираетесь кончать свой завтрак?

— Мне хватит.

Хартли воспринял эти слова как приглашение и быстро управился с порцией Уингейта. Потом он встал, скомкал оба картонных пакета и, бросив их в мусоропровод, сказал:

— Что же вы теперь намерены делать?

— Что я намерен делать? — На лице Уингейта появилось выражение решимости.— Я собираюсь отправиться прямо к капитану и потребовать у него объяснений — вот что я намерен делать!

— Я действовал бы осторожнее, Хэмп,— заметил Хартли с сомнением в голосе.

— К черту осторожность!— Уингейт быстро вскочил.— Ох, моя голова!

Чтобы отделаться от лишних хлопот, жандарм направил его к своему начальнику. Хартли ждал вместе с Уингейтом за дверью каюты, чтобы составить ему компанию.

— Вы постарайтесь уладить дело как можно скорее,— посоветовал он.

— Почему?

— Мы через несколько минут остановимся на Луне, чтобы запастись горючим. Эта остановка будет вашим последним шансом выбраться отсюда, если вы, конечно, не захотите идти обратно пешком.

— Я не подумал об этом,— обрадовался Уингейт.— Я считал, что мне при всех условиях придется проделать весь круговой рейс.

— Это было бы вполне возможно; но вы через одну-две недели могли бы захватить на Луне «Утреннюю Звезду». Если они допустили ошибку, им придется вернуть вас обратно на Землю.

— Это уж я устрою,— с воодушевлением сказал Уингейт.— Я пойду в Луна-Сити прямо в банк и поручу снестись с моим банком, чтобы получить аккредитив и купить билет на рейс Луна — Земля.

В обращении Хартли произошла еле уловимая перемена. Он никогда в жизни не получал в банке аккредитива. Может быть, такому человеку действительно достаточно пойти к капитану, чтобы добиться своего!

Жандармский офицер слушал историю Уингейта с явным нетерпением и скоро прервал его, чтобы просмотреть список эмигрантов. Проведя пальцем по всему списку до буквы «У», он указал на соответствующую строчку. Уингейт прочитал ее, чувствуя, как у него холодеет сердце. Тут стояло его имя, правильно написанное.

— А теперь уходите,— приказал офицер,— и не отнимайте у меня времени.

Но Уингейт был тверд.

— Этот вопрос не подлежит вашей компетенции, отнюдь нет. Я требую, чтобы вы провели меня к капитану.

— Да вы...— Один момент Уингейту казалось, что этот человек его ударит. Он решил предостеречь его.

— Будьте осторожны. Вы, видно, являетесь жертвой непреднамеренной ошибки, но перед законом ваша позиция будет весьма шаткой, если вы будете игнорировать статьи космического права, на основании которого этот корабль лицензирован. Не думаю, чтобы ваш капитан очень обрадовался, если ему придется давать объяснения по поводу ваших действий в федеральном суде.

Было ясно, что он разозлил этого полицейского. Но человек не становится старшим жандармом, если он подвергает риску своих начальников. По лицу офицера заходили желваки, но он молча нажал кнопку. Появился младший жандарм.

— Проводите этого человека к администратору.— Он повернулся спиной к Уингейту в знак того, что аудиенция окончена, и стал набирать номер по внутреннему телефону.

Уингейта быстро пропустили к администратору, который одновременно являлся коммерческим агентом Компании.

— Что произошло?—спросил администратор.— Если у вас есть жалоба, почему вы не можете подать ее в обычном порядке на утреннем приеме?

Уингейт объяснил свое дело насколько мог ясно и убедительно.

— Итак,—сказал он в заключение,— я хочу, чтобы меня высадили в Луна-Сити. У меня нет никакой охоты доставлять Компании какие-либо неприятности из-за того, что, несомненно, явилось следствием моей собственной непредумышленной ошибки. Тем более — я вынужден это признать — возлияния в этот вечер были довольно обильны, и, возможно, в какой-то степени я сам был виной недоразумения.

Рассеянно выслушавший его администратор ничего не ответил. Он стал рыться в возвышавшейся на одном конце стола груде папок, вынул одну и раскрыл. Перед ним лежала пачка официальных бумаг стандартного размера, скрепленных в верхнем углу. Несколько минут он внимательно изучал их. Уингейт ждал. Астматическое дыхание администратора с шумом вырывалось из его легких, и он то и дело постукивал ногтями по зу-

бам. Уингейт сказал себе, что, если этот человек еще хоть раз протянет руку ко рту, он, Уингейт, завопит и начнет швырять вещи на пол. В это момент администратор бросил ему через стол папку.

— Взгляните сюда,— сказал он.

Уингейт увидел, что одна из бумаг — это контракт между Хэмпфри Уингейтом и Компанией по эксплуатации Венеры сроком на шесть лет, оформленный по всем правилам.

— Это ваша подпись? — спросил администратор.

Профессиональная осторожность Уингейта сослужила ему хорошую службу. Желая выиграть время, он тщательно изучал подпись и старался овладеть собой.

— Что ж,— сказал он наконец.— Я согласен, что эта подпись очень похожа на мою, но я не признаю, что это — моя подпись. Я не графолог.

У администратора вырвался жест досады.

— У меня нет времени препираться с вами. Давайте проверим отпечаток пальца. Вот! — Он кинул через стол полоску бумаги для оттиска. Уингейт хотел было воспользоваться своим законным правом и отказаться.. нет, это ему только повредило бы. Терять было нечего — на контракте не могло быть отпечатка его пальца. Если только не...

Но все было именно так. Даже своим неопытным глозом он видел, что оба оттиска тождественны. Он поборол охватившую его панику. Может быть, все это кошмар, вызванный его вчерашним спором с Джонсом? А если не кошмар, а явь, то не мистификация ли это, которую он должен раскрыть... Но людей его класса не мистифицируют; вся эта история слишком смехотворна. Он осторожно подбирал слова:

— Я не хочу оспаривать вашу позицию, мой дорогой сэр. Некоторым образом мы оба, вы и я, стали жертвой достойной сожаления шутки. Вряд ли приходится доказывать, что у человека в бессознательном состоянии, в каком я, очевидно, вчера находился, могли взять оттиск пальца без его ведома. С первого взгляда контракт действителен, и я, конечно, признаю вашу добросовестность в этом деле. Но фактически у документа не хватает одного необходимого для всякого контракта элемента.

— Какого?

— Намерения обеих сторон войти в договорные отношения. Невзирая на подпись и оттиск пальца, фактом является то, что у меня не было намерения заключить договор, и это легко может быть доказано другими фактами. Я преуспевающий адвокат с хорошей практикой, как покажут уплачиваемые мною налоги. Бессмысленно предполагать — и ни один суд этому не поверит,— что я добровольно отказался от моей привычной жизни ради шести лет работы по контракту со значительно меньшим доходом.

— Ах, так, значит, вы адвокат? А вы уверены, что это так? Почему в таком случае вы выдаете себя здесь за радиотехника?

При этой неожиданной фланговой атаке Уингейтом снова овладела паника. Он в самом деле был специалистом по радио — это была его страсть в часы досуга,— но как они это узнали? «Молчи! — сказал он себе.— Не признавай ничего!»

— Все это вздор,— запротестовал он.— Я требую, чтобы меня пропустили к капитану! Я могу расторгнуть этот договор в течение десяти минут!

Администратор немного выждал, прежде чем ответить.

— Вы кончили?

— Да.

— Очень хорошо. Теперь буду говорить я. Послушайте меня, господин космический адвокат. Проект этого контракта составлен одним из хитрейших юридических умов на двух планетах. При этом особенно учитывалось, что контракты будут подписывать лодыри, которые сначала пропьют свои подъмные, а затем решат, что вовсе не желают работать на Венере. Этот контракт предупреждает всякие возможные протесты, и он так хорошо продуман, что его не расторгнет сам дьявол. Ваши басни уличного адвоката вы в данном случае рассказываете тоже не дурачку; вы говорите с человеком, который знает юридически, на каком он свете. А насчет свидания с капитаном, если вы думаете, что командиру такого корабля больше нечего делать, как слушать горячечный бред самозванного профессионального болтуна, то вы очень ошибаетесь! Возвращайтесь-ка в ваше помещение!

Уингейт хотел что-то сказать, но потом раздумал

и повернулся, чтобы идти. Ему нужно было поразмыслить обо всем этом. Администратор остановил его.

— Постойте. Вот копия вашего контракта.— Он кинул бумаги, и тонкие белые листы рассыпались по полу. Уингейт подобрал их и молча вышел.

Хартли ждал его в коридоре.

— Как дела, Хэмп?

— Неважно. Я не хочу об этом вспоминать. Мне надо подумать.

Не говоря ни слова, они возвращались той же дорогой, которой пришли, и вскоре подошли к трапу, который вел на нижние палубы космического корабля. В этот момент с него спустился какой-то человек. Уингейт отметил это без всякого интереса.

Потом он еще раз поднял глаза. Внезапно нелепые события этого дня сплелись в единую цепь, и он, обрадованный, закричал:

— Сэм! Ах ты, старый пьянчуга! Я должен был догадаться, что это твоя проделка!

Все теперь было ясно. Сэм инсценировал все это похищение и, напоив Хэмпфри, отправил его в полет. Шкипер был, вероятно, его приятель — какой-нибудь офицер запаса. И они вдвоем состряпали это дело. Разумеется, то была грубая шутка, но он был слишком счастлив, чтобы сердиться. Джонс все равно заплатит ему за свои штуки — как-нибудь на обратном пути из Луна-Сити!

Тут только он заметил, что Джонс оставался серьезным.

Более того, он был одет в такой же синий комбинезон, какой был на завербованных рабочих.

— Хэмп,— сказал он,— ты все еще пьян?

— Я? Нет. В чем де...

— Неужели ты не понимаешь, что мы попали в переделку?

— Ах, черт, Сэм, шутка шуткой, но теперь уж хватит? Я понимаю, говорю тебе. Я не сержусь, это было здорово разыграно!

— Разыграно? — проговорил Джонс с горечью.— Или ты тоже меня разыгрывал, когда уговаривал завербоваться?

— Я уговаривал тебя завербоваться?

— Да, конечно. Ты был так чертовски уверен, что знаешь, о чем говоришь. Ты утверждал, что мы можем завербоваться, провести месяц или около того на Венере и вернуться домой. Ты хотел держать со мной пари, и вот мы поехали в доки и нанялись. Нам это показалось блестящей идеей — единственным способом разрешить наш спор.

Уингейт тихо свистнул.

— Будь я... Сэм! Я ни черта не помню. Я, должно быть, изрядно выпил, прежде чем потерял сознание.

— Да, очевидно, так. Жаль, что ты не потерял сознание раньше. Но я не виню тебя. Не насильно же ты меня тащил. Во всяком случае, я сейчас пойду, чтобы попытаться поправить дело.

— Погоди-ка, послушай раньше, что случилось со мной. Ах, да, Сэм, это Сэтчел Хартли. Хороший парень!

Хартли стоял рядом в нерешительном ожидании; он шагнул вперед и поздоровался.

Уингейт рассказал Джонсу обо всем и добавил:

— Так что, как видишь, тебе вряд ли окажут особенно радушный прием. Я, вероятно, уже все испортил. Но нам обязательно удастся расторгнуть контракт, как только мы сможем добиться разбора дела, если сошлемся на время заключения договора. Мы завербовались менее чем за двенадцать часов до отбытия корабля. Это противоречит Космическому предохранительному акту.

— Да, да, я понимаю. Луна находится в своей последней четверти; они, наверно, стартуют вскоре после полуночи, чтобы воспользоваться благоприятным положением Земли. Интересно, который был час, когда вы завербовались?

Уингейт достал копию своего контракта. Нотариальная печать указывала время одиннадцать часов тридцать две минуты.

— Слава богу! — крикнул он. — Я знал, что тут где-нибудь окажется ошибка. Контракт недействителен — сразу видно. Это докажет бортовой журнал.

Джонс внимательно изучал бумагу.

— Взгляни еще раз, — сказал он. — Печать показывает 11.32, а не 23.32.

— Но это невозможно, — запротестовал он.

— Да, конечно. Однако это — официальная отметка. Очевидно, их версия будет такова, что мы завербовались утром, нам выдали подъемные и мы устроили великолепный кутеж, после чего нас потащили на борт. Я как будто припоминаю, что у нас были хлопоты с вербовщиком, который не хотел нас нанимать. Возможно, мы уговорили его, отдав ему свои подъемные.

— Но ведь мы нанимались не утром. Это неправда, и я могу это доказать!

— Разумеется, ты можешь это доказать, но как ты можешь это доказать прежде, чем вернешься на Землю?

— Вот таково положение,— заключил Джонс после нескольких минут довольно бесплодной дискуссии.— Нет никакого смысла пытаться расторгнуть наши контракты, во всяком случае здесь: нас просто высмеют. Единственное, что остается,— это сделать попытку столковаться при помощи денег. Только таким образом нам, мне кажется, удастся выбраться отсюда в Луна-Сити — внести деньги в банк Компании, и к тому же много денег!

— Сколько?

— Тысяч двадцать по меньшей мере...

— Но это несправедливо!

— Перестань, пожалуйста, толковать о справедливости. Неужели ты не можешь понять, что мы у них в руках? Тут не будет никакого судебного решения; куш должен быть достаточно велик, чтобы побудить второстепенного служащего Компании пойти на риск и сделать то, что не предусмотрено регламентом.

— Но я не могу найти такую сумму.

— Об этом не беспокойся. Я беру все на себя.

Уингейт хотел было возразить, но передумал. Бывают моменты, когда очень удобно иметь богатого друга.

— Я должен дать радиограмму сестре,— продолжал Джонс,— чтобы она все устроила.

— Почему сестре, а не вашей фирме?

— Потому что надо действовать быстро. Юристы, ведущие дела нашей семьи, всячески будут добиваться подтверждения. Они пошлют радиограмму капитану с запросом, действительно ли у него на борту находится Сэм Хоустон Джонс, а капитан ответит «нет», так как я завербовался под именем Сэм Джонс. У меня бы-

ла глупая мысль: как бы не попасть в «Новости по радио» и не повредить интересам семьи.

— Ты не можешь осуждать ваших юристов,— возразил Уингейт из чувства кастовой солидарности,— они распоряжаются чужими деньгами.

— Я не осуждаю их, но я хочу, чтобы были приняты срочные меры, а сестра сделает все. Она по тексту радиограммы поймет, что это я. Единственная трудность — добиться у администратора разрешения послать ее.

Джонс ушел, чтобы выполнить свое намерение. Хартли ждал вместе с Уингейтом — для компании, а также из понятного интереса к таким необычайным событиям. Когда Джонс наконец возвратился, его лицо отражало нескрываемую досаду. При взгляде на него Уингейтом внезапно овладело мрачное предчувствие.

— Тебе не удалось послать радиограмму? Он не разрешил?

— Нет, все-таки разрешил,— ответил Джонс,— но этот администратор... ну и крепкий же это орешек!

Даже без воя сирены Уингейт почувствовал бы, что они снижаются на Луна-Сити. Сила тяжести на поверхности Луны составляет всего одну шестую по сравнению с Землей, и это уменьшение немедленно сказалось на его расстроенном желудке. Хорошо еще, что он мало ел. Хартли и Джонс привыкли к космическому пространству и легко переносили такие изменения скорости. Странно, как мало сочувствия испытывают те, кто не подвержен космической болезни, к тем, кто от нее страдает. Трудно сказать, почему зрелище человека, мучимого рвотой, задыхающегося, со слезящимися глазами, извивающегося от боли в желудке, кажется чуть ли не забавным, но это так.

Ни у Хартли, ни у Джонса не было врожденного садизма, который так часто проявляется в подобных случаях,— как у того остряка, который предлагал солонину в качестве лекарства. Но сами они не страдали, и поэтому давно уже забыли о своем собственном мучительном опыте, когда они еще были новичками, и просто не в состоянии были понять, что Уингейт буквально переживает «судьбу горше смерти». Даже значительно горше, ибо мучение это длилось целую вечность, настолько искажено чувство времени у тех,

кто страдает от космической и морской болезни, а также (как я слышал) у курильщиков гашиша.

В действительности же остановка на Луне длилась менее четырех часов. Лишь к концу стоянки Уингейт овладел собой настолько, что у него снова возник интерес к радиограмме Джонса. К тому же Джонс заверил его, что в Луна-Сити он сможет провести время до отправки обратно на Землю в отеле, снабженном центрифугой.

Но ответ на радиограмму запаздывал. Джонс ожидал вестей от сестры по истечении часа — возможно, еще до того, как «Вечерняя Звезда» опустится в доках Луна-Сити. По мере того, как проходили часы, он стал получать из радиокаюты все менее дружелюбные ответы на свои вопросы. В семнадцатый раз обозленный техник резко предложил ему проваливать. Вслед за тем Джонс вдруг услышал предупредительный гудок к поднятию корабля; он вернулся и сообщил Уингейту, что его план, очевидно, рухнул.

— У нас, правда, еще в запасе десять минут, — произнес он с полной безнадежностью. — Если радиограмма придет до того, как нам дадут старт, капитан сможет высадить нас в последнюю минуту. Но похоже на то, что нет больше никаких шансов.

— Десять минут... — произнес Уингейт. — А мы не могли бы как-нибудь выбраться наружу и бежать?

Джонс, казалось, уже был доведен до белого каления.

— А тебе уже случалось когда-нибудь убегать в безвоздушном пространстве?

Во время перелета от Луна-Сити до Венеры Уингейт был слишком занят, чтобы мучиться от космической болезни. Он многому научился по части мытья уборных и проводил десять часов в день, совершенствуясь в своей новой профессии. Жандармы злопамятны.

Вскоре после того, как «Вечерняя Звезда» покинула Луна-Сити, она вышла за пределы, в которых возможна радиосвязь с Землей; оставалось только ждать прибытия в Адонис — порт Северной полярной колонии на Венере. Там Компания имела достаточно мощную радиостанцию, чтобы поддержать непрерывную связь

с Землей, за исключением шестидесяти дней прохождения Венеры по ту сторону Солнца и более короткого периода солнечных помех при ее прохождении между Землей и Солнцем.

— На Венере нас, наверно, будет ждать приказ об освобождении, — заверил Джонс Уингейта, — и мы тут же возвратимся с обратным рейсом «Вечерней Звезды», но уже в каюте первого класса. В самом худшем случае, нам придется ждать «Утреннюю Звезду». Это будет не так плохо; раз мне переведут деньги, мы сможем потратить их в Венеробурге.

— Ты, наверно, был там во время своего учебного полета, — спросил Уингейт, и в его голосе послышалось любопытство. Он не сибарит, но сенсационная репутация самого ужасного — или самого блестящего в зависимости от взглядов ценителя — увеселительного заведения на трех планетах была достаточно велика, чтобы поразить воображение даже наименее падкого на удовольствия человека.

— Нет, к сожалению! — возразил Джонс. — Я все время находился на досмотре корпуса корабля. Коекто из наших ребят туда ездил... Ну и ну! — Он тихо свистнул и покачал головой.

Но оказалось, что никто не ожидал их прибытия, не было и никакой радиограммы. Снова стояли они возле помещения связи, пока им грубо не приказали вернуться в свои помещения и готовиться к высадке, «и живее!»

— Увидимся в приемочном бараке, Хэмп! — были последние слова Джонса, и он убежал в свое помещение.

Жандарм, в распоряжении которого находились Хартли и Уингейт, выстроил своих подчиненых в нестройную колонну по два в ряд. Неприятно резкий металлический голос громкоговорителя передал приказ. Их повели по центральному проходу вниз, через все четыре палубы, к нижним пассажирским воротам. Они прошли через воздушную камеру и сошли с корабля, но не на открытый воздух Венеры, а в туннель из листового металла, ведущий в какое-то здание, которое находилось на расстоянии примерно пятидесяти ярдов.

Воздух в туннеле был едким — здесь распыляли обеззараживающие средства, но Уингейту он показался

свежим и живительным после спертого воздуха на корабле. При силе тяжести на поверхности Венеры, составляющей пять шестых земной силы тяжести, этого было достаточно, чтобы предотвратить тошноту и вызвать чувство легкости и силы; все это вместе вселяло в него неразумный оптимизм, создавало бодрое настроение.

Туннель вел в довольно просторное помещение без окон, но ярко и ровно освещенное из скрытого источника света. В нем не было никакой мебели.

— Команда, стой! — крикнул жандарм и передал бумаги худощавому, похожему на конторщика человеку, стоявшему у внутренней двери. Человек взглянул на бумаги, сосчитал людей, одну бумагу подписал, вернул ее унтер-офицеру, и тот ушел через туннель обратно на корабль.

Похожий на конторщика человек повернулся к иммигрантам. На нем, как заметил Уингейт, были надеты одни короткие трусы, не шире повязки, и все его тело, даже ноги, было покрыто сильным загаром.

— Ну, вот что, — сказал он мягким голосом, — скиньте одежду и бросьте ее в тот ящик! — Он указал на приспособление, вделанное в одну из стен.

— Зачем? — спросил Уингейт. Он сказал это без всякого вызова, но не сделал ни одного движения, чтобы повиноваться.

— Ну, ну, — обратился к нему конторщик, все еще мягко, но с ноткой раздражения в голосе. — Давайте не будем спорить. Это для вашей же безопасности. Мы не можем себе позволить импортировать болезни.

Уингейт сдержался, чтобы не ответить резко, и дернул молнию своего комбинезона. Несколько человек, ожидавших, чем кончится спор, последовали его примеру. Комбинезоны, башмаки, белье, носки — все было брошено в ящик.

— Следуйте за мной! — приказал их новый хозяин.

В следующем помещении их встретили четыре человека в резиновых перчатках, вооруженные электрическими ножницами. Началась стрижка. Уингейт снова хотел запротестовать, но решил, что игра не стоит свеч. Он лишь подумал: «Неужели и женщины вынуждены подвергаться таким жестким карантинным мерам? Как

это, должно быть, обидно — пожертвовать красивой копной волос, которую растили двадцать лет».

Затем их повели под душ. Завеса из теплой водяной пыли совершенно закрывала проход через комнату. Уингейт с удовольствием устремился к воде; с тех пор как он покинул Землю, ему впервые удалось сносно помыться. Было вдоволь жидкого зеленого мыла, и оно хорошо пенилось. Полдюжины служителей, одетых столь же скудно, как и их проводник, стояли у дальнего конца водяной стены и следили за тем, чтобы люди оставались под душем положенное время и хорошо помылись. В некоторых случаях они с этой целью делали весьма интимные замечания. У каждого служителя к поясу был прикреплен красный крест на белом поле, подтверждающий его официальное положение.

В коридоре Уингейт и остальные попали в поток горячего воздуха и быстро обсохли.

— Остановитесь! — Уингейт подчинился, и обратившийся к нему санитар со скучающим видом приложил к верхней части его руки тампон, от которого он почувствовал холод, затем поцарапал это место. — Это все, следуйте дальше! — Уингейт присоединился к очереди у одного из столов. То же самое было проделано с другой его рукой. К тому времени, когда он подошел к дальнему концу помещения, его руки были покрыты маленькими красными царапинами, более двадцати на каждой.

— Что все это значит? — спросил он последнего санитара, который сосчитал царапины и отметил его имя на листе.

— Анализы... чтобы установить вашу сопротивляемость и иммунитет.

— Сопротивляемость чему?

— Всему. Как земным болезням, так и здешним. Здешние — это по большей части грибковые заболевания. Проходите, вы задерживаете очередь!

Позднее Уингейт узнал об этом подробнее. Для того, чтобы житель Земли приспособился к условиям жизни на Венере, требовалось от двух до трех недель. Пока он не будет обладать иммунитетом против опасностей этой планеты, было бы просто смертельно подвергать свою кожу и особенно слизистые оболочки дей-

ствию прожорливых невидимых паразитов, которыми кишит поверхность Венеры.

Беспрестанная борьба за существование, которая повсюду является главным условием развития, на Венере особенно интенсивна. Это — следствие усиленного обмена веществ во влажных испарениях ее джунглей. Болезни, вызываемые на Земле патогенными микробами, были почти ликвидированы обычным бактериофагом. Здесь, на Венере, где болезни были почти те же, с некоторыми отличиями, тот же бактериофаг оказался способен на видоизменение, сделавшее его и здесь столь же сильно действующим средством. Но, кроме микробов, оставались еще голодные грибковые паразиты.

Представьте себе худшие из грибковых заболеваний кожи, которые вы когда-либо встречали, — стригущий лишай, чесотку, паршу, бластомикоз, споротрихоз. Добавьте к этому ваше представление о плесени, о влажной гнили, о питании гнилыми поганками. Затем представьте себе всех этих паразитов в их ускоренном движении: нарисуйте себе картину, как они кишат у вас прямо на глазах и атакуют вас — подмышки, глазные яблоки, мягкие влажные ткани вашего рта, как они устремляются в ваши легкие...

Первая экспедиция на Венеру целиком погибла. Со второй поехал врач, у которого было достаточно воображения, чтобы запастись довольно большим, как ему казалось, запасом салициловой кислоты и ртутного салицилата, а также маленьким ультрафиолетовым излучателем. Трое из участников этой экспедиции вернулись.

Но широкая колонизация требует приспособления к окружающей среде, изоляции от нее. Луна-Сити на первый взгляд может служить отрицанием этой аксиомы, но так только кажется. «Лунатики» всецело зависят от воздушного котла, вмещающего лишь пространство их герметически закупоренного города. Но Луна-Сити не является самоснабжающейся колонией. Это всего-навсего аванпост, обсерватория, место для разработки недр, станция для снабжения горючим.

Венера — колония. Колонисты дышат воздухом Венеры, едят ее продукты, подвергают свою кожу действию ее климата и себя — всем опасностям, таящимся

в ее природе. При этом обитатели Земли могут жить только в холодных полярный районах Венеры, где климат напоминает джунгли Амазонки в жаркий день, во время сезона дождей. Здесь они босиком шлепают по болотам, не избегая главных опасностей новой среды. К этому их и готовят.

Уингейт съел свой обед — удовлетворительную, но пресную и грубо сервированную пищу — и закусил кисло-сладкой дыней; он съел такую огромную порцию, что в чикагском ресторане за нее взяли бы столько же, сколько стоит хороший обед для средней семьи. Устроившись на ночь в отведенном ему месте, он попытался разыскать Сэма Хоустона Джонса, но не мог найти никаких его следов, и никто из завербованных не мог припомнить, чтобы его видели. Один из служащих карантина посоветовал Уингейту разузнать о своем друге у агента Компании. Уингейт так и сделал — в своей обаятельной манере, которой он умел пользоваться, имея дело с мелкими служащими.

— Приходите завтра утром. Будут вывешены списки.

— Благодарю вас, сэр. Извините, что потревожил вас, но я не могу найти моего друга и беспокоюсь, не заболел ли он или не случилось с ним что-нибудь. Не могли бы вы мне сказать, нет ли его в списке больных.

— Что ж... подождите минуту,— служащий стал водить пальцем по своим записям.— Хм... вы говорите, он был на «Вечерней Звезде»?

— Да, сэр.

— Нет, он не... Мм, нет... О да, вот он! Он здесь не сходил.

— Что вы сказали?

— Его отправили на «Вечерней Звезде» дальше, в Новый Оклэнд, Южный полюс. Он был нанят как помощник машиниста. Если бы вы мне это сказали, я бы сразу сообразил. Все рабочие-металлисты из этой партии посланы на новую Южную электростанцию.

Через минуту Уингейт достаточно овладел собой, чтобы произнести:

— Очень благодарен за вашу любезность.

— Ничего, пожалуйста.— Служащий отвернулся.

— Колония Южного полюса! — пробормотал Унигейт.— Колония Южного полюса...

Его единственный друг — на расстоянии двенадцати тысяч миль. Теперь Уингейт почувствовал себя совершенно одиноким — одиноким, обманутым, покинутым. За время, прошедшее между его пробуждением на борту корабля и встречей с Джонсом, у него не было возможности ясно оценить свое тяжелое положение. Он еще сохранял высокомерие светского человека, инстинктивное убеждение в том, что все это несерьезно: такие вещи просто не случаются с людьми, во всяком случае, с людьми известного круга.

Но с тех пор его человеческое достоинство было столько раз оскорблено и унижено (особенно постарался жандармский офицер), что он уже не был так уверен в том, что застрахован от несправедливости или произвола. Постриженный и вымытый помимо своей воли, лишенный своей одежды и облаченный в тропические рабочие штаны, увезенный на миллионы миль от своей привычной социальной среды, вынужденный подчиняться приказам людей, равнодушных к его чувствам и заявляющих свои права на его личность и поступки, и вот теперь отрезанный от общения с единственным человеком, на поддержку которого он мог рассчитывать, Уингейт понял, наконец, с отчетливостью, от которой похолодел, что с ним, с ним, Хэмпфри Бэнтоном Уингейтом, преуспевающим адвокатом и членом всех юридических клубов, теперь может случиться все, что угодно.

— Уингейт!

— Это вы, Джек? Продолжайте, не заставляйте их ждать!

Уингейта протолкнули в пролет двери, и он оказался в переполненном помещении. Более тридцати человек сидели у стен. У стола, рядом с дверью, сидел служащий, занятый своими бумагами. В центре, возле невысокой, ярко освещенной трибуны стоял человек с чрезвычайно бойкими манерами. Служащий у двери поднял глаза и бросил Уингейту:

— Поднимитесь туда, чтобы все могли вас видеть! — Он указал на трибуну.

Уингейт, мигая от яркого света, двинулся вперед и выполнил то, что ему велели.

— Контракт номер 482—23—06,— прочитал служащий,— клиент Хэмпфри Уингейт, шесть лет, радиотехник без свидетельства, разряд заработной платы шесть-Д, контракт представляется для найма.

Три недели понадобилось им, чтобы сделать его пригодным к работе. Три недели — и ни слова от Джонса. Он безропотно позволял проделывать над собой все опыты, а теперь должен был вступить в активный период своего принудительного труда. Затем заговорил бойкий человек.

— Ну вот, патроны, прошу. У вас есть человек, подающий исключительно большие надежды. Я едва решаюсь назвать вам, какие оценки он получил за свои способности, приспособляемость и общие знания. Скажу только, что администрация предлагает за него тысячу долларов. Но было бы неразумно использовать такого человека для обычной административной работы, когда мы так нуждаемся в хороших рабочих, чтобы вырывать богатства из дебрей и недр. Смею предсказать, что счастливый покупатель, который приобретет себе этого рабочего, уже через месяц поставит его производителем работ. Но осмотрите его сами, поговорите с ним и решайте!

Служащий что-то шепнул ему. Он кивнул и продолжал:

— Меня просят уведомить вас, джентльмены и патроны, что клиент сделал обычное законное предупреждение за две недели о своем увольнении, разумеется, если он покроет все расходы!

Он весело рассмеялся и многозначительно подмигнул, как будто за его замечанием крылась необыкновенно удачная шутка. Никто не обратил внимания на его сообщение, один лишь Уингейт с отвращением оценил характер остроты. Он предупредил о своем желании уволиться на другой же день после того, как узнал, что Джонс направлен в колонию Южного полюса. Но тут же обнаружил, что хотя теоретически он имел право уйти с работы, но фактически это лишь давало ему право умереть с голоду на Венере, если он не отработает свои подъемные и проезд в оба конца.

Несколько человек собрались вокруг трибуны

и внимательно его рассматривали, обсуждая его качества: «Не особенно мускулист...», «У меня нет особой охоты предлагать цену за этих щеголеватых молодчиков, они смутьяны...», «Да, но тупой не оправдывает своих харчей...», «Что он может делать? Пойду, погляжу его анкету...». Они направились к столу служащего и стали рассматривать результаты многочисленных анализов и исследований, которым подвергался Уингейт во время своего карантина. Только один субъект, с маленькими блестящими глазками, остался возле трибуны: он боком продвинулся к Уингейту, поставил одну ногу на подмостки, приблизил к нему свою физиономию и заговорил доверительным тоном:

— Меня не интересуют те дутые, рекламные листы, парень. Расскажите мне сами о себе.

— Тут нечего много рассказывать.

— Говорите смелее. Вам у меня понравится. Совсем как дома. Я бесплатно вожу своих парней в Венеробург. Есть у вас опыт в обращении с неграми?

— Нет.

— Ну, здешние туземцы, собственно, не негры, это только так говорится. У вас такой вид, словно вы умеете командовать бригадой. Был у вас такой опыт?

— Не особенно большой.

— Ладно... может быть, вы слишком скромны. Я люблю, когда человек держит язык за зубами. Я никогда не позволяю моему надсмотрщику применять плетку.

— Еще бы, — перебил его другой патрон, подойдя к трибуне, — это вы оставляете для себя, Ригсби!

— А вы не лезьте не в свое дело, Ван-Хайзен!

Ван-Хайзен, пожилой коренастый человек, не обратил на его слова никакого внимания и заговорил с Уингейтом:

— Вы предупредили о своем увольнении. Почему?

— Все это было ошибкой. Я был пьян.

— А пока будете вы честно работать?

Уингейт задумался.

— Да, — сказал он наконец.

Ван-Хайзен кивнул, тяжелой походкой отошел к своему стулу и осторожно опустил на него свое массивное тело, подтянув штаны, такие же, как у рабочих.

Когда все расселись, агент весело объявил:

— Ну, вот, джентльмены, если вы готовы, давайте послушаем первое предложение на этот контракт. Я был бы рад, если бы сам мог сделать на него заявку — на должность моего помощника, честное слово! Так вот... я не слышу предложений...

— Шестьсот!

— Прошу вас, патроны! Разве вы не слышали, что я упомянул о предложении на тысячу?

— Я не подумал, что вы сказали это серьезно. Он какой-то сонный.

Агент Компании поднял брови.

— Извините, мне придется попросить клиента сойти с трибуны.

Но, прежде чем Уингейт успел сойти, другой голос произнес:

— Тысяча!

— Ну, вот так-то лучше! — воскликнул агент.— Я должен был знать, что вы, джентльмены, не допустите, чтобы от вас ускользнула такая возможность. Но этого еще мало. Слышу ли я тысячу сто? Давайте, патроны, ведь не можете вы наживать свои богатства без клиентов! Слышу ли я...

— Тысяча сто!

— Тысяча сто от патрона Ригсби! Ну и дешевка это была бы — за такую цену! Сомневаюсь, однако, чтобы он вам достался. Слышу ли я тысячу двести?

Грузный коренастый человек поднял указательный палец.

— Тысяча двести от патрона Ван-Хайзена. Я вижу, что сделал ошибку и только отнимаю у вас время; интервалы должны быть не менее двухсот. Слышу ли я тысячу четыреста? Слышу ли я тысячу четыреста? Идет раз за тысячу двести... идет два...

— Тысяча четыреста! — бросил Ригсби мрачно.

— Тысяча семьсот! — сразу же добавил Ван-Хайзен.

— Тысяча восемьсот! — сердито отрезал Ригсби.

— Нет,— протянул агент.— Интервалы не менее двухсот! Прошу вас!

— Ладно, проклятье, тысяча девятьсот!

— Я слышу тысячу девятьсот. Эту цифру трудно написать. Кто даст две тысячи сто?

Ван-Хайзен снова поднял палец.

— Значит — две тысячи сто! Наживать деньги стоит денег! Что я слышу? Что я слышу? — Он сделал паузу. — Идет за две тясячи сто раз... идет за две тысячи сто два... Вы так легко отказываетесь, патрон Ригсби?

— Ван-Хайзен... — остальное было произнесено слишком невнятно, чтобы можно было разобрать.

— Еще один шанс, джентльмены! Идет... идет... Пошел! — Он громко хлопнул ладонями. — Продан Ван-Хайзену за две тысячи сто! Поздравляю, сэр, с удачной покупкой!

Уингейт пошел вслед за своим новым хозяином к дальней двери. В проходе их остановил Ригсби:

— Ладно, Ван, вы позабавились! Определяю ваши убытки в две тысячи.

— Прочь с дороги!

— Не будьте идиотом. Это — невыгодная сделка. Вы не умеете заставлять людей потеть, а я умею!

Ван-Хайзен, не слушая его, быстро прошел мимо. Уингейт последовал за ним в теплую зимнюю изморось, к стоянке, где параллельными рядами выстроились стальные «крокодилы». Ван-Хайзен остановился возле тридцатифутового «Ремингтона».

— Влезайте!

Длинный, похожий на ящик корпус амфибии был нагружен до самой ватерлинии запасами, приобретенными Ван-Хайзеном на базе. Растянувшись на брезенте, покрывавшем груз, лежало человек шесть. Один из них уставился на Уингейта, затем перемахнул через борт.

— Хэмп! О Хэмп!

Это был Хартли. Уингейт сам удивился радости, охватившей его при этой встрече. Он схватил руку Хартли и обменялся с ним обычными ласковыми ругательствами.

— Ребята! — крикнул Хартли, — познакомьтесь с Хэмпом Уингейтом. Это — замечательный малый. Хэмп, познакомьтесь с компанией. Вот Джимми — позади вас. Он крутит эту баранку. — Названный им парень весело кивнул Уингейту и, пройдя вперед, сел на место механика. По знаку Ван-Хайзена, втиснувшего свои телеса в маленькую кормовую кабину, он повернул руль, и «крокодил» пополз, шлепая по грязи и лязгая звеньями своих гусениц.

Трое из шести рабочих были старожилы, в том числе и Джимми. Они привезли с фермы на рынок продукты и теперь увозили закупленные припасы. Ван-Хайзен приобрел контракты еще на двух рабочих, кроме Уингейта и Сэтчела Хартли. Уингейт узнал этих людей, так как встречал их на «Вечерней Звезде» и в карантине. Они выглядели несколько удрученными, и Уингейту это было понятно. Но люди с фермы как будто чувствовали себя отлично. Они, очевидно, смотрели на поездку с грузом в город и обратно как на прогулку и лежали, непринужденно болтая и знакомясь с приезжими.

Нескромных вопросов они не задавали. Никто не расспрашивает вновь прибывшего на Венеру, кем он был до того, как попал на борт корабля, если он сам не заговорит об этом. Это не принято.

Как только они выбрались из предместья Адониса, машина скатилась по склону на пологий берег и тяжело шлепнулась в воду. Ван-Хайзен поднял окошко в перегородке, отделявшей кабину от трюма, и заорал:

— Дурак! Сколько раз я говорил тебе, спускайся на воду потихоньку!

— Извините, хозяин, я проглядел,— ответил Джимми.

— Ты не зевай, а то я найду себе другого механика! — и Ван-Хайзен захлопнул окошко.

Джимми оглянулся вокруг и подмигнул другим клиентам. Он был занят по горло; болото, которое они пересекали, выглядело как твердая почва — так густо оно поросло буйной растительностью. «Крокодил» теперь был на плаву, широкие звенья гусениц действовали, как гребные колеса. Клинообразный нос судна раздвигал в стороны кустарники и болотную траву, ломал и перемалывал деревца. По временам гусеницы врезались в тину грунта, и тогда «крокодил», переползая через отмель, снова превращался в сухопутный транспорт. Тонкие нервные руки Джимми твердо держали руль, он огибал большие деревья, но при этом выбирал самый краткий и прямой путь, внимательно следя за местностью и за судовым компасом.

Вскоре беседа стала затихать, и один из рабочих фермы затянул песню. У него был недурной тенор, мало-помалу к нему присоединились другие. Уингейт за-

метил, что и он, запоминая слова, подтягивает певцу. Они спели «Расчетную книжку» и «С тех пор, как надсмотрщик увидел мою кузину», затем грустную песенку под названием «Они нашли его в зарослях». Но потом последовала легкая песенка «Ночью, когда прекратился дождь» — бесконечная вереница строф, рассказывающих о различных и маловероятных событиях, происшедших по этому случаю («Заказал надсмотрщик круговую кружку...»)

За «Рыжую девчонку из Венеробурга» Джимми наградили аплодисментами. Все восторженно подхватили припев. Уингейт нашел эту песенку невозможно вульгарной. Однако у него не было времени задумываться над этим; теперь запели песню, которая вытеснила из его головы все предыдущие.

Ее начал тенор мягко и протяжно. Другие пели припев, пока запевала отдыхал, — все, кроме Уингейта; он сидел глубоко задумавшись. В трех стихах второго куплета вместо тенора пел хор.

Ты тиснул палец и подписал свое имя.
(Уходи, уходи!)
Тебе подъемные уплатят, а ты стыд заглуши.
(Будь проклят этот день, будь он проклят!)
Тебя на ферму пошлют на острове Эллис.
Ты увидишь, что стало с нашим братом, рабом на шесть лет.
Они не выплатили подъемных, и снова их запрягли!
(Чтоб остались тут, чтоб остались!)
Но я расплачусь и скоплю деньги на обратный путь!
(Ты так говоришь, ты так говоришь!)
И тогда я отправлюсь на Землю!
(Настанет тот день, настанет!)
О, мы все это слышали тысячу и один раз!
Мы не скажем и теперь: «Лжешь!» Мы хотели бы, чтоб так и случилось.
Но мы снова увидим тебя в Венеробурге, где ты платишь за свои удовольствия!
(Очень медленно) и никогда ты не выплатишь подъемных в этой петле!
(Уходи!)

Уингейт был подавлен. На него подействовала и песня, и тепловатый мелкий дождик, его угнетал непривлекательный ландшафт, низко нависший белый ту-

ман — то, что Венера неизменно предлагает вам вместо открытого неба. Он отодвинулся в дальний угол трюма и сидел один, пока Джимми не крикнул: «Свет впереди!»

Уингейт высунулся за борт и с любопытством посмотрел в направлении своего нового жилища.

Прошел месяц, а от Сэма Хоустона Джонса — ни слова! Венера уже повернулась один раз вокруг своей оси; за двухнедельной зимой последовало такое же короткое лето, ничем не отличающееся от зимы, только разве дождь лил немного сильнее, и было несколько жарче. Теперь снова наступила зима. На ферме Ван-Хайзена, расположенной вблизи полюса, как и на большей части обитаемой территории Венеры, никогда не наступала полная тьма. Слой облаков высотой в несколько миль смягчает свет солнца, низко нависающего над планетой в течение длинного дня, и умеряет жару. В течение двухнедельных периодов, называемых «ночью» и «зимой», рассеянный свет создает впечатление нескончаемых сумерек.

Месяц — и ни слова. Месяц — и ни солнца, ни луны, ни звезд, ни зари. Никогда здесь не бывает свежего, живительного дуновения утреннего ветерка, ни радостной игры лучей полуденного солнца, ни желанных вечерних теней — абсолютно ничего, чтобы отличить один знойный, удушливый час от другого. Одна только тяжелая монотонность сна, труда, еды и снова сна — ничего, кроме разрывающей сердце тоски по прохладному голубому небу далекой Земли.

Обычай требовал, чтобы новички ставили угощение старожилам. Уингейт заказал для надсмотрщика водки, называемой рира, и когда он в первый раз расписался в своей расчетной книжке, то обнаружил, что этот товарищеский жест стоил ему дополнительного четырехмесячного пребывания, прежде чем он законным образом сможет покинуть свою «работу». После этого он решил никогда больше не заказывать риры и отказался от короткого отпуска в Венеробург, поклявшись сберегать каждый грош, чтобы расплатиться за свои подъемные и проезд.

Но вскоре Уингейт понял, что рира, слабый алкогольный напиток, — это не порок, не роскошь, а необ-

ходимость. Для жизни человека на Венере она была так же нужна, как и ультрафиолетовые лучи, применяемые во всех осветительных системах колонии. Рира вызывала не опьянение, а душевную легкость, освобождение от тревог, и без этого напитка он не мог уснуть. Три ночи самобичевания и мучений, три дня он чувствовал себя изнуренным и ни на что не способным, ловя на себе суровый взгляд надсмотрщика, — и на четвертый день он вместе с другими заказал себе бутылку, с тупой болью сознавая, что цена этой бутылки еще раз наполовину сокращает его микроскопическое продвижение к свободе.

Уингейт не был допущен к работе на радиостанции: у Ван-Хайзена уже был радист. Хотя Уингейт и значился в списках как помощник радиста, его отправили на болото. Перечитывая свой контракт, он обнаружил пункт, предоставляющий его хозяину право так поступить.

Он отправился на болото. Вскоре он научился обольщением и запугиванием заставлять хрупкий туземный народец, существа-амфибии, собирать урожай луковиц подводных растений — венерианского гиацинта, болотных корнеплодов Венеры. Научился подкупом приобретать сотрудничество их старейшин, обещая им премии в виде «тигарек». Это был термин, обозначавший не только сигареты, но и вообще табак — единицу обмена в торговых сделках с туземцами.

Он работал также в сарае, где очищали луковицы, и научился, хотя медленно и неловко, срезать верхнюю пористую кожу с ядра луковицы размером в горошину. Только это ядро имело коммерческую ценность, и его следовало вынимать в целости, не повредив и не порезав. Руки Уингейта огрубели от сока, запах вызывал у него кашель и жег глаза, но это было приятнее, чем работать на топях, так как здесь он находился среди женщин. Женщины работали быстрее, чем мужчины, и их маленькие пальцы более умело очищали нежные ядра. Мужчины привлекались к этой работе только при обильном урожае, когда требовались дополнительные рабочие руки.

Уингейт научился своему новому ремеслу у работавшей в сарае старой женщины, по-матерински ласковой, которую другие женщины звали Хэйзл. Работая,

она ни на минуту не умолкала, а ее искривленные пальцы спокойно, без всякого напряжения делали свое дело. Уингейт закрывал глаза и представлял себе, что он вернулся на Землю, что он снова мальчик и слоняется на кухне у бабушки, в то время как она шелушит горох и что-то непрерывно рассказывает.

— Не выматывайся, парень, — сказала ему Хейзл, — делай свое дело, и пусть дьяволу будет стыдно, грядет великий день!

— Какой великий день, Хейзл?

— День, когда ангелы господни поднимутся и поразят силы зла. День, когда князь тьмы будет сброшен в преисподнюю и пророк приимет власть над детьми неба. Так что ты не тревожься; не важно, где ты будешь, когда придет Великий день, — важно только, чтобы на тебя снизошла благодать.

— А ты уверена, Хейзл, что мы доживем до этого дня?

Она оглянулась вокруг, затем с таинственным видом прошептала:

— Этот день почти уже наступил. Уже теперь пророк шествует по стране, собирая свои силы. Со светлой фермерской земли долины Миссисипи придет человек, известный в этом мире, — она зашептала еще тише, — под именем Нехемия Скэддер!

Уингейт надеялся, что ему удалось скрыть, как он поражен и как все это его рассмешило. Он вспомнил это имя. Какой-то пустозвон евангелист из лесной глуши, там, на Земле, — мелкое ничтожество, мишень для веселых шуток местных газетчиков!

К их скамье подошел надсмотрщик.

— Работайте, работайте, вы! Здорово отстаете!

Уингейт поспешил повиноваться, но Хэйзл пришла ему на помощь:

— Оставь его, Джо Томпсон. Требуется время, чтобы научиться этому делу.

— Ладно, мать, — ответил надсмотрщик с усмешкой, — ты заставляй его трудиться, слышишь!

— Хорошо, ты лучше позаботься о других. Эта скамья выполнит свою норму.

Уингейта лишили двухдневного заработка за порчу ядер. Хэйзл отдала ему тогда процент с общего заработка. Надсмотрщик это знал, но все ее любили, даже

надсмотрщики, а они, как известно, никого не любят, даже самих себя.

Уингейт стоял возле ворот огороженного участка, где находился барак для холостяков. Оставалось пятнадцать минут до вечерней переклички; он вышел; его влекло подсознательное стремление отделаться от боязни пространства — от болезни, владевшей им все время пребывания на Венере. Но ничто не помогало. Здесь некуда было выходить на «открытый воздух» — заросли заполняли всю расчищенную территорию; покрытое облаками свинцовое небо низко нависало над головой, и влажный зной давил обнаженную грудь. Все же здесь было лучше, чем в бараке, хоть там имелись влагопоглощающие установки.

Он еще не получил своей вечерней порции риры и поэтому был угнетен и расстроен. Однако сохранившееся еще у него чувство собственного достоинства позволяло ему хоть на несколько минут предаваться своим мыслям, прежде чем уступить веселящему наркотику. «Я погиб,— подумал он.— Еще через пару месяцев я буду пользоваться каждым случаем, чтобы попасть в Венеробург. Или еще хуже: сделаю заявку на жилье для семейного и обреку себя и своих малышей на вечное прозябание».

Когда Уингейт прибыл сюда, женщины-работницы со своим однообразным тупым умом и банальными лицами казались ему совершенно непривлекательными. Теперь он с ужасом обнаружил, что не был больше столь разборчив. Он даже начал лопотать, как другие, бессознательно подражая туземцам-амфибиям.

Он уже раньше заметил, что иммигрантов можно разделить примерно на две категории: одна — это дети природы, другая — надломленные. К первым относятся люди без воображения и умственно малоразвитые. Вероятно, они и там, на Земле, не знали ничего лучшего; жизнь в колониях казалась им не рабством, а свободой от ответственности: обеспеченное существование и возможность время от времени покутить. Другие — это изгои, те, кто некогда кем-то были, но из-за свойств своего характера или вследствие несчастного случая лишились места в обществе. Возможно, они

услышали от судьи: «Исполнение приговора будет приостановлено, если поедете в колонии».

Охваченный внезапной паникой, Уингейт понял, что теперь его собственное положение определяется почти так же и он становится одним из надломленных. Его жизнь на Земле рисовалась ему как в тумане; вот уже три дня он не мог заставить себя написать еще одно письмо Джонсу; он провел всю последнюю смену в размышлениях о том, не взять ли ему несколько дней отпуска для поездки в Венеробург. «Сознайся, мой милый, сознайся,— сказал он себе,— ты уже скользишь вниз, твой ум ищет успокоения в рабской психологии. Освобождение от своего бедственного положения ты полностью свалил на Джонса, но откуда ты знаешь, что он может тебе помочь? А вдруг его нет уже в живых?» Из глубин своей памяти он выловил фразу, которую когда-то вычитал у одного философа: «Раба никто не освободит, кроме него самого».

Ладно, ладно, возьми себя в руки, старина. Держись крепко. Больше ни капли риры! Хотя нет, это непрактично: человек не может не спать. Очень хорошо, тогда никакой риры до выключения света в бараке: сохрани ясный ум и по вечерам думай над планом освобождения. Держи ухо востро, узнавай все, что можешь, находи друзей и жди, когда подвернется случай.

Сквозь мрак он увидел приближавшуюся к воротам человеческую фигуру. Это была женщина. Одна из эмигранток? Нет. Это была Аннек Ван-Хайзен, дочь патрона.

Аннек была крепкая, рослая, белокурая девушка с печальными глазами. Он много раз видел, как она разглядывала рабочих, возвращающихся в свои бараки, или бродила в одиночестве на расчищенном от зарослей участке перед фермой. Аннек была не уродлива, но и не привлекательна, Чтобы украсить ее крупную фигуру, требовалось нечто большее, чем рабочие штаны, которые носили все колонисты, наиболее терпимую в этом климате одежду.

Аннек остановилась перед ним, дернула молнию мешочка, заменявшего ей карман, и вынула пачку сигарет.

— Я нашла их тут, рядом. Это вы, наверное, потеряли?

Он знал, что она лжет, она ничего не поднимала с того момента, как он увидел ее издали, и сорт сигарет был такой, какой курили на Земле; здесь их имели только патроны: ни один завербованный не мог их себе позволить. Что было у нее на уме?

Уингейт заметил, как она волнуется, как часто дышит, и со смущением понял, что эта девушка пытается сделать ему подарок. Почему?

Уингейт не был высокого мнения о своей внешности или обаянии, да и не имел для этого никаких оснований. Но он не понимал, что среди иммигрантов он выделялся, как павлин на птичьем дворе. Все же он должен был признать, что Аннек находила его приятным; не могло быть другого объяснения ее выдумке, ее трогательному маленькому подарку.

Первым движением Уингейта было резко ее осадить. Он ничего не хотел от нее и был возмущен этим вторжением в его уединение. Он сознавал также, что это может осложнить его положение, даже сделать его опасным. Нарушение местных обычаев — а тут было именно такое нарушение — поставило бы под угрозу всю социальную и экономическую жизнь в колониях. С точки зрения патронов, сношения с завербованными были невозможны в такой же мере, как и с амфибиеобразными туземцами. Связь между рабочим и женщиной из касты патронов легко могла бы разбудить старого судью Линча.

Но у Уингейта не хватало духу быть грубым с Аннек. Он увидел немое восхищение в ее глазах: было бы бессердечно оттолкнуть девушку. Кроме того, в манере Аннек не было ничего вызывающего, не было и робости; ее обращение было по-детски наивным и непосредственным. Уингейт вспомнил о своем намерении найти друзей; здесь ему предлагалась дружба, правда, опасная дружба, но она могла бы оказаться полезной для него, для его освобождения. На какой-то момент он почувствовал стыд оттого, что как бы взвешивал, насколько полезен для него этот беззащитный ребенок. Но Уингейт подавил это чувство, говоря себе, что ведь он не причинит ей зла. Во всяком случае, не надо забывать старой поговорки о мстительности разгневанной женщины!

— Да, возможно, и я потерял их,— сказал он. Затем добавил: «Это — мои любимые сигареты».

— Разве?— воскликнула она со счастливой улыбкой.— Тогда возьмите их, пожалуйста!

— Спасибо. А вы не выкурите со мной одну? Хотя нет, это, наверно, не годится: ваш отец будет недоволен, что вы здесь задерживаетесь.

— О, он сидит за своими расчетами. Я посмотрела, прежде чем выйти,— ответила Аннек и, казалось, не заметила, что сама раскрыла свой маленький обман.— Но вы курите, я... я вообще не курю.

— Может быть, вы предпочитаете пенковую трубку, как ваш отец?

Она смеялась дольше, чем того заслуживала его плоская острота. Они продолжали пустую болтовню: урожай созревает хорошо, погода как будто прохладнее, чем на прошлой неделе, нет ничего приятнее, как подышать немного свежим воздухом после ужина.

— А вы когда-нибудь гуляете после ужина?— спросила Аннек.

Уингейт не сказал, что за долгий день на болоте он слишком устает, а только подтвердил, что гуляет.

— Я тоже,— выпалила Аннек.— Очень часто... возле водонапорной башни.

Уингейт посмотрел на нее.

— Разве? Я это запомню.— Сигнал к перекличке дал ему желанный повод распрощаться. «Еще три минуты,— подумал он,— и мне пришлось бы назначить ей свидание».

На следующий день Уингейта снова послали на болото: горячка с очисткой луковиц в сарае уже прошла. «Крокодил» с трудом продвигался вперед, высаживая на каждом участке одного или нескольких рабочих. На борту оставалось четверо — Уингейт, Сэтчел, механик Джимми и надсмотрщик. Снова остановились, и из воды с трех сторон показались плоские светлоглазые головы амфибиеобразных туземцев.

— Вот, Сэтчел,— сказал надсмотрщик,— это — твой участок. Полезай за борт!

Сэтчел оглянулся вокруг.

— А где мой ялик?— Колонисты пользовались маленькими плоскодонными яликами из дюралюминия,

чтобы собирать в них урожай. Но на борту «крокодила» не осталось ни одного ялика.

— Он тебе не понадобится. Ты будешь очищать это поле для посева.

— Это-то ладно. Все же я никого тут не вижу и не вижу поблизости твердой почвы.

Ялики служили для двух целей: если человек работал отдельно от других людей с Земли и на некотором расстоянии от надежной сухой почвы, ялик становился для него спасательной лодкой, если «крокодил», который должен был его забрать, выходил из строя или если по какой-либо причине приходилось сесть или лечь, будучи на посту. Старожилы рассказывали мрачные истории о людях, которые простаивали по колено в воде в течение двадцати четырех, сорока восьми, семидесяти двух часов, а затем тонули, лишившись рассудка только от усталости.

— Сухое место есть вон там! — Надсмотрщик указал рукой в направлении группы деревьев на расстоянии, может быть, четверти мили.

— Возможно, это и так,— ответил Сэтчел спокойно.— Посмотрим.— Он взглянул на Джимми, который повернулся к надсмотрщику в ожидании приказаний.

— Проклятье! Не спорь со мной! Перелезай за борт!

— Нет,— сказал Сэтчел.— Не раньше, чем я увижу что-нибудь получше, чем два фута ила, где мне придется сидеть на корточках!

Маленький водяной народец с живым интересом следил за спором. Одни лопотали и сюсюкали на своем языке, а те, кто немного понимал речь колонистов, по-видимому, объясняли своим собратьям, что происходит. Это еще больше обозлило и без того взбешенного надсмотрщика.

— В последний раз говорю, выходи!

— Так вот,— сказал Сэтчел, поудобнее размещая свое большое тело на полу судна.— Я рад, что мы покончили с этим вопросом.

Уингейт стал позади надсмотрщика, и это, вероятно, спасло Сэтчела Хартли по меньшей мере от пролома черепа. Уингейт схватил надсмотрщика за руку, когда тот замахнулся; одновременно на него бросился

и Хартли; все трое сцепились и несколько секунд боролись на дне «крокодила».

Хартли сидел на груди у надсмотрщика, в то время как Уингейт вырывал кистень из сжатых пальцев его правой руки.

— Счастье, что вы увидели, как он выхватил кистень, Хэмп,— проговорил Сэтчел.— А то мне сейчас уже не понадобился бы аспирин!

— Да, и я так думаю,— ответил Уингейт и отшвырнул оружие далеко в болото. За ним немедленно нырнули туземцы.— Мне кажется, теперь ты можешь его отпустить.

Надсмотрщик, быстро вскочив на ноги, ничего не сказал и повернулся к механику, спокойно остававшемуся все время на своем месте у руля.— Почему ты, черт тебя подери, не помог мне?

— Я полагал, что вы сами сможете постоять за себя, хозяин,— ответил Джимми уклончиво.

Уингейт и Хартли были оставлены работать помощниками тех, кто был высажен на другие участки. Надсмотрщик не обращал на них внимания и отдал только короткий приказ высадить их. Но когда они, вернувшись в барак, умывались перед ужином, им велели явиться в Большой дом.

Их ввели в кабинет патрона, и они увидели, что надсмотрщик уже там. Он самодовольно ухмылялся, в то время как выражение лица Ван-Хайзена было самое мрачное.

— Что я слышу о вас обоих?— налетел он на Уингейта и Хартли.— Отказываетесь работать, набрасываетесь на десятника — видит бог, я покажу вам, где раки зимуют!

— Позвольте, патрон Ван-Хайзен,— начал Уингейт тихо, почувствовав себя вдруг в привычной атмосфере судебного разбирательства.— Никто не отказывается от исполнения своих обязанностей. Хартли только протестовал против того, что его заставляли выполнять опасную работу, не обеспечив разумных мер безопасности. Что же касается драки, то это десятник напал на нас; мы действовали с целью самозащиты и остановились, как только обезоружили его.

Надсмотрщик наклонился к Ван-Хайзену и шепнул ему что-то на ухо. Патрон казался еще более рассер-

женным, чем раньше.— Вы вели себя так на виду у туземцев, у туземцев! Вам известен закон колоний? Я мог бы послать вас за это на рудники!

— Нет,— возразил Уингейт,— это десятник вел себя так в присутствии туземцев. Наша роль была пассивной. Мы лишь оборонялись.

— Вы называете нападение на десятника пассивной ролью? Ну так вот, слушайте меня. Ваше дело — работать. Дело десятника — указывать вам, где и как работать. Он не такой болван, чтобы пускать на ветер деньги, которые я в вас вложил. Только он один может судить о том, опасна ли работа, а не вы!

Надсмотрщик снова шепнул ему что-то на ухо. Ван-Хайзен покачал головой. Десятник настаивал, но патрон прервал его нетерпеливым жестом и снова повернулся к обоим рабочим.

— Вы не получите сегодня ни ужина, ни риры. Завтра увидим, как будете себя вести.

— Но, патрон Ван-Хайз...

— Все. Идите в свой барак.

Когда огни были погашены и Уингейт прополз на свою койку, он обнаружил, что кто-то спрятал в ней еду. Он с благодарностью съел все, спрашивая себя, кто бы это мог сделать. Он был сыт, но при отсутствии риры этого было недостаточно, чтобы уснуть. Уставившись в гнетущую тьму барака, он обдумывал свое положение. Оно и до этого было почти невыносимо, теперь же мстительный и всесильный надсмотрщик превратит его жизнь в сущий ад. Уингейт уже достаточно видел и слышал, чтобы знать, что этот ад очень скоро наступит. Прошло, должно быть, около часа, когда он вдруг почувствовал, как чья-то рука толкнула его в бок.

— Хэмп, Хэмп,— услышал он шепот,— выходи наружу. Есть дело! — Это был Джимми.

Уингейт осторожно пробрался между рядами коек и выскользнул в дверь следом за Джимми. Сэтчел уже был на дворе, и рядом с ним виднелась четвертая фигура.

Это была Аннек Ван-Хайзен. Как она сумела пройти на запертый участок барака для холостяков? Глаза ее припухли, словно от слез.

Джимми заговорил полушепотом:

— Девушка сказала, что мне завтра прикажут отвезти вас обоих обратно в Адонис.

— Зачем?

— Она не знает. Но полагает, что вас хотят продать на Юг. Вообще говоря, это не очень правдоподобно, старик еще никогда никого не продавал на Юг, но ведь никто прежде и не бросался на его надсмотрщиков. В общем, не знаю.

Они потеряли несколько минут на бесплодную дискуссию. Затем, после гнетущего молчания, Уингейт спросил Джимми:

— Ты не знаешь, где они хранят ключи от «крокодила»?

— Нет. Почему вы...

— Я могла бы достать их для вас,— предложила Аннек.

— Но вы не умеете управлять «крокодилом»,— сказал Джимми.

— Я несколько раз наблюдал, как ты это делаешь.

— Ну, положим, вы справитесь с этим,— продолжал возражать Джимми.— Положим, что вам удастся бежать на этом судне. Вы погибнете, проплыв лишь десять миль. Если вас даже не поймают, то вы умрете от голода.

Уингейт пожал плечами.

— Я не собираюсь позволить продать себя на Юг.

— Я тоже,— добавил Хартли.

— Погодите минуту.

— Что ж, я не вижу...

— Погодите минуту,— раздраженно повторил Джимми.— Разве вы не видите, что я думаю.

Некоторое время все молчали. Наконец Джимми сказал:

— Хорошо, дитя мое. Вы лучше отойдите немного в сторону и дайте нам поговорить. Чем меньше вы будете знать об этом, тем лучше для вас.

У Аннек был обиженный вид, но она послушно отошла. Трое мужчин коротко посовещались. Потом Уингейт сделал Аннек знак присоединиться к ним.

— Большое спасибо за все, что вы сделали для нас, Аннек,— сказал он.— Мы придумали выход из положения.— Он сделал паузу, затем смущенно добавил: «Ну что ж, спокойной ночи!»

Она подняла на него глаза.

Уингейт не знал, что ему делать. Он проводил ее за угол барака и снова пожелал спокойной ночи. Когда он вернулся, его лицо было все таким же смущенным. Все трое вошли в барак.

Патрон Ван-Хайзен тоже никак не мог уснуть. Для него всегда было мучительно наказывать своих людей. Черт возьми, почему они не могут быть хорошими парнями и оставить его в покое! Правда, в эти дни у него было не очень-то много покоя. На сбор урожая он затрачивал больше, чем мог выручить в Адонисе, во всяком случае, после уплаты процентов. В этот вечер он занялся своими счетами, чтобы как-нибудь отделаться от охватившего его неприятного чувства. Но ему трудно было сосредоточиться на цифрах. Этот Уингейт... Он купил его для того, чтобы он не достался проклятому Ригсби, а не затем, чтобы иметь еще одного рабочего. Он уже и так вложил в рабочих слишком много денег, хотя десятник все время жаловался, что не хватает рабочей силы. Теперь придется либо продать несколько человек, либо просить банк снова продлить закладную.

Рабочие больше не окупают затрат на их содержание. Это уже не тот сорт людей, которые прибывали на Венеру, когда он был молод.

Он снова склонился над своими книгами. Если рыночные цены снова немного поднимутся, банк за несколько более высокий процент, чем в прошлом сезоне, охотно учтет его векселя. Может быть, тогда все обойдется...

Его размышления были прерваны приходом дочери. Он всегда рад был видеть Аннек, но на этот раз то, что она хотела ему сказать и что наконец выпалила, лишь окончательно взбесило его. Занятая своими собственными думами, Аннек даже не заметила, что причинила отцу почти физическую боль.

Но тем самым вопрос разрешился, поскольку это касалось Уингейта. Он отделался от этого смутьяна. С резкостью, с какой он никогда не обращался с Аннек, Ван-Хайзен велел ей идти спать.

Разумеется, все это только его собственная ошибка, сказал он себе, ложась в постель. Ферма на Венере не место для воспитания молодой девушки, лишившейся

матери. Его Аннекхен — теперь уже почти взрослая женщина, как может она найти мужа здесь, в этой глуши? Что она будет делать, когда он умрет? Она ведь не знает, что после него ничего не останется, ничего, даже на обратный билет до Земли. Нет, она не будет женой рабочего! Нет, пока останется хоть капля крови в его старом, усталом теле.

Что ж, Уингейту придется уехать и тому, кого они называют Сэтчелом, тоже. Но он не продаст их на Юг. Нет, нет, он никогда не поступал так ни с одним из своих людей. Он с отвращением подумал об огромных, напоминающих фабрики плантациях в нескольких милях к югу от полюса, где температура всегда на двадцать — тридцать градусов выше, чем на его болотах, и смертность среди рабочих составляет нормальную статью в калькуляции стоимости урожая. Нет, он отвезет их и продаст на вербовочной станции. Кто их там купит — уже не его дело. Но он не продаст их прямо на Юг.

Ему пришла на ум новая мысль. Он стал что-то вычислять и решил, что ему, быть может, удастся за контракты этих двух не выдохшихся еще рабочих получить достаточно денег, чтобы купить для Аннек билет на Землю. Он был уверен, что его сестра примет Аннек, вернее, почти уверен, хотя она поссорилась с ним из-за его женитьбы на матери Аннек. Время от времени он мог бы посылать дочери немного денег. И, может быть, она сумеет там стать секретаршей или получит еще какую-нибудь превосходную профессию, как другие девушки на Земле.

Но как тоскливо будет на ферме без Аннекхен!

Он был так погружен в свои тяжелые думы, что не услышал, как его дочь выскользнула из своей комнаты и вышла во двор.

На следующее утро, собираясь на работу, Уингейт и Хартли притворились удивленными, когда их оставили в бараке. Джимми было приказано явиться в Большой дом; они увидели его несколькими минутами позже — он выкатывал из сарая «Ремингтон». Джимми захватил их с собой, затем подкатил назад к Большому дому и стал ждать патрона. Вскоре вышел Ван-Хайзен

и, не сказав никому ни слова и ни на кого не взглянув, влез в свою кабину.

«Крокодил» взял направление на Адонис, тяжело и шумно двигаясь со скоростью десять миль в час. Уингейт и Сэтчел беседовали вполголоса и с любопытством чего-то ждали. После томительно долгого ожидания Джимми вдруг остановил «крокодил». Ван-Хайзен поднял окошко кабины.

— Что случилось? — спросил он. — Машина испортилась?

Джимми ответил ему с усмешкой:

— Нет, я сам остановил ее.

— Зачем?

— Выйдите, тогда узнаете.

— Я так и сделаю, черт возьми! — Окошко захлопнулось; Ван-Хайзен стал протискиваться своим жирным телом в узкие двери кабины.

— Это что за дурацкие штуки?

— Лучше вылезайте и идите пешком, патрон. Вашему путешествию — конец.

Ван-Хайзен, казалось, лишился дара речи, но выражение его лица было достаточно красноречиво.

— Я говорю серьезно, — продолжал Джимми. — Это — конец путешествия для вас. Я всю дорогу держался твердой почвы, чтобы вы могли вернуться назад пешком. Идите по следу, который я проложил. Вы сможете проделать этот путь за три-четыре часа, хоть вы и такой жирный.

Патрон перевел глаза с Джимми на других. Уингейт и Сэтчел наступали на него, их глаза были недружелюбны.

— Лучше ступайте, папаша, — сказал Сэтчел мягко, — пока вас не выкинули головой вперед.

Ван-Хайзен прижался спиной к перилам машины, схватившись за них руками.

— Я не покину моего собственного судна, — прохрипел он.

Сэтчел поплевал на ладонь, затем стал потирать руки.

— Ладно, Хэмп, он хотел этого...

— Постой минутку. — Уингейт обратился к Ван-Хайзену. — Послушайте, патрон Ван-Хайзен, мы не хотим обойтись с вами грубо, если не будем к этому вы-

нуждены. Но нас трое, и мы полны решимости. Лучше вылезайте без скандала.

С лица старика градом лил пот и, очевидно, не только от удушающей жары. Его грудь бурно поднималась, казалось, он готов к сопротивлению. Вдруг внутри у него будто что-то погасло. Все его тело обмякло, выражение лица, до этого вызывающее, стало настолько пришибленным, что на него было неприятно смотреть.

Не говоря больше ни слова, Ван-Хайзен перелез через борт, ступив прямо в грязь, которая была ему по щиколотку. Он долго стоял там, сутулый, с согнутыми коленями...

Когда они были уже далеко от места, где бросили своего хозяина, Джимми повернул «крокодил» в другом направлении.

— Дойдет он, как ты думаешь? — спросил Уингейт.

— Кто? Ван-Хайзен? Вероятно... Конечно, дойдет... — Он был теперь всецело поглощен машиной. Она сползла вниз по склону и шлепнулась в судоходный водоем. Через несколько минут болотная трава сменилась открытой водой; Уингейт увидел, что они находятся в широком озере, дальние берега которого терялись в тумане. Джимми взял курс по компасу.

Далекий берег оказался песчаной отмелью, скрывавшей заболоченный рукав. Некоторое время Джимми следовал по рукаву, затем остановил машину и неуверенно произнес:

— Это должно быть где-то здесь.— Он пошарил под брезентом, сложенным в углу пустого трюма, и вытащил широкое плоское весло. Затем подошел к перилам и, высунувшись, сильно ударил веслом по воде.

Шлеп!.. Шлеп, шлеп... Шлеп!..

Он ждал.

Плоская голова амфибиеобразного туземца рассекла воду вблизи берега; он смотрел на Джимми светлыми веселыми глазами.

— Алло! — окликнул его Джимми.

Туземец сказал что-то на своем языке. Джимми отвечал на том же говоре, вытягивая губы, чтобы воспроизвести странные клохчущие звуки. Туземец выслушал, а затем снова нырнул в воду.

Он вернулся — по-видимому, следовало бы сказать,

что она вернулась,— через несколько минут, и с нею еще одна.

— Тигарек?— с вожделением сказала вновь прибывшая.

— Тигарек, когда прибудем на место, голубушка!— Джимми старался выиграть время.— Вот... влезай!— Он протянул руку, туземка приняла ее; не человеческая, но все же странно приятная фигурка грациозно взвилась на борт. Она легко уселась на перила, рядом с механиком. Джимми пустил машину полным ходом.

Как долго вел их маленький лоцман, Уингейт не знал — часы на пульте управления были испорчены,— но его желудок подсказал ему, что это продолжается уже слишком долго. Он порылся в кабине и вытащил оттуда скудный рацион, который поделил с Сэтчелом и Джимми. Предложил немного еды и туземке, но она понюхала ее и отвернула голову.

Вскоре после этого вдруг раздался свистящий звук, и в дясяти ярдах впереди них поднялся столб дыма. Джимми сразу остановил судно.

— Не стреляйте!— крикнул он,— Это мы, ребята!

— Кто вы такие?— раздался невидимый голос.

— Путешественники!

— Вылезайте, чтобы мы могли вас видеть!

— Хорошо.

Туземка толкнула Джимми в бок.

— Тигарек!— заявила она твердо.

— А? Да, конечно.— Он стал отсыпать ей табак, пока она не признала количество достаточным, затем прибавил пачку сигарет. Туземка вытащила из-за левой щеки веревку, завязала свою добычу и скользнула за борт. Они увидели, как она поплыла, подняв пакет высоко над водой.

— Живей, покажитесь!— торопили их из зарослей.

— Мы идем!— Они вылезли в воду, которая была им по пояс, и пошли вперед, держа руки над головой. Отряд в составе четырех человек вышел из укрытия и осмотрел их, держа оружие наготове. Старший разведчик обыскал карманы их рабочих штанов и послал одного из солдат осмотреть «крокодил».

— У вас строгая охрана,— заметил Уингейт.

Старший разведчик взглянул на него.

— И да и нет,— сказал он.— Этот маленький народец сообщил нам, что вы плывете. Они стоят всех сторожевых псов на свете!

Они снова отправились в путь. Теперь машиной управлял один из разведчиков. Их конвоиры не были недружелюбны, но и не желали разговаривать.

— Подождите, пока вас примет Начальник,— отвечали они на вопросы.

Местом их назначения оказалась широкая полоса довольно высоко расположенной равнины. Уингейт был поражен, когда увидел множество строений и массу народа.

— Как же они могут сохранить такое место в тайне?— спросил он Джимми.

— Если бы штат Техас был покрыт вечным туманом, а жителей было бы столько, сколько в Уокегана или в Иллинойсе, вы тоже могли бы там многое скрыть!

— Но разве все это не обозначено на карте?

— На карте Венеры? Не будьте наивным.

На основании нескольких слов, которыми он раньше обменялся с Джимми, Уингейт ожидал увидеть лагерь беглых рабочих, которые скрываются в зарослях и находят случайное пропитание в окружающих болотах.Но он обнаружил здесь культуру и энергичную администрацию. Правда, это была примитивная поселенческая культура и несложное административное устройство, с малым числом законов и неписаной конституцией, но зато тут действовала система правил общежития. Нарушители подвергались наказанию, не более несправедливому, чем на Земле.

Хэмпфри Уингейта поразило, что беглые рабы — пена, выброшенная с Земли человеческим прибоем,— были способны создать общество. Его предков удивляло, когда ссыльные уголовники с Ботани Бэй развили высокую цивилизацию в Австралии. Уингейта феномен Ботани Бэй, конечно, не удивлял: это принадлежало истории, а история никогда не вызывает удивления, если она уже свершилась.

Успех этой колонии стал понятнее Уингейту, когда он больше узнал о характере Начальника, который был вдобавок и генералиссимусом, и верховным судьей, избираемым всей общиной. В качестве судьи Началь-

ник выносил решения, не скрывая своего отвращения к системе свидетельских показаний и к теории права, что напоминало Уингейту рассказы, слышанные им об апокрифическом старом судье Бине; но общине это, как видно, нравилось.

Чаще всего Начальнику приходилось выносить решения по поводу инцидентов, вызываемых большим недостатком женщин в колонии (мужчин было втрое больше). Уингейту пришлось признать, что тут действительно возникала ситуация, в которой традиционный обычай мог быть только источником бед: он восторгался проницательностью, здравым смыслом и знанием человеческой природы, с какой Начальник разбирался в сильных человеческих страданиях, создавая условия для терпимого сосуществования. Человек, которому удавалось сохранить мир при таких обстоятельствах, не нуждался в юридическом образовании.

Начальник избирался всеобщим голосованием, а его советниками были члены выборного совета. Уингейт был убежден, что Начальник мог бы стать во главе любого общества. Этот человек обладал беспредельной энергией, большой жизненной силой, у него был громогласный смех, смелость и умение выносить решения. Он был «натурализованным» жителем Венеры.

Трем беглецам было предоставлено несколько недель отдыха, чтобы прийти в себя и найти себе занятие, которое было бы полезно для общины и обеспечило бы их самих. Джимми оставался при своей машине, конфискованной для общины. По молчаливому согласию, существовавшему в общине, тот, кто привел машину, имеет право ею управлять. Сэтчел получил назначение на работу в поле и делал почти то же, что у Ван- Хайзена. Он признался Уингейту, что теперь ему приходится трудиться больше, но все же он был доволен, потому что, как он выразился, «здесь как-то свободнее».

Мысль о том, чтобы вернуться к сельскому хозяйству, внушала Уингейту отвращение, хотя для этого у него не было никаких разумных оснований. Однако на этот раз его опыт в области радио сослужил ему хорошую службу. Община имела временную маломощную радиостанцию, которая постоянно использовалась для перехватов, но редко — для передач из опасения, как бы община не была обнаружена. Прежде лагери бег-

лых рабов нередко уничтожались полицией Компании вследствие неосторожного пользования радио. Поэтому в общине осмеливались включать радиопередатчик только в случае крайней необходимости.

Но без радио им обойтись было трудно. Помощь маленького народца давала им возможность поддерживать контакт с другими общинами беглецов, но это была крайне ненадежная связь, и обычно сообщения, кроме самых простых, искажались до неузнаваемости.

Когда обнаруживалось, что у Уингейта были соответствующие технические познания, ему была доверена радиоаппаратура общины. Предыдущий радиотехник пропал без вести в зарослях. Помощником Уингейта был приятный старик по кличке Доктор, который мог слушать сигналы, но ничего не понимал в эксплуатации и ремонте радиоаппаратуры.

Уингейт горячо взялся за исследование устаревшей установки. Проблемы, возникавшие у него из-за нехватки оборудования, и необходимость пустить в ход радиостанцию, доставляли ему такое удовольствие, какого он не испытывал с тех пор, как был мальчишкой.

Он с увлечением пытался сделать радиосвязь, безопасной. Его захватила идея, заимствованная из какого-то описания эпохи первых шагов радио. Его радиоустановка, как и все другие, действовала на основе модуляции частот. Он где-то нашел чертеж передатчика совершенно устаревшего типа. Не имея почти никаких деталей, чтобы продолжать свои опыты, он выработал схему, которая, как ему казалось, должна будет действовать и сможет быть присоединена к имеющемуся у него аппарату.

Он попросил у Начальника разрешения проделать необходимые опыты.

— Почему же нет? — прогремел в ответ Начальник.— Я не имею ни малейшего представления о вещах, о которых вы говорите, голубчик, но если вы считаете, что можно построить радиостанцию, которую Компания не обнаружит, возьмитесь за это. Вам бы не надо и спрашивать меня, это — ваше дело!

Проблема была более сложной, чем Уингейт себе представлял. Он работал над ней, пользуясь неловкой, но беззаветной помощью Доктора. Первые схемы соединений Уингейту не удались; но пять недель спустя,

после сорок третьей попытки, схема уже действовала. Доктор, находившийся в зарослях на расстоянии нескольких миль, сообщил, что ему удалось услышать передачу при помощи маленького специально сконструированного приемника.

Одновременно Уингейт работал над своей книгой. Он не мог бы сказать, зачем он ее пишет. Пожалуй, ее можно было назвать политическим памфлетом против колониальной системы. Но здесь ему некого было убеждать в правильности своих тезисов; не мог он также ожидать, что когда-нибудь предложит книгу вниманию читающей публики. Теперь его родиной была Венера. Он знал, что у него нет никаких шансов вернуться; единственный путь лежал через Адонис, а там его ожидал ордер на арест за все преступления, значащиеся в кодексе,— нарушение контракта, хищение, увод, заговор. Если бы полиция Компании его поймала, она заточила бы его в тюрьму на веки вечные.

Нет, книга возникла не потому, что он надеялся ее опубликовать, но вследствие полуосознанной потребности привести в порядок свои мысли. Он произвел полную переоценку ценностей, которыми прежде жил; для его душевного покоя было необходимо сформулировать новые. Для его педантичного, лишенного особенного воображения ума было естественным желание изложить на бумаге все свои соображения и заключения.

Несколько неуверенный в себе, он показал рукопись Доктору. Он знал, что прозвище этого человека связано с его прежней профессией на Земле. Доктор был профессором экономики и философии в одном из университетов, и он рассказал ему кое-что о том, как он попал на Венеру.

— Маленькая история, в которой была замешана одна из моих студенток,— признался он.— Моя жена заняла неблагожелательную позицию в этом деле, и так же поступило правление университета. Правление давно уже расценивало мои воззрения как слишком радикальные.

— А это так и было?

— О боже, нет! Я был твердокаменным консерватором, но у меня была неудачная манера выражать

консервативные принципы скорее реалистическим, чем аллегорическим языком.

— Сейчас вы, вероятно, радикал?

Доктор слегка поднял бровь.

— Отнюдь нет! Радикал или консерватор — все эти термины существуют для эмоциональных позиций, а не для социологических воззрений.

Доктор взял рукопись, прочитал ее до конца и возвратил Уингейту без всяких замечаний. Но Уингейт настаивал, чтобы он сказал ему свое мнение.

— Ладно, если вы требуете, мой друг...

— Да.

— Я сказал бы, что вы впали в самое распространенное из всех заблуждений относительно социальных и экономических факторов — уверовали в «дьявольскую теорию»!

— Как вы сказали?

— Вы приписываете экономической подлости создание условий, являющихся просто следствием человеческой глупости. В колониальном рабстве нет ничего нового; это — неизбежный результат империалистической экспансии, естественный результат устарелой финансовой системы.

— Я подчеркиваю в моей книге роль, которую играют банки.

— Нет, нет и нет. Вы полагаете, что банкиры — негодяи. Вовсе нет. Так же, как и служащие Компании, или патроны, или правящие классы там, на Земле, не являются негодяями. Людей вынуждает необходимость, и вот они вводят разные усовершенствования, которые оправдывали бы их действия. Это даже не алчность. Рабство экономически невыгодно, непродуктивно, но люди втягиваются в эту систему, как только обстоятельства вынуждают их к этому. Другая финансовая система... но это уже второй вопрос.

— Я все же думаю, что все это коренится в извращенности людей,— сказал Уингейт упрямо.

— Не извращенность, а просто глупость. Я не могу доказать вам, но вы убедитесь сами.

Ввиду успеха «тихого радио» Начальник послал Уингейта в большую поездку по другим лагерям Свободной Федерации, чтобы и им помочь установить но-

вое оборудование и научить, как с ним обращаться. Уингейт провел в поездке месяц, много работал и получил огромное удовлетворение от своей работы; свою поездку он закончил с приятным сознанием, что сделал для свободных людей в борьбе против их врагов больше, чем это могло быть достигнуто в результате кровавого сражения.

Когда он вернулся в свою общину, то нашел там ожидавшего его Сэма Хоустона Джонса.

Уингейт бросился к нему.

— Сэм! — крикнул он. — Сэм! Сэм! — Он схватил его за руку, колотил по спине и осыпал его ласковыми ругательствами, как все сентиментальные люди, когда пытаются таким образом скрыть свои чувства. — Сэм! Ах ты, старый негодяй! Когда ты прибыл сюда? Как тебе удалось бежать? И как это ты, черт тебя побери, сумел проделать весь путь от Южного полюса? Или тебя перевели до того, как ты бежал?

— Здорово, Хэмп, — сказал Сэм. — А теперь спрашивай по порядку и не так быстро!

Но Уингейт продолжал возбужденно тараторить:

— Господи боже мой, как приятно видеть такого урода, старина! Как я рад, что ты приехал сюда, это замечательное место. У нас тут самое предприимчивое маленькое государство во всей Федерации. Оно тебе понравится. Здесь все — замечательные ребята!

— А ты у них кем будешь? — спросил Джонс, разглядывая его. — Президентом местной торговой палаты?

Уингейт взглянул на него, затем рассмеялся.

— Я понял. Но серьезно, тебе здесь понравится. Разумеется, тут все иначе, чем на Земле, но Земля — это дело прошлое. Не лучше ли забыть о том, чего не вернешь, а?

— Погоди минуту, тут явное недоразумение, Хэмп. Послушай, я не бежавший раб. Я здесь для того, чтобы увезти тебя домой.

Уингейт открыл рот, закрыл его, потом снова открыл.

— Но, Сэм, — сказал он, — это невозможно. Ты не знаешь!..

— Думаю, что знаю.

— Но ты ошибаешься. Для меня не может быть

возврата. Если бы я вернулся, мне пришлось бы предстать перед судом, и они, несомненно, воздали бы мне по заслугам. Даже если бы я отдался на милость суда и сумел бы отделаться легким приговором, то прошло бы двадцать лет, прежде чем я был бы свободным человеком. Нет, Сэм, это невозможно. Ты не знаешь всех обвинений, которые мне предъявят.

— Я-то не знаю, а? Это обошлось мне в кругленькую сумму, пока я все распутал.

— Как?

— Я знаю, как ты бежал. Я знаю, что вы похитили «крокодил» и высадили своего патрона, что ты уговорил двух других батраков бежать вместе с тобой. Мне пришлось действовать самой тонкой лестью и дать, уже не буду говорить сколько отступного, чтобы уладить все дело. Господи помилуй, Хэмп, почему ты не совершил что-нибудь более невинное, например, убийство, изнасилование или ограбление почтовой конторы?

— Ну что ж, Сэм, то, что я совершил, я сделал не для того, чтобы причинить тебе хлопоты. Я совсем выкинул тебя из моих расчетов. Я действовал на собственный страх и риск. Мне, право, очень жаль твоих денег...

— Забудь об этом. Деньги не имеют для меня значения. Мне они достаточно опротивели; у меня их много просто потому, что я был осторожен в выборе родителей. Я пошутил, но, видно, это получилось не совсем удачно.

— Ладно, извини.— Смех Уингейта был несколько искусственный. Никто не любит благотворительности.— Но расскажи мне, что случилось. Я все еще пребываю в неизвестности.

— Хорошо.

Джонс был так же поражен и расстроен разлукой со своим другом после высадки в Адонисе, как и Уингейт. Но он знал, что ничего не сможет сделать, пока не получит помощь с Земли. Он много недель работал в качестве рабочего-металлиста на Южном полюсе в беспрестанном ожидании и ломая себе голову, почему сестра не отвечала на его обращения. Он написал ей несколько писем в дополнение к первой радиограмме, так как это был единственный род связи, который он мог

себе теперь позволить. Но дни тянулись за днями, а ответа не было.

Когда он получил, наконец, радиограмму от сестры, все разъяснилось. Сестра не могла сразу получить его радиограмму, потому что она сама находилась не на Земле, а на борту той же самой «Вечерней Звезды», в каюте первого класса, под именем своей горничной. «Это — обычай моей семьи, чтобы избежать публичности,— пояснил Джонс.— Если бы я радировал не ей, а нашим поверенным, или если бы на корабле было известно настоящее имя сестры, мы бы встретились с ней в первый же день».

Радиограмма не была ей передана также и на Венере, потому что к тому времени планета проходила по другую сторону Солнца. Примерно на протяжении шестидесяти земных дней не было связи между Землей и Венерой. Радиограмма оставалась в конторе фирмы до тех пор, пока поверенным не удалось связаться с его сестрой.

Получив радиограмму, она подняла целую бурю. Джонс был освобожден, неустойка по его контракту уплачена, и достаточно крупная сумма денег переведена на его имя на Венеру менее чем за двадцать четыре часа.

— И это все,— закончил Джонс,— за исключением того, что мне придется по возвращении объяснить сестрице, как я попал в эту историю. Уж и задаст она мне трепку!

Джонс нанял ракету на Северный полюс и там сразу же напал на след Уингейта.

— Если бы ты задержался еще хоть на один день, я бы тебя застал. Мы нашли твоего бывшего хозяина примерно в одной миле от ворот его фермы.

— А, старая каналья все же добрался. Я очень рад.

— И слава богу, а то бы я не нашел тебя. Он был страшно изможден, и сердце его бешено колотилось. А ты знаешь, что на Венере бросить человека на произвол судьбы считается уголовным преступлением и с обязательным смертным приговором, если жертва умирает?

Уингейт кивнул.

— Да, я знаю. Правда, я никогда не слышал, чтобы

какой-нибудь патрон был наказан, если находили труп рабочего. Но это — между прочим. Продолжай.

— Ну вот. Он был ужасно обижен. Я его не виню, хотя и тебя не осуждаю. Никто не хочет быть проданным на Юг, а я догадываюсь, что ты ожидал именно этого. Итак, я заплатил ему за твой контракт — погляди на меня, я теперь твой новый владелец! — и за контракты двух твоих друзей. Все же он не был удовлетворен. Мне, наконец, пришлось добавить к этому билет первого класса на Землю для его дочери и пообещать найти ей работу. Полагаю, что наша фирма может себе позволить еще одну служащую. Как бы то ни было, старина, ты теперь свободный человек. Единственный вопрос — разрешит ли нам Начальник уехать отсюда. Это как будто не полагается.

— Да, в том-то и дело. Кстати, я и забыл: как же ты нашел нашу общину?

— Пришлось заняться сыском, но это долго рассказывать. Вот потому-то я так и задержался. Рабы не любят болтать. Во всяком случае, Начальник назначил нам прием на завтра.

Уингейт долго не мог уснуть. После первого взрыва бурной радости он начал размышлять. Действительно ли он хочет вернуться? Вернуться к закону, к специфической терминологии, к действиям в интересах той стороны, которая его нанимает, к бессмысленным светским обязанностям, к пустой, бесплодной, полной всякого вздора жизни богатого, преуспевающего класса, в среде которого он родился и которому служил? Хотел ли он этого, он, который боролся и трудился среди настоящих людей? Ему казалось, что устаревшее маленькое «изобретение» в области радио представляло собой большую ценность, чем все, что он когда-либо делал на Земле.

Затем он вспомнил о своей книге. Может быть, он мог бы добиться ее опубликования? Не исключено, ему удалось бы разоблачить позорную, бесчеловечную систему продажи людей и законное рабство? Сон разом слетел с него. Вот где его ожидало настоящее дело! Он должен вернуться на Землю и защищать права рабочих-эмигрантов. Возможно все же, что судьба предопределяет жизнь человека. Может быть, он как раз тот

избранник, которому удастся это сделать: подходящее социальное положение, большой опыт... Он может заставить себя слушать!

Уингейт заснул, и ему снился прохладный, сухой ветерок, ясное голубое небо, лунный свет...

Сэтчел и Джимми решили остаться на Венере, хотя Джонс мог бы договориться с Начальником и об их отъезде. «Да ведь дело в том,— сказал Сэтчел,— что нас там, на Земле, ничего не ожидает, не то мы просто не уехали бы оттуда. И, кроме того, нельзя же вам взять на себя содержание еще двух безбилетных пассажиров! Да здесь вовсе не так уж плохо. Когда-нибудь тут будет замечательно. Мы останемся здесь и будем расти вместе с общиной!»

Они повезли Джонса и Уингейта в Адонис. В этом теперь не было опасности, ибо Джонс официально стал их владельцем. «Крокодил» возвратился из Адониса в общину, нагруженный различными товарами, которые, как настоял Джонс, должны были считаться их выкупом. В сущности, разрешение, данное Начальником, никогда не рисковавшим тайнами своих доверителей, было получено именно потому, что его привлекла возможность послать надежного и не вызывающего подозрения властей агента за запасами, в которых община сильно нуждалась. Начальник отнюдь не был заинтересован в планах Уингейта начать борьбу за отмену работорговли.

Прощание с Сэтчелом и Джимми оказалось для Уингейта более тяжелым и грустным, чем он мог ожидать.

В первые дни недели по возвращении на Землю Уингейт и Джонс были слишком заняты, чтобы часто встречаться. За время обратного путешествия Уингейт обработал свою рукопись и теперь проводил целые дни, знакомясь с приемными издателей. Только один из них проявил к нему больший интерес, чем того требовало формальное письмо с отказом.

— Мне очень жаль, мой друг,— сказал ему этот издатель.— Я охотно опубликовал бы вашу книгу, несмотря на ее спорный характер, если бы она имела хоть малейший шанс на успех. Но, откровенно говоря, она не

имеет никаких литературных достоинств. Я охотнее прочитал бы краткое резюме.

— Я вас понимаю,— ответил Уингейт сердито.— Крупная издательская фирма не может себе позволить печатать то, что вызовет раздражение у сильных мира сего.

Издатель вынул сигару изо рта и взглянул на молодого человека, прежде чем ответить.

— Я, очевидно, должен был бы обидеться, но я не обижаюсь. Все это — широко распространенное недоразумение. Сильные мира сего, как вы их называете, не прибегают к насилию в нашей стране. Мы издаем то, что публика будет покупать, для этого мы и занимаемся изданием книг. Я предложил бы вам, если вы меня послушаетесь, один способ привлечь к вашей книге внимание читающей публики. Вам нужен соавтор, человек, владеющий искусством писать книги, он сделает вашу книгу интересной.

Как раз в тот день, когда Уингейту вернули от его тайного соавтора переработанную рукопись, его посетил Джонс.

— Сэм,— обратился к нему Уингейт.— Погляди, что эти грязные пачкуны сделали с моей книгой! Слушай: «...Я снова услышал свист бича надсмотрщика. Хилое тело моего товарища покачнулось от удара. Он закашлялся и медленно соскользнул в воду, доходившую ему до пояса; цепи на ногах потянули его вниз». Честное слово, Сэм, ты когда-нибудь слышал подобный вздор? И взгляни на новое название книги: «Я был рабом на Венере!» Это звучит как признание в суде.

Джонс молча кивнул.

— Послушай-ка это,— продолжал Уингейт.— Рабыни, «битком набитые в тесном помещении, как скот в загоне, с обнаженными телами, блестевшими от пота, отпрянули от...» — о черт, я не могу читать дальше!

— Да ведь на них ничего и не было надето, кроме рабочих штанов!

— Да, но это не имеет никакого отношения к делу. Костюм работниц Венеры — это необходимость в тех климатических условиях. Нет оснований ухмыляться по этому поводу. Этот человек превратил мою книгу в идиотскую эротическую писанину, и у него хватает

наглости защищать свой текст! Он утверждает, что полемическую брошюру на социальную тему надо писать сочным языком.

— Ну что ж, он, может быть, и прав в некотором отношении. В «Путешествиях Гулливера» имеется несколько колоритных эпизодов, а сцены бичевания в «Хижине дяди Тома» — отнюдь не подходящее чтение для детей, не говоря уже о «Гроздьях гнева».

— Будь я проклят, если прибегну к такого рода дешевой сенсации. Я борюсь за честное дело, которое каждый может понять.

— Так ли это? — Джонс вынул трубку изо рта.— Интересно, сколько пройдет времени, пока у тебя откроются глаза. Что представляет собой твое дело? В нем нет ничего нового; то же самое происходило на Старом Юге, а затем в Калифорнии, в Мексике, в Австралии, в Южной Африке. Почему? Потому что в условиях свободного предпринимательства, когда денежная система не может удовлетворить его нужды, использование капитала метрополии для развития колоний неизбежно приводит к снижению жизненного уровня в стране и к рабскому труду в колониях. Богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Любая добрая воля так называемых правящих классов не изменит этого положения, потому что основная проблема требует научного анализа и математического ума. Ты полагаешь, что сможешь объяснить эти проблемы широкой публике?

— Я могу попытаться.

— А чего я достиг, когда пытался разъяснить это тебе, до того, как ты своими глазами увидел последствия? А ты ведь — малый не дурак. Нет, Хэмп, эти вещи слишком трудно объяснить людям; они слишком абстрактны, чтобы заинтересовать кого бы то ни было. Ты ведь на днях выступал в женском клубе?

— Да.

— И что же, ты имел успех?

— Да, вот... Председательница позвонила мне заранее и попросила ограничить мое выступление дясятью минутами, так как должна прибыть президентша и у них будет мало времени в запасе.

— Хм... Ты видишь теперь, с чем конкурируют твои великие социальные откровения! Но это не беда.

Десяти минут вполне достаточно, чтобы объяснить эту проблему человеку, если он способен ее понять. Ты кого-нибудь убедил?

— Да... Я не уверен.

— Ты меня не убеждай, что не уверен! Может быть, они тебе и хлопали, но сколько человек подошли к тебе после выступления и выразили желание подписать чеки? Нет, Хэмп, благоразумные рассуждения никуда не приведут тебя в этом развращенном мире. Для того чтобы заставить себя слушать, ты должет быть демагогом или политическим проповедником, вроде этого типа — Нехемии Скэддера. Мы весело и с треском несемся на всех парах в преисподнюю, и это не прекратится, пока все не провалится ко всем чертям!

— Но... О черт, что же мы можем сделать?

— Ничего. Все должно стать гораздо хуже, прежде чем стать немного лучше. Давай выпьем!

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ 3
Перевод И. Почиталина

ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ... 237
Перевод Ю. Михайловского

СПАСАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 374
Перевод И. Почиталина

ИСПЫТАНИЕ ВЫСОТОЙ 397
Перевод И. Почиталина

ЛИНИЯ ЖИЗНИ 417
Перевод И. Гуровой

ЛОГИКА ИМПЕРИИ 439
Перевод М. Ермашовой

Литературно-художественное
издание

Роберт Хайнлайн

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Редактор Е. А. Девис
Художник Ю. Л. Максимов
Технический редактор Л. П. Чуркина
Корректор Г. В. Матвеева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.07.92. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Объем 7,75 бум. л. Усл.-печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 27,20. Усл. кр.-отт. 26,04. Тираж 200 000 экз. Заказ 1226. Цена договорная.

ТПО «Кириллица»

103654. к-51 Москва, Цветной бульвар, 30

Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220041, Минск, пр-кт Ф. Скорины, 79.

